

Россия **между** **вчера и завтра**

КНИГА ПЕРВАЯ
ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ

2003

Клуб “2015”
Институт национального проекта
“Общественный договор”

Группа “Сценарии для России—2”

Россия между вчера и завтра

КНИГА ПЕРВАЯ
ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ

Общая редакция
В. Преображенского и Д. Драгунского

Москва 2003

УДК 323 (470)313
ББК 66.3 (2РОС) 0
С12

Россия между вчера и завтра

Книга первая. Экспертные разработки. 2003 г. — 448 с.: ил.
Под общей редакцией В. В. Преображенского
и Д. В. Драгунского

В 1999 г. под эгидой Клуба “2015” был осуществлен проект “Сценарии для России”. По результатам работы большой группы экспертов были созданы три сценария развития России до 2015 г., опубликованные в книге “Сценарии для России”, М., “Алмаз-пресс”, 1999. 2-е изд. — 2000 г. Перемены, происшедшие в жизни страны, обусловили необходимость продолжить сценарные разработки в рамках проекта “Сценарии для России — 2”, на этот раз под эгидой Клуба “2015” и Института национального проекта “Общественный договор”.

Предварительным итогом работы стала данная книга, которая содержит экспертные разработки, созданные политологами, социологами, историками, экономистами, философами, географами. Суммирующий текст, в котором будет представлено обобщенное видение сценарных альтернатив развития России до 2015 г., выйдет в свет позже.

© ИНП “Общественный договор”
© Клуб 2015
© ИИФ “СПРОС” КонфОП
© Драгунский Д. В.,
Преображенский В. В. — общая
редакция

ISBN —5-89921-0012-5

Предисловие

Ожидания — 2002. Пределы осуществимости

“Утренний туман тает. Солнце сияет над океаном. В воде резвятся морские львы. Пеликаны лениво плещутся в набегающих волнах. Птицы пьют нектар из чашечек цветов. Ты идешь по пустынному пляжу, по нежному песку. Хрусталь океана чист. Морские анемоны. Бирюзовая вода. Полное погружение. Экстаз”.

Это, с позволения сказать, стихотворение в прозе помещено в углу одной знаменитой фотографии — настолько знаменитой, что она вошла в сборник “Шедевры искусства XX века” (Phaidon Press, London, 1996).

Однако на снимке изображен отнюдь не тихоокеанский рай, а городская окраина — очень приличная и благополучная. Здесь живет самый усредненный *middle*, он же *working class*. Ядро нации, опора демократии, основа свободного рынка. Аккуратные двухэтажные домики. Газоны. Правда, посередине улицы — опоры высоковольтной линии, но это уж куда денешься. Зато все чисто выметено. Женщина с коляской — кажется, беременная. Вдали старичок с пластиковым пакетом. Больше никого — потому что все остальные на работе, в школе, в детском саду или на кладбище. Аккуратность, размеренность, скука. Даже собака — и та переходит улицу в положенном месте.

И надпись в небесах: “Сегодня — это завтра, которое вам обещали вчера”.

Автор — английский художник Виктор Бергин со всей прямотой концептуализма семидесятых годов проблематизировал соотношение ожиданий и осуществлений — центральный момент любых планов и сценариев.

Ни будущего, ни прошлого в реальности нет. Нет такого места, где здесь и сейчас продолжают свое существование прошлые события или уже воплощены планы на будущее. В реальности есть точка между вчера и завтра. Зыбкое пространство настоящего, где будущее на наших глазах становится прошлым. Тот, кто пишет сценарии будущего, вынужден все время перебирать ногами, как человек, взбирающийся вверх по эскалатору, идущему вниз.

Однако — снова обратимся к фотографии Бергина — здесь важна не только философия времени, но и этический смысл происходящего. Вчерашнее лучезарное “завтра” превращается в прозаичное “сегодня”. И это в лучшем случае, поскольку случаются более серьезные подмены. В середине тридцатых годов советский народ узнал, что сказка, оказывается, стала былью и социализм уже построен. Жить стало лучше, жить стало веселее. Потом стало еще веселее — обещанный к 1980 г. коммунизм заменили Олимпиадой. Последнее по времени происшествие на поле больших национальных сценариев — это обещание превратить всех россиян в собственников путем ваучерной приватизации. Однако жизнь продолжается, и мы, надо думать, еще не раз увидим, как ожидания превращаются в разочарования.

Все правильно написанные сценарии сбываются.

Не сбывается ни один сценарий, как бы правильно он ни был написан.

Эти два противоположных и равно истинных тезиса прекрасно иллюстрирует опыт проекта “Сценарии для России”, осуществленного в 1999 г. под эгидой “Клуба 2015” и под руководством Владимира Преображенского. Была собрана большая группа экспертов — свыше 100 человек, своего рода репрезентативная выборка российской интеллектуальной элиты (с упором на ее экономическую и гуманитарную части). В результате многочисленных конференций, семинаров, “круглых столов” и “мозговых штурмов” были созданы три сценария развития России до 2015 г.: “Мега-Сербия” (негативно-катастрофический), “Сказка о потерянном времени” (посредственно-застойный) и “Ренессанс” (позитивно-динамичный). Результаты этой работы были опубликованы в книге “Сценарии для России”, М., “Алмаз-пресс”, 1999. 2-е расширенное издание — 2000 г. Примечательно, что книга разошлась тиражом 100 тыс. экземпляров, для наших дней это явление весьма редкое: кроме эффективной системы распространения, сказался огромный интерес к теме.

Автору этих строк посчастливилось написать беллетризованную версию позитивного сценария, где были скрупулезно перечислены все степени, через которые надлежало пройти России на пути к полному процветанию в 2015 г. Негативный сценарий в художественной форме воплощал Александр Кабаков, а сценарий “ни то, ни се” — Александр Гельман.

Сейчас становится ясно, что сценарий на самом деле был один. В нынешней реальности описанный Кабаковым криминально-террористический беспредел соседствует с диктатурой телевидения по Гельману, что не мешает принятию прогрессивных экономических законов и братанию с Западом, о чем писал ваш покорный слуга.

Сбылись и более конкретные прогнозы: создание федеральных округов, реформа Совета Федерации, драматизм калининградской проблемы, сложности в российско-белорусских отношениях.

Сбылось многое — но никто не предугадал появления Путина. Мы были убеждены, что после бурных ельцинских лет в стране настанет новый застой, коррупция и nepотизм примут титанические размеры, и только потом, в противовес этому, возникнет новая социальная динамика и появится новый лидер. Кстати, активные действия по интеграции с Западом мы относили на 2005 г.

Однако реальное развитие политических событий 2000 — 2001 гг. обогнало данную сюжетную линию сценария, написанного в 1999 г. Но это лишь усложнило ситуацию, сделало ее весьма противоречивой и чреватой неожиданными развилками — хотя бы потому, что остальные сюжетные линии развиваются своим, весьма неторопливым чередом. Институциональное развитие российского общества явно не поспевает за политическими декларациями элиты. Несформированная российская идентичность явно не в силах переварить и усвоить “новое западничество” Кремля. Эта ситуация, в свою очередь, порождает разброд в элите и определенную непоследовательность высшего политического руководства. Лидировать в гонке — это прекрасно, но если отрыв от основной группы слишком велик, лидер превращается в одинокого бегуна. Высокая популярность личности президента девальвируется слабой поддержкой его конкретных действий. Подобное противоречие может стать причиной достаточно серьезных перемен.

В этих обстоятельствах проблемы модернизации страны и ее интеграции в мировые экономические структуры и системы безопасности стали еще более актуальными — поскольку ситуация постоянно создает развилки с тупиковыми альтернативами “мобилизационного” или “изоляционистского” типа.

Следовательно, актуальным стало написание сценария, отвечающего новой реальности.

Но что такое “правильно написанный сценарий”? По-моему, это не означает следование неким формальным критериям, а также не предусматривает добросовестных и прилежных попыток объять необъятное. Правильно написанный сценарий должен уловить тенденции общественного настроения — этого главного актора социальных и политических перемен.

Волны ожиданий и разочарований формируют ментальную материю, из которой вылепливаются сценарии развития страны. Энтузиазм 60-х ушел в классический застой конца 70-х. Разочарование конвертировалось в коррумпированный снизу доверху режим. Но возникли ожидания вечной стабильности режима. Они также не исполнились. Разочарование вылилось в энтузиазм перестройки.

Интересно, что в новом энтузиазме (в новых социальных ожиданиях) всегда оживает “позитив” позапрошлого цикла. Так, в застойных ожиданиях был силен вполне сталинский мотив вневременности, вечности и сталинских методов социального упорядочения — неожиданно символизировавшийся в фигуре Андропова, которая в иных обстоятельствах была бы воспринята с недоумением. В перестроечном энтузиазме возродился романтический социализм шестидесятничества. В нынешних социальных ожиданиях опять сильна нота порядка — но не квазисталинская, как в застое, а собственно застойная или псевдореформаторская.

Какие же разочарования нас постигнут приблизительно через десять лет?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что, помимо циклических трансформаций социальных ценностей, в России существуют две сильные постоянные доминанты: справедливость (понимаемая как социальная) и державная мощь.

Оба момента эксплуатируются элитами и контрэлитами, а также являются важными составными частями публичной идентичности.

Социальное разочарование имеет весьма сложную структуру. С одной стороны, все живут очень плохо — уровень жизни падает, цены растут, инфляция взбухает, зарплаты задерживаются, а на пороге — повышение цен на коммунальные услуги. Все это активно обсуждается в СМИ и в повседневных разговорах граждан. На этом фоне нарастает ретроспективное недовольство 90-ми годами, почти всеобщее чувство обманутости и обворованности, покинутости государством — и соответственно некий “андропологи́зм” общественного сознания. Одним словом, гроздя гнева. Но эти гроздя зреют на уровне “мы все, весь народ”. На уровне “я и моя семья” дело обстоит несколько иначе, если не сказать — наоборот. Все как-то выживают, а многие живут вполне прилично.

Возникло и укрепилось двойственное самоопределение, двойственная идентичность как продукт взаимного недоверия гражданина и государства. Я — как униженный гражданин ограбленной страны (сфера публичного), и я — как верткий парень, который своего не упустит и чужое прихватит (сфера частного).

В такой психологической атмосфере коррупция будет процветать и далее. Тут возникает вопрос об адекватной институциональной структуре общества как в экономической, так и в собственно социетальной проекции. Пока этот вопрос остается открытым.

Однако главной ценностью, которую события последних десятилетий поставили под вопрос, является именно идентичность — самоощущение собственной целостности и непрерывности и принадлежности к чему-то целостному и непрерывному, к большому, сильному и хорошему.

Поэтому главное ожидание — обретение идентичности. Возможно даже, что речь идет о более глубокой потребности — об обретении аутен-

тичности как подлинности и позитивности своего существования. Возможно, что именно от отсутствия ощущения подлинности, понимаемой как нескопированность, в России возникли сильные антизападные настроения.

Итак, исполнятся ли эти ожидания — то есть обретение идентичности, наполненной справедливостью и державностью?

Разумеется, нет.

Начнем со справедливости. Предстоит реформа ЖКХ, реформа образования, здравоохранения и социальной сферы, включая пенсионную. Это будет осложнено ростом региональных различий, что вызовет некоторую интенсификацию миграции из неблагоприятных районов, а также из сопредельных стран СНГ. Это также будет осложнено негативным переломом на графике постарения населения — примерно к 2007 г.

Ясно, что тут не может быть и речи о справедливости в классических советских образцах. Скорее, наоборот. Предстоит формирование социальной стратификации, основанной на личных достижениях каждого отдельного человека. Вот здесь, в этом моменте, самая драматичная точка складывания новой идентичности. Если она сложится и будет легитимизирована общественным сознанием, — это будет сильным подспорьем для развития страны. Если же нет, то тогда стратификация станет не позитивным институтом (дистрибуция человеческого ресурса), а негативным — сильным социальным и политическим раздражителем. Это будет мешать развитию национальной экономики и адекватности политического класса.

Что касается державности, то России предстоит найти свое место в международном разделении труда и в мировых структурах безопасности. Мне кажется, успех этого тесно связан с вышеназванной проблемой. Чем скорее российское общество примет достижительные принципы, тем легче будет для России международное сотрудничество во всех областях. Но в любом случае сверхдержавой Россия не станет. Ей придется еще побороться за статус регионально-ответственной силы.

Очень важно коснуться еще одной — на этот раз чисто эмоциональной, но очень значимой — составляющей народного представления о справедливости.

“Почему вы голосовали за Путина?” — “Потому что он обещал бороться с коррупцией”. Здесь все ответы на все вопросы. А также некоторый прогноз будущего.

Собственно говоря, Путин ничего такого не обещал. Он осуждал коррупцию и призывал ее искоренить всеми законными методами, что нормально для лидера любой страны. Но громогласных популистских заявлений по этому поводу он не делал. Народ сам приписал ему свои жела-

ния. Потому что народ под борьбой с коррупцией понимает нечто другое, чем профессиональный юрист, которым является наш президент. Народ, не будем закрывать на это глаза, хочет показательных процессов. Народ также хочет накрутить хвост Америке, а чтобы все остальное в этой жизни было недорого, быстро и справедливо.

Но президент вряд ли будет играть в усложненную идентичность — еще более усложненную и еще менее эффективную, чем мы имеем сейчас. То есть вести две внешние политики (для мира и для страны), три экономики (для внешнего мира, для продвинутых социальных классов и регионов, для отсталых классов и регионов), несколько социальных политик и одновременно продвигать около пяти идеологий — для либерально-западного среднего класса, для консервативно-почвеннического среднего класса, для “просто богатых”, “просто бедных” и “всего российского народа”.

Важно понимать, что эгалитарно-имперские чаяния широких постсоветских масс вряд ли исполнятся. Цикл ожиданий перейдет в фазу истощенности и разочарования примерно к десятому году. То, что сейчас ясно большинству экспертов — а именно, что “не накормят” и “не возродят мощь”, да плюс к тому “никого не повесят”, — станет ясно всему народу, четко будет ощущаться на уровне национального бессознательного.

Вот тогда — по отмеченному выше “правилу позапрошлого цикла” — возникнет новый запрос на свободу, на либеральность в достаточно широком смысле слова. И тут будет необходима некая новая институциональность, которая сможет соответствовать этому запросу.

Об этой институциональности нужно задумываться уже сейчас.

Все это побудило нас продолжить сценарные разработки, сформировав проект “Сценарии для России — 2”, на этот раз под эгидой Клуба “2015” и Института национального проекта “Общественный договор”. Руководство проектом и координацию работы экспертов, которая продолжалась в течение всего 2002 г., снова взял на себя Владимир Преображенский.

Предварительным итогом нашей работы стала предлагаемая книга, которая содержит экспертные разработки, созданные участниками группы. Суммирующий текст, в котором будет представлено наше видение сценарных альтернатив развития России до 2015 г., выйдет в свет позже.

А реализован будет только тот сценарий, который мы сами сможем воплотить в жизнь.

*Денис Драгунский,
научный руководитель
ИНП “Общественный договор”*

СТРАНА

РОССИЯ-2015: СУДЬБА КОНСТИТУЦИОННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

Михаил Краснов, Георгий Сатаров,
Михаил Федотов (Фонд ИНДЕМ)

Конституционные изменения, прогнозируемые во временном горизонте до 2015 г., могут выполнять две политические функции: закреплять ранее осуществленные политические изменения, либо задавать правовые рамки модели желаемого будущего. В обоих случаях конституционные изменения жестко “привязаны” к политическим сценариям.

1. Экспозиция

В работе рассмотрены три возможные состояния России на момент 2015 г.

“Вялая Россия” (сценарий тихого инерционного угасания):

- консолидация элит вокруг идеи самосохранения, при этом в жертву приносится задача модернизации;
- установление и укоренение жестких правил, направленных на сохранение действующих;
- ригидность системы, порожденная концентрацией на решении одной задачи — самосохранения.

“Мрачная Россия” (сценарий установления диктатуры в централизованном государстве):

- раскол элит и подавление одной элитной группой остальных;
- игра с правилами в силу монополизации правовой системы частью элиты и использования ее в своих интересах;

© Краснов М. А., Сатаров Г. А., Федотов М. А., 2003

- ригидность системы, в силу того, что победившая элитная группа сосредотачивается на решении единственной задачи — сохранение и усиление своей власти.

“**Smart Russia**” (сценарий демократического развития):

- консенсус элит вокруг правил согласования интересов и урегулирования конфликтов;
- игра по правилам, устанавливаемая в соответствии с общепринятыми процедурами;
- адаптивность системы, обусловленная наличием политической конкуренции.

Помимо этого, для полноты, рассмотрен сценарий распада России.

Для целей сценарного прогнозирования, протягивающего временную шкалу от настоящего момента до 2015 г., принципиально важно изначально ответить на два вопроса. **Первый:** каково состояние объекта в исходной точке исследования? **Второй:** каким оно может быть в конечной точке?

После развала СССР Россия оказалась в компании ряда стран — от Киргизии и Узбекистана до Хорватии и Венгрии — пытающихся разными способами решить задачу модернизации.

Таким образом, Россия принадлежит к так называемым транзитным странам (countries in transition), для которых характерен переход: в политике — от тоталитаризма к демократии, в экономике — от жесткого распределения к рынку. Специфическим свойством транзитных стран является состояние нестабильности. Отсюда следует важность осознания того, в какой фазе переходного периода находится сейчас Россия.

2015 г. — это тот рубеж, которым заканчивается срок активной жизни одного поколения (около 30 лет), отсчитывая с того момента, который можно считать началом транзита.

Завершит ли Россия к 2015 г. переходный период (и если да, то каким образом), либо, напротив, прервет процесс трансформации? Веер возможных ответов достаточно широк.

Нужны индикаторы, по которым можно будет судить о завершенности переходного периода. В качестве примера возьмем страны ЦВЕ, в которых переходный период в основном уже завершился. Здесь наблюдаются явления, которые могут служить для нас индикаторами:

1) мирные переходы верховной власти от правящей элиты к оппозиции (победа социалиста Квасьневского на президентских выборах в Польше);

2) восстановление правовых установлений, действовавших в досоциалистический период, воссоединение прерванной преемственности правового порядка;

3) завершение процессов стратификации общества по западноевропейскому образцу с доминирующим положением среднего класса;

4) открытость границ для передвижения людей, идей, товаров, услуг и капиталов (расширение Шенгенского пространства за счет стран ЦВЕ);

5) вступление в военно-политические союзы антитоталитарной направленности (прием ряда стран ЦВЕ в НАТО);

6) интеграция в западноевропейские экономические союзы (Европейский Союз);

7) синхронизация социально-экономических процессов в переходных странах с сопредельными странами — членами Евросоюза и НАТО.

Судя по перечисленным индикаторам, Россия находится в некоторой точке незавершенного транзита. Каковы же ее возможные состояния на момент прогноза — 2015 г. Тут уместно рассмотреть следующие логические возможности, образующие сценарную сетку, которую мы будем использовать ниже:

1. “Тихое угасание” (“Вялая Россия”). Это типичный инерционный сценарий, отражающий поражение модернизации и приводящий страну в тупик, но относительно комфортный, в котором можно существовать некоторое время без серьезных потрясений.

2. “Диктатура в централизованном государстве” (“Мрачная Россия”). Этот сценарий может соответствовать либо поражению модернизации, либо временному этапу, когда диктатура используется элитой как инструмент модернизации.

3. “Демократическое развитие” (“Smart Russia”). Этот сценарий мы рассматриваем как успех европоцентристской модернизации в силу соответствия результата заявленным целям.

4. “Распад страны на отдельные государства” (“Распавшаяся Россия”). Этот вариант рассматривается как возможный выход из неустойчивого состояния, которым является транзит. Поскольку при этом сценарии исчезает исследуемый предмет, то его конституционное обеспечение не рассматривается.

К каждому из перечисленных состояний могут вести разные траектории, в том числе пересекающиеся и на отдельных отрезках совпадающие.

Подробное описание указанных сценариев приведено в статье «Россия-2015: судьба коррупции и судьба страны»¹.

2. Тропы истории: линии противоречий

В социально-политической жизни нестабильных стран скачки траекторий развития, осуществляемые из точек неустойчивости (бифуркаций), вызванные какими-либо встрясками, определяются напряжениями из-за постоянно существующих противоречий, и способов их разрешения. Рассмотрим следующие противоречия.

1. Противоречие между адаптивностью и порядком. Оно является ключевым для процесса транзита, так как разрушение прежней системы было вызвано именно ее ригидностью. Поэтому задача модернизации состоит в переходе от ригидного, неэффективного порядка к адаптивному. (В экономике такой порядок называется конкуренцией, а в политике — правовым демократическим государством.) Но переход сложной системы от одного порядка к другому сопряжен с увеличением беспорядка, что и порождает указанное противоречие.

2. Противоречие между социальными ожиданиями и потребностями модернизации. Наша модернизация является запоздалой, не продуманной (импровизационной), что порождает большие издержки транзита, а следовательно — психологическую усталость людей, потребность в благоприятной социальной среде. Удовлетворение подобных потребностей отвлекает ресурсы от модернизации, которая идет медленно, не сокращает отрыв от лидеров цивилизационного развития, а потому порождает противоречие.

3. Противоречие между инстинктом самосохранения власти и необходимостью модернизации. Принимая решение о быстрой и эффективной модернизации, власть вынуждена прибегать к мерам, которые могут ударить по жизненному уровню граждан, задеть элитные интересы и тем самым сделать положение власти более неустойчивым. Инстинкт самосохранения заставляет власть избегать резких шагов и угождать всем.

¹ См. с. 154 настоящего сборника.

4. Противоречие между федеральной и региональными элитами является специфическим для нашей страны. Оно порождено своеобразием российской федерализации. Федеральная власть, страшая беспорядка, стремится ввести старый командный порядок, пытаясь сделать его инструментом модернизации.

Некоторые из этих противоречий порождают оппозиции. В первую очередь, мы рассмотрим ось “адаптивность — ригидность” в силу ее важности для процесса модернизации. Второй рассмотрим оппозицию “игра по правилам — игра с правилами”. Первый полюс предусматривает наличие поддерживаемых подавляющим большинством общества правил игры, будь то демократические правила или правила тоталитарной системы. На другом полюсе — правила, устанавливаемые в пользу части элиты в условиях конфликта.

На рис.1² мы разместили наши сценарии на плоскости, порождаемой двумя перечисленными оппозициями. К названным выше сценариям добавлено для сравнения и понимания динамики два, уже ставших историческим фактом: “Ельцинская Россия” и “Путинская Россия”.

Введем еще одну оппозицию, связанную с состоянием элит и доминирующей стратегии разрешения любых конфликтов и проблем: “Консолидация-конфликт”. В первом случае стратегия состоит в поиске объединения вокруг доминирующего интереса. Во втором — в подавлении группы с иными интересами.

Интересно, что оба рисунка показывают высокую корреляцию между двумя характеристиками сценариев: “порядок — хаос” и “консолидация — конфликт”. Единственное исключение — реализованный сценарий “Путинская Россия”. На первом рисунке он в центре. На втором смещается вверх, приближаясь к развилке между двумя сценариями — “Вялая Россия” и “Smart Russia”.

Однако эта связь не должна вводить в заблуждение. Ось Y на рис.2 указывает на уровень консолидации, а не на ее природу. Понятно, что в трех сценариях — “Вялая Россия”, “Путинская Россия” и “Smart Russia” природа консолидации различна. В первом случае это консолидация бюрократии вокруг общей “кормушки”. Во втором — консолидация элит относительно усталости от революции и вокруг идеи усиления государства. В третьем речь идет о консенсусе политических элит относительно правил урегулирования противоречий и конфликтов.

² Работа проиллюстрирована рисунками, заимствованными в сети Интернет по адресу: <http://cards.yandex.ru/>

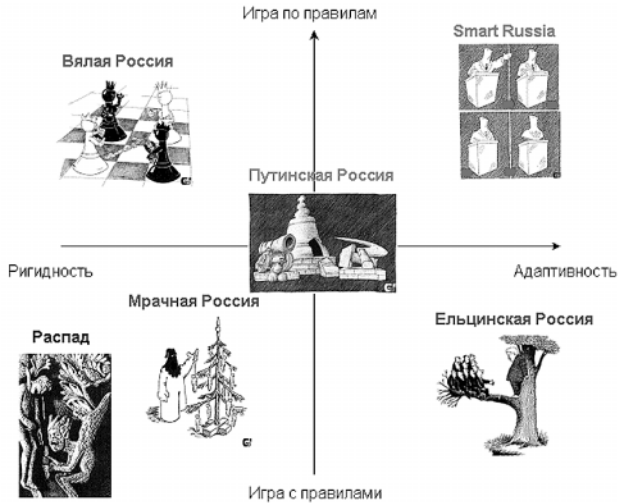

Рис.1.

Свершившиеся и возможные сценарии на плоскости двух осей:
 X – адаптивность против ригидности политической системы;
 Y – игра по правилам (правовым) против игры с правилами.

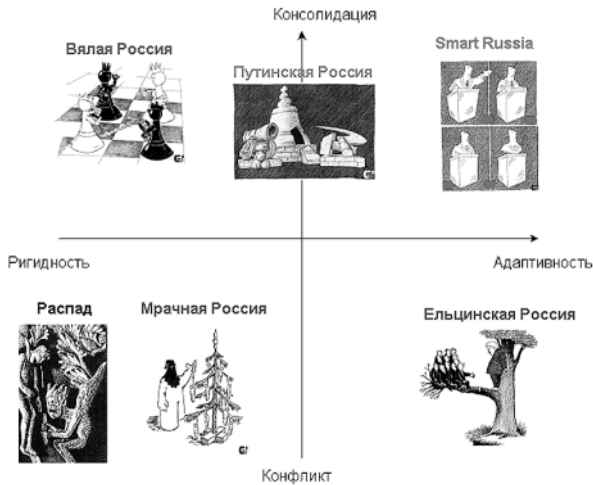

Рис.2.

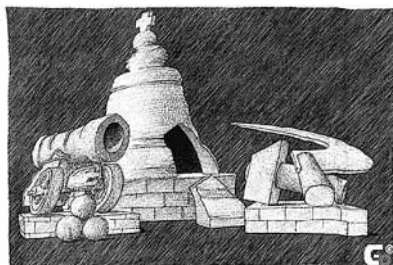
Те же сценарии на плоскости двух осей:
 X – адаптивность против ригидности политической системы;
 Y – консолидация элит против конфликта элит.

Тем не менее, эти рисунки дают наглядное представление о различиях между сценариями и позволяют проследить политическую динамику. Кроме того, мы теперь можем дать короткую характеристику каждому из рассмотренных сценариев:

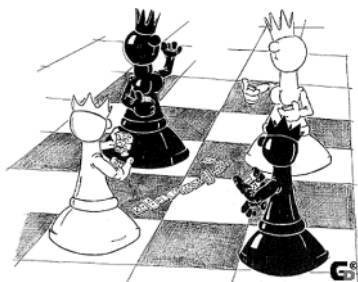
Ельцинская Россия

- игра с правилами, порожденная смешением старой и новой правовых систем и противостоянием элит;
- адаптивность, порожденная правовым хаосом, слабостью власти и действием стихийных механизмов приспособления;
- раскол и ожесточенное противостояние элит.

- наличие импульсов на формирование игры по правилам и сохранение игры с правилами;
- уменьшение адаптивности за счет ограничения оппозиции и введения элементов командной системы управления;
- постреволюционная консолидация элит.

Путинская Россия

Вялая Россия

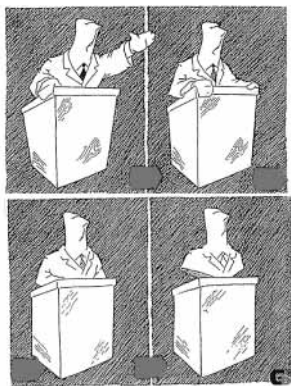
- консолидация элит вокруг реализации инстинкта коллективного самосохранения;
- установление и укоренение жестких правил, направленных на сохранение действующих элит;
- ригидность системы, порожденная концентрацией на решении одной задачи — самосохранения.

Распавшаяся Россия

Мрачная Россия

Smart Russia

- раскол и ожесточенное противостояние элит по вертикали и отсутствие консолидации по горизонтали;
- отсутствие адаптивности системы из-за распада единых механизмов управления и в силу стремления частей системы самостоятельно решать проблемы;
- игра с правилами, переходящая в правовой хаос, в силу распада единой системы права.

- раскол элит и подавление одной элитной группой остальных;
- игра с правилами в силу монополизации правовой системы частью элиты и использования ее в своих интересах;
- ригидность системы в силу того, что победившая элитная группа сосредотачивается на решении единственной задачи — сохранение и усиление своей власти.

- консенсус элит вокруг правил согласования интересов и урегулирования конфликтов;
- игра по правилам, устанавливаемая в соответствии с общепринятыми процедурами;
- адаптивность системы, обусловленная наличием политической конкуренции.

3. Конституция “Вялой России”

Развитие по данному сценарию предполагает не столько отсутствие всяких изменений в экономической и политической сферах (включая конституционные), сколько наличие таких изменений, которые могут демонстрировать активность власти, но не предполагать крупные результаты, а тем более сразу приводить к ним.

Например, создание семи федеральных округов, хотя и вызвало поначалу живой отклик в политических элитах и в обществе, не может быть отнесено к изменениям прорывного характера (если, конечно, не будут предприняты дальнейшие шаги по превращению округов в полноценный этаж власти).

Таким образом, данный сценарий вполне может включать в себя активную деятельность, реформы. Но масштаб и содержание реформ могут служить критерием для понимания, по какому сценарию идет развитие. Например, если говорить о нынешнем этапе судебной реформы, то он не имеет столь же прорывного характера, какой имел старт судебной реформы в 1992 г., вскоре, впрочем, остановившейся. То же относится и к реформе Совета Федерации, и к образованию Госсовета РФ, и к административной реформе. О последней можно судить по структурной перестройке правительства (вместо реформирования — консервация архаичных моделей).

Разумеется, сценарий не требует внесения поправок в Конституцию РФ, но и не препятствует этому. В частности, договоренность президента с региональными элитами может быть формализована в поправках, увеличивающих срок президентских полномочий с четырех до, скажем, семи лет или снимающих ограничение в виде двух сроков подряд пребывания в должности.

Обнаружиться такой сценарий может скоро — в ближайшие два-три года. Дополнительным *критерием* может быть наличие и характер инициативы Кремля по принятию федерального конституционного закона о Конституционном собрании. Проблемы с голосованием этого предложения Президента в нынешних Госдуме и Совете Федерации не предвидятся.

Менее вероятны (но вероятны) в рамках данного сценария следующие три варианта конституционных поправок, направленных на сохранение status quo на основе консенсуса элит.

Вариант первый: установление опосредованных выборов Президента РФ либо одной из палат Федерального Собрания (здесь, правда, тоже возможны варианты), либо специально создаваемым для этой цели (ad hoc) собранием выборщиков (что более вероятно в си-

лу широких возможностей для политического маневра). Формально появится один из важных признаков парламентской республики. Но все будет зависеть от объема полномочий, которые останутся за президентом. Прецедент у нас есть в лице М. Горбачева, который был избран Президентом СССР Съездом народных депутатов СССР, но с весьма широкими полномочиями.

Вариант второй: ликвидация права президента распускать Государственную Думу и одновременно ликвидация возможности президентского импичмента. Этот вариант особенно ярко покажет стремление элит к консервации существующего баланса сил под лозунгом большей стабильности. Здесь также невероятна возможность резкого ограничения полномочий Президента. Да и суть консенсуса будет состоять не в этом, а в устранении факторов, нервирующих как депутатов, так и самого президента.

Вариант третий: соединение первых двух вариантов. Ему соответствует также сохранение (либо косметические изменения) действующей системы формирования бюджетов разных уровней и распределения бюджетных ресурсов. Нечеткость разделения функций, полномочий и собственности между разными “этажами власти” вызывает публичные нападки, но такая система выгодна федеральной и региональным элитам, поскольку позволяет:

- концентрировать бюджетные средства для социальных выплат перед выборами, обеспечивая благоприятный электро-ральный фон;
- осуществлять спекулятивный маневр, перекладывая ответственность с центра на регионы и наоборот;
- делать управляемыми региональных руководителей со стороны федеральных структур;
- консервировать непрозрачность трансфертов, прикрывающую финансовые злоупотребления.

Тем самым будет сохраняться и усугубляться порочный круг. Федеральной власти выгоден институт трансфертов как инструмент управления, заменяющий право. Региональной власти трансферты дают возможность получать голоса пассивного большинства через социальные выплаты и стабилизировать свою неэффективную (с точки зрения задач модернизации) власть. Стабильность власти разлагает ее: создаются “княжества”; федеральная власть начинает с ними бороться, не отменяя причин, их порождающих.

4. Конституция “Мрачной России”

Диктатура обычно устанавливается в период безвластия (слабой власти), хаоса, когда режим демонстрирует беспомощность в решении острых текущих проблем. В таких условиях действие конституции приостанавливается, либо она вообще отменяется.

Однако в наших условиях — при неустойчивой политической системе, отсутствии сплоченных политических организаций и солидарных групп общества, ясно осознающих свои интересы, — возможен вариант, при котором если и не диктатура, то авторитарный режим может быть установлен “ползучим” путем. Поначалу он внешне выглядит вполне правовым.

К такому пути можно отнести внесение в Конституцию РФ изменений, инициаторы которых могут и не желать наступления последствий в виде диктатуры, но эти изменения объективно к ним ведут. Какие конституционные изменения могут считаться провоцирующими авторитаризм?

Первое. Конституционная ликвидация федерализма

Это может быть произведено в форме:

а) откровенного отказа от конституционной характеристики России как федеративного государства;

б) внесения таких изменений в Конституцию РФ, которые формально не отменяют федеративный характер страны, но де-факто приведут к отказу от него. К последним относятся:

- укрупнение субъектов федерации, в том числе образование субъектов, совпадающих с нынешними границами федеральных округов (возможно, чуть больше семи);
- существенное ограничение самостоятельности субъектов Федерации (например, за счет сужения круга предметов совместного ведения и расширения круга предметов исключительного ведения РФ);
- установление широких полномочий федеральных органов исполнительной власти по предметам совместного ведения в отношении региональных органов исполнительной власти (сегодня о таких полномочиях Конституция РФ умалчивает) или объявление последних нижестоящими органами исполнительной власти (такой подход уже применен в Республике Татарстан, где в июле 2001 г. указом М. Шаймиева отделы и управления районных и городских администраций стали

нижестоящими органами республиканских министерств и ведомств);

- образование иерархической вертикали законодательных (представительных) органов. Такая модель существовала при советской власти (иерархия Советов) и ныне конституционно закреплена опять же в Республике Татарстан;
- ликвидация местного самоуправления (например, под предлогом неэффективности этой системы, что, правда, будет поддержано руководителями субъектов Федерации);
- установление оснований для введения федерального правления в том или ином регионе (например, в отношении дотационных или там, где “систематически нарушается федеральное законодательство”);
- введение института “банкротства субъекта Федерации” (для этого легко найти экономические основания, учитывая, что многие субъекты Федерации осуществляют внешние заимствования);
- фактическая ликвидация бюджетного федерализма, например, путем введения “вышестоящих” и “нижестоящих” бюджетов, которые должны будут утверждаться вышестоящей инстанцией. Менее откровенный вариант: резкое сужение доходной базы региональных бюджетов и усиление перераспределительной роли федеральной власти.

Второе. Наделение президента явно несбалансированными полномочиями

Это означает использование казахстанской или белорусской моделей государственного устройства (кстати, спусковым крючком может быть конституционное оформление Союза России и Белоруссии, поскольку в этом случае все равно потребуется внесение изменений в Конституцию РФ).

Третье. Изменение статуса Президента РФ

Речь идет здесь уже не столько о полномочиях, сколько об изменении места президента в государственном организме. Может быть применена “американская модель” президентской республики, по которой президент является главой исполнительной власти. Но такой, в принципе, нормальный шаг может быть при-

менен без обязательного в этом случае другого изменения — президент лишается права распускать палаты парламента. И тогда президент становится лицом, наделенным Конституцией вполне диктаторскими полномочиями. Парламент перестает быть противовесом и превращается в законодательного оформителя воли главы исполнительной власти (даже при наличии института импичмента).

5. Конституция “Smart Russia”

Развитие России по такому сценарию является предпочтительным. Здесь “демократия” рассматривается не как ценностное, а как функциональное понятие. Именно демократия — такой политический режим, который обеспечивает оптимальное сочетание *стабильности и адаптивности*. При нем общество и властные институты могут своевременно “улавливать сигналы внешней среды” о кардинальных изменениях и осуществлять эволюционную модернизацию.

Именно отсутствие демократии в России объясняет описанный выше порочный цикл авторитарных догоняющих модернизаций с последующим резким откатом. “Дистанция отрыва” от лидеров раз от разу возрастает, и, наконец, станет непреодолимой. Этот момент, если он наступит, и будет концом истории России.

Однако продолжим рассмотрение сценария “Smart Russia”. В этом варианте (с учетом нынешнего состояния страны) появляется необходимость *преобразований в политической системе общества*, понимаемой как система выработки и принятия государственных решений, а также представительства интересов основных общественных групп. Эти преобразования должны быть подкреплены изменениями в Конституции.

На российской политической сцене действует множество политических организаций с размытыми идеологическими ценностями и целевыми установками. Неизбежно в такой системе появляются неустойчивые “партии власти” (клиенты), то есть фактически группы аппаратной поддержки того или иного крупного должностного лица, но без внятных идейных ориентиров. Свои предпочтения они меняют и оказываются то в одном, то в другом лагере. В результате:

- общество лишено возможности видеть перспективу развития страны даже на обозримый период; происходит, так сказать, “обесмысливание жизни” и вследствие этого мар-

гинализация избирательного корпуса, персонализация политического выбора;

- отсутствует как само понятие “правящая партия”, так и равным образом “оппозиция” в точном смысле этого слова;
- правительство не имеет политической поддержки, опираясь только на поддержку президента, а сам президент становится самостоятельной политической силой, попадая в зависимость как от собственного аппарата (администрации президента), так и от совокупного аппарата исполнительной власти;
- возрастает политическая маргинализация избирателей и политических элит, что делает страну малопредсказуемой.

Аморфность политической системы во многом обусловлена и консервируется *нынешней моделью разделения властей*.

Во-первых, президент, не являясь представителем определенной партии, в то же время определяет основные направления внутренней и внешней политики, назначает и освобождает от должности Председателя правительства, федеральных министров, но не обязан учитывать расстановку политических сил в парламенте страны. Тем самым создаются условия для усиления воздействия несистемных факторов, влияющих на определение политики. Вся конструкция власти пронизывается конфронтационным потенциалом; процветает политическая (парламентская) коррупция.

Во-вторых, эта модель не способствует формированию *ответственного правительства* (перед обществом). Сегодня над партийным принципом организации исполнительной власти довлеет так называемый профессиональный (“принцип команды”). Отсюда – идейно-ценностная неоднородность правительства, кадровая нестабильность государственного аппарата, формирование “кланов” в исполнительной власти и коррупция.

В-третьих, отсутствие у Государственной Думы и Совета Федерации четких контрольных полномочий провоцирует палаты, прежде всего, нижнюю, на поиск иных форм воздействия на исполнительную власть. Но эти формы часто приобретают спекулятивный или даже корыстный характер. Нынешнее спокойствие в отношениях президента и правительства с парламентом не является системным, а потому не может быть долгосрочным.

В принципе, Конституция РФ не препятствует становлению нормальной политической системы. Но нельзя не учитывать, что уже заложены традиции формирования “дворцовой” политической системы. Она может измениться, если изменится соотношение сил между президентом и региональными элитами. Но и “новая” политическая система будет далека от демократической. А потому целесообразно заняться изменением Конституции, причем в том плане, который президент сможет контролировать.

Разумеется, даже небольшие конституционные изменения — это встряска для страны. Поэтому президент, скорее всего, прибережет их для кризисного момента, который неизбежно настанет, поскольку нынешняя стабильность стратегически неустойчива, так как не завершился переходный период.

Каковы же могут быть конституционные поправки? Возможны два сценарных варианта изменения нынешней модели.

Вариант первый

Ликвидация “двойной роли” президента и усиление его роли исключительно как главы государства. Речь лишь об изменении баланса президентских функций и полномочий в сторону укрепления его роли *стабилизатора* всей политической жизни, гаранта прав человека, эффективного обеспечителя согласованного функционирования органов государственной власти.

Это означает, что конституционно должны быть усилены и расширены полномочия президента в области обеспечения национальной безопасности, правового порядка, стабильности в стране, ее целостности. В этом случае:

- президенту предоставляется мощный рычаг обеспечения *законности в регионах*;
- президент приобретает право единолично назначать и освобождать от должности руководителей Генеральной прокуратуры РФ;
- за ним остается право вносить представления премьер-министру о назначении и освобождении тех министров и руководителей других органов, деятельность которых осуществляется в сфере ответственности Президента РФ: МИД, Минобороны, МВД, иных правоохранительных органов, Минюста, спецслужб;
- бывшим президентам предоставляется право пожизненного сенаторства (членства в Совете Федерации).

Одновременно при таком варианте Президент РФ дистанцируется от исполнительной власти, прежде всего, путем сужения его возможностей по формированию правительства РФ. Модель *назначения Председателя правительства РФ* может выглядеть следующим образом.

1. Правительство слагает с себя полномочия не перед вновь избранным Президентом, а перед вновь избранной Государственной Думой.

2. Премьер-министр РФ назначается Президентом РФ по представлению Государственной Думы, которое должно быть поддержано большинством голосов от общего числа депутатов Госдумы.

3. Если Дума в течение определенного срока не представит согласованную большинством кандидатуру, Президент РФ самостоятельно назначает премьер-министра.

4. Дума может через год вновь предложить свою кандидатуру, либо официально поддержать действующего премьер-министра, после чего он будет считаться назначенным по представлению Госдумы.

Исходя из идеи усиления роли президента только как главы государства, из его полномочий *исключаются*: определение основных направлений внутренней и внешней политики, обращение с ежегодными посланиями к Федеральному Собранию; назначение вице-премьеров, министров и руководителей иных федеральных органов исполнительной власти (за исключением тех, чьи сферы подведомственны президенту как главе государства); право председательствовать на заседаниях правительства.

Существенно сужается роль главы государства и в принятии законов: президент вправе подписывать закон лишь при условии подписи Председателя правительства. Коль скоро правительство отвечает за проводимый им социально-экономический курс, оно должно иметь влияние на законотворческую деятельность.

Положительные стороны данного варианта:

- повысится эффективность президентской власти;
- президент обретет более высокую степень политической маневренности;
- усилятся гарантии правового порядка в стране;
- появится возможность для формирования более стабильного и ответственного правительства.

Отрицательные стороны данного варианта:

- образуется новый центр власти (самостоятельное правительство), что в условиях неразвитых демократических традиций может привести к конфронтации;
- не вполне удастся провести водораздел между сферами ответственности президента и правительства (некоторые руководители ведомств, входящих в сферу ответственности президента, являются и членами правительства);
- президент скорее всего не должен быть представителем какой-либо политической партии. Но тогда возникает проблема отбора кандидатов на должность президента.

Вариант второй

Президент официально становится *главой исполнительной власти* (американская модель).

Положительные стороны данного варианта:

- президент получит больше возможностей для проведения реформирования в разных сферах жизни страны;
- более предсказуемой станет политика, намечаемая кандидатами на должность президента;
- исчезнет один из центров принятия политических решений, а, следовательно, опасность внутренних противоречий между администрацией президента и аппаратом правительства (роль администрации президента радикально изменится — она станет офисом президента);
- правительство и в этом случае станет стабильным и ответственным, только ответственность за курс будет открыто брать на себя Президент РФ;
- Государственная Дума перестанет зависеть от угрозы досрочного роспуска, а правительство — от угрозы вотума недоверия;
- более прозрачным станет механизм принятия крупных государственных решений.

Отрицательные стороны данного варианта:

- при нынешней многопартийности усиливается опасность оппозиционности Государственной Думы в целом президенту, возглавляющему исполнительную власть;
- кандидаты на должность президента должны будут, как правило, иметь выраженную партийность (это можно отнести и к положительным факторам);

- в условиях реформирования страны стабильность легислатуры Государственной Думы может стать тормозящим фактором;
- под эту модель придется менять в целом систему сдержек и противовесов, закрепленную действующей Конституцией.

Совет Федерации и Государственная Дума

Совет Федерации превращается в полноценный сенат: сенаторы избираются населением регионов. Помимо представителей субъектов РФ, должны получить право входить в Совет Федерации бывшие президенты, если они не были отрешены от должности, а также бывшие судьи Конституционного Суда РФ. Это должно подчеркнуть и повысить значимость и здоровый консерватизм сената.

Формируемый по-новому сенат будет являться полноценной верхней палатой, поскольку приобретет более значимую роль в законодательном процессе — основном виде деятельности парламента: Дума производит законопроекты, доводит их до высшей степени юридической готовности, но окончательно закон принимается сенатом.

Развитие парламентаризма предусматривает, разумеется, полноценный парламентский контроль. Для этого должен быть введен институт *парламентских расследований* и даже возможность учреждения на время расследования должности *независимого прокурора*. Но этим не исчерпываются возможности парламентского контроля за исполнительной властью. Одним из новых полномочий парламента должно в перспективе стать законодательное *определение структуры* федеральных органов исполнительной власти (необходима конституционная поправка). Сегодня ее утверждает Президент РФ.

Важной частью конституционной реформы станет также изменение баланса *по линии Федерация — субъекты РФ*. Отметим самые значимые возможные изменения.

Первое. Ликвидация понятий “автономная область” и “автономный округ” в качестве субъектов федерации.

Второе. Установление только двух видов субъектов федерации — *республики (автономии) и губернии*.

Третье. Введение порядка упразднения тех или иных субъектов федерации. Тем самым *открывается правовой путь для их укрупнения и естественного изменения состава Федерации*.

Четвертое. По-новому *разграничивается компетенция между Федерацией и ее субъектами*. Закрепляются предметы исключительного ведения Российской Федерации и — впервые — предме-

ты исключительного ведения субъектов федерации. При этом подробно регулируется механизм осуществления совместной компетенции по предметам, которые находятся за пределами исключительного ведения Федерации и ее субъектов.

Соответственно пересматривается и система **финансового обеспечения**. Во-первых, субъекты федерации и муниципальные образования получают достаточную источниковую базу для формирования своих бюджетов. Во-вторых, в бюджетах сокращается доля федеральных трансфертов, субсидий, дотаций. В-третьих, законодательно обрисовываются критерии федеральной помощи (поддержки) регионам. В-четвертых, федеральной задачей становится не “выравнивание уровня жизни населения”, а обеспечение условий для его мобильности. Решение этой задачи способствует более быстрому формированию территориальных политических рынков, здоровой конкуренции между регионами, которые становятся заинтересованными в создании наилучших условий для человеческой самореализации.

Представляется, что данная сценарная разработка может служить основой для политического планирования. Его главная задача — установить, какие сегодняшние действия способны повысить или, напротив, понизить вероятность негативных сценариев, а какие действия могут повысить или, напротив, понизить вероятность осуществления позитивных сценариев. Как уже отмечалось, с точки зрения авторов, позитивными являются те сценарии, которые приводят к состоянию “Smart Russia”, самыми вероятными, к сожалению, оказываются те, что с неизбежностью влекут нас в “Вялую Россию”. Нынешняя действительность дает немало примеров, указывающих на возможность подобного развития событий.

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Будущее российского политического класса

Денис Драгунский

1. Что случилось

Через пять-семь лет завершится смена российской элиты — или, рассматривая проблему несколько шире, смена российского политического класса. Разумеется, мы не говорим об одномоментном мероприятии, которое либо планируется и проводится сверху, либо обусловлено некоей исторической катастрофой.

Поэтому в 2007 г., когда число работающих и пенсионеров может сравняться, в России не произойдет массового синхронного “выбытия” из политического класса одних людей и “включения” в него других. Однако ожидаемое после 2007 г. заметное постарение российского населения отразится и на составе политического класса.

Смена политических, экономических и культурных элит (политического класса) началась во второй половине 80-х годов и продолжается до сих пор. Причем мы наблюдаем не только “горизонтальную” смену элит (замена “семьи” на “питерцев”, “дирижистов” на “либералов”), но и более важную — “вертикальную”, возрастную смену (приход молодых людей на ключевые посты в политике, в экономике, на заметные позиции в науке).

Так же дело обстоит и в искусстве. Даже там, где речь в принципе не может идти о начальствующих позициях, — наиболее популярными фигурами опять же становятся относительно молодые люди.

В начале 50-х годов средний срок, за который молодой специалист с высшим образованием попадал в “номенклатуру” того или иного уровня, составлял 2–3 года. Вакансии заполнялись первыми послевоенными вузовскими выпусками.

В начале 80-х годов этот срок уже составлял 22 года. Таким образом, в 1982 г. усредненную руководящую должность получал усредненный выпускник 1960 г., в среднем сорока пяти лет от роду. Практически все каналы вертикальной мобильности были закупорены, и выпускник начала 80-х мог рассчитывать на сколько-нибудь серьезную позицию только к рубежу столетий. Не исключено, что плохо осознанное, но мощное отчаяние молодых (и не очень молодых, но “застоявшихся”) людей и было психологическим мотивом горбачевской перестройки. Конец 80-х и особенно начало 90-х — эпоха карьер, по крутизне и молниеносности сопоставимая с екатерининским переворотом или с 1917 г. Но с тем отличием, что удачные назначенцы эпохи раннего Ельцина до своего взлета в большинстве своем и не помышляли входить в правительство или владеть отраслью.

Тут важно отметить две вещи. Во-первых, накопление (или присвоение) капитала в экономике, занятие руководящих позиций в политике, менеджменте, завоевание славы в искусстве и просто обеспечение пусть скромного, но недоступного ранее благосостояния — то есть достижение личного успеха — стало массовым явлением. По нашим оценкам, в достижительную парадигму так или иначе было включено более половины населения. Но оговорка “так или иначе” — весьма существенна. Многие были вовлечены в достижительную парадигму под давлением суровой необходимости (вспомним популярный антирыночный слоган: “народ не живет, а выживает!”). От этого включение в достижительность было частичным, как бы неохотным, на уровне навязанного нового шаблона, но не на уровне разделяемых ценностей. Поэтому взлет в начале 90-х “вынужденной достижительности” был чреват откатом, что не замедлило сказаться.

Во-вторых, после радикального сокращения сроков карьеры, с брежневских 22 лет до ельцинских 5 минут, эти сроки снова стали продлеваться. К 98-му году появились признаки “молодежного застоя”. Лакомые места в элите были разобраны и обращались по кругу, в согласии с советско-коммунистическими номенклатурными правилами. В том же году Зюганов заявил, что вместо брежневской “геронтократии” мы получили столь же тугоподвижную и своекорыстную “педократию” (то есть “власть молодежи” — термин русского философа Сергея Булгакова). Так или

иначе, но достижительная мотивация и достижительная институциональность в конце 90-х годов заметно сузилась. Появились не только идеологи, тоскующие по статусно-распределительному обществу, но также социальные слои и целые географические зоны, выключенные из достижительной парадигмы. В настоящий момент из нее практически полностью выключено не менее двух третей населения, налицо сильный регресс.

Со сменой кремлевской власти процесс смены политического класса оживился. Однако только к 2005-2007 гг. можно будет говорить практически о завершении (но не 100 %-ном) вымывания “советского слоя” в среде бюрократов, менеджеров и интеллектуалов.

Но как бы то ни было от одной трети до четырех пятых политического класса будут составлять люди, не жившие при коммунистическом режиме (родившиеся после 1985 г.), либо плохо понимающие его (первая половина 80-х годов рождения), либо те, чей подростковый возраст пришелся на годы масштабной переоценки коммунистического прошлого (конец 80-х – начало 90-х). Это и означает превращение России в другую – позитивно новую – страну.

Но этот процесс отягощен драматичным социальным контекстом. Поэтому мы и задаем вопрос – “что случилось?”

Случилось следующее.

Во-первых, процесс смены политического класса – точнее, радикализация этого процесса – происходит в неблагоприятной обстановке социально-географического расслоения страны. С одной стороны, неоткуда ждать “новых Ломоносовых”. С другой, – в остальных регионах возникает антиреформистская контрэлита.

Во-вторых, страна находится в состоянии разложения советской системы. Распадающиеся институты самовоспроизводятся и воспроизводят советские ценности.

В-третьих, распад советских социальных институтов (здравоохранение, образование) вызвал ухудшение качества населения, особенно молодого. Большинство молодежи не может в близком будущем являться ресурсом для пополнения политического класса.

В-четвертых, страна и общество разделены на две зоны (сферы) – достижительную и статусно-распределительную. Соответственно этому делятся элиты и политический класс, а также ожидания населения.

В-пятых, формирование элиты в большой мере заменяется нейтрализацией (или переманиванием) контрэлиты. Это влияет на ценностные ориентации самой элиты, делает их расплывчатыми и неустойчивыми.

В-шестых, даже внутри либеральной части политического класса намечается некий ценностный раскол. Наметилось противостояние людей, по-разному понимающих принципы либерализма. Для одних он связан исключительно со свободной рыночной экономикой, при некотором пренебрежении демократическими свободами. Для других — важно именно правовое и демократическое содержание либерализма. В попытках преодолеть этот раскол вновь возникает “евразийство”, то есть очередной поиск “самобытного пути”.

В-седьмых, сегодня фиксируется этнизация (рост этнонационального самосознания) всех национальных групп населения, в том числе и русских. Этнизация русских провоцирует игру на поле патриотизма, что оборачиваются “игрой на понижение”. Этнизация может затруднить обновление политического класса, фрагментируя его на этнические группы, поверх уже существующих расколов.

И, наконец, Россия опять оказалась интеллектуально не готова к очередной Большой Перемене. На сей раз отсутствует общероссийская повестка дня — то есть те вопросы, которые и являются для политического класса предметом публичного обсуждения. Говоря словами Василия Розанова, в России отсутствует “общерусский разговор”.

2. Элита и политический класс

Как ни странно, точного и общепринятого определения нет ни у элиты, ни у политического класса.

Важно отметить, что элита — это сравнительно недавнее изобретение (Вильфредо Парето, 1916). Разумеется, во все времена были “верхи” и “низы”, управляющие и управляемые. Управляющие были разделены по сферам деятельности и происхождению. Однако элита в точном смысле слова — дитя XX века. Она возникла не раньше, чем появилась нация-государство. Вместе с тем элита — это плод демократических разочарований в институтах нации-государства. Довольно скоро стало ясно, что “народный суверенитет” и “парламентаризм” — это идеалы, воплотить которые в жизнь либо невозможно, либо просто опасно. Нация востребовала элиту как своего наиболее адекватного представителя.

Новое об элите — например, “аппарат, присваивающий полномочия представлять группу в конкурентной политической и социальной борьбе” (Пьер Бурдьё, 1993) — сводит на нет ценностную составляющую элиты и позволяет рассматривать в качестве таковой любую клику, камарилью, группу влияния и т.д.

Более традиционное представление об элите также имеет неудобства: “люди, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, богатством; обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, имеющие наивысшее чувство ответственности” (Хосе Ортега-и-Гасет). Определение лестное, но почти лишенное инструментальности. Не ясно, каковы способы реализации интеллектуального и морального превосходства.

Итак, элита — это, прежде всего, способ осмысления “верхами” своей социальной позиции, миссии и перспектив. Элита — это самооценка, специфическая самоидентификация “верхов”.

Это ситуация, когда такие разные люди, как политик, предприниматель, литератор, профессор и т.д. осознают свою общность по отношению к задачам, которые стоят перед нацией. Более того, осознание этой общности предполагает право формулировать национальные задачи и национальную повестку дня.

Вместе с тем, элита конституируется обществом. Общество должно признать безупречными те пути, которыми конкретные индивиды завоевывают место в элите (Ларри Зидентоп, 2000). Элита, построенная на безупречных достижениях, есть “меритократия” (заслуженная власть).

Итак, элита существует тогда, когда эта общность верхов институционализована и подтверждена обществом, а национальные задачи сформулированы и приняты если не к исполнению, то к публичному обсуждению. И, подчеркнем, российская элита существует тогда, когда есть “общерусский разговор”.

Разумеется, о тотальной консолидации элиты трудно говорить не только в России, но и в куда более стабильных государствах.

В России существуют партийно-властные противоречия элит, что для нашей страны сравнительно ново. Есть и более укорененное в традиции противоречие между номенклатурным (или нео-номенклатурным) “истеблишментом” и различного рода политическими и культурными диссидентами. Скрещивание первого и второго породило весьма специфическую ситуацию. Отставленный российский политик сдержанно критикует власть, но ожидает, что его позовут обратно; часто он этого дожидается. Возможно, поэтому у нас не складывается классическая европейского типа оппозиция, и не возрождается классическое советское диссидентство.

Есть и более важная специфика. В России есть две большие группы, четко идеологически очерченные и сознающие свою идентичность. Они с трудом совместимы в рамках одной национальной элиты. Это группы, приверженные либо достигательной (либеральной, демократической, реформистской), либо статусно-распределительной (советской, социалистической) парадигме.

Эти группы по-разному видят будущее страны — от микро-экономики до геополитики. При этом речь не идет об элите и контролите в обычном понимании (одна у власти, другая в оппозиции). В России представители этих двух групп присутствуют и в бюрократии, и в менеджменте, и в культуре, и даже в предпринимательстве. Хотя странно видеть приверженцев статусно-распределительной парадигмы в бизнесе, они там есть. Речь идет о покупке (захвате) “статусной ренты” и распоряжении ею.

Здесь интересен симбиоз достижительности и статусности: кто вроде бы карабкался по крутой лестнице личных достижений, на деле стремился к обладанию статусом, привилегиями распределительной системы. Это похоже на советские карьеры.

Ситуация осложняется тем, что в России традиционно существует третья элитарная группа — “неприсоединившиеся”, почти профессиональные диссиденты и критики любых действий власти, оппозиции, элиты и контролиты. Эта группа традиционно и прочно, еще с советских времен, считается истинной элитой, совестью общества, интеллектом нации, “настоящей интеллигенцией”, наконец.

Применительно к России более адекватным будет еще более расплывчатое, чем элита, понятие, а именно “политический класс” — тоже недавнее изобретение (Гаэтано Моска, 1895).

Политический класс — это более широкая и не столь ценностно нагруженная (как элита) самоидентификация “верхов” — уже не в качестве универсальных, в том числе духовных лидеров нации, а, скорее, как национальных управленцев. Разумеется, ценностная составляющая здесь присутствует, она важна как мотив, как регулятор, но для политического класса ценности не самоценны (в отличие от российской “третьей элитарной группы”).

Для политического класса самоценна власть, то есть возможность управлять или влиять на управление. Поэтому политический класс состоит из управленцев и интеллектуалов, тех, кто участвует в производстве политики (решений/идей).

Таким образом, политический класс — это континуум между государственной администрацией, партийным сообществом, влиятельным бизнесом, академическим сообществом, СМИ, деятелями культуры, “третьим сектором” и просто “политически вовлеченными гражданами”. Эти граждане — опора политического класса и составляют, как писал тот же Гаэтано Моска, “средний класс”. Этот “средний класс” (лучше назвать его “по-

литизированным классом”) посредствует между политическим классом и народными массами, “быдлом истории”.

А третий сектор посредствует между политическим и “политизированным” классами. Сейчас роль третьего сектора сильно возросла во всем мире, и особенно в России, он становится главной средой диалогов (обменов), производителем новых идей и испытательным полигоном новых институтов.

У политического класса, помимо задачи управлять, есть еще одна важнейшая задача — адекватно и надежно самовоспроизводиться. Точно такая же задача стоит и перед любой элитой. Самовоспроизводство политического класса — это и есть воспроизводство политики, ее институтов и ценностей.

3. Кому решать, куда идти

Мы уже отметили, что российский политический класс делится на две большие группы: “достижительную” и “статусно-распределительную”.

К сожалению, политическая, экономическая и социальная специфика России это позволяет. Хуже того, тут возникает порочный круг. Чем четче деление России на центр и провинцию, на молодежь больших городов и стариков из поселков городского типа, на работников современных IT-предприятий и тех, кто работает на издыхающих “гигантах социалистической индустрии”, — тем сильнее будет укрепляться противостояние достижительной и распределительной идеологий и соответственно означенных групп политического класса. В свою очередь, их ценностная и особенно институциональная прочность будет фиксировать и укреплять разделение России на два мира — постиндустриальный и индустриально-деревенский.

Для того чтобы выскочить из этого порочного круга, нужна новая ценностная консолидация. Обратимся к интеллектуалам, на которых лежит традиционная задача — производить идеи. Среди неприсоединившихся интеллектуалов есть сторонники и достижительной, и статусно-распределительной парадигмы. Те и другие высоко оцениваются, но практически не востребованы.

Интеллектуалы превратили свою невостребованность в политический ресурс. Они присваивают себе роль арбитров по вопросам, затрагивающим “будущее России”, “международные ориентиры России”, “демократию”, “право”, “мораль” и т.д. Либеральные интеллектуалы настаивают на своей роли арбитров в ди-

алоге Россия-Запад. Интеллектуалы-“патриоты” монополизируют арбитраж на евразийском фронте, и, что особо проигрышно для либералов, на фронте социального неравенства.

В стабильных демократиях есть институты, в которых реально осуществляются обмены идеями. Этой институциональной средой часто становится “третий сектор”. Только в процессе обменов, идущих по всей толще политического класса, может формироваться национальная повестка дня.

В России исторически сложилось так, что “принимать решения” и “производить идеи” — это две разные задачи, которые выполняются в разных социальных секторах.

Таким образом, в России существуют ДВА политических класса (или подкласса), не интегрированных в общую структуру.

“Позиционный” — администраторы, исторический аналог номенклатуры. Они концентрируются вокруг властных институтов и отчасти вокруг верхушки крупного бизнеса.

“Ролевой” — СМИ, интеллектуалы, исторический аналог интеллигенции. Они часто концентрируются вокруг институтов третьего сектора.

Диалог между ними пока затруднен из-за старого недоверия между интеллигенцией и властью. Это усугубляет ценностные разрывы внутри политического класса (сторонники достижения против сторонников распределения). Такой же раскол существует и внутри интеллектуалов. Разное понимание либерализма раскалывает интеллектуалов, которых принято считать приверженцами демократических и рыночных преобразований.

Есть и ментально-ценностные разрывы. Мир, перефразируя Генриха Гейне, раскололся, и трещина прошла через детские и школьные годы нынешних молодых людей. Те, кому сейчас 28-30 лет, ходили до 8-9 класса в советскую школу, и пережили конфликт интерпретаций. Те, кому 20-25 лет, получали уже другое образование и формировались в других условиях. Возник необычно короткий интервал ментального разрыва. Это, безусловно, осложняет ситуацию в российском политическом классе.

Итак, в конечном итоге именно политический класс — каким бы он ни был — принимает решение о будущем страны и выполняет его.

Так как политический класс России разобщен, возникает задача его интеграции. Хотелось бы, чтобы интеграция произошла на основе ценностей и институтов достижительной парадигмы.

Но кто может стать “интегратором”?

4. В отделе кадров

Представим себе, что кандидаты на должность Интегратора политического класса пришли в Главный отдел кадров и рассказывают о себе.

Первый. Да, я профессиональный начальник, да, я бюрократ. Руководитель общего профиля, как безо всякой иронии говорилось еще недавно. Обком, министерство, завод, издательство вплоть до оперного театра или жилконторы. Не сильно образованный, но с большим практическим опытом. Очень предан начальству, но при этом себе на уме. Потихоньку подсиживаю руководство, обеспечивая легкую ротацию руководящих кадров. Понемногу подворовываю, подбирая остатки производственной деятельности, — тем самым уничтожаю кормовую базу воришек со стороны. Так что не надо бороться с вороватым чиновником — разведете обыкновенный криминал. Тут, товарищи, экология. А говорите, что я тупой. Ничего, мы тоже книжки читаем и телевизор смотрим. Дальше. Да, я беру на работу родственников, школьных друзей, бывших сослуживцев — на основе личного доверия. Друг к другу наперекрест детишек пристраиваем. Кумовство, или по-латыни “непотизм”. Но надо хоть кому-то доверять?! Опять же это традиция, причем не русская, а всемирная. Распределенная с юга на север в порядке убывания. В Ростове “непотизма” больше, чем в Вологде, в Азербайджане больше, чем в Ростове. Про Африку я и не говорю, вообще кошмар, по сравнению с Заиром у нас на Кавказе — сплошная протестантская этика. А что, они (*оглядывается на своих конкурентов, которые сидят в очереди*) — они меньше воруют или меньше своих сынков и дочек на работу берут? Вот этот, например, весь из себя в импорте, ролексы-бриони, он столько наворовал, что нашему брату-чиновнику за всю советскую власть не приснилось!

Второй (начальнику отдела кадров). Какой грубый, неинтеллигентный человек... И такие управляли страной! А потом удивляемся, что Союз развалился.

Первый. При чем тут интеллигенция? Она тоже замазана. (*Обернувшись к третьему*) С наших рук кушали, спасибо говорили и еще просили. Детей пристраивали. У них даже специальные слова были — “сыпис”, “допис” и “мудопис”. Муж дочери писателя, это же обалдеть можно. Его тоже без очереди издавали, по звонку от тестя.

Второй. Зато теперь очередей нет. Рынок все отрегулировал.

Третий. Издательств тоже нет.

Первый. Ну, это вы зря! Да у меня в холдинге четыре издательства! А у Алика — что-то около восьми. Не считая журналов.

Третий. Зато печтаете сплошную Маринину.

Второй. Зачем сплошную? Постмодерн тоже гоним. Пожалуйста, если потребитель интересуется. Рынок — это свобода культуры, да?

Первый. Мы этот рынок организовали, и свободную культуру тоже. В России все сделали мы! И в СССР — тоже. И в Российской империи.

Третий. При Ярославе Мудром — тоже вы?

Первый. Мы! Неужели ты или *(показывает на второго)* они? Мы, вроде бы солдафонистые, вроде бы жуликоватые. Мы, педантичные исполнители и одновременно ловкие обходчики закона и приказа — в зависимости от личной выгоды, отношения к начальству, жизненной перспективы и обстоятельств. Кто конкретно освобождал крестьян от крепостной зависимости? Интеллигенты? Революционеры? Нет, чиновники. Кто построил могучую советскую державу? Коммунисты во главе с вождем народов? Нет, чиновники. Кто переделал советскую Россию в демократическую? Диссиденты? Правозащитники? Первые бизнесмены? Дудки! Чиновники, мы то есть.

Второй. А вы сами — за кого?

Третий. Да, именно. Вы за патриотов или демократов?

Первый. Дураки вы оба, извиняюсь. Я же битый час объясняю — я бюрократ. Я дело делаю, а не рассуждаю про политику. У меня стаж беспорочной службы тысяча лет, с Владимира Киевского до Владимира Питерского. Я всю жизнь выполнял приказы. Но качество приказов снижается на глазах. Так что теперь я хочу — я могу — я должен — взяться за дело сам. Народ, между прочим, только таких уважает.

Второй. Начальник жилконторы рвется к власти.

Первый. Думаешь, обидел? Все правильно. Россия — это наше жилище. Значит, надо следить, чтобы трубы не текли, тепло вовремя давали и жильцы не бузили. Значит, нужна жилконтора. Нужно начальство. Только оно сможет правильно выстроить народ — от грудного до пенсионера, от монашки до проститутки, от академика до землекопа. Чтоб всем было хорошо.

Третий. Что же в этом хорошего?

Первый. А знаешь, почему среди вашего брата-интеллигента так много шизофреников и самоубийц? Потому что вы места своего не знаете, все лезете куда-то. Теперь новую игру придумали — диалог с властью. Запомни, дружочек: если это власть, то диалога не будет. А будет диалог — значит, это не власть. Но мы маразма не допустим.

Второй. Хана, ребята. Бежим в оффшор.

Первый. Боишься? Правильно. Потому что я работал, а тебе все досталось даром. Даже он хоть как-то работал (*показывает на третьего*), книжечки сочинял, картинки рисовал. Ты думаешь, что ты капиталист, олигарх? Смешно. Ты просто назначенец. Тебя добрый дедушка назначил миллиардером. Почему, как, за что? Ты что, умнее других? Да таких фарцовщиков и кооператоров — сколько хочешь было. Еще при Брежневе куча была, цеховики назывались. Ворье! А ты даже хуже вора. Вор хоть рисковал, убегал, прятался. Трудился! А ты?

Второй. Все? Вы закончили? (*Начальнику отдела кадров*) Я могу начинать? Спасибо. Да, я вынужден признать, что в словах уважаемого начальника жилконторы есть доля истины. Действительно, почему я, а не кто-то другой владеет целой отраслью промышленности, почему я, а не кто-то другой, стал экономическим воротилой мирового масштаба? Разве я шел от копейки к рублю, от рубля к червонцу, и так — до миллиардов? Нет. Или я изобрел нечто революционное — лампочку, динамит, компьютерную программу? Тоже нет. Удачно сыграл на бирже в час паники? Опять же нет. Мне иногда самому обидно, что нет у меня красивой и благородной истории успеха. Чтобы внукам у камина рассказывать. “Я пришел в этот город босиком, с пятью рублями в кулаке”. Я просто оказался в нужное время в нужном месте. (*Первому*) Вы меня поймете. При Советах бросали лозунг — “нужны красные академики!” Вот ты — иди сюда — будешь красным академиком. Нет времени ждать, пока способный студент выучится, защитит диссертации. Нам сию минуту нужен красный академик! Лет десять назад было что-то похожее. Стране нужны крупные капиталисты. И нет времени ждать, пока они созреют сами, в ходе честной конкурентной борьбы. (*Оборачивается к третьему*) Вы тоже меня поймете. В искусстве тоже все выходит случайно. Я имею в виду успех. Почему именно Пушкин? Вы можете доказать, что он на самом деле гений? А вдруг так сложилось — Наташа Гончарова, Дантес, то да се. Да ладно Пушкин. Он хоть что-то сочинил. А вот Малевич: намалевал черный квадрат — и готово — главный гений XX века. А если бы Пупкин какой-то этот квадрат на три дня раньше нарисовал и вывесил — значит, гений был бы Пупкин? Меня вообще беспокоит проблема Пупкина. Почему Пушкин всю дорогу затирает Пупкина? А разница — всего одна буква.

Третий. Вот вы и есть Пупкин, который затер Пушкина.

Второй. Неправда! Я никаких гениев не отпихивал с дороги. Те, кто слетел с катушек, — вполне могли быть на моем месте. И

наоборот. А история моя очень простая. “Мы давно дружили. Потом нас познакомили еще с одним. Там в гостях была одна такая. А у нее — сами понимаете. Ну и назначили”. Я не хуже других управляю своим хозяйством. А может, даже лучше. Назначали многих, но большинство отвалилось. Я не просто назначенец — я удачный назначенец. У меня, между прочим, британское бизнес-образование. А до того — МИФИ.

Третий. У многих МИФИ, и за границей многие учились.

Второй. Тыфу! Да так было во всех странах во все времена. Что, при феодализме лучшее поместье давали самому храброму? Нет, тому, кто королю вовремя подвернулся, поклонился, коня под уздцы подержал. И в Европе так было, и в вашей пуританской Америке. Верно сказала одна либеральная дама в Думе: если бы закон о запрете отмывания незаконных денег ввести в Америке XIX века, то Америки бы не было.

Первый. Я же говорю — криминал! Бандиты они, а не олигархи.

Второй. Если нет закона — значит, нет и криминала.

Первый. Ты просто вор. Неважно, что и у кого ты украл, но украл. Признайся, легче станет.

Второй. Если бы я у старушек сумочки тащил, тогда другое дело.

Первый. Значит, сумочку нельзя, а нефтехимкомбинат можно?

Второй. Если закон запрещает, то нельзя. Если закон разрешает или его нет — то можно. А чтобы получилось, должно сильно повезти. А главное везение — вовремя оказаться рядом. Граф Клейнмихель увидел близко Николая I и блеванул от страха. И царь его очень за это полюбил и назначил главноуправляющим путей сообщения. Тоже своего рода олигарх.

Первый. Все, кончилась лафа. Курочат вашего брата-олигарха. Мой тебе совет — хватай, что можешь унести, и вали отсюда в оффшор или куда подальше. А то ведь найдут, неровен час.

Второй. Не дождетесь! Это моя страна. Я хочу сказать — в том числе и моя. Это мы сделали Россию демократической и капиталистической страной, а не бюрократы. Мы их вынудили работать на рынок и свободу. Какая глупость — в тысячный раз начинать историю сначала. Все, игра сделана. Хотите ломать стол, убивать крупье? Зачем? Мы никому не мешаем. Половина экономики еще не приватизирована. Только 3% земли в рынке, остальное у Кремля и губернаторов. Налетайте, делайте что-нибудь. Но — не за наш счет. Лучше спросите нас, как управлять. Мы поможем. У нас, может быть, опыт покороче, но зато мы никого не раскулачивали,

не гноили в ГУЛАГе. Мы только строили, накапливали. Наши дети сейчас получают блестящее образование, они будут лучше, умнее, чем мы. Позовите нас! Или наших детей, по крайней мере.

Третий. Расчет ГУЛАГа это интересно. Вы лично, значит, в Норильском лагере людей не гноили. Но они, сотни тысяч сгноенных, создали весь этот комбинат. Которым теперь реально владеют — сколько человек? Десять? Или двадцать пять?

Первый. Даю справку. Наша пресловутая нефтегазовая труба. Она худо-бедно кормила, одевала и вооружала весь СССР вместе со всеми его спецслужбами, полетами в космос и шестикратным военным превосходством в Западной Европе. Она же, родимая, снабжала деньгами и оружием весь этот “всемирный фронт антиимпериалистической солидарности”, от Кампучии до Кубы, включая отдельных неучтенных партизан в ЮАР и Мексике. А теперь на трубе сидит примерно тысяча семей. Это вот эти (тычет во второго) такую демократию устроили.

Второй (первому). Вы же сами сказали — “кто переделал советскую Россию в демократическую и рыночную? Мы, чиновники”.

Первый (второму). А ты сказал — “это мы их вынудили работать на рынок и свободу”.

Третий. Хватит лаяться! Тут серьезный разговор. Я так вижу проблему. За богатство России заплачено дорого. Трупам. Погибшие на фронте, в тылу и примерно столько же — в лагерях. Итого примерно 50 миллионов. Сколько людей сейчас пользуются этим богатством на всю катушку? Наверное, тысяч сто. Или вовсе десять. Имеют они хоть какое-нибудь отношение к погибшим?

Второй. Представьте себе, очень даже имеют. У меня дедушку расстреляли, а бабушка и тетка пропали на Колыме.

Третий. Приятно, наверное, сознавать свою моральную безупречность. Значит, вы владеете своим богатством по праву исторической компенсации?

Первый. Новое поколение врагов народа. Шучу, конечно.

Второй. Вы же говорите — 50 миллионов. Треть нынешнего населения. Это наши общие предки. В России у каждого есть кто-то убитый на войне или в ГУЛАГе. Тут нет проблемы.

Третий. Вы не поняли. Я не сомневаюсь, что у каждого в России, включая тех, кто процветает, есть репрессированный предок. Но процветают-то далеко не все.

Второй. Естественно. Всеобщей справедливости не бывает.

Третий. Вы опять ничего не поняли. Повторяю. Есть 50 миллионов погибших, чьим наследством пользуются, можно

сказать, единицы. Ну, тысячи, десятки тысяч. Всеобщей справедливости не бывает, но индекс несправедливости не может быть столь огромен. Пока эта проблема не будет решена, будет вечная обида и попытка все отнять и разделить. А за этим видна другая нерешенная проблема — мы так до сих пор и не осудили коммунистический режим. Не покаяться. Вот и выходит: мы делим не наследство невинно казненных, или просто “общенародную собственность”. Мы делим то, что награбили палачи. Вернее, не мы, а вы (*показывает на первого и второго*). Поэтому все происходит грубо, бесстыдно, без справедливости и без закона. Я не знаю, что надо делать, но знаю, что это добром не кончится.

Первый. Типичные рассуждения кухонного мыслителя. Надо дело делать, а не каркать.

Третий. Господи, как это смешно! Есть три профессии — инженеры, учителя, врачи. И остальные люди с высшим образованием. Нас не так много — 16 миллионов на Россию. Именно мы “делаем дело” в самом прямом смысле слова. Рабочих можно завезти из Украины или Турции. Крестьяне сами к нам едут из Кореи и Китая. Собственник скоро придет интернациональный, со штаб-квартирой во Франкфурте. Поэтому и менеджера лучше нанять за кордоном. А роль высшей бюрократии, в крайнем случае, могут исполнить чиновники Евросоюза. И только без российского учителя, врача и инженера среднего звена обойтись нельзя. Без российского юриста, бухгалтера, психолога, социального работника — невозможно. Хотя бы потому, что они говорят по-русски, знают страну и людей. А без российского писателя, ученого, художника, журналиста, философа — просто молниеносный и необратимый абзац. Вот кто на самом деле имеет право руководить страной. Вспомните — 200 интеллектуалов выслали в 22-м году, еще человек 100 раздавили в родных пределах, и Россия рухнула как нация и как культура.

Второй (смеется) Зато теперь, как вы сказали, у нас 16 миллионов интеллектуалов!

Третий. Я так не говорил. Интеллектуал — это более редкое явление, чем просто человек с высшим образованием. Но и люди с вузовским дипломом не однородны. Есть просто служащие, чиновники.

Первый. Между прочим, у меня высшее образование.

Третий. Кто ж сомневался! Итак, служащие — это те, у кого квалификация соответствует работе. И те, которые с работы придя, отдыхают. Обычно эти категории совпадают. А есть лю-

ди, которые получили знаний больше, чем реально могут применить. Сколько их? То есть нас? Наверное, одна пятая или одна десятая от всех людей с высшим образованием. А может быть, и меньше. Я не знаю, как считать. Вузовское сообщество? Но среди профессоров полно обыкновенных чиновников. Подписчики “толстых журналов”? Но журналы даже во времена “оттепели” и “перестройки” часто выписывали из-за моды или по инерции. Но это не важно. Важно, что мы — есть. От служащих с дипломами нас отличает одно — желание читать, размышлять, спорить. Говорить о чем-то несъедобном, неконвертируемом в рубли и доллары. Кухонные мыслители? Отлично. А где нам еще общаться? Клубов у нас не было и нет. Конечно, мы за диалог с властью. Если его не будет — власть выродится в прямое насилие. А потом народ уничтожит эту компанию, оглохшую от самодовольства. Так уже было в России. Поэтому мы хотим, чтобы власть послушала нас. Слишком долго мы слушали ее. Я заранее знаю, что скажет любой генсек, премьер, президент. А если он вдруг скажет что-нибудь этакое, вроде бы новенькое, то будьте уверены — об этом сто раз переговорено на наших кухнях. Я все сказал.

Начальник отдела кадров. Спасибо, господа. О нашем решении вам будет сообщено.

5. Три верхушки в четырехмерном обществе

Начальник Главного отдела кадров глубоко задумался. Что же получается? Вот что.

Российское общество существует в четырехмерной (четырехвекторной) системе координат. Вектор достижительный и вектор статусно-распределительный. Вектор диалога и вектор приказа (иерархии, “построения”).

Построив соответствующую таблицу, мы увидим, куда попадают различные верхушечные группы, с представителями которых мы общались в предыдущей главе.

В таблице есть пустая клетка, где должна быть “меритократия”, но ее в России пока нет.

	Приказ	Диалог
Достижения	УДАЧНЫЕ НАЗНАЧЕНЦЫ	
Статус и распределение	НАЧАЛЬНИКИ ЖИЛКОНТОРЫ	КУХОННЫЕ МЫСЛИТЕЛИ

Больше всего “начальников жилконторы” — около 30 тыс. человек более или менее крупных бюрократов, реально принимающих решения. Достаточно много “кухонных мыслителей” — не менее 5 тыс. человек. Меньше всего “удачных назначенцев” — не более 2 тыс. Это приблизительные цифры.

Первая цифра сложилась из следующих значений. Администрация президента и аппарат правительства — 6 тыс. Реально влиятельная верхушка министерств и ведомств — 2 тыс. Реально влиятельная верхушка региональных администраций — 10 тыс. Лица, принимающие решения в региональных представительствах федеральных ведомств, — 10 тыс. Интересно, что это совпало с известным выражением Николая II — “Россией управляю не я, а двадцать пять тысяч столоначальников”. Другое дело, что управленцев, аналогичных николаевским столоначальникам, в нынешней России на порядок больше.

Остальные цифры носят скорее оценочный характер.

Во-первых, существует смысловая диффузия между клетками. Так, среди начальников жилконторы существует сильный карьерный (“достижительный”) драйв. А удачные назначенцы охотно пользуются статусными привилегиями.

Во-вторых, есть “серая зона” в центре таблицы. “Неприсоединенные” интеллектуалы могут временно пополнять ряды бюрократов, верхушка бизнеса может демонстрировать интеллектуальную оппозиционность.

Однако таблица имеет немалую эвристическую ценность, позволяя увидеть институциональную и отчасти ценностную специфику верхушечных групп — претендентов на лидерство в интеграции политического класса.

Самую понятную позицию занимает административная верхушка — “начальники жилконторы”, работающие в статусно-распределительной парадигме и в модальности приказа (иерархии).

Ценностная противоречивость и статусная незавершенность характеризует “удачных назначенцев”. Безусловно, достигательные ценности этой группы как бы “отравлены” приказным характером получения позиции, а также необходимостью играть по правилам “жилконторы”.

Противоречива позиция “кухонных мыслителей”. Будучи привержены диалогу и пытаясь на деле осуществлять эту модальность, они более уютно чувствуют себя в статусно-распределительной парадигме, чем в чисто достигательной. Здесь, в частности, корень интеллигентских мифов о “крахе культуры”: серьезной литературы, солидных издательств, хороших театров — хотя дело обстоит как раз наоборот.

Следует сказать несколько слов о тех, кого мы уже сто с лишним лет называем интеллигенцией. Подчеркнем, что обладатели дипломов (инженеры, учителя, вузовские преподаватели, врачи и даже те, кого называли “творческой интеллигенцией”) — это не интеллигенция в ценностном смысле слова, а нечто другое. Это массовая бюрократия, как определил социолог Л. Гудков (1998).

Собственно русская интеллигенция (другой не бывает) — это интеллектуалы в нерыночных средах. Именно те интеллектуалы, кто был особо высоко квалифицирован, но не смог занять место в статусной сетке советской науки и культуры (причем как демократы, так и националисты), — оказались в оппозиции власти. Но массовая советская бюрократия жила в согласии с правопорядком.

В 90-е годы произошел перелив культурных интересов советской бюрократии — в идею свободы. Публиковались и раскупались книги русских эмигрантов и запрещенных иностранных авторов. Эту волну команда реформаторов могла оседлать. В начале 90-х еще работала идеологическая машина. Была возможность организовать промывание мозгов в плане рынка и капитализма. Нужен был мощный “пиар”. Но молодые реформаторы-рыночники говорили: “Экономика, экономика и еще раз экономика! Вот повысим ВВП на душу населения, и народ сам поймет, что к чему!”

Роковая ошибка. Сам народ не понял, а демократы-рыночники не вдавались в объяснения. Ценностная переориентация людей с дипломами не состоялась, и в этом главная неудача прошедшего десятилетия.

Массовая постсоветская бюрократия почти целиком ушла в оппозицию реформам. Именно они говорят о том, что великая страна разрушена, ценности поруганы. Всеобщая любовь к “новому атлантисту” Путину не меняет общего настроения. Его любят, а демократию, рынок и атлантические ориентиры — нет.

Итак, мы имеем вполне коммунизированный народ и дезинтегрированный политический класс.

Однако именно интеллигенция в итоге решает, какой будет страна. Главное, какую позицию они займут в процессе замены политического класса и какую роль сыграют в “общерусском разговоре”.

Теперь обратим внимание на самую лучшую клетку нашей таблицы (достижительность плюс диалог). Именно здесь должна находиться МЕРИТОКРАТИЯ — наиболее адекватный претендент на роль интегратора политического класса. Мерито-

краты — это те, кто получил высокую позицию заслуженно. И эти заслуги должны быть признаны обществом в ходе свободного диалога.

Меритократии в России нет. Каждая из перечисленных групп всячески подчеркивает свои заслуги перед страной и народом, но остальные группы стараются их перечеркнуть.

Недоверие к элите имеет твердые исторические основания. Ожидаемые перемены в 50-х свелись к краткой “оттепели”. А в середине 90-х произошел еще один кризис доверия к элите. Так называемые “залоговые аукционы” стали рубежом, за которым приватизация превратилась в цепочку соглашений внутри правящей верхушки.

Общество разочаровано в своем политическом классе и ожидает появления меритократии, которая устроила бы большинство.

6. Ресурс и объем

Говоря о смене политического класса в России, мы должны учитывать ограниченность человеческих ресурсов.

Во-первых, речь может идти почти исключительно о людях с высшим образованием. Таких в России 16 млн человек, то есть 23 % от экономически активного населения (какового в стране 70 млн) или 14 % от взрослого населения (его у нас 115 млн). Это не такие высокие цифры — в США процент людей с высшим образованием в два-три раза больше. Динамика этой группы демонстрирует относительную стабильность.

Таким образом, 77 % экономически активного населения (или 54 млн из 70 млн) на текущий момент отделены от процесса смены политического класса.

Однако треть этого населения (жители больших и средних городов) находится в благоприятных условиях для образования и карьеры. Если не они сами, то их дети могут получить адекватное образование и стать ресурсом обновления политического класса.

Жители малых городов (37 % всего населения) и сел (28 % всего населения) практически полностью отрезаны от адекватного образования и карьеры. Иными словами, две трети населения России находятся в социальном тупике, живя в зоне социальной деградации.

Во-вторых, не все молодые люди с высшим образованием (или студенты) могут считаться ресурсом политического класса 2007 и следующих годов. Например, в России есть регионы, от-

стальные именно в интеллектуальном плане даже при наличии вузов, бизнеса и учреждений культуры. Кроме того, наблюдается “нацеленность на декартификацию” — многие выпускники гуманитарных вузов планируют стать техническим или низовым управленческим персоналом “хороших” фирм.

Далее, не все недавно возникшие “Академии шейпинга, топ-менеджмента, астрологии и права” дают выпускникам адекватное образование.

Наконец, весьма печальна ситуация с учителями, особенно в деревнях и поселках городского типа, где они вынуждены вести сельско-слободское домашнее хозяйство.

В-третьих, налицо снижение качества молодого поколения. Лишь 10 % подростков являются полностью здоровыми к окончанию школы. Годных к военной службе — 13 % (в Европе около 60 %). В России на 2000 г. действуют 1889 спецшкол — для детей с умственными и физическими недостатками. Там содержится 277 тыс. школьников, из которых 221 тыс. — страдают задержкой умственного развития. 763 тыс. детей и подростков имеют инвалидность по психическим заболеваниям. Наркотики употребляют от 3 до 6 млн человек, в основном молодежь. Ежегодно до 100 тыс. детей и подростков остается без попечения родителей. Наблюдается децелерация физического развития (1960-е годы были эпохой акселерации).

Сегодня есть проблема низкой общей грамотности: 4 % подростков не умеют читать и писать, почти половина не имеют среднего образования, а значит, снизится выпуск людей с высшим образованием.

Между тем рост образования сильно влияет на снижение смертности. В России на каждый добавленный год обучения смертность снижается у мужчин на 9 %, у женщин на — 7 %. Почти такие же цифры и на Западе, хотя в России вовсе не такая сильная связь образования и дохода. Очевидно, дело не в доходе, позволяющем полноценно питаться и получать квалифицированную медицинскую помощь. Скорее всего, речь идет о роли образования в формировании более “цивилизованного” стиля жизни.

Возникает интересная социально-демографическая динамика. Общее снижение образованности ведет к повышению смертности. Вместе с тем повышение образованности в отдельных классах ведет к снижению рождаемости. Отсюда — стагнирующая верхушка нуждается в обновлении. Однако относительно хорошо воспроизводящиеся, малообразованные и недолго живущие низы не могут служить качественным ресурсом.

Поэтому не исключено, что произойдет интернационализация политического класса — приток элиты (особенно в мейнстриме) из-за рубежа. Это станет актуальным, если разделение страны на достижительную и статусно-распределительную зоны будет усиливаться. Децильный коэффициент (разница между 10 % наиболее обеспеченных и 10 % наименее обеспеченных) за последние годы сильно возрос: официально с 4,5 — в 1990 г. до 14,7 — в 1999 г. Это должно дать импульс достижительности.

В-четвертых, следует обратить внимание на этническую составляющую ресурса. Конкуренция за право занять “вакансии” в элитах обычно ведется между следующими типами этнических групп. Наиболее многочисленная — “государствообразующая”. Далее — наиболее образованная, традиционно занимающая ниши в элите. Затем — наиболее энергичная, активная группа (или группы). Наконец, кланы или этносы, приходящие за лидером или властной группировкой. Ясно, что первые две группы для России — это русские и евреи. Третий тип — для России это украинцы, народы Северного Кавказа и Закавказья. Четвертый тип — явление штучное. Приход в высшую администрацию “питерцев” — явление того же порядка, что приход в ЦК “днепропетровского клана” в 1970-е годы.

Обычно этническая и этнорегиональная конкуренция — примитивный, но мощный механизм обновления политического класса. В нынешней России у этого механизма есть своя специфика.

Традиционная оппозиция русских и евреев, судя по всему, заканчивается. Евреи — самый, пожалуй, образованный народ России. Соотношение людей с низшим и университетским образованием у евреев составляет 9 на 72. У русских — 44 на 32. Среди евреев больше всего некурящих и непьющих и меньше всего интенсивно пьющих. Среди русских — ровно наоборот.

Но при этом русских 119 миллионов (82 % населения страны), а евреев 300 тысяч (0,2 %). Средний возраст русских — 38 лет (это весьма высокая цифра). Средний возраст евреев — 56 лет; прогноз очевиден. Культурное и религиозное возрождение российского еврейства, поддержанное на самом высоком уровне, знаменует превращение российских евреев в исчезающую группу и в удобный инструмент политического оперирования за рубежами России.

По сообщениям Л. Дробизевой и Э. Паина, сегодня в России усилился процесс этнизации — то есть активной артикуляции эт-

нической идентичности. Этот процесс касается как русских, так и меньшинств. Здесь мы не касаемся проблемы региональных и локально-этнических элит, но “этнический сценарий” нельзя сбрасывать со счетов.

В-пятых, третий сектор воспринимается властью как важный ресурс обновления политического класса. Кажется, что власть хватается за этот ресурс как за последнюю надежду.

В России зарегистрировано 300 тыс. организаций такого рода; реально их около 100 тыс. Активистов третьего сектора в России около миллиона. Как правило, это люди с высшим образованием. Власть, в рамках планируемого ею корпоративного сценария, намеревается институционализировать часть третьего сектора как легитимную часть политического класса. Между тем концепция “взаимодействия с гражданским обществом” отчасти, как ни странно, напоминает “диктатуру пролетариата”, которая осталась вдохновительным, но абсолютно нереалистическим лозунгом”. Как правило, в третьем секторе собираются “непослушные” люди. Поэтому попытка интегрировать их в политический класс приведет к стычкам и размежеваниям по всему периметру власти.

Таким образом, ресурс для замены политического класса скуден, сосредоточен преимущественно в больших городах.

Теперь о количественных характеристиках.

Существуют два взгляда на политический класс — расширительный и ограничительный. Расширительный оговорен во 2 главе (политический класс — это континуум).

Ограничительный взгляд, более близкий к первоначальному понятию о политическом классе как об “организованном меньшинстве”, включает всех политических управленцев, политически ангажированный бизнес, влиятельных деятелей культуры и СМИ. По оценке социолога Л. Гудкова, в России эта группа составляет максимум 300 тыс. человек.

В рамках расширительного взгляда к этому числу можно прибавить примерно по одной четверти вузовских преподавателей (100 тыс.) и юристов (80 тыс.), не более 5 % учителей (200 тыс.), а также “освобожденных секретарей” и прочих аппаратных работников российских партий (10 тыс.). Таким образом, “расширенный” политический класс составляет около 700 тыс. человек.

Таким образом, получилась своеобразная пирамида:

37 тыс. — “три верхушки” (см. 4 главу).

300 тыс. — “узкий политический класс”.

700 тыс. — “широкий политический класс”.

Закончили с политическим классом.

Дальше идут:

1 млн — активисты третьего сектора.

2 млн — политизированные образованные граждане.

11 млн — массовая бюрократия (образованное население), из которых обратим особое внимание на:

4,2 млн обыкновенных (неполитизированных) школьных учителей;

300 тыс. обыкновенных вузовских преподавателей;

250 тыс. обыкновенных юристов.

Из массовой бюрократии рекрутируются и политический класс, и “политизированный класс”, и третий сектор. Таким образом, основной проблемой является не только замена политического класса как такового, но и (а возможно, в первую очередь) воспроизводство массовой бюрократии и повышение ее качества.

7. Тупики и туннели

В настоящее время власть предлагает три проекта реконструкции политического класса.

Первый проект — построение “ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ”.

Эту тему начал еще Ельцин, установив должность “представителя президента” в субъекте федерации и впервые произнеся слова о “президентской вертикали”.

Но раздутый при Ельцине политический класс оказался не способным ни выработать решение, ни исполнить его, ни даже внятно отчитаться о ситуации, прежде всего, в силу своей огромности и структурной запутанности.

Однако компактный и работоспособный политический класс квазисталинского типа, который соответствует детским идеалам нашей верхушки, требует иных политических институтов, принципов отбора, структуры репрессивных органов. Все это не имеет отношения к демократии и рынку. А самое главное, реализация такого проекта требует отсечения от политического класса огромного количества людей, которые чувствуют себя там уютно. Поэтому все разговоры о “вертикали власти” являются электро-альными лозунгами.

Второй проект — КОРПОРАТИВНЫЙ.

Власть полагает, что нынешняя система самоорганизации общества неэффективна. Возможно, власть нутром ощущает противоречия внутри массовой бюрократии и политического класса —

достижительность против распределительности, приказ против диалога, несогласованность действий и взаимное недоверие идеологов (ролевого класса) и администраторов (позиционного класса). Противоречия, с которыми она не может справиться, потому что пока не может их осознать.

Поэтому у власти возник проект синдицировать экономику и общество в некие суперсистемы, наподобие РАО ЕС, “Газпрома” и МПС, а также РСПП, “Деловой России” и “Опоры”. Был слух, что Миннауки будут преобразовывать в РАО “Интеллект” с приписыванием туда всех представителей точных и естественных наук — чтобы синдицированно и трудились, и представляли свою отрасль перед властью. Таким образом, структура и состав политического класса были бы радикально обновлены за счет представителей указанных корпораций — как верхушки, так и “рядовых депутатов” от электриков, угольщиков, инженеров и т. д. Тут вам правительство, тут вам парламент, тут вам весь народ.

Этот проект идет поперек мировых тенденций в политике и экономике. Стоит вспомнить, что два известных опыта создания корпоративного государства в 30–40-х годах XX века — в Италии и Германии — кончились убедительным провалом. Скорее всего, муссируя данный сценарий, власть показывает обществу, что у нее есть запас решимости вплоть до безрассудства.

Третий проект — **СОЦИАЛЬНО-КУРИАЛЬНЫЙ**.

Просигналив обществу о готовности в случае чего загнать бизнес и граждан в корпорации, власть обратилась к нему же за помощью. Ищется не только политический ресурс (поддержка на выборах и в реформах), но и человеческие ресурсы, кадры для обновления застоявшегося политического сообщества.

Но чтобы получить оба ресурса, не обязательно политизировать третий сектор, созывая Гражданский Форум и планируя учредить некую “Гражданскую палату”. Не нужно превращать, как сказал А. Аузан, хороших общественников в третьесортных политиков.

Однако власти это зачем-то нужно. Видимо, власти нужно противопоставить третий сектор бюрократической верхушке (“начальникам жилконторы”) с их низким профессионализмом, коррупцией и отсутствием идей.

Третий сектор, напротив, состоит из людей умных, честных, преданных делу. Вот, казалось бы, ресурс для политического класса, для его элиты. Однако институциональные и ценностные основы политической и общественной деятельности — принципиально различны. Единичные походы из третьего сектора в по-

литику, а потом во власть возможны (Йошка Фишер). Массовая же политизация третьего сектора обернется постоянным конфликтом между ним и наличным политическим классом — теперь уже не из-за высоких материй, а по поводу вакансий и карьер.

Однако разложившийся третий сектор может стать удобным для власти механизмом социального представительства: власть может предпочесть общаться не с партиями (коль с ними дело плохо), а с куриями — с ветеранами, женщинами, правозащитниками, молодежью и т.д. То есть угроза перехода от партийной системы к куриальной должна всегда нависать над партийцами и парламентариями.

Однако распад третьего сектора угрожает существованию самого политического класса, так как исчезает партнер по диалогу и посредствующее звено между политиками и политизированной массой.

Каковы наиболее вероятные сценарии перемен в политическом классе?

Напомним задачи сценаристов:

- Базовое повышение качества массовой бюрократии.
- Определение главного массового ресурса политического класса:
 - люди 30–45 лет с состоявшейся карьерой;
 - модернизированная молодежь больших городов;
 - активная молодежь из отсталых социально-географических зон;
 - массовая бюрократия среднего возраста.
- Определение главного “штучного” ресурса политического класса (на роль интеграторов):
 - “удачные назначенцы”;
 - заслуженные товарищи из “начальников жилконторы”;
 - “кухонные мыслители” того или иного политического направления.
- Преодоление раскола или установление баланса двух миров — достижительного/диалогового и статусно-распределительного/приказного.
- Преодоление раскола между “позиционным” и “ролевым” классами одним из трех способов:
 - интеграция интеллектуалов в бюрократию;
 - повышение интеллектуального уровня бюрократии;
 - подавление (изоляция) “ролевого” класса.

Сегодня реальны три типа сценариев. Сценарии первого типа будут развиваться спонтанно, внутри нынешних обстоятельств. Сценарии второго типа могут быть запущены в результате политического или социального шока. Сценарии третьего типа требуют сознательных усилий и широкой общественной дискуссии.

Эти типы сценариев — суть бюрократический, националистический и меритократический.

Сценарии бюрократического типа

Идея — сохранить все, как сейчас, но сделать немножко лучше. Здесь возможны как минимум три сценария.

Бюрократический, “повышательный”

Пусковых механизмов здесь нет — развитие идет спонтанно, стабилизируется ощущение “постепенного выкарабкивания” на базе собственного опыта и постепенной интеграции в мировые политические и экономические структуры.

- Баланс в пользу статусно-распределительного/приказного мира.
- Активное воспроизведение “позиционного класса” за счет массовой бюрократии среднего возраста из модернизированных социально-географических зон.
- Привлечение отдельных людей с состоявшейся карьерой.
- Попытки улучшения качества массовой бюрократии.
- Кандидаты в интеграторы — компромиссные фигуры, результат договоренности между “удачными назначенцами” и “начальниками жилконторы”.
- Формальный диалог с “ролевым” классом, попытки интегрировать (бюрократизировать) интеллектуалов.

Бюрократический, “понижательный”

Пусковым механизмом может стать экономический неуспех ближайших лет, желание “оуклиться”, закрыться от вызовов современности под видом медленной и “самобытной” модернизации.

- Баланс в пользу статусно-распределительного/приказного мира.
- Неспешное воспроизведение “позиционного класса” за счет массовой бюрократии среднего и старшего возраста с преимущественным вниманием к выходцам из отсталых социально-географических зон.
- Попыток улучшения массовой бюрократии нет.

- Кандидаты на интеграторов — заслуженные представители “начальников жилконторы”.
- Отсутствие диалога с “ролевым” классом. Вместо этого — процесс политизации третьего сектора.

Результат обоих сценариев — складывание номенклатурно-региональной системы политического класса лучшего или худшего качества.

Бюрократический, конкурентный

Пусковым механизмом может стать интеграция России в мировые экономические структуры, возникшие проблемы и желание предложить позитивное решение.

- Практическое равновесие статусно-распределительно-го/приказного и достижительного/диалогового миров.
- Активное воспроизведение “позиционного класса” как за счет массовой бюрократии среднего возраста, так и за счет модернизированной молодежи больших городов.
- Активное привлечение людей с состоявшейся карьерой.
- Учреждение публичных механизмов отбора.
- Активные попытки улучшения качества массовой бюрократии.
- Кандидаты в интеграторы — результат тройственного компромисса между наиболее молодыми и активными “начальниками жилконторы”, “удачными назначенцами” и “кухонными мыслителями”.
- Активный диалог с “ролевым классом”. Создание публичных механизмов, обеспечивающих участие интеллектуалов в формировании политической повестки дня.

Результат бюрократическо-конкурентного сценария — складывание партийно-региональной системы политического класса с более надежным и динамичным ресурсом обновления.

Сценарии националистического типа

Идея — возродить “державное величие России” и одновременно “избавиться от засилья инородцев”.

Здесь возможны как минимум два сценария.

Номенклатурно-националистический

Пусковой механизм — возможный провал (или не столь блестящий успех) атлантической политики Путина. Может возникнуть

ощущение, что “американцы нас использовали”. Бессилие лидеров дать на это внятный ответ, удовлетворяющий большинство.

- Баланс сильно в пользу статусно-распределительного/приказного мира.
- Активное воспроизведение “позиционного класса” за счет массовой бюрократии среднего и старшего возраста с преимущественным вниманием к выходцам из отсталых социально-географических зон. Реванш средних и малых городов.
- Активные попытки националистической индоктринации массовой бюрократии, прежде всего учителей и вузовских преподавателей.
- Кандидаты в интеграторы — результат компромисса между “начальниками жилконторы” и “кухонными мыслителями” националистического толка.
- Подавление “ролевого класса”, создание механизмов, блокирующих участие интеллектуалов в формировании политической повестки дня.

Чисто националистический

Пусковой механизм — тот же, что и в предыдущем, но усиленный результатами грядущей переписи населения. Ожидается значительное сокращение именно русского населения (как за счет неблагоприятных демографических процессов, так и за счет реидентификации). Ощущение “американцы нас использовали” может усилиться ощущением угрозы самому существованию нации. “Поволжский проект” и бессилие руководства страны.

- Баланс сильно в пользу статусно-распределительного/приказного мира.
- Активное воспроизведение “позиционного класса” за счет активной молодежи из отсталых социально-географических зон, а также за счет националистически индоктринированной массовой бюрократии младшего и среднего возраста. Продвижение выходцев из зон социальной деградации. Реванш маргиналов.
- Активные попытки националистической индоктринации массовой бюрократии, прежде всего учителей и вузовских преподавателей.
- Кандидаты на интеграторов — “кухонные мыслители” националистического толка.
- Подавление “ролевого класса”, создание механизмов, блокирующих участие интеллектуалов в формировании политической повестки дня.

Оба эти сценария отзовутся ростом национализма в российских автономиях, что будет чревато сильными перегруппировками в региональном политическом классе — в итоге мы получим шестивекторное пространство. Вдобавок к векторам “достижимость”, “статус-распределение”, “диалог”, “приказ” — мы получим “русскость” и “нерусскость”. То есть политический класс будет фрагментирован еще по одному признаку.

Во всех сценариях присутствуют “бои местного значения”.

“Начальники жилконторы” и “кухонные мыслители” дерутся за влияние на учителей и вузовских преподавателей — тем самым за молодежь.

“Начальники жилконторы” и “удачные назначенцы” ведут бой за влияние на “кухонных мыслителей”, имея в виду средства массовой информации.

Все три группы воюют за влияние на людей со сложившейся карьерой, а также ведут бой за авторитет в третьем секторе — это второй по важности бой после боя за учителя. До непосредственной битвы за молодежь дело пока не дошло.

Меритократический сценарий обсуждается в заключительной главе.

8. Русский школьный учитель

Интеграция политического класса (и, наверное, интеграция общества) во многом зависят от формирования меритократии, то есть от группы, высокое положение которой воспринимается как несомненно заслуженное и путь в которую открыт для всех достойных.

Ситуация, когда практически любая карьера и любой капитал могут быть оспорены если не юридически, то морально, — это тлеющий социальный распад. Предыдущие сценарии не давали ответа на вопрос о моральной и юридической правомочности достижений и карьер — скорее наоборот, они усиливают ощущение фиксированной несправедливости.

Таким образом, меритократический сценарий мы считаем единственным реалистичным путем, идя по которому можно решить проблемы обновления политического класса, включая противоположность достигательно-диалогового и распределительно-приказного миров, противоречия между политическим и экономическим либерализмом, а также кровотокающую проблему 50

миллионов, которые погибли в коммунистической системе, заработав огромное богатство в лучшем случае для миллиона человек.

Меритократия примиряет обе разновидности либерализма. В свернутом виде они репрезентируют распределительность (справедливость, демократия, воля большинства) и достижительность (активность, свобода, личный выбор). Кажется, что между личными достижениями и справедливым распределением не может быть компромисса. Однако он не только есть, но нет и существенного противоречия. Нужно только понять: речь должна идти о **СПРАВЕДЛИВОМ ДОСТИЖЕНИИ**, которое есть наиболее эффективный способ накопления и честный способ распределения национального богатства. Справедливое достижение — смысл меритократии. Путь к достижениям открыт всем, способы достижения определены правом или обсуждаются и согласуются публично.

Однако настоящая смена начнется, когда в политику, экономику и культуру придут дети, воспитанные родителями, родившимися после 1985 г. То есть дети, родившиеся после 2007 г. Это будет, надо надеяться, сильная когорта. Возможно, темпы замещения позиций в политическом классе несколько увеличатся — вместе с ростом темпов развития страны.

Рождаемость также может увеличиться — особенно в социально продвинутых группах. Есть закономерность: с ростом качества жизни количество детей в семье уменьшается — вплоть до невозможности простого воспроизводства. Однако при дальнейшем улучшении качества жизни возникает увеличение количества детей. Эту точку перелома я называю “точкой аристократии” (поскольку один из жизненных мотивов аристократии состоял в рождении наследников-продолжателей). Сейчас “точку аристократии” прошло весьма малое количество семей. Однако не исключено, что количество таких семей значимо возрастет.

Поэтому возможно, что воспроизведение политического класса (или хотя бы его верхушки) будет происходить по “аристократической модели”, то есть в основном за счет детей элиты. У этого есть и плюсы, и минусы. Плюсы — в воспроизведении позитивных ценностей и жизненных стилей, в создании эталонных групп. Минусы — в том, что возникает угроза застоя, наследования позиций и, следовательно, угроза меритократическим принципам.

Поэтому уже сейчас нужно всерьез думать о прочной меритократической парадигме — на десятилетия вперед.

Канцлер Бисмарк сказал, что в битве под Садовой (в 1866 г. в ней решился исход австро-прусской войны в пользу Пруссии) ПО-

БЕДИЛ ПРУССКИЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Возможно, он перифразировал герцога Веллингтона, который говорил, что битва под Ватерлоо была выиграна на травяных площадках Итона.

Точно так же в наших планах модернизации страны победит (или, не дай Бог, проиграет) русский школьный учитель. Поэтому, намереваясь играть вдолгую, мы должны вложить максимум усилий в среднюю школу вообще, а главное — в фигуру учителя. Именно учительство может стать меритократическим полигоном, то есть единым общенациональным прозрачным пространством карьер и достижений. Четыре с лишним миллиона человек — это достаточно обширная, но и компактная группа. Не отработав проблему пединституты и школ, о меритократии говорить просто глупо.

Итак, для меритократического сценария важнее всего позиция учителя и вузовского преподавателя. Важна также позиция юриста — поскольку необходимо правовое регулирование достижительских структур. В этих рамках (школа — право) возникают гарантии стабильности меритократической парадигмы, начинается обогащение и отлаживание социальных связей.

В основе этого сценария — привлечение людей с состоявшимися карьерами и модернизированной молодежи больших городов сначала к формированию публичных механизмов отбора и продвижения кадров, а далее — к замещению позиций в политическом классе. При этом первое гораздо важнее второго, поскольку власть имеет полную возможность рекрутировать кого угодно куда ей нужно. Дело не в единичных продвижениях наверх, а в принципах отбора, контроль за которым должен быть у общества.

Для реализации первых этапов меритократического сценария нужны две площадки — образовательная и коммуникационная.

Роль первой мог бы выполнить некий “Восточно-европейский гуманитарный институт”, цель которого — анализ, формирование, ценностное структурирование и трансляция современного знания об обществе.

Роль коммуникационной площадки могла бы выполнить сеть региональных Клубов “2015”. В любом случае речь идет о создании, распространении, обсуждении и интерактивной корректировке текстов, затрагивающих те или иные аспекты проблемы.

Вполне возможно, что в ходе общерусского разговора мы поймем, что главная задача нашего общества — **УМЕНИЕ ИЗМЕНЯТЬСЯ**, поскольку меняется мир.

Умение меняться столь же быстро, как и мир, становится главной задачей общества. И учить учителя, чтобы он учил наших детей постоянно изменяться.

РОССИЙСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: К “ГОРОДУ-САДУ” ИЛИ В “ГОРОД-ОГОРОД”?

*Герман Ветров, Надежда Косарева, Марина Либоракина, Алексей Новиков, Александр Пузанов, Сергей Сиваев, Эдуард Трутнев
(Фонд “Институт экономики города”)*

Сценарии развития российских городов

Повышение роли городов становится частью идеи трансформации национального государства и национальной экономики, а децентрализация и развитие местного самоуправления — частью глобальных процессов. Страны подключаются к глобальной экономике через систему городских центров, урбанизм превращается в образ жизни человечества в эпоху глобализации.

*С формальной точки зрения Россия — страна городов. Около 75 % российского населения проживает в пределах городской черты, однако структура российского валового внутреннего продукта — не городская. Есть основания полагать, что мы имеем дело с так называемой “ложной урбанизацией”. Видимо, обстоятельства развития городов в России сильнее, чем **собственно сама** городская среда. Из-под этого “спуда” российские города будут выбираться довольно долго.*

I. Постановка проблемы

Важно найти факторы, которые позволят перейти от “линейного измерения” развития городов к многомерному анализу,

© Ветров Г. Ю., Косарева Н. Б., Либоракина М. И., Новиков А. В., Пузанов А. С., Сиваев С. Б., Трутнев Э. К., 2003

* Полный текст доклада представлен на Интернет-сайте Фонда “Институт экономики города” (www.urbanecomomics.ru)

предоставляющему возможности для прогнозного описания системы городских поселений России. Одним из факторов может стать **качество городской системы управления**, выраженное через набор конкретных параметров: образ жизни населения, взаимоотношения городских властей и бизнеса, особенности управления бюджетом и т.д. Второй фактор — **мобильность населения**, понимаемая как совокупность правовых и экономических возможностей для свободного территориального, жилищного, профессионального и социального “передвижения” людей.

Этими факторами задано координатное пространство (рис.1), в котором на вертикальной оси качества городской системы управления внизу находится город в условиях унитарного государства, вверху — город в условиях гражданского общества. Горизонтальная ось отражает — оценку мобильности населения: слева — низкая мобильность, справа — высокая. В разделах II и III будет дана подробная характеристика этих осей.

Координатное пространство может быть разделено на квадранты, характеризующие через показатели качества управления городом и мобильности населения определенный тип общественного устройства городов и, в известном смысле, страны в целом.

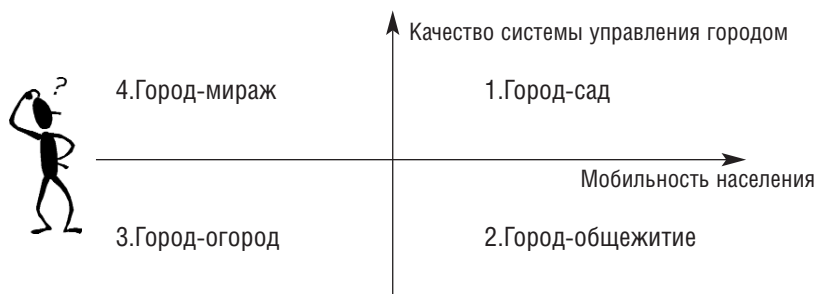

Рис.1

Первый квадрант координатного пространства — “город-сад”, самый привлекательный с точки зрения благоприятной среды для обитания граждан. Уровень качества управления и мобильности населения высок настолько, что порождает ассоциацию с Обществом “БУРЕВЕСТИК”.

Второй квадрант — “город-общечитие”: мобильность населения определяется экономической целесообразностью развития промышленных корпораций или “государственными интересами”. Городское сообщество ассоциируется с Обществом “ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ”.

Третий квадрант — здесь Россия сырьевая, базирующаяся на советской модели экономических и политических ценностей. Отсюда неразвитость демократических институтов и ограниченная мобильность. Это — “город-огород” — символ зависимости города от сырьевой базы и неразвитости городского образа жизни. Именно в этом квадранте и блуждает Россия сегодня, тут и находится исходная точка всех сценариев. Образом городского сообщества служит Общество “УРОЖАЙ”.

Наконец, **четвертый квадрант** — “город-мираж”, в котором нельзя оказаться в ходе развития событий по любому реалистичному сценарию. “Город-мираж” вызвал ассоциацию с Россией середины XIX в., когда демократические институты низового уровня (крестьянская община) соседствовали с крепостным правом. В этом квадранте невозможно устойчивое состояние, так как развитие демократических институтов и гражданского общества в целом связано со свободой передвижения и правом выбирать место жительства. Это — вариант почти невероятного сценария, и он не будет рассматриваться в данной работе.

Итак, понятно, в каком квадранте мы находимся сегодня и куда хотели бы попасть — разумеется, в “город-сад”. Путь через левый верхний (четвертый) квадрант невозможен. Остаются варианты движения из “города-огорода” в “город-сад” либо через “город-общегитие”, либо напрямую — через “игольное ушко” точки пересечения осей.

II. Первая ось: качество системы управления городом

Показатели качества системы управления городом

Вертикальная ось рассматривает “движение” российских городов по критерию качества городской системы управления. Основными *характеристиками* качества управления выступали: образ жизни населения города, внутригородская социально-территориальная дифференциация, управление и планирование, состояние инфраструктуры города и ЖКХ, взаимоотношения бизнеса и города, инвестиционный процесс, состояние городского бюджета и архитектурно-планировочной среды города.

Затем были сформированы *модели городских систем управления*. Размещение моделей на вертикальной оси условно, но оно позволяет позиционировать их друг относительно друга по степени улучшения качества управления.

Внизу находится город в условиях “унитарного государства”, выше — город “бюрократов-предпринимателей”, затем город, представляющий собой “корпоративную” модель управления, потом “народная” модель (представляющая собой переходный этап к гражданскому обществу) и выше всех — город в условиях гражданского общества.

Итак, идем по оси качества системы управления городом — снизу вверх.

1. “Город в унитарном государстве”. В условиях усиления государственной власти вероятна фактическая ликвидация или резкое ослабление системы местного самоуправления. Возможна реформа административно-территориального управления: вместо 89 субъектов Российской Федерации формируются около 10 губерний, управляемых генерал-губернаторами. Губернии делятся на уезды и города губернского подчинения.

Образ города как самостоятельного социального организма размывается. Формируется образ государства, заботящегося о гражданах, развивающего демократические институты, заинтересованного в развитии национального бизнеса и привлечении иностранных инвестиций. Города встраиваются в административную систему управления страной, их будущее зависит от роли, которую они играют в этой системе. Преобладающий образ города — административный центр государственного управления, мостик между уровнями власти. Губернские столицы становятся центром притяжения бизнеса, искусства, спорта, поскольку они имеют прямой выход на высший уровень власти. Для большинства населения жизнь в таком городе — необходимое и достаточное условие для самореализации.

Усиливаются различия в *образе жизни населения*. Содержательная жизнь концентрируется в столицах. Бум на рынке недвижимости. Изменение системы госуправления ведет к переделу собственности. Губернские столицы становятся центрами организованной преступности. Власть отвечает на это ростом силовых структур и показательными процессами над коррумпированными чиновниками. Реанимируется институт прописки. Средние и малые города приходят в упадок.

В новых столицах усиливается *социально-территориальная дифференциация*. Как грибы после дождя, растут административные здания для новой армии чиновников. Идет негласный конкурс среди генерал-губернаторов — у кого “белый дом” больше. Каждая столица обзаводится своим “сити” с небоскребами. На месте бывшего ветхого фонда в центральных районах появляются

ся элитные коттеджные поселки. На окраинах строятся типовые многоэтажки для трудовой армии переселенцев.

Система *управления и планирования* городского развития встраивается в иерархию госуправления, городское сообщество управляется “государевыми” назначенцами. Исполнительная власть в городах назначается генерал-губернатором, представительная власть не имеет реальных полномочий. Бюджеты городов формируются в основном за счет целевых субвенций госбюджета.

Критерием для принятия решений становится пожелание из центра. Власть приветствует создание общественных институтов, но они нужны ей лишь как источники информации для принятия решений и как инструмент дополнительного контроля за ситуацией в стране. В депрессивных городах задача власти — поддержание политической стабильности.

Для демонстрации эффективности госсистемы управления провозглашается приоритетность задачи физического сохранения *жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры*. Усиливаются государственные органы, контролирующие системы жизнеобеспечения (газовую, нефтяную и угольную промышленность, тепло- и электроэнергетику, водоснабжение, транспорт). Системы городской коммунальной инфраструктуры находятся в основном в государственной собственности и управляются вертикально интегрированными холдингами. Ресурсы государственного и частного бизнеса концентрируются в крупных административных центрах, поддерживая друг друга. Пропасть между столицами и провинцией увеличивается.

Но неэффективная система управления приводит к снижению надежности инженерных систем, на их поддержание нужны большие капитальные затраты. Частный бизнес не инвестирует средства в коммунальную инфраструктуру, поэтому восстанавливается финансирование из госбюджета.

Сначала улучшаются показатели капитального ремонта, параметры содержания жилья и коммунальных услуг. Но вскоре становится ясно, что экономических стимулов для развития нет. Состояние жилищного фонда резко ухудшается. Жилищная сфера тормозит экономическое развитие городов и страны в целом.

Взаимодействие города и бизнеса повторяет зигзаги состояния городской инфраструктуры. Первоначальное внимание государства к вопросам жизнеобеспечения, изменение тарифной политики формируют импульс для промышленного развития, укрепляют доверие к власти. Капитал вкладывается в обновление основных производственных фондов. Вокруг крупных городов идет промышленный рост. Но резкое ухудшение состояния комму-

нальной инфраструктуры ведет к тому, что часть бизнеса готова взять на себя вопросы инфраструктурного обеспечения. Те, кто не может нести дополнительные расходы, сталкиваются с угрозой потери бизнеса. Это способствует дальнейшей концентрации производств в административных центрах, где инфраструктура находится в удовлетворительном состоянии.

Деловая активность и *инвестиции* сосредотачиваются в первую очередь в губернских столицах. Здесь можно получить доступ к государственным ресурсам. Формально они распределяются на конкурсной основе, но круг реальных претендентов ограничен и контролируем. В этих городах отмечается строительный бум. Частный бизнес готов инвестировать в городскую инфраструктуру для создания максимально комфортной среды обитания. Но отсутствие прозрачной системы управления городской инфраструктурой и самостоятельности делают инвестиции рискованными. Город не может привлечь частные инвестиции в развитие своей инфраструктуры, поскольку управление практически всеми инфраструктурными объектами осуществляется через центральные холдинги.

Городские бюджеты формально существуют, но налоговая база городов мала. Налоговая система построена так, что все основные бюджетные потоки сначала собираются в Москве, а потом частично возвращаются в регионы в перераспределенном виде.

2. “Город бюрократов-предпринимателей”. Самостоятельность города как субъекта местного самоуправления сохраняется, но принятие решений и развитие города происходит исходя из критерия эффекта для местной бюрократии. Она ведет себя как предприниматель. Укрепляется образ положительного руководителя города — “крепкого хозяйственника”.

Это приводит к прямой потенциальной конкуренции местной администрации и частного бизнеса. На рынке доминируют муниципальные или “псевдочастные” предприятия, создаются административные барьеры вхождения в рынок, которые мелкий бизнес преодолеть не может (формируется “муниципальный капитализм” с преобладанием среднего и крупного бизнеса).

Интерес местной бюрократии к городским проблемам проявляется в той мере, в какой это необходимо для переизбрания ее на новый срок и избежания конфликтов. Одновременно есть и предпринимательский интерес бюрократов к конкретным проектам.

В *образе жизни* горожан преобладают индивидуалистические формы как реакция на интересы местных администраций: “вы нас не трогаете, и мы вас не трогаем”. Не формируется местное

сообщество. Взаимодействие граждан с местной администрацией идет по принципу: “лучше не общаться, а решать свои проблемы самим, при необходимости же — через неформальные выплаты”. Жители социально пассивны, не верят в эффективность общественных форм решения проблем. При этом идет тесное взаимодействие местной бюрократии с бизнесом — каждодневное общение на предмет получения всевозможных разрешений.

Внутригородское распределение земель по видам использования и формам застройки подчинено интересам местной бюрократии, но это не связано напрямую с противодействием или стимулированием внутригородской *социально-территориальной дифференциации*. Происходит социально-территориальная сегрегация внутри городского расселения.

Формально *управление и планирование* развития города организуются в соответствии с нормами местного самоуправления. Но реально местное самоуправление — это бюрократический институт, противостоящий гражданам. Отсюда — низкая прозрачность деятельности местной бюрократии. Эффективность бюджетных расходов “распадается”: низкая — с точки зрения публично формулируемых целей населения города; высокая — с точки зрения экономического интереса местной бюрократии.

Местная бюрократия не заинтересована в создании *городской инфраструктуры* как базы для свободного развития бизнеса и повышения качества жизни горожан. Однако она соблюдает “правила игры” в отношении ответственности за развитие городской инфраструктуры в условиях выборности органов местного самоуправления (срочное “латание дыр” перед зимним периодом и т.д.; широкое использование “показушных мероприятий” — например Дней города).

У местной администрации нет мотивации к проведению преобразований ЖКХ, а есть заинтересованность в сохранении дотационности, монопольности и бюрократического контроля (бюджетные расходы дают возможность контроля над финансами).

Отношения города и бизнеса искажаются. Местная администрация доминирует на городском рынке и контролирует его. Происходит ее сращивание с бизнесом, устанавливаются высокие барьеры для вхождения нового бизнеса в рынок. Структура допускаемого в город бизнеса зависит от его доходности, а не от потребностей горожан. Складывается неиндивидуализированная система городского обслуживания, не развивается малый бизнес.

В сфере *инвестиций* происходит интервенция города бюджетными средствами в коммерческий сектор. Городу нужны инвестиции, поскольку тип хозяйствования — предпринимательский.

Однако инвестиционный климат для прочих инвесторов неблагоприятен.

Городской бюджет — это источник для предпринимательской деятельности местных бюрократов. Фактически жители города “скидываются”, чтобы местная администрация могла заниматься предпринимательством. При этом соблюдаются некоторые приличия, и горожанам “переппадают” определенные блага (новые дороги, социальные объекты и пр.).

Территориально-планировочная политика основана на индивидуальных решениях, хотя формально принимаются генеральные планы развития городов. Неэффективна система использования городской территории (например, промзоны в центре городов). Доступ к городской земле основан на административных процедурах принятия решений, права на землю инвесторов плохо определены и краткосрочны, господствует архитектурный волюнтаризм.

3. “Город-комбинат”: судьба его определяется деловыми интересами корпорации, базирующейся в данном городе. Налицо экономический рост и сохранение местного самоуправления, хотя доминировать в принятии решений начинает крупный бизнес. Корпорация рассматривает город как место концентрации ресурсов, обеспечивающих производство и сбыт продукции. Город включается в цепочку “производство — потребление”, все “лишние” элементы игнорируются.

Образ жизни: тут не живут, а работают, и превыше всего — интересы корпорации. В ее штат входят специалисты по работе с местным сообществом. Жители “города-комбината” не осознают себя горожанами. Их самоидентификация задается членством в корпоративной семье, они чувствуют общность с сотрудниками филиалов в других странах, носят одинаковую с ними форму, читают одни и те же корпоративные газеты, принимают участие в одних и тех же мероприятиях (например, день рождения президента компании).

Тут высокие стандарты потребления. Поощряется потребительское кредитование (на рабочем месте). Культурно-образовательная жизнь сокращается и “примитивизируется”, развивается система профессионально-технического образования. Спектр социальных ролей узок.

С точки зрения *внутригородской социально-территориальной дифференциации* возможны варианты, так как корпоративные города делятся на два типа: “монолитные” (небольшие), где все население привязано к комбинату, и “немонолитные” (средние), которые корпорация не может “утилизировать” целиком. В послед-

нем случае внутри города возникает сегрегация. Это один город, но две системы.

В “монолитном” городе внутригородское распределение земель по видам использования и типам застройки подчинено интересам производства. Ему отдают удобные пространства, для него выделяются природные ресурсы. “Рубежи” социально-территориальной дифференциации пролегают не столько между разными группами населения, сколько между населением и производством. Среди населения дифференциация происходит по статусу работников внутри корпорации: менеджеры расселяются в более престижных районах.

В “немонолитном” городе жители, не занятые в корпорации, включены в систему “сервисного” предпринимательства или ведут натуральное хозяйство.

Управление и планирование развития города осуществляется четко, но оно далеко от реального местного самоуправления. Мэр города — “ставленник” корпорации. За порядок в городе ответственна служба безопасности корпорации.

Инфраструктура развивается только там и так, где и как нужно для бизнеса. Например, корпорация построила мост через реку, однако в рабочее время по нему разрешено движение только служебного транспорта. Отремонтированы только дороги, соединившие производственные помещения и жилые микрорайоны. В “заводоуправлении” установлены современные средства спутниковой связи, в самом же городе телефонная станция осталась еще с советских времен. ЖКХ — один из “цехов” комбината. Активно строится ведомственное жилье, переселиться туда можно по ордеру, выдаваемому за стаж и успехи в производстве. В других частях города порой нет горячей воды, перебои с электроэнергией.

Вместо того чтобы пользоваться благами городской инфраструктуры и получать преимущества от высокого качества городской среды, *бизнес* вынужден выполнять компенсирующую функцию, “достраивать” город до того уровня, который нужен для обеспечения производства. В каком-то смысле бизнес сам вынужден “стать городом”, однако такой город не может быть полноценным.

В стратегической перспективе доминирование корпоративных городов и недостаток городов “истинных”, в которых возможно размещение штаб-квартир и различных центров корпораций, закрепляет за Россией статус второстепенной державы. Это удобно для транснациональных корпораций, но невыгодно российским компаниям, стремящимся к лидерству, ибо не позволяет им

получать преимущества от использования местного научного, интеллектуального и образовательного капитала.

Лишь отдельные города, интегрированные в глобальный экономический оборот за счет уникальных сырьевых ресурсов или производств, ориентированных на мировой рынок, стремительно наращивают *инвестиционную привлекательность*. Вместе с тем растет разрыв в уровне развития городов: богатые богатеют, бедные нищают.

Городской бюджет нищ. Собственных доходов у города почти нет, комбинат платит налоги в месте расположения штаб-квартиры, а не в городе. Положение слегка сглаживается тем, что корпорации периодически вносят пожертвования в городские социальные фонды.

Архитектурно-планировочная среда города развивается по тем же законам. В городе есть большая промзона и жилые районы. В жилых районах есть элитный район для менеджеров, менее престижные, но приличные стандартные районы для рядовых работников комбината. В прочих районах города — ветхое жилье, разрушающаяся инфраструктура, “запущенные” общественные места.

4. “Народная” модель (город на пути к гражданскому обществу) характеризуется *устойчивыми* тенденциями формирования демократичных эффективных основ городского управления. Это — переходный этап к модели городского управления в условиях гражданского общества. Возврат к ранее описанным моделям становится практически невозможным.

Город развивается как место, отличающееся разнообразием спектра социальных ролей, самореализации, максимальной возможности получения услуг.

Образ жизни горожан характеризуется существенными изменениями. Городская среда становится менее агрессивной, более комфортной, дает больше возможностей для самореализации, растет ее ценность в глазах жителей, повышается заинтересованность в ее улучшении. Происходит эволюция в развитии гражданского общества — от простой кооперации в решении элементарных бытовых вопросов к стабильным долгосрочным формам, основанным на прозрачности городского управления. Отсутствие общественного опыта решения городских проблем остается тормозом на пути развития элементов гражданского общества в городе. Но общественный контроль городского бюджета или общественные слушания по крупным городским проектам становятся традиционным явлением.

Социально-территориальная дифференциация отражает неизбежную разницу в благосостоянии жителей, но постепенное “срезание” амплитуды имущественного неравенства и рост среднего класса, повышение внутригородской мобильности населения снижают остроту проблемы. “Рассасывается” и сегрегация по этническому признаку.

В городе формируется полноценное местное *самоуправление* с четкими полномочиями и стабильными источниками доходов. Деятельность местной бюрократии прозрачна и подотчетна, развита система консультативных органов. Внедряется сочетание долгосрочного и оперативного планирования, обеспечивающее эффективность расходования общественных ресурсов. Публичное принятие решений дает гарантию стабильности и преемственности социально-экономического развития независимо от приоритетов меняющейся местной власти. Развито самоуправление на уровне микрорайонов.

Городская инфраструктура привлекательна для инвесторов, отмечается рост инвестиций в коммунальное хозяйство, транспорт, связь. Рост конкуренции на этом рынке позволяет городским администрациям находить эффективные варианты использования общественных средств. Широко привлекаются заемные средства для финансирования инвестиционных инфраструктурных проектов.

Происходит переоценка стандартов в ЖКХ. Принято решение о том, что стандарты должны быть реалистичны (фактически – снижены), а оплата услуг переведена на 100 %-ный уровень. Низкодоходные семьи защищены адресными субсидиями. Это делает сферу ЖКХ привлекательной для инвесторов, создаются условия для постепенного обратного повышения уровня и качества услуг.

Между *городом и бизнесом* налаживается диалог. Бизнес заинтересован в сотрудничестве с городом в силу нормального экономического интереса. Представители бизнеса входят в созданные при городских администрациях консультативные структуры, определяющие стратегию городского развития, а также решающие вопросы оперативного планирования. Из отношений бизнеса с городской властью изживаются “эксклюзивные” элементы (налоговые льготы и др.). Город заинтересован в согласовании с бизнесом перспектив развития.

Привлечение инвестиций в общественные проекты привлекательно для города, поскольку это путь эффективного использования общественных средств. Отношение к инвестициям в коммерческий сектор сложнее. Как правило, город стремится привлечь инвестиции, увеличивая занятость и расширяя налоговую

базу. Город не может диктовать бизнесу, какие коммерческие инвестиции разместить, но формирует предпринимательскую среду, которую предлагает инвестору.

Бюджет города прозрачен. Жители решают, на что “сбрасываться”. С развитием знаний по управлению общественными финансами и ростом общественной культуры городского населения ошибки в принятии таких решений будут минимизироваться.

В городах все шире внедряется процедура правового зонирования территории, обеспечивающая сочетание свободы выбора стиля застройки и ее общественного регулирования. Как следствие, растет динамичность *архитектурно-планировочной среды*, идет общее “облагораживание” городской территории.

5. “Город — гражданское общество”. Механизмы городского управления дают максимальную экономическую и социальную эффективность и меняют образ жизни и среду обитания людей.

Образ жизни: в городе работают, но главное — *живут*. Город становится “праздником, который всегда с тобой”. Городская среда — “парк”, на нее нужно больше свободного времени, но до нее не нужно добираться, она всегда рядом. Много возможностей организовать свой труд по типу free-lance. Неполный рабочий день, рабочее место дома, офис для представительских целей, частые дела в других городах — типичный набор характеристик образа жизни представителей среднего класса.

Диверсификация спектра социальных ролей — существенный фактор повышения социального комфорта. Снижаются риск потерять работу для жителя и риск потерять налоговую базу для городских властей. В поисках работы необязательно менять место жительства. Капитал — гипермобилен, горожанин — тоже мобилен: универсален по образованию, доступен с помощью Интернета. Получение образования и повышение квалификации становятся систематической процедурой.

Социально-территориальная дифференциация минимальна. Этнической сегрегации нет, либо это только форма сохранения этнокультурной самобытности. Имущественная сегрегация динамична и не консервирует на десятилетия социально-территориальную структуру города. Город — полицентричен. В городском пространстве нет ничего бесхозного. Нет контраста между ухоженной квартирой и запущенностью на лестничной площадке, в подьезде, на улице.

Управление раздроблено, в нем много уровней. Каждый микрорайон имеет свое самоуправление. В городах формируется несколько видов полиции: от местной до общегородской.

Городская инфраструктура — лакомый кусок для инвестора. Город также стремится развивать инфраструктуру, обеспечивая высокое качество жизни населения, расширяя занятость и налоговую базу.

Высокий уровень развития ЖКХ — залог высокой цены земли и недвижимости. ЖКХ становятся экономическим катализатором городского развития в периоды экономических кризисов, передовым полигоном экспериментов с энерго- и ресурсосберегающими технологиями.

Бизнес и город не зависят друг от друга. Бизнес сотрудничает с городом: город может предложить ему интересные заказы, ценные бумаги. Город на сотрудничество с бизнесом толкает политика снижения издержек (цель — получить качественные профессиональные услуги по рыночной цене и привлечь инвестиции в публичный сектор).

Инвестиционный климат благоприятен. Город продает инвестору качество городской среды. Инвестор заинтересован в снижении рисков по своим вложениям: город предоставляет такую возможность, выпуская ценные бумаги, привлекая кредиты.

Городской бюджет прозрачен и используется для удовлетворения общественных потребностей городского сообщества. Эффективность его использования обеспечена высоким качеством финансового менеджмента и использованием современных финансовых технологий.

Архитектурно-планировочная среда становится продуктом сочетания цен на землю, воли архитектора и приоритетов городской власти. Порядок внутригородского распределения земель по видам и формам использования прошел процедуру правового зонирования, обеспечивающую разнообразие и доступность. Историческая часть города защищена, эстетика остальных частей города в рамках установленных регламентов зависит от общественных устоев, профессионализма архитектора, вкуса заказчика.

III. Описание второй оси: мобильность населения

Показатели и факторы мобильности населения

Естественные изменения в системе расселения возможны лишь при наличии и доступности институтов и механизмов, обеспечивающих мобильность населения. Необходимо различать уровень мобильности как показатель: 1) реальной реализованной динамичности и 2) условий мобильности (потенциальной воз-

можности для человека изменения места жительства, жилища, места работы, профессии и т.д.).

Развитие российских городов будет определяться уровнем мобильности населения, которая, в свою очередь, будет зависеть от факторов доступности и разнообразия, а также развития коммуникаций. В России сегодня он чрезвычайно низок, так как практически не существуют или недостаточно развиты необходимые условия мобильности — соответствующие институты и механизмы.

Переезд в крупные города связан с необходимостью обеспечить *занятость*, а это часто требует профессиональной переподготовки и изменения социальной роли. Недостаточное развитие систем переподготовки кадров, отсутствие институтов социальной адаптации мигрантов сдерживают мобильность населения.

Особую роль играет *доступность жилья* и жилищная мобильность. В России очень низкий уровень доступности жилья, практически отсутствуют финансовые институты, обеспечивающие ипотечное кредитование для покупки или строительства жилья, не развит рынок частного арендного жилья. Это не дает гражданам возможности реализовать свои предпочтения относительно места и условий проживания, предприятиям — привлечь трудовые ресурсы, а государству — отказаться от субсидирования неэффективных производств и поддержки отжившей системы расселения.

По оси “мобильность населения”: слева — направо

На горизонтальной оси выделим позиции, характеризующие уровень мобильности населения (по степени увеличения). Сопоставляя эти позиции с моделями управления городом, сформируем диагональную ось, соединяющую первый и третий квадранты. Движение по ней вверх — это поступательное развитие городской системы к гражданскому обществу, улучшение качества городского управления и рост мобильности населения.

Модель “**Город в унитарном государстве**”: минимальные условия мобильности населения и плановый характер миграции. Восстановление института государственного жилья ведет к ограниченному его рынку. Ипотечное кредитование доступно малой части населения. Мобильность крайне низка. Вектор миграции четко выражен — в крупные города. Государство пытается регулировать процесс административными мерами. Низкая мобильность населения усугубляется системой профессионального обучения, которая инерционна и не соответствует изменениям экономики, а у самого населения доминирует стремление приме-

нить существующую квалификацию и отсутствуют стимулы к переподготовке и изменению собственного “социального статуса”.

Модель **“Город бюрократов-предпринимателей”**: местные бюрократии несут ответственность за “свое” население и заинтересованы в консервации этой группы. Экономические инструменты повышения мобильности (долгосрочное ипотечное кредитование на приобретение жилья) могут быть интересны как инструменты для решения проблем (жилищной) или для реализации предпринимательских проектов (доход от строительства жилья). Отсюда интерес к созданию подконтрольных структур. Местные бюрократы могут препятствовать привлечению мигрантов, поскольку это повышает социальную нагрузку на город и отвлекает деньги бюджета от предпринимательских целей. Система профессиональной подготовки и переподготовки ориентирована прежде всего на обслуживание местных нужд и не стимулирует профессиональную и социальную мобильность населения.

Модель **“Город-комбинат”** с точки зрения мобильности населения неоднозначна. Формально условия для миграций созданы, так как корпорациям важно иметь возможность свободного перемещения трудовых ресурсов. Но реально мобильность населения невысока. За горожан, которые попадают в сферу интересов корпорации, все решает корпорация, контролирующая рынок занятости и сектор ведомственного жилья. Ипотеки нет. Часть населения, “выпавшая” из поля зрения корпораций, в значительной степени маргинализуется — либо на местах, либо перемещается в крупные города по “латиноамериканскому варианту”, однако эта форма “мобильности” является ложной. Само население с точки зрения возможности менять места приложения труда практически не может считаться мобильным, так как в условиях “города-комбината” профессиональная подготовка и переподготовка затрагивает только своих и только узко профессионально. “Перемещение” же работников компаний носит, как правило, плановый характер.

“Народная” модель (город на пути к гражданскому обществу): мобильность населения становится одной из движущих сил городского развития. В город переезжают люди, нашедшие тут место приложения своего труда. Они соответственно замещают тех, для кого близость к месту работы перестает быть определяющим фактором выбора места жительства. Формируется внутригородская дифференциация (не сегрегация). Основным экономическим инструментом мобильности становится ипотека, обеспечивающая динамичное развитие рынка жилья. Препятствий для миграции нет. Местное самоуправление не допускает “скатыва-

ния” миграционных процессов к территориальной сегрегации и формированию теневой экономики или преступных группировок, контролируемых переселенцами. Относительная сегрегация обусловлена этнокультурной самобытностью мигрантов. Увеличивается “профессиональная” мобильность населения, которое во все большем объеме получает возможность обучения и переобучения в соответствии с потребностями рынка, спектр доступных “социальных ролей” расширяется.

Модель **“Гражданское общество”**: миграция становится делом обыденным. Авиация и автомобиль — основные виды транспорта. Железная дорога становится по преимуществу грузовой. Ипотечные механизмы и развитый рынок аренды жилья дают возможность свободного перемещения по стране в поисках работы. Альтернативой физическому перемещению становится гибкая профессиональная специализация, работа через Интернет; накопления позволяют человеку часть времени не работать, посвящая время личному досугу, общественным делам. Возможность переподготовки и изменения своей “социальной роли” высока и служит мощным фактором мобильности населения.

IV. Долговременные внешние факторы, влияющие на развитие российских городов

Макроэкономический фактор — цены на сырьевых рынках

Экономика российских городов в целом далека от анклавного экспортного сырьевого сектора. Ее самостоятельное развитие, относительная зависимость от цен на сырьевых рынках — позитивный макроэкономический сигнал.

Старение российского населения

До 2005 г. в России прогнозируется увеличение численности трудоспособного населения и сокращение численности населения в возрасте ниже и выше трудоспособного. Ожидается недостаток рабочих мест в районах с традиционно высокой рождаемостью, в моногородах. Но затем прогнозируется старение населения и увеличение демографической нагрузки на работающих.

“Скопление” пенсионеров будет мешать мобильности трудоспособного населения. Старение населения опасно в комбина-

ции с механическим оттоком трудоспособного населения из конкретных регионов и городов. Территориальный аспект здесь гораздо важнее, чем структурно-демографический. Так, сегодня процесс депопуляции, охвативший сельские регионы Нечерноземья, в сочетании с выездом оттуда молодого трудоспособного населения представляет серьезную угрозу. Демографическая структура населения северных городов подвергается такому же испытанию.

В городах “государственной” модели возможны попытки решить проблему старения плановыми методами (ускоренное строительство специализированного жилья и специфических инфраструктурных объектов). Но это ведет к распространению типовых подходов без адаптации под потребности каждого города. Не нашедшая адекватного спроса система хиреет.

В условиях “бюрократической” модели страх потерять устойчивую социальную базу заставляет руководство города поддерживать сносные условия жизни для пенсионеров. Это выражается в искусственной гомогенизации городской территории, что становится препятствием для экономического развития города.

Города “корпоративной” модели выгораживают свою территорию так, чтобы в нее попало минимум пенсионеров. Остальная часть города обречена на деградацию.

В городах “народной” модели и модели “гражданского общества” мобильность даст возможность стареющему населению переселяться в другие районы в соответствии с изменившейся шкалой предпочтений. При этом не происходит существенного изменения качества жизни, особенно в рамках модели “гражданского общества”.

Интеграция в мировую экономику

Интеграция в мировую экономику постиндустриального периода приводит к тому, что уровень благосостояния граждан и самого города (через налоговую базу) все больше зависит от экономической и финансовой конъюнктуры международных отраслевых и финансовых рынков. Города выступают как самостоятельные экономические субъекты. Важно, чтобы они могли обеспечить на своей территории условия ведения бизнеса, отвечающие требованиям конкуренции (гибкую профессиональную специализацию, восприимчивость к “чуждым культурам” корпоративного управления, прозрачность, приоритетную роль юридического консультирования и судов в решении трудовых и экономических споров, обеспечение по-

всемерности и доступности информационных и компьютерных технологий и т. д.).

Центральная власть немного может сделать для попавшего в беду города, она не контролирует мировые процессы и не поспевает за их динамикой и спецификой проявления в конкретном месте.

Важнейшим инструментом становится обеспечение демократических процедур, направленных на адаптацию условий для предпринимательства на “низовом уровне”. Прозрачность и устойчивость местных демократических процедур позволяют учесть интересы населения города и разделить с ним ответственность за принятое решение. Фискальная автономия дает возможность собрать необходимые ресурсы для решения проблем. Реальные шаги в этом направлении возможны только в условиях “народной” модели развития городов, а решение проблемы интеграции на системной основе — только в рамках модели “гражданское общество”.

Информатизация, развитие системы коммуникаций

Процесс информатизации и развития коммуникаций приведет к смягчению “бремени российских расстояний”, но можно предположить, что в России этот эффект будет слабее, чем на Западе. Уровень социальных услуг, которые “не поддаются” информатизации и которые можно получить в 10–15 крупнейших городах, несопоставим с уровнем услуг на прочей территории страны. Вывод: люди, вовлеченные в процессы информатизации, в обозримой перспективе будут стремиться в крупнейшие города, уходящие “в отрыв”.

“Государственная” модель предполагает не очень эффективное использование новых коммуникационных технологий в технике “генпланов”, “народная” — постепенное выравнивание системы “центральных мест”.

Присоединение новых территорий, формирование агломераций, расширение “сферы деятельности” будут свойственны “бюрократической” модели. Со временем появятся препятствия развитию по причине ранее неэффективного использования территории (сохранение промышленных предприятий и пр.).

В условиях “корпоративной” модели информатизация провоцирует усиление территориальной дифференциации. Технические возможности дистанцирования управления приводят к его концентрации в центральных городах.

Усиление степени свободы при размещении новых производств

Свобода создания новых рабочих мест и мотивация к снижению стоимости строительства и поддержания инфраструктуры в более благоприятных районах приводят к усилению сдвига населения на территории с более благоприятными климатическими условиями (часть Северного Кавказа, Центрального Черноземья и Поволжья). Города севернее этой зоны превращаются в города-“минигосударства”. Нижний Новгород остается в обжитой части только ценой сращивания с Москвой, Казань — в силу относительной автономности татарской системы расселения, но Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург, города юга Сибири становятся островами в экономической пустыне.

Какие здесь содержатся вызовы, и надо ли этому препятствовать? Эффективность экономики повышается, но оголяется граница с Казахстаном и Китаем. В случае интеграции в мировую экономику здесь не будет проблемы, и, значит, эта тенденция не оставит нам ничего другого, кроме как интегрироваться. Но непонятно, “работает” ли этот вывод в случае границы именно с Казахстаном и именно с Китаем. Расцвет приграничных городов в результате резкого расширения возможностей трансграничного сотрудничества здесь не спасает. Этнические проблемы ждут нас во всех сценариях. Одним из результатов трудностей ассимиляции этнических мигрантов в основных городских центрах становится их концентрация в приграничных территориях, где они будут замещать собой “уходящее” русское население.

Возможны ли эффективные реакции на этот вызов, не включающие в себя искусственное поддержание сети несостоятельных приграничных городов?

Развитие по “народной” модели ослабит остроту вызова, но не избавит от необходимости решения по принципу “меньшее из зол”. Государство будет вмешиваться в естественный ход развития городов, препятствуя развитию гражданского общества.

Этнические миграции — временные и постоянные

В XXI в. наметился процесс возвращения русских в Россию. Смогут ли города направить его себе на пользу?

В городах “государственной” модели регулирование иностранной миграции идет в рамках государственной политики. Но безрезультатно — возникнут варианты развития или по “корпоративной” модели (конфликт с местным населением), или по

“бюрократической” (теневая экономика), либо произойдет их синтез.

В условиях “бюрократической” модели бюрократия имеет характер национальный, клановый. Миграционное сообщество рассматривается как конкурирующий клан, он загоняется в нишу. Формируется теневая экономика, и она не идет на благо городу.

В условиях “корпоративной” модели будут происходить два процесса. Во-первых, организованный завоз иностранной рабочей силы и конфликт с местным населением (из-за престижных рабочих мест). Во-вторых, города “процветающих” корпораций (нефтяных и пр.) могут стать центрами притяжения неконтролируемой этнической миграции. Может возникнуть лоббирование корпорациями идеи административных ограничений миграционных процессов (закрытия городов). Этот процесс может охватить всю Россию.

“Народная” модель: отсутствие практики совместного решения проблем порождает “дискриминацию демократическим путем”. То же самое возможно в национальных республиках в отношении русского населения. Неизбежна полоса конфликтов, но преимущество данной модели состоит в постепенной “обучаемости” межнациональной демократии.

“Окаменелый советизм”

Построенные в советское время города еще долго будут главной оппозицией экономическим реформам. На все эти “фонды” эпохи “централизованных капиталовложений” все еще завязано жизнеобеспечение горожан, и механизмы их поддержания по-прежнему ориентированы на старые схемы “бюджетной поддержки”. Общество может сравнительно быстро осознать преимущество долгового финансирования капиталовложений в инфраструктуру, но применить его еще долго не будет способно.

V. Сценарии

Наиболее серьезный вызов — тот, что Россия может резко разделиться на Россию полутора десятков региональных центров и территорию с натуральным хозяйством. Несмотря на то, что 15 центров будут “прорываться” в мировую экономику, остальная страна все глубже станет погружаться в “идиотизм деревенской жизни”. Потом наступит медленная “вторичная урбанизация”.

При любом сценарии ряд малых городов (искусственно созданных в советский период) трансформируются в сельские поселения, и этот процесс будет благоприятен. Но сохраняется угроза потери городской специфики для массы малых и средних городов, необходимых для нормального экономического развития. Нужна система стимулов (экономических, социальных), чтобы население малых городов рискнуло перестать “выращивать картошку”.

Обратимся снова к нашей системе координат (рис.1) и рассмотрим сценарии развития городов России.

Сценарий 1. “Хожение по мукам” (вероятность 30 %)

“Инерционный” сценарий. Россия “блуждает” внутри левого нижнего квадранта: сохраняются многочисленные барьеры на пути мобильности населения, а преобладающей моделью будут варианты “смеси” бюрократической и государственной моделей. Местные бюрократии не заинтересованы в повышении мобильности городского населения. Происходит консервация сложившейся в советский период системы расселения в результате бюрократической конкуренции за местные бюджеты и другие активы.

Происходит “раздвоение” российской системы городов — через 10–15 лет мы будем иметь “классическую” кривую распределения городов по численности населения, однако за ее пределами останутся Москва и Санкт-Петербург.

Тезис о существовании “двух России” получает и пространственное воплощение. За Уральским хребтом идут специфические процессы. В ряде городов “обвально” сокращается население, другие превращаются в зону социального бедствия, из которой люди не могут выбраться. Это дает повод для государственного вмешательства. За Уралом государственная модель становится преобладающей. Государство пытается подменить собой рыночные механизмы развития и местное самоуправление.

Губернские столицы превращаются в центры активности. Но приток населения в эти города ограничен административными мерами. Частичный “ренессанс” моногородов. Расположенные в них крупные промышленные предприятия получают госзаказы. Малые города теряют статус административных центров: их промышленность не выдерживает конкуренции, остро встает проблема занятости. Население живет за счет натурального хозяйства.

Формируется государственная программа ликвидации неперспективных городов (северных поселений), пропагандируется

идея заселения Сибири и Дальнего Востока. Для городов и регионов приграничной полосы устанавливаются льготы.

Сценарий 2: “Через тернии к звездам” (вероятность 50 %)

Устойчивый экономический рост приводит к резкому увеличению доли городов, развивающихся по законам корпоративной модели. На местных выборах ставленники корпораций победят бюрократию. В регионах растут “вторые” и “третьи” города. Ускоренно развиваются неформальные экономические центры, привлекающие внимание корпораций. Средние города теряют значение. Небольшие промышленные и полугородские поселения урализируются.

Мобильность обусловлена производственными причинами, там, где производство требует перемещения рабочей силы, корпорации “взламывают” любые преграды. Первоначально корпорации финансируют программы переселения, но постепенно приходят к выводу о необходимости изменения институтов, сдерживающих мобильность. С муниципалитетами заключаются соглашения о предоставлении муниципального жилья по путевкам корпораций. Увеличение предложения на рынке муниципального арендного жилья сбивает цены на рынке частного арендного жилья. Люди начинают перемещаться по собственной инициативе. Это дает импульс развитию ипотеки.

Бизнес начинает поддерживать процессы становления гражданского общества, поскольку приближение к международной культуре и этике предпринимательства становится фактором повышения капитализации.

Начинается вторая фаза сценария (переход в верхний правый квадрант). В города переезжают люди, нашедшие тут работу. Они занимают место тех, кому проживание в данном городе становится ненужным (пенсионеры). Более эффективно используется городской жилой фонд. Основным экономическим инструментом мобильности становится ипотека. Препятствий для миграции нет. Местное самоуправление не допускает “скатывания” миграционных процессов к жесткой территориальной сегрегации и формированию теневой экономики или преступных группировок, контролируемых переселенцами. Относительная сегрегация обусловлена этнокультурной самобытностью мигрантов.

Идет выправление искажений системы расселения, порожденных плановой экономикой. Москва и Санкт-Петербург приобретают свойства “мировых городов”. Им еще далеко до мировых центров, которые уже имеют специализацию (Лондон и Токио — фи-

нансовые центры, Париж — культурный центр), но тут уже можно получить комплекс услуг по высшим мировым стандартам. Они становятся зонами активных контактов России с внешним миром.

Развиваются полноценные региональные центры (их около 10) с функциями “второго порядка”. Формируется полноценная сеть средних и малых городов как системы центральных мест. Сеть малых городов “нормализуется” — они либо включаются в зоны агломераций более крупных городов, формируя пригороды, либо попадают в систему центральных мест с функцией обслуживания территории (сервис, переработка местной продукции), либо постепенно ликвидируются вследствие оттока населения. Информатизация и развитие коммуникаций пока не могут обеспечить малому городу включение в “виртуальное пространство”.

Географические изменения городской системы также достаточно заметны. Развиваются региональные центры, особенно “недоразвитые” в предыдущие десятилетия, объективно являющиеся центрами относительно самостоятельных регионов (Владивосток, Хабаровск, Красноярск, Иркутск, Новосибирск, Ростов и др.). Активно растут и развиваются “средние” города — полюса системы расселения в европейской части страны и Южной Сибири. Происходит отток населения из северной части страны, компенсирующийся распространением вахтового метода освоения. Опережающими темпами развиваются крупные городские агломерации вокруг 10–15 городов.

Происходит целый ряд процессов: сужение полосы городского расселения; постепенное отмирание и закрытие городов с неудачным расположением; рост городов-миллионеров (2–3 млн человек) с диверсифицированной структурой занятости; сдвиг населения в южные районы Европейской России, сопровождающийся социальными конфликтами на почве противодействия ксенофобии и земельной реформе; политические осложнения в системе федерализма благодаря ломке этнических границ крупными космополитическими городскими центрами.

Сценарий 3: “Повезло, так повезло” (вероятность 20 %)

Сначала доминирует “бюрократическая” модель, но ее неэффективность развенчивает имидж “крепких хозяйственников”. Государство вмешивается в процессы развития городов (попытки создать единую вертикаль управления городскими системами), но теряет интерес к “проектам”.

Вызревают элементы гражданского общества. Сначала гражданам не могут и не хотят заниматься самоуправлением, дискре-

дитированным деятельностью местных бюрократов. Но постепенно на местах растет значение самоуправления. Процесс информатизации взломает все эти барьеры не позднее 2010 г. и накроет всех информационной волной. Информационная закрытость городских бюрократий станет анахронизмом, бюрократии будут вынуждены налаживать диалог с гражданами. Ускорится кристаллизация ядер гражданского общества.

К концу первой декады века формирование элементов гражданского общества приобретет массовый характер и приведет к доминированию “народной” модели. Ее развитие “вширь” и “вглубь” позволит приблизиться к модели “гражданского общества” к 2015 г.

Миграция будет делом обыденным. Ипотечные механизмы и развитый рынок аренды жилья позволят свободно перемещаться по стране. Альтернатива — гибкая и многосторонняя профессиональная специализация, работа через Интернет.

Система расселения, сложившаяся в условиях изоляции национальной экономики, трансформируется в двух направлениях. Близость к Токио и Шанхаю для Владивостока, равно как Варшавы, Хельсинки и Берлина для Калининграда, становится более важной, чем удаленность от Москвы.

Ритм городского расселения измеряется двухчасовым авиаперелетом. Система расселения фокусируется на нескольких десятках крупных городов, обеспечивающих контактную функцию. Остальные либо выполняют такую же функцию в более мелком масштабе, либо умирают вовсе, если не находят возможности скомпенсировать свою удаленность от контактных границ системами коммуникаций. Если говорить о России, то, например, Новгород, Петрозаводск, Выборг и Мурманск становятся “частями” (экстремумами) Санкт-Петербурга; а Нижний Новгород, Владимир, Тверь, Рязань, Тула, Смоленск, Ярославль, Кострома — “районами” Москвы.

Для малых городов реальны две возможности подключения к глобальной экономике: стать пригородом (с помощью скоростных систем транспорта) либо частью виртуального пространства Интернета.

Современная ситуация характеризуется развитием городов по “бюрократически-корпоративному” типу. Концепция города во главе с “крепким хозяйственником” еще долго будет оцениваться обществом со знаком “плюс”. И в случае развития по “государственному” типу образ крепкого хозяйственника-назначенца будет использоваться для легитимизации демонтажа местного са-

моуправления. Характерная для этого варианта фрагментация общественной жизни (каждый сам по себе), как, впрочем, и “совнархозовское” иждивенчество, будет серьезным барьером для развития зачатков гражданского общества.

Тем не менее инерционный сценарий — не самый вероятный. Другие процессы будут способствовать осуществлению более оптимистичных сценариев. Демократические институты будут “учить” совместному принятию решений, ответственности за их последствия. Сегодня эти институты во многом работают вхолостую, поскольку решения, которые предлагается принимать городскому сообществу, — “ненастоящие”. Но все-таки на городских выборах граждане всегда оказываются в ситуации, когда необходимо принять действительно серьезное и ответственное решение. Кто бы ни победил на выборах, городское сообщество становится чуть-чуть другим.

Процесс развития российских городов необратим — они будут стремиться к модели “гражданского общества”, которая позволит обеспечить их эффективное развитие и поможет им “встроиться” в общенациональную и глобальную систему расселения.

НА ПОРОГЕ НОВОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Доклад Центра Стратегических исследований
Приволжского федерального округа (ПФО)

Владимир Княгинин, Петр Щедровицкий

Предисловие авторов

Этот доклад был подготовлен в 2000 г. после серии исследований, проведенных во всех субъектах федерации, входящих в ПФО. Исследования проводились в тот момент, когда система федеральных округов в России переживала период становления. Задача группы, готовившей доклад, заключалась в том, чтобы попытаться зафиксировать существовавшие тогда основные тенденции пространственного развития страны и представить, как на них отразится ее разделение на федеральные округа.

Итогом исследований стал вывод о том, что РФ на рубеже 2000-х годов вступила в процесс новой регионализации, когда в пространстве страны стала меняться геометрия развертывания процессов экономической, социально-культурной и политической активности, когда внутренние административные границы перестали фиксировать пространственную локализацию данных процессов. Регионы, созданные в период советской индустриализации и закреплённые существующей государственно-административной организацией, постепенно начали терять значение площадки, на которой реализуются значимые социальные и экономические проекты.

Такой вывод позволил отказаться от отношения к границам субъектов федерации как к “священным коровам”, сформировать готовность к представлению и осуществлению трансграничных политических, социальных и экономических проектов. Тогда, в 2000 г., появилась возможность для обоснования действий государственной власти в

© Княгинин В. Н., Щедровицкий П. Г., 2003

масштабах, меньших, чем вся федерация, но больших, чем отдельный ее субъект, появилась возможность для разработки правового и организационного инструментария таких действий.

Сегодня мы значительно продвинулись в представлениях о том, как в современных условиях в мире и в России формируется новая пространственная организация. Сейчас понятно, что в процессе новой регионализации особую роль играют инфраструктуры и социо-культурная мобильность. Причем речь идет не только о процессах развития существующих инфраструктур (транспорта, связи, энергетики, коммунальных сетей и пр.), но и о строительстве новых (торговых, информационных и т.п.). А главное — формирование новой иерархии инфраструктур, их “сборка” в пространстве страны в своеобразные “пакеты”. За последние два года появились интересные разработки в сфере нового государственного и административного устройства страны, и то, что в 2000 г. казалось невозможным, сегодня уже реализуется. Ясно, что новая регионализация не замыкается границами России, что это — современный мировой процесс.

Новая регионализация в России только начинает разворачиваться. Пока она идет в основном в экономической, социально-культурной и демографической плоскостях, но неизбежно затронет и государственно-правовую. Очевидно, что пространственная организация страны будет трансформироваться и дальше.

В 90-е годы Россия пережила процесс регионализации социо-культурного, экономического и административно-политического пространства страны. Созданные в результате освоения наследства Советского Союза регионы России сформировались как административно-интегрированные сообщества, возглавляемые региональными органами власти. Главной управленческой практикой в них осталось администрирование. Однако в глобализирующемся мире, совершающем переход от индустриальной экономики к постиндустриальной и от административной интеграции к культурной, российские регионы оказались неконкурентоспособными. Началось “свертывание” пространства “административных” регионов России. Вместе с тем в конце 90-х годов развернулся процесс становления новых “культурно-экономических” регионов, как сообществ, ориентированных на переход к постиндустриальной экономике и культурной интеграции, основанных на локализации определенных видов экономической деятельности. Центром новых регионов становится управление финансами и собственностью, разработка новых технологий и продуктов, а также создание информационно-коммуникационной инфраструктуры и сферы социально-культурных услуг.

Кризис “административных” регионов

“Административные” регионы: пределы роста достигнуты

Главным позитивным следствием административно-политической регионализации России было резкое возрастание вариантов развития страны, внутреннего разнообразия государственного управления, его сложности. В стране сформировалось 89 самостоятельных “административных” регионов, которые попытались выстроить собственные политические и социально-экономические системы. Однако к середине 90-х годов обозначилась новая тенденция в регионализации России — **проявились пределы роста “административных” регионов**. Их рост был процессом **концентрации** в руках субъектов федерации властных полномочий и имущественных прав. Прежде всего, завершилось **разграничение собственности** между РФ и ее субъектами. Имущественные права некоторых из них (с ведома органов государственной власти РФ либо в одностороннем порядке) были зафиксированы максимально широко, вплоть до права собственности на землю, недра и иные природные ресурсы.

Дальнейшее перетекание госсобственности в ведение регионов могло продолжаться только за счет ее утраты Федерацией. Фактически, разновидностью такой **имущественной экспансии** стало **накопление долгов** республик, краев, областей перед Федерацией, выпуск в обращение **денежных суррогатов**. Такую же роль играли и долги по заработной плате. Особой разновидностью имущественной экспансии явилась **борьба за экспортеров**. Она велась как в форме препятствия приватизации предприятий-экспортеров, так и в форме установления контроля в управлении предприятиями-экспортерами через захват их “силовыми” государственными ведомствами.

Что же касается концентрации властных полномочий субъектов федерации, то в течение 90-х годов расширялась зона юрисдикции не столько территориально, сколько путем увеличения предметов ведения и объема властных полномочий¹. Расширение было настолько интенсивным, что привело к конкуренции правовых систем регионов и Федерации и поставило под вопрос само существование Федерации.

Кризис “административных” регионов

Пределы роста “административных” регионов обернулись для них недостаточностью ресурсов для того, чтобы выполнить

¹ Юрисдикция органов власти субъектов федерации была существенно расширена Конституцией 1993 г.

взятые на себя функции, чтобы удерживать “протекционистский зонтик” над своим населением и лояльными к региональной власти предприятиями-резидентами. По сути, стремящимся к административно-территориальной, финансово-экономической и социо-культурной замкнутости регионам был предъявлен вызов со стороны внешней среды их функционирования. Сейчас этот вызов разворачивается сразу по нескольким направлениям, что ставит под сомнение сами принципы организации регионов как административно-интегрированных сообществ.

1. Бюджетный кризис. Региональные бюджеты оставляют органам власти субъектов федерации все меньше возможностей удовлетворять конкурирующие экономические и социальные интересы, перераспределяя средства. Тяжелый кризис переживают регионы, в которых растет бюджетная задолженность, увеличивается доля нецелевого расходования бюджетных средств и пр. Невозможность поддерживать расходы на достаточном уровне толкает региональные власти к **сокращению зоны своей ответственности** и, прежде всего, к накоплению долгов по социальным расходам бюджетов. Перегруженный социальными обязательствами и поддержанием неэффективно работающих “своих” предприятий бюджет постепенно лишает региональные власти статуса активного и сильного “игрока” на площадке экономики. Изменение порядка предоставления федеральной помощи регионам неизбежно повлечет за собой серьезный кризис “бюджетной экономики” и ранее процветавших в ней “зонтичных структур”.

2. Ценностно-культурный кризис, принявший форму кризиса “проектирования Будущего”. Став ответственными за “проектирование Будущего” своих территорий, региональные власти не справились с этой задачей. Нет ни одного примера новой успешной региональной экономики. Программы развития субъектов федерации большей частью представляют собой “дефектные ведомости” (перечень недоделок) советского периода. Проведенное ЦСИ экспертное обследование Приволжского федерального округа (ПФО) показало, что, по крайней мере, 9 из 15 субъектов федерации, входящих в его состав (республики Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Удмуртия, Коми-Пермяцкий а.о., Пензенская, Кировская, Ульяновская, Саратовская области), в качестве стратегических проектов своего развития видят сельское хозяйство, часто дополняемое развитием ВПК. Что же касается ВПК, то, учитывая спектр стран, которые назывались экспертами как потенциальные покупатели его продукции, можно сказать, что в

представление о Будущем регионов и страны закладывается сценарий участия России в конфликтах и глобальном менеджировании международной напряженности. Чуть лучше положение у регионов — “сырьевых зон” глобального мира. Они **смогли интегрироваться в его технологические цепочки**, но не в виде интеллектуальных, финансовых и организационных лидеров этих цепочек, а, скорее, как зависимые и вторичные в технологическом отношении участки чужих производственных комплексов. В общем, реалистичные и отвечающие современным тенденциям развития глобального мира образы Будущего региональные власти создать пока не в состоянии. И, видимо, надеются получить представление об образе Будущего от внешнего инвестора.

3. **Кризис территориальной солидарности и административных практик** государственного управления. “Административные” регионы, проводя протекционистскую политику и отстаивая неприкосновенность административных границ, оказались не готовы к ситуации, когда эти границы перестали совпадать с границами рынков, когда резко возросла интеллектуальная составляющая в стоимости товаров, когда социально-экономическое развитие стало зависеть от степени открытости региона глобальному миру, от степени разделенности принятых в нем ценностей. Накрывая “протекционистским зонтиком” предприятия, частично компенсируя из бюджетов их убытки, устанавливая барьеры на пути товарных и финансовых потоков, регионы лишили себя притока капиталов, знаний и технологий из глобального мира. “Административная” организация субъектов федерации стала тормозом для их технологического и экономического развития. У региональных властей уже не хватает средств поддерживать неэффективные производства, а эффективный капитал от них просто “убегает”, пользуясь прозрачностью административных и государственных границ.

Таким образом, многоаспектный кризис, который переживают “административные” регионы России в конце XX века привел к тому, что их пространство начинает “сворачиваться” — пока еще не территориальное, но экономическое, социо-культурное, политическое.

Пространство “административных” регионов “сворачивается”

Пространственные потери “административных” регионов

“Сворачивание” социального пространства представляет собой утрату-ликвидацию позиций, занимаемых соответствующими

щим субъектом в конкуренции или кооперации с другими субъектами. Социальное пространство стремится конвертироваться в физическое — под видом искоренения или депортации некоторых людей, жесткой локализации их жизненной активности в рамках определенного географического ландшафта.

1. **Уменьшается присутствие “административных” регионов в экономическом пространстве**, в которое “вписаны” регионы. На примере такого особого “административного” региона, как Россия, можно наглядно проследить “сворачивание” его присутствия в экономике глобального мира. В. Иноземцев на международной конференции “Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия” (Москва, 1999) привел цифры, характеризующие положение России на экономической карте мира (на начало 1998 г.): занимая 11,47 % на политической карте мира, РФ создавала лишь 1,63 % мирового ВВП и обеспечивала 1,37 % мирового экспорта. Уменьшение присутствия в экономическом пространстве фиксируется не только в физических показателях, но и в перемещении за пределы “административных” регионов имущественных прав, маршрутов финансовых потоков, так называемого “структурного интеллектуального капитала” (технологии, товарные марки, отношения с клиентами, патенты, лицензии и пр.). Кроме того, оно характеризуется убыванием количества хозяйствующих институтов, упрощением их организации и корпоративных стратегий.

Особым примером “сворачивания” экономического пространства регионов является **бунт капитала**. Деньги, акционерный капитал, обращаясь на ставших интернациональными (межрегиональными) финансовом и фондовом рынках, свободно мигрируют из одного региона в другой, бунтуя против обременительных требований субъектов федерации.

2. **Уменьшается политический “вес” “административных” регионов** в рамках более широкого контура — страны или глобального мира. Уменьшение политического “веса” регионов проявляется в том, что они перестают участвовать в выработке государственных и политических решений об управлении этим контуром. Особым показателем уменьшения политического веса “административного” региона является утрата юрисдикции над территорией и потеря полномочий и предметов ведения.

3. **Уменьшается человеческий капитал** регионов — знания, навыки и творческие способности людей. С одной стороны, это может выражаться в виде потери носителей (**депопуляции** сообщества). С другой — происходит **инфляция** человеческого капитала, что ведет к невозможности адаптации к социальным изменениям.

Таким образом, “сворачивание” социального пространства российских регионов предстает как их своеобразное “опустынивание”, физическое обезлюживание. Следует ждать, что “сворачивание” социального пространства рано или поздно конвертируется в физические потери территорий регионами и страной в целом.

Пространство “сворачивается” по-разному: борьба за “пространственные прибыли”

“Сворачивание” регионов идет неравномерно. Из семи федеральных округов в меньшей степени этот процесс переживают Центральный и Северо-Западный. В наибольшей степени — Дальневосточный, Южный и Сибирский.

Образующиеся “пустоты” либо ничем не заполняются и превращаются в **депрессивные деградирующие зоны**, либо **заполняются дру-гими социальными пространствами**, перетекающими из других территорий. Это предстает в виде экспансии одних регионов на предприятия и хозяйственные комплексы других. Комплиментарный период существования регионов закончился, они вступают в конкуренцию между собой. Кроме того, на регионы наступают корпорации-нерезиденты. Региональные элиты не смогли удержать в управлении успешные производственные комплексы. И эти комплексы нередко достаются корпорациям-нерезидентам (например, самарский капитал фактически установил контроль над “Ижмашем”, активно участвует в приватизации предприятий Ульяновской области).

Одним из направлений наступления нерезидентов является постепенное “сворачивание” информационного и политического пространства регионов. Крупные компании “покупают” региональную власть, финансируя выборы из “серых фондов”, осуществляя поддержку или давление через свои СМИ т.д.

Итак, одни регионы несут наибольшие потери социальных институтов и людей, а другие выигрывают борьбу за “пространственные прибыли”.

Гипотеза: почему кризис регионального развития России разразился именно в 90-е годы

Российская “административная” регионализация произошла за счет обособления сегментов советского хозяйственного комплекса и концентрации на уровне субъектов федерации традиционных управленческих полномочий (федерация оставила за собой в основном отраслевое управление, передав территориальное своим субъектам). Но регионы обрели в основном ценности уходя-

щей эпохи — производственные комплексы, жесткие административные границы, замыкающие активность людей территориями.

В мире, в котором развернулись процессы **глобализации**, непроницаемость границ становится во многих случаях препятствием для развития². Рост регионов в этих условиях понимается как наращивание **организационного потенциала**, то есть умение привлечь к достижению цели те организации и тех людей, которые могут внести вклад в создание и сохранение ценностей постиндустриального общества (знаний, технологий). **Пространственная карта мира** теперь строится в соответствии с концентрацией человеческого капитала, разломы на ней определяются не столько государственными и административными границами, сколько культурными “разломами”.

В **глобальном мире** реальной силой стали не природные ресурсы и традиционные факторы производства (основные фонды и земля), а знание, информационные технологии. Сформировались собственные “центры силы”, задающие систему координат для оценки экономического, политического потенциала стран и отдельных регионов внутри них. Современный мир разделился на несколько зон, отличающихся друг от друга **временной приближенностью к Будущему**, создаваемому технологически воплощенным знанием: “**футурозоны**”, **зоны “копиистов”**, **зоны “источников сырьевых ресурсов”** и “**зоны отчуждения**”³.

Для РФ и ее субъектов при помещении их в систему координат глобального мира стало открытием, что страна и ее регионы не сформировали культурное сообщество, определяющее ценности, признаваемые в глобальном мире, а значит, не вошли в его

² Из высказываний американского социолога Д. Белл следует, что доминирующими экономическими секторами индустриального общества являются “**первичный**” и “**вторичный**” сектора (то есть добывающие отрасли, включая сельское хозяйство, и обрабатывающая промышленность). Национальное государство, выступающее территорией базирования для данных экономических секторов, их основных фондов, — “несущий каркас” для индустриального общества. **Постиндустриальное общество**, в отличие от своего предшественника, источник своего развития переносит из области машинных технологий в технологию генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации... Соответственно основными экономическими секторами постиндустриального общества становятся **третичный** (транспорт, коммуникации), **четвертичный** (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и **пятеричный** (здравоохранение, образование, исследование, государственное управление, отдых), а “несущей конструкцией” — транснациональные сетевые структуры (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. 100, 157-159 и сл.).

³ Развитые страны — “футурозоны” — те, кто формируют образ Будущего, определяют ценность информации и технологические способы ее создания и распространения, выступают как образец “правильного” и “разумного” устройства общественной жизни для всего мира. Прежде всего — это Северная Америка, Западная

“футурозону”. Сегодня разрыв между развитыми странами и Россией может быть преодолен только при использовании **новых гуманитарных технологий**. Реорганизация пространства страны должна привести к появлению на ее карте не “административных”, а культурно-экономических регионов.

Все это позволяет утверждать, что Россия встала перед **перспективной новой регионализацией, теперь уже культурно-экономической**.

Новая экономическая регионализация несет с собой новый тип организации пространства страны

Территория экономических регионов: центры кристаллизации и “островная” периферия

Новые “культурно-экономические” регионы не ликвидируют старые “административные”, а лишь “надстраиваются” над ними, но при этом приобретают иную пространственную организацию.

Европа и Япония. Они, как гигантские пылесосы, высасывают богатства всего мира, меняя их на “виртуальную ценность” знания, в том числе и в виде собственного имиджа наиболее передовых и “современных” (опережающих время) стран.

Зона “копиистов” — страны и регионы, копирующие знание, созданное в “футурозонах”, технологически воплощающие его в материальные продукты, выступая “рабочими руками” и торговыми представителями “футурозоны”. Япония, Южная Корея, другие “восточные драконы”, в Европе — Испания и Италия, в Азии — Турция после второй мировой войны продемонстрировали готовность воспринять западные ценности и систему управления. Часть из них, прежде всего Япония, выросли сейчас до уровня стран “футурозоны”.

Зона “источников сырьевых ресурсов”. Во входящих в нее странах сконцентрированы сырьевые ресурсы, которые используются в современной “глобальной экономике”. Еще в 70-е годы казалось, что сырьевые доноры будут определять контуры будущего мира. Но 80-е, а в особенности 90-е годы показали, что технология в конечном итоге позволяет продуктивно использовать то или иное сырье и определяет, что вообще должно считаться естественными ресурсами в мире. Поэтому уже более десяти лет стоимость естественных ресурсов либо вообще не растет, либо растет темпами, гораздо меньшими, чем рост цены знаний и технологий. Зона “источников сырьевых ресурсов” в своем развитии зависима от создающей технологии и образа конечного продукта “футурозоны”.

“Зоны отчуждения” представляют собой либо изоляционистские сообщества, пытающиеся сформировать собственную систему ценностей и целей, либо деморализованные и “отсталые” сообщества, не способные создать что-либо. Они не представляют ценности для современного мира и поэтому вынуждены замыкаться внутри своих границ, не влияя на мировые процессы.

См.: Усс А.В. Сибирь в XXI веке — возможные сценарии развития. Красноярск, 1999.

Они больше не существуют как единая протяженная (без разрывов) территория. Ее протяженность уже не столь важна, гораздо существеннее наличие коммуникаций между частями этих регионов.

Внутри “культурно-экономических” регионов выделяются центры, в которые перемещаются субъекты, принимающие решения, причем не столько технические или технологические, сколько финансовые, корпоративно-стратегические и социо-культурные. Будучи, по сути дела, носителями человеческого капитала, данные субъекты предъявляют к центрам особые требования по обустройству технологического роста, управления социальными процессами, формированию культурной среды, необходимой для работы и жизни квалифицированных кадров. Естественно, что таким требованиям в наибольшей степени отвечают крупные города. Прежние инженерные инфраструктуры индустриальной экономики для функционирования постиндустриальной экономики должны быть существенно модернизированы и дополнены.

Но у “культурно-экономических” регионов выделяются не только центры, но и обширная периферия. Ею становятся районы дислокации производственных мощностей и иных объектов, где производство организовано на базе технологий, разработанных в центрах. Часто эти объекты находятся на значительном территориальном удалении от центров принятия решений.⁴

Это приводит к противоречию: с одной стороны, наблюдается глобальная дисперсия производства, а с другой – концентрация производственных и других услуг в столичных городах.

Итак, новая логика строительства регионов определяется локализацией управления финансовыми, товарными потоками, созданием новых продуктов и технологий⁵. Но для того, чтобы пространство стало таким регионом, в нем должны соединиться технологические циклы, движение финансов, акционерного капитала и рабочей силы.

⁴ Директор Центра Фердинанда Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизации (США) И. Валлерстайн утверждает, что начавшееся в 70-е годы перенесение промышленных предприятий в полупериферийные страны (феномен “убегающих заводов”) было связано с уменьшением затрат на оплату труда, а также с политикой “экстернализации расходов” (перенесение затрат по утилизации производства на периферию экономических регионов, сокращение расходов на восстановление сырьевой базы, сокращение налогов и пр.) (См.: *Валлерстайн И.* Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии, 2000, № 2. С. 18-23)

⁵ М. Кастельс утверждает, что “глобальная экономика существует, потому что экономики всего мира зависят от производительности их центра глобализации. Этот центр глобализации включает в себя финансовые рынки, международную торговлю, транснациональное производство и до некоторой степени науку и профессиональный труд” (См.: *Кастельс М.* Глобальный капитализм. С. 16).

Следует отметить, что новая регионализация России пока **не сопровождается формированием самостоятельных культурно-экономических сообществ**. Новые “трансадминистративные” регионы, за исключением, пожалуй, Москвы, базируются на первичном и вторичном экономических секторах, а значит, не меняют своей индустриальной природы, и вряд ли через них проходит путь в “футурозону”. Новая регионализация РФ имеет скорее **периферийный характер**: создается “сырьевая зона” глобального мира, центры управления которой (сырьевые биржи, разработчики и пользователи технологий) расположены за пределами России.

Как управляются новые “культурно-экономические” регионы

В структуре “культурно-экономических” регионов можно выделить три основных элемента: “каркасные структуры”, новый “правлящий класс”, население данных регионов.

“Каркасные структуры”

Это инструмент, с помощью которого территория превращается в социальное пространство. Важно понимать, что “каркасные структуры” напрямую не создают “культурно-экономические” регионы, но позволяют оформить и локализовать их как целостные сообщества на определенной территории. Это — специально создаваемые “места крепления” в пространстве мобильных, “летучих” экономических регионов, на них кристаллизуется организационный потенциал последних.

Рассматриваемые структуры включают несколько компонентов: природный ландшафт; материальную часть инфраструктур и мест расселения; государственно-административную, правовую и культурно-историческую организацию территории и т.д. Важны масштабы и принципы “сборки” данных компонентов, в результате которой и создается то самое “место крепления”.

Сегодня “сборка” “каркасных структур” осуществляется в первую очередь государственными (административными) структурами с помощью правовых инструментов, финансирования строительства инфраструктур, упорядочивания имущественных прав и обеспечения безопасности для людей. Так как в эпоху глобализации культурно-экономические сообщества становятся трансграничными, государственно-административные организа-

ции пытаются приспособиться к этим процессам и оставить за собой функцию “сборки” “каркасных структур”.

Стратегией адаптации выбрано расширение зоны юрисдикционной интеграции (на чем построена концепция экономического роста, выдвинутая М. Олсоном). Ради этого создаются экономические, торговые и политические блоки (ЕУ, НАФТА, ОПЕК, MERCOSUR и др.). В частности, интеграция внутри Европейского Союза в последние годы настолько возросла, что его иногда называют “новым сетевым государством”. Но даже такая межрегиональная интеграция не снимает противоречий между “административными” регионами и новыми экономическими. Они конкурируют между собой за привлечение мобильных инвестиций, за перенесение на свою территорию центров управления потоком капиталов, товаров, кадров и т.д. Различия в социально-экономическом развитии регионов Единой Европы остаются значительными, и разрыв между ними постоянно растет.

Очевидно, что пока еще не найден ответ на методологический вопрос о том, кто станет инициатором расширения юрисдикционной интеграции. Соответственно остается вопрос: будет ли эта интеграция охватывать все государства либо отдельные регионы и мегаполисы? Что означает “Единая Европа”: Европа государств? Регионов? Самоопределившихся муниципий? Все эти вопросы относятся к основной проблеме определения масштабов и инициатора сборки “каркасной структуры” для новых культурно-экономических сообществ. В России государственная политика пространственного развития до сих пор не оформлена. Возможно, плодотворным окажется деление страны на федеральные округа, которые смогут координировать реализацию трансрегиональных проектов. Может быть, будущее за новым муниципальным строительством.

Новый “правлящий класс”

Современные “культурно-экономические” регионы представляют собой систему без единого центра, так как в обществе, стремящемся к постоянному обновлению, сделавшему из этого своеобразное соревнование (творческий турнир), “общее” не может быть застывшим каноном и не может директивно устанавливаться из одного центра.

Управление “культурно-экономическими” регионами в действительности осуществляется так называемым **правлящим классом** (этот термин используется здесь для характеристики “строите-

лей” новых экономических регионов). Данный класс не является совокупностью людей, отобранных по месту жительства, образованию или профессии (хотя все названные факторы важны). Это — класс людей действующих, создающих культурные нормы и коды, внедряющих их в жизнь сообщества, а потому **институционально организованных**.

Институционализация достигается за счет того, что в обществе обустройстваются **площадки “проектирования Будущего”** — места, где формируются и презентуются образы Будущего, где они закрепляются в социально одобряемых техниках поведения и распространяются как образцы поведения. Например, основной площадкой “проектирования Будущего” для США и тяготеющих к ним субъектов, помимо Федеральной резервной системы, осуществляющей валютное регулирование, выступает Нью-Йоркская фондовая биржа. В сотнях тысяч сделок с ценными бумагами американских и транснациональных корпораций кристаллизуется представление многих тысяч инвесторов о Будущем самих США и мира. Европа на базе более чем тридцати самостоятельных площадок торговли ценными бумагами в спешном порядке строит “Euronext” (альянс Парижской, Амстердамской, Брюссельской и Лиссабонской бирж) и конкурирующий проект “iX” (альянс Лондонской и Франкфуртской бирж). Институциональные инвесторы, консультанты и биржевые брокеры, другие участники фондового рынка буквально **играют на Будущее**. Выигрывает тот, кто выдает наиболее точный прогноз развития, оценивает возможные пути и, главное, сроки изменений, а также “вес” для отдельных стран, их валют и ценных бумаг, отдельных отраслей и технологий, компаний и товаров. Причем все это делается в соотношении с представлениями о динамике политических и социо-культурных процессов во всем мире. А еще образ Будущего, создаваемый для наиболее развитых экономических регионов мира, формируется усилиями различных страховых, инвестиционных банков, рейтинговых агентств, венчурных фирм и пр.

Все большее значение в качестве институционализированных “проектировщиков Будущего” приобретают **“стратегические сети”** — организации, объединяющие представителей официальных и частных структур, а также представителей частного сектора, — как средство решения проблем, связанных с динамикой развития. Основная цель — найти стимулы для сотрудничества. Считается, что совместное действие **двух факторов**: происходящих перемен и возникающих при этом опасностей может привести к появлению стимула для сотрудничества.

Институциональными площадками, на которых собираются “проектировщики Будущего”, всегда выступают разного рода системы “**высших лиг**” (от учебных заведений до конкурсов) — мест, где собираются лидеры общественного мнения и демонстрируются образцы достижений.

В условиях отсутствия институтов, презентующих образ Будущего, функцию “сборки” и представления этого образа берут на себя **средства массовой информации**. Их влияние на социальные процессы в новых регионах столь велико, что владельцы СМИ захватывают в них положение высшего органа власти и способны конкурировать с административными органами. Формируется настоящая **медиакратия**.

Население “культурно-экономических” регионов

В сообщество входят люди, зачастую живущие в разных населенных пунктах, регионах, странах. Но их объединяет то, что они используют одни и те же инфраструктуры и придерживаются общих культурных норм и ценностей. Место жительства имеет значение. Центр региона приносит свои прибыли: больше предложений по работе и по выбору вида деятельности;⁶ более высокая заработная плата; концентрация социальных благ и облегченный доступ к ним; рост уровня образования населения и т.д.

Проведенное исследование показало, что население “культурно-экономических” регионов формируется в основном в результате **поколенческого сдвига**, когда в активную социальную жизнь включается слой людей, настроенных на новаторское действие, желающих и способных освоить новые социальные практики и создающих для этого новые **институты**. Остальная часть жителей территории, включенной в культурно-экономический регион, преобразуется в его население, если сможет извлечь “ренду места” (получить работу), адаптироваться к изменениям и пр. Даже в центре передовых экономических регионов высока доля **люмпенизированных слоев** населения, живущих на территории этих регионов, но “выключенных” из их пространства.

Очевидно, что в переходный период к новой экономической регионализации для населения должна быть создана своеобраз-

⁶ Становление Сиднея в качестве глобального города с 1971 по 1991 гг. привело к росту занятости на 25 %, а также к радикальному переходу на оказание финансовых и деловых услуг (На пороге XXI века. С. 121). Впрочем, экспертное обследование ПФО зафиксировало такие же тенденции и в крупных российских городах.

ная “экспериментальная площадка”⁷. Ранее такой “площадкой” в России были новые, неосвоенные территории. Возможно, сейчас “экспериментальными площадками” могут выступить сфера образования, профессиональной переподготовки, срочная, а в перспективе — контрактная служба в вооруженных силах и т.д. Главной же подобной площадкой могло бы стать информационное пространство, “виртуальная телевизионная картинка”.

Для формирования культурных (а не административно-интегрированных (!)) сообществ необходим высокий уровень лояльности людей друг к другу, названный американским социологом Ф. Фукуямой “доверием”.

Прогноз: экономическая регионализация — источник новых социо-культурных противоречий

Проблемой нового регионального строительства является то, что **невозможно непротиворечиво преобразовать старые “административные” регионы в новые “культурно-экономические”**. Обратная сторона проблемы — невозможность “переселения” всего населения страны в новые экономические регионы. “Административные” и “культурно-экономические” регионы и далее будут существовать параллельно, конкурируя за право управлять природными ресурсами и определять направление развития общества. Поэтому процесс экономической регионализации станет в ближайшие годы чуть ли не основным источником социальных противоречий и конфликтов в России. Их появление способно предъявить серьезный вызов устойчивости консервативного государственного управления.

Пространственные противоречия

Прежде всего, это — противоречия между субъектами федерации, муниципальными образованиями, **за право стать центрами новых “культурно-экономических” регионов**. Данные противоре-

⁷ Консультант правительства Великобритании Ч. Лидбитер рассматривает в качестве одной из причин отставания по темпам развития Западной Европы от США разное отношение общества к рискам. Отсюда предложения европейским правительствам: развивать венчурное предпринимательство; поощрять быстрый рост фирм, создаваемых молодыми людьми; формировать позитивное отношение в обществе к их успехам и пр. Венчурный бизнес в США — это та самая “площадка для эксперимента”. В Германии, глядя на опыт США, государство стало выделять субсидии венчурным предприятиям. (Лидбитер Ч. Новая экономика Европы. М.: ЦПР, МШПИ, 2000).

чия станут проявляться в борьбе за распределение бюджетных трансфертов, за создание на своей территории центров мобильных культурно-экономических сообществ и выгодных условий для их функционирования. Подстраивание под запросы новых мобильных регионов каждый раз будет ставить под вопрос сохранение солидарности территориальных сообществ, так как будет выражаться в снижении объема обременения для мобильных капиталов, в увеличении бюджетных затрат на создание инфраструктуры для бизнеса. Субъекты федерации и муниципальные образования станут и дальше терять традиционную **“административную ренту”** (налоговые платежи, плату за лицензии и пр.) по мере **“виртуализации”** социальных процессов, перевода их в экстерриториальную информационную форму.

Получать же обременения с постиндустриального сектора общества органы власти старых **“административных”** регионов пока еще не научились. Более того, за получение этих обременений данные регионы должны почти неизбежно вступить в конкуренцию с новыми культурно-экономическими сообществами.

При известных условиях пространственные противоречия могут дорасти до **противоречий между богатыми регионами — центрами локализации новых экономических сообществ — и государством в целом**. Последнее несет ответственность за жизнь всех граждан России, включая жителей **“административных”** регионов. Естественно, что **“донором”** средств для этого должны выступать **“богатые”** регионы, но они начнут этому сопротивляться. Их тактикой будет либо косвенное воздействие на федеральное правительство и навязывание своих интересов (через подконтрольные СМИ, посредством **“бегства капитала”**, финансирования оппозиции и пр.), даже если они идут вразрез с национальными интересами, либо оспаривание национального суверенитета.

В свою очередь **“бедные”** регионы, их органы управления вполне способны выступить **противником глобализации** внутри страны и организовать **сопротивление** ее наступлению, используя средства политического давления на федеральное правительство.

Итак, пространственные противоречия, вызванные новой культурно-экономической регионализацией, могут принять следующие формы:

- противоречия между муниципальными образованиями и субъектами федерации за право стать площадкой для **“сборки”** новых **“культурно-экономических”** регионов;
- противоречия внутри новых регионов **“центр-периферия”**;
- противоречия между **“бедными”** и **“богатыми”** субъектами федерации;

- противоречия между субъектами федерации и ее центром в зависимости от реализуемой последними концепции региональной политики;
- противоречия между российскими регионами и глобальным миром.

Структурные противоречия в экономике

Очевидно, что и дальше в стране будет происходить выделение секторов, отраслей и технологических комплексов в экономике, которые способны стать ядром формирования новых экономических сообществ. Это повлечет за собой перераспределение в пользу постиндустриального сектора инвестиций, прибылей, человеческого капитала, материальных ресурсов, клиентов и т.д. Естественно, что “новая индустрия” будет вступать в конкуренцию со “старой индустрией”.

Основным полем борьбы станет **общественное сознание**, поскольку различие между двумя типами сообществ прежде всего **культурно-технологическое** (что считать ценностью, какой путь развития выбирать, каких норм придерживаться в жизни). Уже сейчас противники глобализации в России “озвучивают” темы уникальности пути страны (региона), равномерного развития всех регионов, ожидания того, когда пригодятся “ресурсы”, накопленные в предыдущий индустриальный цикл развития, и т.д. В экономической, культурной и политической борьбе эти два сообщества будут прибегать к помощи своих союзников. Одни станут действовать с помощью органов власти “административных” регионов, а другие — в основном с помощью СМИ и финансового капитала.

Противоречия внутри системы государственного управления

Прежде всего, это противоречия между традиционными властными полномочиями государства и новыми методами управления обществом. Такое управление не сводится к некой функции, выполняемой административными органами, а является сложным групповым действием, в котором участвуют как представители государственных структур, так и целевые группы, а также отдельные лица. Однако механизмы подобного управления **практически отсутствуют**.

Совершая переход к новому обществу, государство (и регионы), прибегают в основном к техническим решениям индустриальной эпохи (управление налогами, регистрационные порядки, централизованные инвестиции, социальный патронаж и

пр.). Однако переход к “культурно-экономическим” регионам должен совершиться в первую очередь в сфере культуры и с использованием гуманитарных технологий (инновации, общественные связи и их развитие, доверие в обществе и т.д.). Государство должно зафиксировать новые “культурно-экономические” сообщества и научиться взаимодействовать с ними. Но сейчас чуть ли не единственной техникой государственного управления деятельностью акторов новой экономики и новой культуры можно считать неформальные поручения и протекционизм. Результат — **ощущение беспомощности государства**: оно не в состоянии “измерить” происходящие изменения, так как оперирует **устаревшей отчетностью и статистикой**. В лучшем случае недостаток новых механизмов управления восполняется копированием западных образцов, механическим перенесением их на российскую почву в виде разного рода “реформ”. Управление становится имитационным, а новые институты подменяются пустыми **“оболочками”**.

Противоречия внутри системы государственного управления могут возникнуть и между органами власти и населением “административных” регионов, переживающих кризис и “свертывание”. Сужение зоны ответственности и утрата политического веса органами власти этих регионов вполне способны привести к формированию двух своеобразных “растяжек”:

- “власть — население”: власть “стягивает” на себя большую часть ресурсов и прибыли сообщества и минимизирует свою ответственность за жизнь сообщества, а население получает максимальную ответственность за состояние дел на территории;
- “власть — население”: для власти в административно-интегрированном сообществе не действуют формальные нормы. Активность сводится только к санкционированным актам, минимизируются возможности географического перемещения, происходит “территориализация” экономики и социальной жизни, вводятся разнообразные коммуникационные ограничения.

Такие противоречия могут “отравлять” жизнь государства, порождая **кризис доверия** к нему.

Противоречия внутри системы государственного управления могут выражаться в соперничестве различных управленческих элит — **представителей административной системы** и **“транснациональных”** бюрократов, представляющих интересы мобильных экономических регионов.

Противоречия между различными группами сограждан — жителями старых “административных” и новых экономических регионов, членами новых экономических сообществ

Это противоречие не столько связано с местом жительства, хотя место жительства также является способом получения своего рода “ренты места”. Оно скорее является противоречием **профессиональным, стилевым**, противоречием **по способам институционализации хозяйственной деятельности** (выбор места работы, природа производственных институтов и пр.).

Отставание в скорости социальных изменений между административно-интегрированными и культурно-экономическими сообществами **приводит к стрессу ту часть населения, которая не попала в состав “жителей” нового экономического региона**. Новые ценности и престижные стили поведения уже явлены (через СМИ, массовую культуру и образование), обозначены площадки их локализации, а доступ к ним недоступен в силу низкой социальной и пространственной мобильности большей части населения. Реакция такого населения на происходящие социальные изменения может быть различной: **от депрессии и деградации до политического сопротивления**. Потерявшее ориентиры население нуждается в своего рода **социальной интервенции** (термин “**социальная интервенция**” — освоение новых техник поведения в малых группах первоначально в имитационно-игровой форме, а затем перенесение освоенных техник в реальное поведение; при этом члены малых групп становились “агентами” нового в обществе — был предложен французским социологом А. Туреном в 1970-е годы).

Противоречивость своего положения ощущают и “строители” культурно-экономических регионов, то есть новый правящий класс. Их новые практики жизни **не имеют однозначной оценки**. Собственность, образование, профессия не являются признаками принадлежности к строителям новых регионов. Поэтому предпочтение отдается принадлежности к крупным интегрированным бизнес-группам, месту жительства, а особенно определенному типу престижного потребления, подкрепленному “картинками” в СМИ.

Таким образом, противоречия в сфере социальной адаптации к наступающей экономической регионализации выражаются: а) в кризисе социальных статусов; б) в ограниченности числа “строителей”; в) в высоком уровне недоверия, мешающем людям организовываться, выступать в качестве тех, кто переструктурирует пространство хозяйственной и социальной жизни.

Противоречия между новыми “культурно-экономическими” регионами России и глобальным миром

Нет гарантии, что все центры новых экономических регионов будут находиться на территории России. Она сама может выступить старым “административным” регионом в масштабах мира. Глобальный мир окажется не всегда лоялен к созданию новых “культурно-экономических” регионов в России. Экономическая регионализация страны будет идти под воздействием глобального мира, который попытается сформировать экономическое пространство России наиболее выгодным для себя образом.

Речь идет не о согласованной политике всех субъектов глобализации, а о конкуренции самих “культурно-экономических” регионов. Те, что уже закрепились на карте глобального мира вне российских пределов, будут вынуждены препятствовать формированию и усилению конкурентов. И поскольку лидерство обеспечивается в первую очередь культурным первенством, то можно ожидать, что между Россией и постиндустриальными сообществами будут воздвигаться прежде всего **культурные барьеры**, а способом дискриминации изберется “**этическое**” давление (обвинение в несоответствии общепринятым культурным стандартам и подозрение, что это несоответствие является **злоумышленным**) .

Соппротивление новой регионализации России

Сказанное позволяет сделать вывод, что строительство новых “культурно-экономических” регионов и “свертывание” старых административно-интегрированных сообществ вызовет своеобразное **реактивное сопротивление изменениям**:

а) политических “луддитов”, “патриотического лобби”, защищающего старую индустрию, например, ВПК и пр.;

б) административных элит субъектов федерации, муниципальных образований, не сумевших или не захотевших встроиться в новые экономические регионы;

в) экономических субъектов, уже встроившихся в новые экономические регионы, но за пределами России (так называемый “бунт богатых”);

г) неадаптивного населения;

д) представителей старой системы управления федерального центра;

е) представителей глобального мира — конкурентов новых российских экономических регионов.

Государственное управление новой регионализацией России

В новом региональном строительстве выделяются три группы акторов и три группы стратегий, которые государство может поддерживать или противодействовать им, но уж во всяком случае, влиять на их реализацию и управлять тем самым процессом:

1. Стратегии экономических игроков, создающих пространство новых экономических регионов. Прежде всего, это стратегии гуманитарного проектирования, имущественно-корпоративные и финансовые, так как именно они несут в себе образ Будущего и определяют развитие.

2. Стратегии населенных пунктов, территорий по включению их в новые экономические регионы. Прежде всего, это стратегии городов или городских конгломератов.

3. Стратегии населения — стратегии адаптации к социальным изменениям, освоения инновационных техник поведения.

В соответствии с этим в государственной региональной политике российского государства, федерального центра должны быть выделены три новых блока:

1. Стимулирование строительства на территории страны новых экономических регионов.

2. Политика в отношении “административных” регионов (субъектов федерации и муниципальных образований).

3. Политика в отношении населения.

Учитывая изложенное, можно предположить, что в основу государственной региональной политики (политики пространственного развития) России могут быть включены следующие положения:

1. Строительство новых “культурно-экономических” регионов должно начинаться с создания площадки для их прикрепления к территории страны, то есть с создания необходимых для этого инфраструктур.

2. При строительстве инфраструктур должен применяться принцип “пакетной сборки”: для определенных “культурно-экономических” регионов формируется собственный “пакет”, который локализуется на определенных территориях.

3. Должен быть выбран “каркас”, на котором собираются инфраструктуры. Судя по всему, “каркасом” для локализации на территории России центров мобильных “культурно-экономических” регионов должны стать крупные города, в первую очередь мегаполисы.

4. Общим вектором развития для глобализирующегося мира в конце XX века стал вектор движения к постиндустриальному обществу. А регионы, в которых это общество воплощается, основаны на определенном типе культуры. Поэтому если Россия будет строить новые “культурно-экономические” регионы, она должна использовать гуманитарные технологии — технологии организации социальной активности людей, технологии соорганизации.

5. Создание новых “культурно-экономических” регионов не должно рассматриваться как отраслевой либо территориальный проект. Речь идет не о размещении производственных фондов на определенном географическом ландшафте, а о создании культурных сообществ. Это может быть всего лишь локализация на российской территории “сырьевых” звеньев чужих технологических цепочек, а в рамках пространственного подхода — локализация периферийных зон чужих “культурно-экономических” регионов. Создание же собственных новых экономических регионов всегда будет происходить в результате реализации комплексных культурно-гуманитарных проектов.

6. Культурно-гуманитарные проекты связаны с формированием новой системы ценностей (мотивации к определенному типу поведения и в первую очередь к продолжению рода и к труду), новых культурных норм, кодов, а также способов коммуникации в обществе. Критерием успешности данных проектов должны быть повышение уровня доверия в обществе и удлинения кооперационных цепочек действия.

7. В обществе должны быть институционально отстроены новые “площадки проектирования Будущего” (фондовый рынок, рейтинговые агентства, система институциональных инвесторов, система “высших лиг” для разработчиков новых производственных технологий и практик жизни и пр.). “Площадка проектирования Будущего” должна стать органом управления развитием страны в условиях существования в обществе разных центров управления и систем ценностей.

8. Строительство новых “культурно-экономических” регионов может быть реализовано, если будут “раскрыты” ныне сложившиеся и являющиеся контрпродуктивными цепочки активности людей. Для строительства нового должен быть получен “строительный материал”, а им может стать только ныне связанная старыми формами и институтами активность людей. Им должны быть открыты “окна перехода” в новые экономические регионы, причем отстроенные институционально. Раскрытие “окон перехода” невозможно без осуществления “социальной интервенции”.

9. Без раскрытия уже сложившихся цепочек активности любые институциональные новации будут всего лишь имитацией и созданием новых “оболочек” для старого содержания.

10. Целью и показателем пространственного развития страны, государственных и муниципальных образований должна стать концентрация на территории человеческого капитала. Старую систему статистических показателей необходимо существенно реформировать.

11. В обществе должны быть созданы “зоны для эксперимента”, в которых люди смогут апробировать новые социальные практики, не совершая радикального отказа от сложившихся типов действия. Это – страховка общества на переходный период.

12. Должна проводиться осознанная социально-демографическая политика. Старение населения и его уменьшение должно рассматриваться как серьезная угроза переходу к новой регионализации России. Социально-демографическая политика (включая образовательную, профессиональную и пр. составляющие) должна быть ориентирована на быстрый карьерный рост нового поколения.

13. Необходимо отказаться от советских принципов региональной политики, а именно:

- рассмотрения “выравнивания социально-экономического развития регионов” как безусловного блага для страны;
- понимания “комплексности развития” как самодостаточности территориально обособленных административно-интегрированных сообществ;
- проектирования развития, когда субъектами выступают территории, а не сообщества;
- представления о территории как о безусловной ценности, точнее, о социально-экономическом росте как индустриальном освоении естественной природной среды.

14. На субъекты федерации, учитывая возрастающее различие в скорости социальных изменений на разных территориях страны, может быть возложена задача “арьергардного” удерживания территории, хозяйства и населения в “административных” регионах.

15. Для того чтобы центры новых экономических регионов локализовались на территории страны, она должна выступить в рамке глобального мира как самостоятельное культурное сообщество, ценности и нормы поведения которого “вписаны” в формирующийся политический, социальный и экономический ландшафт данного мира. Главной задачей внешней политики

России должна быть задача культурного признания, а также обеспечения конкурентоспособности российских “культурно-экономических” регионов (а не “сырьевых хвостов” чужих технологических цепочек (!)) в глобальной культуре и глобальной экономике. Российские ценности должны стать легко конвертируемыми в мировые.

16. Есть все основания рассматривать создание “русского мира” в качестве одного из основных направлений преодоления российскими “культурно-экономическими” регионами территориальной замкнутости в рамках страны.

Новая экономическая регионализация России уже началась. В ее ходе неизбежно будет переструктурировано политическое, экономическое и социо-культурное пространство страны. Государство должно быть готово изменить собственную политику развития, освоить новую практику управления.

СЦЕНАРИИ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Ирина Кобринская

2001 Год. Сентябрь. Под Москвой

Старик тихо и нехорошо выругался. На участке соседа-генерала молоденький лейтенант поторапливал солдатиков, выгружавших из военного грузовика ворованную плитку. Старик прошел войну, потом служил военврачом. “И кому нужна такая армия?” — махнул рукой и пошаркал от окна дачи.

У высоченного бетонного забора, за которым не виден огромный серый дом, остановился джип с мигалкой. Вышли охранники с выправкой спецназовцев, потом совсем молодой парень. Сторож рассказывал, это цементный король, депутат Воронежской думы — на всякий случай. У него плитка своя, охранникам платит по 500 долларов. У старика, отставного полковника, большая пенсия — но меньше сотни. У сторожа — совсем маленькая. Раньше он служил прапорщиком в военной части, на месте которой и строятся дачи. Землю раздали генералам, а те ее продали.

Включил пятичасовые новости. Камера CNN в нижнем Манхэттене. Голосом футбольного комментатора репортер кричит: Смотрите! Еще один самолет приближается ко второй башне Всемирного торгового центра!

Удар, гол... В девственно нетронутые за 200 с лишним лет ворота Америки. Впервые за 10 лет прошедший тихо август все-таки взорвался в сентябре. Не в Североморске, Пушкинской, Каширке, Останкино, а на Манхэттене.

© Кобринская И. Я., 2003

Вечером приехал генерал и громко пел советские боевые песни под аккордеон.

Ночью телефонные линии в Штаты заняты. Звонят знакомым, родственникам, друзьям, уехавшим в спокойную жизнь от дефолтов, взрывов, Чечни, службы в армии.

Интернет. Утром анекдот. Путин: “Господин Президент, позвольте выразить Вам соболезнования... Как, в связи с чем?.. Извините, я перезвоню позже”... Моментальный, раньше говорящих с экрана голов, ответ на вопрос “Qui prodest”. Подскочила посещаемость сайта “как откосить от армии”.

Путин: “Россия поддержит Запад в борьбе против террористов. Российские военные не будут участвовать в военной операции США и НАТО против талибов. Только воздушные коридоры для гуманитарных грузов и поисково-спасательные операции.”

Представитель “Альфы”: “Поисково-спасательные операции — рейды вглубь территории противника с целью поиска и спасения сбитых экипажей — могут вести только профессионалы высочайшего класса, например из “Альфы”. Столкновения и жертвы практически неизбежны.”

Американцы, наконец, полюбили Буша. Рейтинг — до 90 %. В патриотическом порыве нация записывается в армию, машет флагами и верит президенту. Дрожащий женский голос выводит “God bless America”. Где Гленн Миллер?

Дума голосует в поддержку Путина. Во всем.

В политкорректной Америке неуютно почувствовали себя арабы.

Путин предложил сдать чеченцам оружие в 72 часа и улетел в Германию говорить по-немецки. “Это не ультиматум”, — разъясняет президентский русский Ястржембский. “Не сдадут, будем уничтожать”, — заявляет Казанцев. Ультиматум — не ультиматум? Народ вновь потянулся к ингушской границе. Строят мазанки, ставят буржуйки, готовятся зимовать в поле, стоят с котелками в очереди за едой. Немытые, неученые дети.

Сотрудничество по линии спецслужб. Спецоперации. Главная надежда на разведку. Они, оказывается, предупреждали, они знали.

Число генералов во власти все увеличивается.

Марик в нью-йоркском госпитале стал главным спецом по Афганистану: он знает, каких ждать ранений.

Вспомнили пророка — перешедшего на службу к красным профессора Свечина. Он успел умереть своей смертью в 1934 г., в 1929 в Коммунистической академии в Питере вел публичную дискуссию о характере будущей войны с Тухачевским, которому не повезло — и умереть сам не успел, и спрогнозировал неверно. Ма-

териалов дискуссии не осталось даже в спецхране Ленинки. Похоже, библиотекари, не спешившие за Тухачевским, уничтожили их. Свечин писал о войне будущего — о мятежевойне. Войне с неопределенным, непредсказуемым, нелокализованным врагом.

Пронзительное бабье лето ушло. Заморосил дождь. Все ждут войны — или войн. В октябре — очередной призыв... Снова в Афганистан?! Новобранцев в горячие точки обещают не посылать...

2001 г. Октябрь. Кремль. Вопросы по существу

Готова ли Россия вести новую войну? Две войны — ведь мир в Чечне еще не подписан? Как долго? До какого победного конца? Против кого? Какими силами? На какие деньги? На чьей территории? По чьему решению? Под чьим командованием?

***Справка.1.** По состоянию на 22 октября 2001 г., за две недели контртеррористической операции в Афганистане стратегическая бомбардировочная авиация совершила более 80 вылетов, авианосная и тактическая — около 1200. В среднем за сутки в Афганистан вылетали на боевые задания около 100 самолетов тактической авиации и до 10 стратегических бомбардировщиков В-52 и В-1. Запущено около 120 крылатых ракет воздушного базирования.*

Число самолето-вылетов в сутки в Чечне не превышало 10. Одновременно в небе не было более четырех самолетов.

***Справка 2.** По оценкам экспертов, суммарный объем военно-технической помощи России Северному альянсу до конца 2001 г. составит 30-45 млн долл. (с учетом остаточной стоимости передаваемых ВВТ затрат на техобслуживание, транспортировку, горючесмазочные материалы).*

Пока лишь понятно, кто союзники. На время боевых действий киплинговская граница прошла по юго-восточной границе России.

А потом? Если и когда Россия останется один на один с перебудораженной Центральной Азией и ее южными соседями, когда побегут беженцы, а нынешние правящие там режимы зашатаются? Один на один со скачущими ценами на нефть, ветшающими мощностями, новыми инвалидами и синдромами, фрустрацией, падающей рождаемостью, растущей долей мусульманского населения, предъявляющими справедливые претензии — хорошо если не шантажирующими

власть — военными, продолжающими подворовывать плитку и дармовой солдатский труд, подторговывать оружием.

Справка 3. В начале 90-х в обмен на политическую лояльность и нейтралитет высшим военным чинам была дана молчаливая индульгенция на хозяйственные и финансовые махинации, окончательно деморализовавшие офицерский корпус.¹

Различные группы, имевшие доступ к запасам военного имущества или мощностям его производства, занимались распродажей вооружений и военной техники. ВВТ рассматривались военными чиновниками — представителями ВПК как своеобразный личный трофей, который должен был быть конвертирован в денежную форму. В первые пореформенные годы Министерство обороны России имело право на реализацию списанных ВВТ. Была создана специализированная фирма “Воентех”, занимавшаяся распродажей такого имущества. Именно “Воентех” обвинялся в “серых” поставках вертолетов и другой боевой техники в регионы локальных конфликтов, например, тамильским сепаратистам в Шри-Ланке.

В 1992 г. вице-президент А. Руцкой утверждал, что масштабы нелегальной коммерческой деятельности в области торговли специмуществом “неизмеримы”. По оценкам МВД России, сбыт российского вооружения на черном рынке не менее чем вдвое превышал показатели продаж на открытом рынке.² В условиях катастрофического падения жизненного уровня офицеров младшего и среднего звена и работников оборонных предприятий при одновременном росте спроса на вооружения на фоне разгоревшихся конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Карабахе и Таджикистане серые каналы сбыта стали одним из основных источников корпоративного и персонального выживания. Техника нелегально распродавалась военными должностными лицами, нередко с целью обеспечить питанием подчиненных.

Ситуация стабилизировалась после государственного переворота в октябре 1993 г., после чего была создана относительно эффективная структура военно-технического сотрудничества, введена государственная монополия на торговлю специмуществом, установлен формальный президентский контроль за сферой ВТС, реально осуществлявшийся службой безопасности президента. Скандал в связи с российскими поставками оружия в Закавказье разгорелся после того, как 2 апреля 1997 г. Л. Рохлин, председатель Комитета по обороне Госдумы, представил депутатам информацию о незаконных поставках оружия в Армению. Ранее этот факт обнародовал министр по делам

¹ HBO № 1, 2000.

² Jane's Intelligence Review, 05.97, v.9, #5. P.232-238.

СНГ А. Тулеев. В 1994-1996 гг. МО безвозмездно и незаконно передало Армении несколько десятков танков, БМП на общую сумму 271 млрд руб. Рохлин заявил, что поставленных 24 оперативно-тактических ракет Р-17 достаточно, чтобы полностью разрушить Баку. Специалисты из Армении прошли подготовку в России. Позднее, после проверки в МО, эти данные были подтверждены И. Родионовым.

Финансовые потери России составили 1 млрд долл., чего хватило бы, чтобы обеспечить квартирами 30 тыс. военнослужащих, или обеспечить трехмесячной зарплатой всех офицеров и прапорщиков ВС. Эта сумма, которая равнялась половине от выделенных в бюджете ассигнований на закупку вооружения в 1996 г., могла бы обеспечить работой весь ОПК в течение полугода.

Спецслужбы подтвердили, что располагают фактами незаконных поставок российского оружия не только Армении, но также Азербайджану, Туркмении. Поставки осуществлялись через посреднические фирмы, в обход официальных структур.³

Похоже, сейчас Россия очень нужна Штатам, Западу. А через год, два? Как закрепить эту стремительно образовавшуюся коалицию? Торговаться? Торг на оплавленных костях тысяч людей неуместен. Хотя список известен по пунктам. В угаре объединения Германии не торговались. А могли бы как минимум избежать изматывающего и бессмысленного бреда расширения НАТО.

У “коалиции цивилизации” огромные возможности, но и много слабых мест. Усилится или ослабнет возникшее пару лет назад напряжение между Европой и США?

Как в условиях войны с терроризмом сохранить правильный баланс в отношениях с США и Европой, не потерять темп в только-только начавшем раскручиваться экономическом сотрудничестве с ЕС? И при этом сохранить хорошие отношения с Китаем?

И все же — России предоставлен уникальный шанс для цивилизационного скачка вовне и решения не решаемых до того момента вопросов и задач.

Вопрос и задача № 1. Насколько долговременной окажется коалиция Запада с Россией против новых общих угроз? В ходе и после крестового похода против терроризма необходимо создать новую эффективную систему международной безопасности, создать новые или кардинально реформировать старые институты. Решение задачи определит парадигму российского военно-политического развития на десятилетия.

³ “Серый” рынок оружия и военной техники в государствах СНГ: тенденции и перспективы развития. — “Экспорт вооружений”. <http://www.cast.ru/publish/1997/oct-dec/4html>

Вопрос и задача № 2. Удастся ли расширить повестку дня новой коалиции за счет включения вопросов военно-технического сотрудничества? Россия должна использовать сложившуюся ситуацию для:

- укрепления существующих международных режимов контроля над поставками вооружений и технологий (РКРТ и т.п.) и прекращения практики двойных стандартов. Возможные потери окупятся укреплением контроля над нераспространением ОМУ, повышением прозрачности, ослаблением политического давления по важным направлениям ВТС;
- активного продвижения на рынок продукции ОПК и налаживания совместных проектов (военно-транспортная авиация, ракетно-космические и другие новейшие технологии двойного назначения).

Вопрос и задача № 3. Удастся ли использовать новую ситуацию для расширения и углубления экономических связей России с Западом, ЕС?

Вопрос и задача № 4. Удастся ли сохранить элементы демократии, укрепить гражданское общество в условиях угрозы и ведения войны?

Вопрос и задача № 5. Удастся ли в этих условиях не сойти с пути рыночной экономики — к мобилизационной экономике?

Гарантий нет, но шанс есть. Ребята, сочинившие тот анекдот в Интернете, это понимают. Понимает ли народ?

Справка 4. Согласно опросам Фонда “Общественное мнение”, более 70 % россиян не поддерживает военную акцию США. А большинство из 20-22 % поддерживающих выступает за “мирные” формы российского участия в операции. По данным ВЦИОМ, 64 % считают, что операция в Афганистане лишь спровоцирует новые акты террора. В другом опросе 63 % согласились с тезисом, что операция “лишь демонстрация силы Америки”, 72 % против таких действий в отношении других государств “антитеррористического списка” (Ирака, Ливии и других) и лишь 31 % рассматривает акцию как хорошо продуманную операцию. По данным других опросов, 48 % респондентов считают США “недружественным государством” (38 % придерживаются противоположного мнения).

Может быть, угроза воспринимается нацией абстрактно, как “чужая”? Известно, что общественное мнение реагирует на последние события и их освещение в СМИ. Правильно выстроенная кампания в СМИ может поправить ситуацию, но и то правда, что вдалбливаемый в головы полвека антиамериканизм “лечить” трудно. К тому же народ явно не хочет ни с кем воевать.

Справка 5. *Опросы однозначно свидетельствуют о том, что россияне быстро устают от войны. По данным ВЦИОМа, взрывы 1999 г. консолидировали общество. Доверие граждан России к ФСК-ФСБ с 18,9 % в 1999 выросло до 24,4 % в 2000 г., а к армии с 29,3 % аж до 48,1 %. Правда, подустав от второй чеченской кампании, уже в 2001 г. доверять стали меньше: ФСБ – 22,3 %, а армии – 33,1 % (НВО, 20.09.2001).*

Кривая поддержки боевых действий в Чечне снижалась: 10.1999 – 64 %, 11.1999 – 51 %, 12.1999 – 49 %, 01.2000 – 52 %. Но, к февралю она вновь выросла до 61 % (НВО, №12, 2000), что социологи связывают с массовой пропагандой СМИ перед президентскими выборами.

Искренне возмущенные бомбардировками НАТО Югославии россияне были готовы помогать сербам. Но к концу недолгой войны запал иссяк. По сравнению с началом войны в конце ее поддержка помощи техникой и оружием сократилась с 74 % до 31 %, добровольцами – с 42 % до 18 %, войсками – с 20 % до 8 % (НВО, № 12, 2000).

Для сравнения: в октябре 2001 г. участие своих вооруженных сил в борьбе с международным терроризмом поддерживало 66 % французов. А может быть, во французах заговорила горечь войны в Алжире? По мнению экспертов, в устойчивых западных демократиях возникает опасность денуклеаризации, отторжения мусульманских общин.

Как долго может народ поддерживать президента и не поддерживать его политику?

Союз с Западом, к которому стремились и никак не могли достичь Горбачев и Ельцин, образовался неожиданно, когда появился общий враг. Но обнищавший и изверившийся народ этот союз открыто или в глубине души не поддерживает. Действительно – нет никаких гарантий, что “коалиция цивилизации” будет учитывать наши интересы.

Долгожданная коалиция с Западом на самом деле превращается в самую острую внутривнутриполитическую проблему политического режима.

Структур, которые помогли бы разыграть эту сложнейшую шахматную партию, у Кремля нет. Устойчивый высокий рейтинг обратился проблемой. Партии, как их не строй, все норовят встроиться в президентский мейнстрим. Гражданское общество получается неприлично сервильным.

...Все же это уникальный шанс для страны оказаться остро востребованной.

...Время до выборов пока есть.

Президент бросает перчатку собственной стране — Россия представляет свои военные объекты на Кубе и во Вьетнаме.

...Срочно нужен ход, который, с одной стороны, примирит опешивший народ с прозападным выбором режима, а с другой — будет еще одним доказательством для того же Запада в устойчивости курса на коалицию с ним, тем самым повысит его моральные обязательства перед Россией.

Ход, который поможет решить вопросы и задачи № 1-5, гарантирует победу на следующих выборах, поможет противостоять новой угрозе.

Может быть, военная реформа?

2010. Ноябрь. Горки

На столе лежит тонкая папка. В ней три осенних меморандума 2001 г. с одинаковым названием **“Военная реформа”**. Гриф **“Секретно”**.

Меморандум 1

“В результате бомбардировок Соединенными Штатами и Великобританией территории Афганистана в ответ на террористические акты, осуществленные не установленными группами в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября с.г., произошла резкая дестабилизация международной обстановки. В ходе операции США преследуют цели укрепить монополярную модель и свои позиции мирового лидера, а также:

- ослабить позиции России и усилить свое влияние в центрально-азиатских государствах — членах СНГ, прежде всего в Узбекистане;
- дестабилизировать обстановку на Среднем Востоке и Юго-Восточной Азии с тем, чтобы усилить свои позиции в этих регионах и ослабить позиции России, упрочившиеся за последние годы за счет военно-технического сотрудничества;
- подтвердить свою позицию единоличного лидера в НАТО;
- обеспечить поддержку развития программы Национальной ПРО и выхода США из Договора по ПРО.

Одновременно в целях дестабилизации обстановки вокруг России Грузия, поддерживаемая США, с помощью банд чечен-

ских террористов спровоцировала столкновения в Абхазии и потребовала вывода миротворческих сил РФ.

Резкое обострение ситуации на южном и юго-восточном флангах, планирующееся расширение НАТО на балтийские республики, намерения Запада вывести из состава РФ Калининградскую область, базу Балтийского флота РФ, а также пренебрежение со стороны США и Западной Европы международными договорно-правовыми обязательствами требуют от России адекватной реакции.

Необходимо немедленно приступить к реформированию Вооруженных сил РФ и других войск, а также ОПК с целью повышения их боеспособности и готовности противостоять указанным угрозам.

Предлагается:

1. В рамках бюджета на 2002 г. минимум вдвое увеличить объемы финансирования расходов на национальную оборону. Недопустима ситуация, когда оборонные расходы (6 млрд долл. в 2001 г.) составляют лишь 2 % от подобных затрат США. Невыполнение в течение ряда лет положений концепции государственной политики РФ по военному строительству на период до 2005 г., утвержденной Президентом РФ 30 июля 1998 г., определяющих, что расходы федерального бюджета на военное строительство (по разделам "Национальная оборона" и "Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности государства") должны составлять не менее 5,1 % ВВП страны, довело ВС России до полунисщенного состояния. В случае необходимости и обострения ситуации представляется допустимым отказ РФ от обязательств по выплатам и обслуживанию долгов иностранным организациям и отдельным странам.

2. В двухмесячный срок осуществить пересмотр параметров военного строительства. Разработать план мер по укреплению Сил общего назначения (СОН) и Стратегических ядерных сил (СЯС), совершенствованию сил и средств ПВО и ПРО. Намерения США выйти из Договора по ПРО создают условия для обеспечения потребностей безопасности РФ без учета ограничений договоров по ПРО, СНВ-1 и СНВ-2, ОВСЕ, РСМД.

3. Вывести на новый уровень координацию и взаимодействие с ВС стран СНГ.

4. Пересмотреть планы сокращения ВС и других войск, определить их новые потребности в свете необходимости защиты границ РФ по всему периметру и обеспечить строгое выполнение пересмотренных в сторону увеличения планов по призыву.

5. Отложить как нереалистические планы перехода на контрактную службу и принятие закона об альтернативной служ-

бе; отменить институт отсрочек от призыва. Строго соблюдать принцип экстерриториальности при прохождении срочной службы.

6. Предпринять срочные меры по укреплению и расширению мобилизационных резервов. В сотрудничестве с руководителями федеральных округов в течение 2 месяцев разработать и в течение 6 месяцев привести в исполнение планы по укреплению территориальной обороны. Со второго квартала 2002 г. ввести обязательные трехмесячные сборы для мужчин в возрасте от 18 до 60 лет и трехнедельные для женщин — медицинских работников в возрасте от 21 до 45 лет, кроме находящихся в отпуске по беременности. Для этих целей изыскать необходимые средства, как из бюджета, так и внебюджетные. Целесообразным представляется введение на эти цели обязательного налога с физических и юридических лиц.

7. Незамедлительно в координации с Министерством образования принять меры по укреплению патриотического воспитания в средней школе. Качественно повысить уровень дисциплины и патриотического воспитания в ВС. С этой целью широко привлекать к работе с военнослужащими Российскую православную церковь.

8. Пересмотреть принятую в конце июля 2001 г. Правительством РФ федеральную целевую программу по реформированию ОПК на 2001-2006 гг. При сохранении курса на ускорение концентрации высокотехнологичных производств в свете новых угроз нецелесообразно сокращение числа оборонных предприятий вдвое.

9. Предпринять усилия для расширения военно-технического сотрудничества с зарубежными государствами с целью укрепления военно-политических связей (прежде всего с Китаем, Индией, Ираном) и получения дополнительных доходов от экспорта ВВТ.

10. Пересмотреть в сторону ужесточения информационную политику по вопросам обороны и безопасности.

Реализация указанных мер позволит уже к 2003 г.:

- увеличить численность и укрепить боеспособность ВС и других войск РФ;
- улучшить состояние мобилизационных резервов;
- улучшить обеспечение военной техникой и оружием;
- укрепить позиции РФ в СНГ;
- обеспечить самостоятельность и снизить зависимость РФ от Запада в принятии решений по вопросам безопасности;
- укрепить национально-патриотический дух общества;

- повысить авторитет центральной исполнительной власти и Президента в обществе и в среде частного бизнеса;
- мобилизовать экономический и финансовый потенциал для обеспечения нужд обороны страны;
- благодаря росту авторитета власти существенно сэкономить средства для нужд обороны при проведении выборов в Госдуму 2003 г. и выборов Президента РФ 2004 г.;
- в случае необходимости без социальных потрясений отменить выборы или перенести их на более поздний срок.

Снижение уровня зависимости России от негативных тенденций в мировой экономике позволит РФ избежать последствий финансовых и энергетических кризисов на Западе и к 2010 г. восстановить статус великой мировой державы.

Москва, 1 ноября 2001 г.”.

Он хорошо помнит жутковатое чувство, с которым читал эти страницы тогда, почти 10 лет назад. Было страшно, стыдно и смешно, как бывает, когда смотришь на душевнобольного. Ему предлагали стать диктатором в нищей, ощерившейся стране. Бред.

Этот странный документ оказался тогда очень полезным. Конечно, он отдавал себе отчет, на что тогда шел и какое его ждало сопротивление. Еще генерал Милютин, совершивший революцию в военном деле после Крымской войны, писал в дневниках о дичайшем сопротивлении офицерского корпуса и генералитета реформам. Но трудно было все же представить, насколько устойчивы архаичная система и дремучее сознание.

Подстать подколотой к меморандуму газетной вырезке с социологическими данными: “Что сейчас вызывает доверие на федеральном и региональном уровнях? Как люди заявляют, доверие у них вызывает Русская православная церковь. Другой институт, который вызывает доверие, — армия. Это парадокс, потому что, с одной стороны, армия вызывает доверие, с другой — ее не считают ни победоносной, ни боеспособной, в ней не хотят служить, от нее стремятся укрыть детей. То есть это доверие не к той армии, которая есть, а к той, которая должна быть на этом месте. Доверие к церкви имеет примерно такую же природу. (Алексей Левинсон, ВЦИОМ, Известия 8.10.2001)”.

Это странное доверие тогда еще более укрепило его в решении сделать ставку в политической многоходовке именно на военную реформу.

Меморандум 2

“Начальная фаза антитеррористической операции США и Великобритании, поддержанная странами-членами НАТО и рядом других государств, в том числе и РФ, и предпринятая в соответствии с резолюцией № 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г., развивающей положения резолюции № 1368 от 12 сентября 2001 г., основывающейся на резолюции № 1269, принятой ранее по итогам инициированного Россией в 1999 г. обсуждения противодействия терроризму, несущему угрозу миру и безопасности, выявила ряд сложных проблем, решение которых потребует глубокого анализа и программы действий на ближайшие 10 лет.”

Перечитав первый абзац, он отложил страницы. Нудный мидовский стиль. Но 10 лет назад эта бумага помогла расставить приоритеты, а главное — набраться терпения в отношениях с “союзниками” по антитеррору. Мы терпеливо ждали кризиса в НАТО, время от времени повторяя дежурные фразы о том, что Россия против его расширения на Восток и не исключает для себя членства в альянсе.

Понимая, что новый миропорядок и система безопасности сформируются не скоро, мы направили максимум усилий на активизацию деятельности ООН. Добились того, что все операции по антитеррору согласовывались в Совете Безопасности. Одновременно через Совет Безопасности сделали все, чтобы втянуть в эту коалицию и Китай. Конечно, мы решали тем самым собственные проблемы Дальнего Востока, но Запад еще не оценил до конца, что благодаря активному взаимодействию с Китаем в 2002-2005 гг. по вопросам антитерроризма, была во многом решена “великая проблема” Китая в XXI в. Китай стал активным членом новых институтов международной безопасности, которые удалось сформировать на базе оформившихся структур безопасности расширившегося ЕС, реформированного НАТО, ОБСЕ и Шанхайской пятерки.

Россия наблюдала за “разборками” Европы и Штатов, стараясь извлечь для себя пользу. Удалось, несмотря на сопротивление американцев, запустить два крупных совместных авиационных проекта. Угроза террористических актов обусловила потребность в космической разведке, что дало нам возможность укрепить позиции на этом рынке.

Ужесточение контроля над экспортом ВВТ и создание, несмотря на отчаянное сопротивление “спецэкспортеров”, более прозрачной структуры ОПК увеличили поступления в бюджет.

Мы “проглотили” выход США из ПРО, дали деньги своим ученым, предложившим к 2006 г. технологии, от “которых нельзя было отказаться”.

Не дождавшись ратификации конгрессом СНВ-2, пошли на дальнейшие сокращения и, грамотно построив пиар, добились увеличения западной помощи на утилизацию и уничтожение ядерного и химического оружия.

Но главное — втянули мидовцев в процесс принятия решений, сбалансировав давление и сопротивление военных. Так же делал Б.Н. — а политиком он был от Бога. Восстановил активное движение по “старой военно-грузинской дороге”. Так, когда МИД возглавлял Шеварднадзе, остроумцы прозвали Арбат — километр между МИДом и МО. Повысил роль МИДа. Увеличил зарплаты и постепенно вернул престиж дипломатической службе. На Смоленской появились молодые способные ребята.

Он придвинул третью бумагу. Этот документ подготовили референты, сократив брошюру, которую во время одной из встреч с бизнесменами вручил ему молодой человек. Как потом выяснилось, член модного 10 лет назад Клуба “2015”. Брошюры издавал институт, который, на американский манер, клуб патронировал как свой “мозговой центр”. В этой бумаге было главное: она показывала, как с помощью военной реформы найти общий язык с инертным, в штыки воспринимающим реформы и Запад российским обществом.

Меморандум 3

“Террористические акты 11 сентября 2001 г. подтвердили вывод о резком повышении вероятности несистемных угроз (терроризма, включая использование террористами ядерного, биологического, химического ОМУ) для национальной и международной безопасности. Нами также был сделан вывод, что эффективно противостоять этому типу угроз Россия сможет только совместно с Западом, с помощью военно-политического и военно-технического сотрудничества.⁴

В то же время Россия не только не сможет ответить на новые угрозы, но и упустит шанс развития равноправных отношений с Западом, как в сфере безопасности, так и в других жизненно важных для страны областях, если немедленно не приступит к ускоренной реализации военной реформы.

⁴ “Повестка дня: военная реформа”. ИНП “Общественный договор”, Москва, 2001, с.25.

Кроме того, военная сфера остается важным фактором внутренней политики, экономики, социальной сферы и массового сознания. Ее реформирование в ситуации, когда инертное общественное мнение отстает, а группы интересов сопротивляются смелым политическим новациям, предоставит власти дополнительные инструменты — общественно-социальные и экономические регуляторы.

Одновременно военная реформа, традиционно отслеживаемая Западом, лучше, чем какая-либо другая, сигнализирует о намерениях России. Это — самый эффективный международный пиар для власти.

Военная реформа не терпит отлагательства, и вот почему.

- Военный сегмент превращается в активную, с собственными корпоративными интересами силу, противодействующую реформам в других сферах. Эта опасность многократно возрастает в связи с начавшейся антитеррористической операцией.
- Внутриполитическая ситуация благоприятствует военной реформе: вертикаль власти укрепилась, краткосрочный (на полтора-два года) экономический прогноз положителен. Главное — не упущен момент, когда военную систему можно адаптировать к изменившимся условиям власти, внутриполитическому режиму, что всегда было сверхзадачей всех военных реформ в российской истории.
- *Фактор времени* играет в военной сфере критическую роль. С одной стороны, затянувшийся кризис стал константой: более чем десятилетняя инерция препятствует кардинальной смене модели реформы. С другой стороны, кризис будет усугубляться под воздействием ряда объективных и субъективных факторов. К первым следует отнести: демографию, изменение экономической (и социальной) ситуации и пр. Ко вторым — поддержку администрации Путина и период выборов в 2003-2004 гг.: реализация военной реформы требует сильной политической воли, поддержки общества и сотрудничества парламента. Избирательные кампании резко усиливают популистские тенденции и снижают шансы на принятие непопулярных, но необходимых решений.

Принятый 16 января 2001 г. план военного строительства до 2005 г. недостаточен и не может заменить давно назревшее преобразование всей военной системы государства. Военная реформа невозможна без радикальных преобразований в армии, изменения системы

комплектования, организационной структуры ВС, подготовки кадров; перевооружения армии и флота; разработки новых видов оружия и военной техники, их производства с учетом экономических возможностей страны, освоения и использования; изменений в тесной увязке со сдвигами в средствах ведения вооруженной борьбы.⁵

Но и этого недостаточно. Политические цели будут достигнуты только при комплексной *расширенной* военной реформе, неизбежные издержки которой будут компенсироваться установлением нового уровня доверия между армией и обществом, установлением гражданского контроля над военными, переводом отношений на контрактную основу, в рамках которой повышаются взаимная ответственность и уважение сторон.

Реформа была начата еще Горбачевым, и запускать ее нужно немедленно. Для успешной ее реализации необходимо актуализировать изначальные принципы, выхолащенные в 90-х годах. Среди основных:

- переход к эффективному, незатратному оборонному строительству;
- использование военной реформы как *инструмента укрепления демократии, формирования гражданского общества в России и демилитаризации международных отношений*.

Ныне существо и цель военной реформы сузились до *утилитарного* понимания и заключаются в повышении *эффективности собственно военной системы*, что, однако, не соответствует уровню и масштабу проблемы. Сужение, или корпоративизация, концепции военной реформы препятствует ее реализации.

Затягивание реформы, сопровождавшееся борьбой различных групп интересов, привело к выхолащиванию общегражданской составляющей, а новый утилитарный подход ставит под вопрос и то, что было достигнуто: разрушение военно-мобилизационных основ экономики и менталитета.

Не обеспечен также *гражданский контроль над военной сферой*. Назначение на пост министра обороны РФ гражданского лица, с одной стороны, свидетельствует о переходе к модели разделения политического и оперативного управления военной сферой. В то же время с уходом С. Иванова, возглавлявшего разработку планов реформы в Совете безопасности, СБ утратил функции координатора реформы. Субъект, Министерство обороны, будет реформировать сам себя, что, как показывает опыт, контрпродуктивно”.

⁵ “Отечественные военные реформы XVI-XX веков”. Под общей редакцией академика АЕН РФ генерал-майора В. А. Золотарева. 201 с., “АРБИЗО”, Москва 1995. С. 9.

Эффективное использование средств и стало темой первого заседания силовиков в октябре 2001 г. По всем каналам Куделина объявила о повышении денежного содержания военнослужащих.

Обстановка в военной среде накалялась, и в 2003 г. было принято решение о передаче функций по координации деятельности в сфере обороны и безопасности и военной реформы Совету Национальной Безопасности. Он был сформирован на базе Совбеза, но укреплен профессионалами из МИДа, Минобороны, Минатома, Минэкономики и других министерств. Новый СНБ стал “фабрикой идей”. К разработке военной реформы были привлечены гражданские эксперты и практики, активно внедрялся междисциплинарный подход. Появление нового ведомства помогло восстановить баланс в принятии решений.

Первым шагом к установлению гражданского контроля стало рассекречивание ряда статей военного бюджета и выведение финансирования ряда мероприятий военной реформы из бюджета Минобороны в бюджет других ведомств, а также региональные бюджеты.

“В начале XXI в. Россия стоит перед двойным вызовом: разработать реалистическую повестку дня национальной безопасности на средне- и долгосрочную перспективу с учетом глобальных вызовов — возможных вариантов развития глобального контекста международных отношений и безопасности, вступивших в новую фазу развития, так называемый “новый длинный цикл”. Принятые в 2000 г. основополагающие документы (“Концепция национальной безопасности Российской Федерации”, “Военная доктрина” и “Концепция внешней политики Российской Федерации”) грешат нестыковкой основных положений (в первую очередь, определения угроз безопасности) и не дают четких долгосрочных ориентиров для военного строительства”.

Кто только не критиковал эти документы! Но принятие доктрины в 2002 г. стало бы очередным поводом для пинков. Исходя из очевидного факта, что переходный период в международной безопасности продлится не один год, было решено перейти к практике ежегодных докладов по национальной безопасности. Их подготовка стала одной из главных задач СНБ. Доклады представлялись на совместных заседаниях Федерального Собрания и правительства.

“Начавшийся этап международного развития будет переходным периодом, в ходе которого будут кристаллизироваться новые ключевые факторы и параметры глобальной безопасности, определяться новые “правила игры”. В этой связи возникает потреб-

ность в: а) постоянном анализе и поиске адекватных решений на быстро меняющуюся ситуацию и б) переходе от реактивного к прогнозическому подходу во внешней политике и безопасности.

Главная особенность ситуации, сложившейся к началу III тысячелетия — несоответствие системы безопасности международным реалиям мира после холодной войны. Последнее десятилетие было, по сути, цепью попыток отдельных стран и международных организаций адаптировать старые институты к новой эпохе. Оправдывая себя на ранней стадии, эти акции приводили к возникновению новых, еще более сложных проблем и противоречий.

Кризис системы к концу столетия усугубили такие тенденции и факторы как: глобализация, интеграция, активизация несистемных акторов, изменение типа конфликтов (преимущественно внутригосударственные), изменение характера угроз (несистемные угрозы), усиление роли субъективного и корпоративного факторов.

В свою очередь, в начале века факторы глобализации и интеграции из категории предопределенных (*predestinates*) переходят в категорию неопределенных (*uncertainties*). Неопределенность усугубляется неоднозначностью развития в западном ядре. Все больше обсуждается “фактор США” — вопрос, насколько прочно и как долго продлится американское лидерство, как будет развиваться американская экономика и трансатлантические связи.

По прогнозам ЦРУ⁶, даже в случае позитивного глобального сценария американское лидерство к 2015 г. пойдет на убыль. В соответствии с тем же прогнозом при оптимальном сценарии глобализация приведет к углублению раздела мира, к созданию ядра благосостояния и стабильности, готового, правда, облегчать участь оставшегося за бортом большинства. К которому будет принадлежать и Россия.

В этой связи, вызов, стоящий перед Россией, можно было бы сформулировать как “во что бы то ни стало вскочить на поезд”.

Россия вскочила на него 11 сентября 2001 г.

“В то же время возможные колебания и отклонения в развитии процессов глобализации и интеграции делают для России предпочтительным в среднесрочной перспективе некоторое дистанцирование, позицию на обочине мейнстрима, что позволит сохранить свободу для долгосрочного выбора”.

Несмотря на давление военных и разногласия с США по формированию коалиционного правительства Афганистана и актив-

⁶ “Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts”. NIC 2000-02 December 2000

ности США в Узбекистане, Россия воздержалась от прямого участия в военных действиях.

“Данному позиционированию будет способствовать политика, направленная на установление прозрачных, четких и единых стандартов, на создание эффективного международного механизма принятия решений по урегулированию кризисов и разрешению конфликтов, в том числе с применением военной силы.

Пути решения известны: укрепление роли ООН и Совета безопасности ООН; налаживание тесного сотрудничества с международными и региональными институтами безопасности (ЕС, НАТО, ОБСЕ и в АТР)”.

В 2003 г. удалось найти приемлемую форму участия российского контингента в международной операции по поддержанию мира в Центральной Азии. Одновременно на территории России начали создаваться международные центры по подготовке миротворческих контингентов. Опыт первой половины 90-х годов, когда проводились совместные российско-американские учения, показал, что военные прекрасно понимают друг друга. Общение с коллегами из других стран сыграло огромную роль в изменении духа армии, повышении самооценки российских военных. Центры финансировались из бюджета ООН и стран-участниц учений. Использовалась российская транспортная авиация, что послужило ей неплохой рекламой.

“Главные проблемы безопасности России и Запада совпадают: демография; ресурсы и окружающая среда; наука и технология; глобальная экономика и глобализация; национальное и международное управление; терроризм и будущие конфликты; роль США.

При решении этих проблем Россия столкнется, прежде всего, с финансово-экономическими и управленческими ограничителями. Это означает, что желательными партнерами будут те, кто сможет предоставить инвестиционные ресурсы и управленческий опыт. Очевидно, что таких партнеров можно найти лишь на Западе. Также очевидно, что партнеров могут привлечь лишь перспективные проекты и благоприятные (инвестиционные, правовые и пр.) условия”.

Россией была поддержана программа Европейского Союза “Южное измерение”, благодаря которой к 2008 г. удалось стабилизировать социально-экономическую ситуацию в государствах Закавказья. При этом, играя на растущих разногласиях Европы с США, удалось обеспечить активное участие в программе стабилизации российским компаниям.

“Однако и взаимодействие с партнерами не сможет полностью нейтрализовать действие ограничителей. Поэтому перед Россией стоит задача (вызов): разработать систему национальных интересов, которые обеспечат ей активную роль и позитивное позиционирование в решении тех вопросов, которые одновременно представляют вызов национальной безопасности и в которых она обладает потенциалом решения. Из перечисленных выше проблем потенциалом решения Россия обладает по вопросам ресурсов и окружающей среды; науки и технологии и урегулирования будущих конфликтов, что и подтвердилось уже на фазе подготовки к антитеррористической операции”.

Строя отношения с Западом, приходилось отслеживать и с помощью СМИ корректировать показатели общественного мнения. Определяя предпочтения по вопросу “с кем дружить?”, россияне выбирали страны СНГ (53 %) и страны Западной Европы (49 %), дальше с большим отрывом следовали США (31 %), Япония (27 %), Индия, Китай (22 %), арабские страны, Куба и Северная Корея (11 %). Но, как и предсказывали социологи, время работало на “западническую” ориентацию россиян и не в пользу сотрудничества со странами СНГ, к которому склонялись люди старше 40 лет. По мере взросления менялись и предпочтения “западников”: ориентация на США, максимальная в возрастной группе 18-23 лет, затем неуклонно снижалась, при этом по всей шкале уступая показателям Западной Европы.

“Характер угроз и вызовов национальной безопасности России не оправдывает внедрения мобилизационной модели. Напротив, в большинстве случаев мобилизационная модель будет препятствовать подготовке и применению адекватных и эффективных мер, по большей части финансово-экономических, политических, технологических.

Вопросом вопросов военной реформы остается принцип комплектования армии — призыв или контракт. Его решение критически важно как с общественно-политической точки зрения, так и в сугубо практическом, военном и военно-техническом аспектах.

***Справка 6.** Указ, по которому уже с весны 2000 г. предусматривалось перевести ВС на контрактную основу комплектования, был подписан Б. Ельциным 16 мая 1996 г. Но уже через два года в сроки были внесены коррективы, т.к. экономическая ситуация не позволяла реализовать этот нормативный правовой акт. Ситуация с призывом на действительную службу ухудшается год от года. В ходе осенней призывной кампании (в соответствии с Указом Президента № 1716) в октя-*

бре-ноябре 2000 г. были призваны на службу 191 651 человек. На эти цели органами исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления было истрачено 54,67 млн руб. (1,9 млн долл.), Министерством обороны — 26,69 млн руб. (0,9 млн долл.). Несмотря на масштабность мероприятий по призыву, численность военнослужащих срочной службы после их доукомплектования гражданами осеннего призыва по-прежнему составляла в войсках не более 90 % от имеющихся штатов. Такая тенденция сохранится. Даже после реформирования армии и сокращения до 0,8 млн человек должности сержантского и рядового состава будут укомплектовываться не более чем на 95 %. По данным Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба, в армии вакантна каждая четвертая должность. Некомплект сохранится и после сокращения в 2001-2003 гг. штатной численности армии на 350 тыс. (из них половина — срочников). Причиной этого в Генштабе считают многочисленные освобождения и отсрочки, предоставляемые по законодательству (Закон “О воинской обязанности и военной службе”), из-за которых невозможно призвать в войска необходимое для полного комплектования войск количество призывников. В 2000 г. планы призыва были составлены так, что удалось направить в войска лишь 13 % от общего числа граждан, состоящих на воинском учете. При этом, по официальным данным, 31,5 тыс. не явились на призыв, из них умышленно уклонились 29,4 тыс. По сравнению с весной 2000 г. число отказников увеличилось почти на 3000 человек.

Генштаб видит возможность решения проблемы недобора путем приема контрактников из числа военнослужащих. Его представители также публично высказывались за то, чтобы в обществе как можно быстрее была введена альтернативная гражданская служба и принят соответствующий закон. Военное ведомство не имеет по Конституции права законодательной инициативы (статья 59 пункт 3 — альтернативная гражданская служба).

Переход на контрактный принцип комплектования зависит от развития экономической ситуации. Расходы на одного контрактника в год составляют 40,4 тыс. руб., на призывника — 16,8 тыс. По данным Генштаба, при переходе на контракт только на выплату денежного довольствия и продовольственного обеспечения потребуется до 18,5 млрд руб. в год — то есть 13 % от нынешнего военного бюджета страны. Кроме того, потребуются развитие инфраструктуры, а также дополнительные льготы (сейчас предусмотренные для офицеров и прапорщиков). Сегодня эти меры и расходы рассматриваются Генштабом как непосильная ноша для ВС и государства.

Тем не менее Генштаб, признающий необходимость и целесообразность перехода к контрактной армии, подготовил пакет документов по разработке такой программы. План не удалось согласо-

вать с Минэкономразвития и Минфином. Учитывая ограничения, прежде всего финансовые, Генштаб отодвигает реализацию задачи на неопределенный срок. В первую очередь на контрактную основу переводятся те, кто участвует в урегулировании конфликтов, операциях в “горячих точках”. На переходном этапе планируется широкое введение альтернативной службы”.

Ситуация в армии была критической, недопустимой. Решение нужно было принимать незамедлительно. После длительных дебатов Дума все же приняла закон об альтернативной службе. Впрочем, он не решал проблемы. В 2002 г. были проведены закрытые слушания. Убедительно говорил Арбатов-младший. Вот стенограмма его выступления:

“В условиях, когда общество не ощущает угрозы большой войны, а традиции неуставных отношений пустили в армии столь глубокие корни, когда уклонение от призыва достигло огромных масштабов и заставляет отлавливать рекрутов с милицией, когда призывной контингент по показателям грамотности и криминогенности опустился ниже приемлемого уровня, переход на добровольно-контрактное комплектование снял бы многие острейшие социальные и нравственные проблемы общества и армии. Обучать современному боевому искусству и использованию новейшей, дорогостоящей и сложной техники, конечно, лучше контрактников, чем насильно “забрить” призывников. К тому же, использование контрактников в локальных конфликтах вызывает меньше социальных трений.

Конечно, офицерскому корпусу проще и привычнее иметь дело с бессловесными призывниками, опираясь на “авторитет” старослужащих, чем управлять людьми, отстаивающими свои права. Неудивительно, что отслужившие призывники, офицерский корпус и генералитет практически единодушно выступают против контрактной армии. Но общественное мнение в большинстве своем — за нее.

Контрактник “стоит” вчетверо дороже призывника, а чтобы отбирать качественный контингент, нужно повысить денежное довольствие добровольцев-рядовых минимум вдвое. При контрактном комплектовании образуется гораздо меньший контингент запаса для быстрого наращивания армии в случае большой войны.

Российская армия с численностью в 1,2 млн человек, рассчитанная в том числе и на большую неядерную войну с НАТО, конечно, не способна перейти на контракт в пределах военного бюджета в 3,5 % ВВП, даже если свыше 90 % средств пустить на содержание. Но ВС в 0,8 млн человек при тех же условиях в принципе вполне возможно полностью перевести на комплектование

на добровольной основе и при этом вдвое повысить денежное содержание контрактников, всех офицеров и генералов.

Правда, тогда пропорция содержание — инвестиции будет не 50-50, а 60-40 или 65-35.

Справка 7. Один из главных макропоказателей военного строительства, предусмотренный планом, подписанным Путиным 16 января 2001 г., — снижение расходов на содержание с 75 % до 50 %. Отсюда и показатели форсированного, а не до 2005 г. сокращения общей численности до 0,8 млн.

То есть техническое перевооружение СОН придется несколько замедлить, а СЯС ориентировать на более низкие потолки (1000-1500 боеголовков через 15 лет). К тому же полностью упразднить призыв все-таки сразу не удастся — на случай недобора контрактников и для комплектования других войск (внутренние, железнодорожные войска и др.), реформа которых — особая тема. Тем не менее такой шаг имел бы колоссальное значение и для армии, и для общества, и для национальной безопасности России в XXI в.”.

Некоторые из выступавших экспертов считали, что в условиях большой войны с применением высокоточного оружия, сопоставимого с ядерным, восьмисоттысячная армия также чрезмерна.

В 2002 г. начался эксперимент по переводу отдельных частей на контрактную основу. Неудивительно, что и там вскрылись злоупотребления. Однако скомпрометировать идею не удалось. Переход на контрактную систему комплектования был продолжен и уже в 2005 г. принес результаты: климат в армии оздоровился, она перестала быть “страшилкой” для молодых людей и общества в целом.

Несмотря на экономический спад в США и проблемы с “евроисламом” в Западной Европе, по правительственным и неправительственным каналам России были выделены сотни миллионов долларов на программы переобучения, создание новых мест и обустройство уволенных в запас.

В отличие от 90-х годов, когда миллиарды ушли “в песок” (точнее, в карманы) или были потрачены бездарно — на строительство городков в местах, где бывшие военнослужащие и их жены не могли найти работу, новыми деньгами распорядились более разумно. Деньги на обустройство и строительство жилья для бывших военных были переданы в распоряжение нескольких банков, выигравших открытый тендер. Деньги на переобучение были переда-

ны ряду вузов, предоставивших на конкурс специально разработанные программы, составленные с учетом потребностей развития экономики, а также имеющейся подготовки новых “студентов”. Разрабатывая программы, вузы теснее, чем прежде, сотрудничали с различными министерствами и научными институтами, что дало дополнительный толчок реформе образования.

Параллельно началась реформа военного образования. В армии, наконец, появились унтер-офицеры, прошедшие специальное двухлетнее обучение. Но с увольнением большого числа офицеров мы столкнулись с проблемой “возрастного провала” — в армии катастрофически не хватало молодых профессионалов высокого класса. Поэтому с привлечением гражданских специалистов была модернизирована программа ведущих военных вузов. Обновились преподавательские кадры в Академии Генштаба.

Туго шла военно-правовая реформа, что было неудивительно в условиях, когда судебная реформа в стране пробуксовывала. Однако к 2007 г. наметились сдвиги. Большую роль в создании в армии правовой среды сыграла военная пресса и телевизионный канал, который начал действовать в 2003 г.

С переходом на контрактную армию стала меняться атмосфера — появилось достоинство, корпоративная поддержка. Стали появляться клубы военных, ассоциации выпускников академий. Роль священников, заменивших замполитов в 90-х годах и порой лишь усугублявших ситуацию в тех частях, где служили представители различных вероисповеданий, снизилась.

В начале 2004 г. началась разработка программы территориально-милиционной системы, без которой в условиях контрактной армии невозможно было обеспечить военный резерв. Был изучен российский и раннесоветский опыт, опыт Германии, Израиля, Швейцарии. В 2005 г. приступили к ее созданию. Реформа тыла позволила наладить обеспечение сборов. К их проведению привлекалась также региональная и местная власти. В условиях, когда призыв был отменен, общество отнеслось к территориально-милиционной системе с удивительным энтузиазмом.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РОССИИ-2015¹

Джудит Л. Твигг

Здоровье россиян и демографический кризис

Сегодня уже не секрет, что состояние здоровья россиян и общая демографическая ситуация в стране представляют серьезную национальную угрозу. В обращении к российскому народу летом 2000 г. Владимир Путин сказал, что если такая ситуация не изменится, то выживание России окажется под вопросом. Численность населения страны станет недостаточной для сохранения целостности территории, особенно в регионах, граничащих с Китаем, чья демографическая ситуация противоположна российской. Приток китайских иммигрантов на Дальний Восток уже вызвал политическое напряжение в некоторых областях.

К 1 июля 2001 г. общая численность населения России составляла около 144,4 млн человек при чистой убыли в 458,400 человек за первые шесть месяцев года. Такая тенденция началась сразу после распада СССР. В первой половине 2001 г. рождаемость немного увеличилась, а смертность уменьшилась, но все же она оставалась в два раза большей, чем рождаемость. Естественный прирост населения наблюдался только в 50 из 89 регионов страны. По данным официальной российской статистики, население страны уменьшится в ближайшие 15 лет еще на 10 млн человек, и эта тенденция продолжится в первой половине XXI в. Прогнозы отдельных демографов еще более пессимистичны: в 2050 г. в России останется всего лишь 70-130 млн чел.

© Д. Л. Твигг, 2003

¹ Сценарии написаны в октябре 2001 г.

Шокирует статистика смертности среди трудоспособного мужского населения. Ежегодное количество смертей среди мужчин в возрасте от 15 до 64 лет возросло с 1990 по 1993 гг. на 35 %. Сегодня шансы молодого человека дожить до 60 лет составляют всего 58-69 %. Потери в последние годы происходят, в основном, из-за сердечно-сосудистых болезней (инфаркт, инсульт) и внешних факторов (травмы, убийства, самоубийства, отравления). Особо следует отметить влияние алкоголя. Исследования причин смертности среди мужчин от 20 до 55 лет в двух российских регионах показали, что около 40 % скончавшихся не от рака, умерли в состоянии тяжелого опьянения. В среднем российские взрослые мужчины потребляют 160-180 пол-литровых бутылок в год. По данным Минздрава РФ, 40 % мужчин и 17 % женщин страдают алкогольной зависимостью.

Нерадостно дело обстоит и с рождаемостью. Показатель уровня рождаемости женщин репродуктивного возраста упал до 1,8 ребенка на женщину (прежде он составлял 2,2). Причина кроется не только в решении воздерживаться от деторождения до улучшения социально-экономической ситуации, но и в бесплодии (им страдают 15-20 % женатых пар, и этот показатель увеличивается более чем на 3 % в год). Это происходит отчасти из-за резкого роста болезней, передаваемых половым путем (число вновь заболевших сифилисом увеличилось в 77 раз с 1990 по 1997 гг.), а также из-за многочисленных аборт. В России сейчас количество аборт в два раза превышает количество рождений. Причем в 40 % случаев женщинам после аборт требуется лечение антибиотиками, а то и госпитализация.

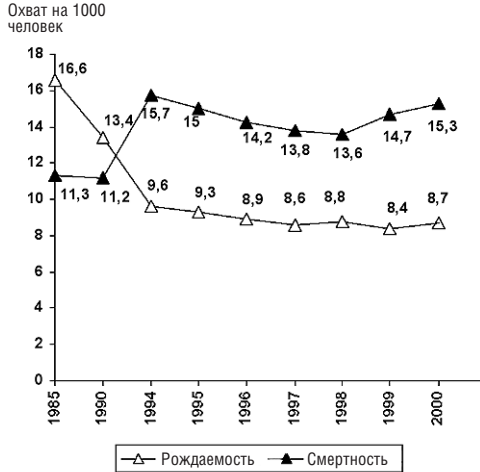
Надо сказать, что демографы указывают на позитивную тенденцию уменьшения детской смертности — вследствие стабилизации некоторых причин, вызывающих смерть. Увеличение детской вакцинации против туберкулеза, дифтерии, коклюша и других заболеваний также дает повод для оптимизма. Но зато отмечено появление новой угрозы: распространение инфекционных и паразитических заболеваний. В середине и конце 90-х годов темпы роста смертности от туберкулеза и СПИДа были угрожающими.

Показатели смертности в России от туберкулеза к концу 90-х увеличились более чем в два раза. В 1999 г. на 100 тыс. человек отмечалось 85,4 заболевших (это ставит Россию во главе десятка стран, наиболее пораженных туберкулезом). Следует добавить, что официальная статистика вряд ли учитывает всех больных туберкулезом: заключенных, бездомных, беженцев, бомжей.

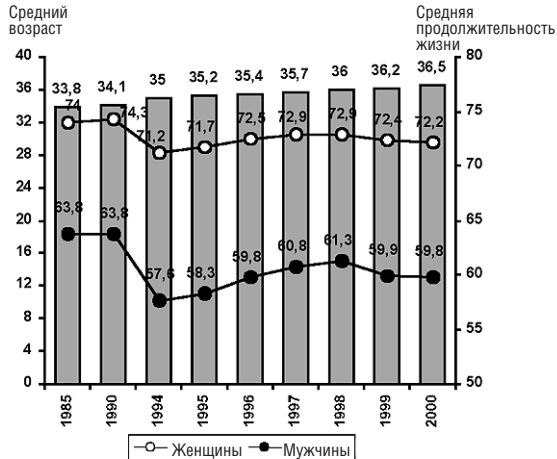
А между тем международные специалисты назвали российские тюрьмы “точками фокусирования туберкулезной эпидемии”. В тюрьмах не хватает персонала, денег и лекарств. Тюремные врачи порой назначают неполные курсы лечения заражен-

Кризис национальной системы здравоохранения отражается на ухудшении демографической ситуации

Увеличение смертности не скомпенсировано уровнем рождаемости

Уменьшение продолжительности жизни вместе с общим старением

Текущие демографические тенденции приводят к повышению потребности в медицинском обслуживании.

ным, тогда как туберкулез нельзя лечить частично: если нет полного воздействия антибиотиков, то сопротивляемость бактерий лекарствам увеличивается. В результате в некоторых тюрьмах около 20 % зараженных туберкулезом имеют сопротивляемость к лекарственному лечению. Вышедшие из заключения люди становятся разносчиками болезни. Возникает угроза эпидемии.

Еще серьезней ситуация с ВИЧ-инфицированными и больными СПИДом. Ежегодное число официально регистрируемых смертей от СПИДа неправдоподобно мало (около 100 случаев в год в 1998-1999 гг.). При этом не учитывается множество смертей от сопутствующих СПИДу инфекций. Некоторые специалисты считают, что Россия стоит на пороге эпидемии СПИДа. Глава Федерального центра предупреждения и лечения СПИДа Вадим Покровский считает, что сейчас в России около одного миллиона ВИЧ-инфицированных и что около 150 тыс. из них заболеют СПИДом в ближайшие пять лет. Дело усугубляется тем, что основной путь заражения СПИДом в России — через внутривенное употребление наркотиков, а зараженные таким образом люди практически не обращаются за официальной помощью. Многие эксперты предсказывают приход “второй волны” инфекций, основанной на сексуальных контактах. Доктор Покровский считает, что к 2015 г. от СПИДа умрет от 5 до 10 млн человек — в основном мужчины в возрасте 22-29 лет.

Имеющаяся система здравоохранения не может противостоять росту социально важных болезней

Примеры некоторых болезней

Туберкулез	Спид	Наркотическая зависимость
Уровень болезней ● Болезнь распространяется очень быстро и почти достигла уровня эпидемии ● Число инфицированных растет на 10% в год ● 0,25% населения инфицированы Финансирование ● Федеральная программа финансируется недостаточно. Для лечения применяются устаревшие медикаменты ● С 1999 г. программа была профинансирована менее чем на 40% от необходимого уровня ● С 1999 г. медикаменты поставляются из Индии в счет уплаты долгов, но их качество является низким	● Резкое и практически неконтролируемое распространение болезни ● В 80 раз увеличилось количество инфицированных за последние 5 лет ● По прогнозам к 2005 г. ожидается около 5 млн инфицированных ● Программа анти-СПИД не является приоритетом для российского правительства ● 20% от необходимого финансирования за последние 2 года ● Отсутствие запланированного финансирования на 2001 г.	● Высокий рост, свидетельствует о необходимости введения специальных мер контроля заболеваний ● Число наркоманов удвоилось за последние 3 года ● Федеральная программа была запланирована только на 2 года ● Программа закончилась в 2001 г. ● Продолжение финансирования под вопросом

Среди угроз здоровью российских граждан — курение, гепатит В и С, неадекватное потребление микроэлементов, авитаминоз. Проблема курения заслуживает особого внимания. Около 70 % мужчин и 30 % женщин в России курят. В последнее десятилетие заболеваемость раком легких увеличилась почти в два раза.

Что же может сделать российская система здравоохранения для улучшения здоровья россиян к 2015 г.? Какие будут сценарии?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, отметим два важных условия, которые лежат в основе возможных сценариев.

1.Повысятся требования к службам здоровья.

Даже если здоровье россиян будет постоянно улучшаться, все равно произойдет старение населения, а значит, повысятся требования к здравоохранению. В 1998 г. впервые в истории России количество людей преклонного возраста превзошло количество детей и подростков. К началу 2001 г. число пенсионеров превзошло число молодежи более чем на 2 млн человек. А престарелые люди — основные потребители в системе здравоохранения. Кроме того, тенденция распространения инфекционных болезней (особенно туберкулеза и СПИДа) создаст значительное напряжение при поиске ресурсов в российском здравоохранении.

2. Цены на лечение останутся относительно высокими.

Продвижение новых технологий в фармакологии будет способствовать удержанию высоких цен на услуги системы здравоохранения и лекарства. Росту цен будут способствовать и другие факторы (рост зарплат врачей и медицинских работников, повышение цен на коммунальные услуги для учреждений здравоохранения и т.д.).

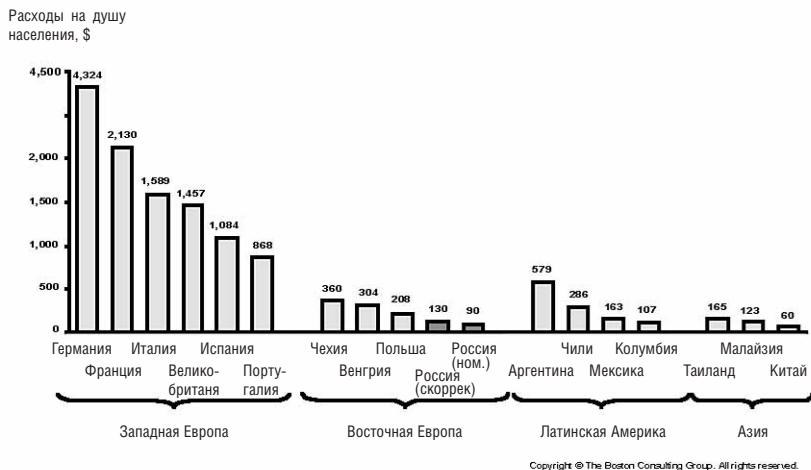
Теперь рассмотрим, что будет приводить сценарии в действие, то есть каковы движущие силы?

Движущая сила №1: “Будет и останется ли здоровье политическим и социальным приоритетом?”

Здоровье народа вряд ли было социальным и политическим приоритетом в России. Сегодня Россия расходует на здравоохранение лишь 3-4 % ВВП. В 1991-1999 гг. финансирование здравоохранения в России упало на 30 %. Ситуация несколько улучшилась в 1999-2000 гг., но все же поликлиники и больницы сегодня получают лишь половину от необходимых им денег. Произошло нарастание количества платных услуг, так как лечебным учреждениям приходится перекладывать бремя расходов на семьи паци-

ентов. Причем, если богатые люди могут позволить себе адекватное лечение высокого качества, то бедные довольствуются минимумом внимания медиков и лекарственного обеспечения.

В России низкий уровень расходов на здравоохранение на душу населения

Российское правительство пока не сделало здоровье национальным приоритетом, иначе в систему здравоохранения были бы направлены гораздо большие средства. Возможно, как ответ на апатию правительства в вопросах здравоохранения, а возможно, исходя из исторической и культурной традиции, российское общество в целом заняло фаталистическую позицию относительно здоровья — не принимая простейших мер профилактики и не избегая нездорового образа жизни. Это относится к миллионам россиян, а не только к тем, кто пристрастился к наркотикам и алкоголю в попытке “забыть” трудности постсоветского периода. Люди чувствуют себя одинокими и покинутыми. Только 30 % опрошенных смогли вспомнить что-либо положительное из своей жизни за последнее время. Музыка также отражает пессимизм постсоветской жизни: хитом стала песня “У тебя СПИД, а значит мы умрем”. Отчаяние наносит вред здоровью. Люди, которые не верят в будущее, вряд ли способны на позитивные действия по поддержанию и улучшению своего здоровья, тем более если эти действия требуют постоянных усилий и самоограничения (диета, физкультура, борьба с курением).

Для того чтобы здоровье стало политическим и социальным приоритетом, нужны фундаментальные перемены в позиции общества и правительства. Трудно изменить политику правительства и связанные с ней размещения ресурсов, но еще труднее изменить человеческое сознание. Люди должны понять, что партнерская инфраструктура государства не возвратится, что теперь они сами отвечают за свою судьбу и здоровье. Семьи, школа, врачи, социальные институты, СМИ должны объединить усилия в пропаганде здорового образа жизни. Здоровье должно войти в моду. В некоторых отношениях государство и правительство должны стать зачинщиком этого.

Нижеприведенные показатели могли бы означать, что здоровье стало социальным и политическим приоритетом:

- Увеличение государственного финансирования здравоохранения.
- Признание правительственными структурами (особенно Минздравом) состояния здоровья населения важной проблемой.
- Увеличение внимания правительства, частного и социального секторов к пропаганде и культуре здорового образа жизни.
- Признание россиянами важности заботы о здоровье при нарастании знания, как это сделать, радикальное изменение в национальной психологии.
- Рост вложений в реформу медицинского образования и индустрии здравоохранения.

Движущая сила №2: “Подвергнется ли российское здравоохранение эффективным реформам?”

Российские учреждения здравоохранения неразумно используют ресурсы, выделяемые бюджетом. Так, с советских времен осталась практика направлять пациентов на стационарное лечение к высокоспециализированным врачам. В то время как в ряде случаев вполне может помочь и общепрактикующий врач в поликлинике.

Сейчас около 65-70 % средств тратится на больницы, а 10-12 % — на обеспечение дорогих вызовов “скорой помощи”. Амбулаторный врач, врач на рабочем месте или терапевт, к которому приписан каждый российский гражданин, сейчас работает скорее как распространитель лекарств, а не как специалист, реально оказывающий помощь. Он помогает только 40-42 % пациентов, направляя остальных к больничным врачам.

Приостановка этой практики требует структурных реформ, в частности, замену дорогого больничного лечения амбулаторными визитами, диагностикой. Целые больничные площади должны быть реформированы так, чтобы ресурсы направлялись на менее дорогое, но подходящее амбулаторное лечение. Конечно, при таком подходе неизбежны потери рабочих мест.

Нужно изменить направление медицинского образования и практики, включая широкое распространение института семейных докторов. Это позволит лечить пациентов эффективнее, обеспечит построение личностного отношения между доктором и пациентом, не допуская запущенных случаев. Появление широко обученных врачей будет особо приветствоваться в сельской местности, где низкая плотность населения делает невозможной проживание большого числа узких специалистов.

Должна измениться и структура денежных поступлений в систему здравоохранения. Раньше были большие надежды, что этот вопрос поможет решить система обязательного медицинского страхования, введенная в 1993 г. Первоначально на обязательное страхование шло 3,6 % общего заработка трудящегося. Из них 3,4 % поступало в областной фонд страхования здоровья и 0,2 % — в федеральный фонд (на выравнивание возможностей регионов и на оплату медицинских услуг, имеющих национальное значение). Затем медицинский страховой фонд был слит с фондом социального страхования (тот, что дает льготы в случае болезни, потери дееспособности, беременности, рождения ребенка). Но количество средств, идущих на здравоохранение, не сильно возросло от этих, по сути, административных перемен.

Важно, что обязательное медицинское страхование имело намерение ликвидировать главенство служб здравоохранения советского времени, которые поддерживали клиники и больницы в их стремлении к негибким, нелогичным целям. Теперь фонды должны были собирать все страховые платежи от предприятий и муниципальных властей и распределять их в сети частных страховых компаний. Страховые компании заключают контракты с поликлиниками, больницами, группами экспертов. То есть платежеспособные люди и вкладчики будут взаимодействовать с больницами и поликлиниками только через механизмы контракта. И поскольку они имеют возможность решать, с кем заключать контракт, то могут отвергнуть услуги низкоквалифицированных специалистов медицинских учреждений. Таким образом, страховые компании борются за привлечение клиентов, которые вероятно сделают выбор в пользу преуспевших, а поликлиники и больницы будут состязаться в получении работы от страховых компаний.

Но российское правительство не сделало необходимых шагов для развития состязательности в системе здравоохранения. Экономические барьеры (высокая первоначальная стоимость и недостаток рынка капитала) препятствуют входу новых вкладчиков на рынок российского здравоохранения. Законодательная среда остается враждебной к “частникам”, входящим на рынок.

Многие руководители поликлиник и больниц нехотя расстаются с административной системой, пугаясь неопределенности соревновательной среды. И в народе все еще доминируют понятия о неудобстве выбора соперничающих поставщиков услуг здравоохранения. Старая привычка зависимости от патерналистских систем здравоохранения не вытеснена индивидуальной инициативой при поиске высококвалифицированных услуг.

Правда, пациенты практикуют выбор врачей внутри поликлиники, к которой приписаны. Но неясно, может ли другой врач предложить лучшую помощь внутри одной и той же структуры (при жестких ставках оплаты труда). И к тому же, единственным стимулом для более популярного врача станет возросший объем работы. Теоретически, начальство клиники может премировать таких специалистов, но это практикуется далеко не всегда.

Другая структурная проблема — это передача власти в управленческих структурах здравоохранения. Во многих, если не в большинстве случаев, децентрализация оказалась непродуктивной. Каждый регион, например, теперь хочет создать свою собственную сеть учреждений здоровья. За это ратуют и местные политики — ведь открытие нового высокотехнического медицинского учреждения, а не оснащение окрестных поликлиник одноразовыми шприцами и перевязочным материалом, ставит их имена на первые полосы газет и приносит голоса.

Гарантированного в советское время равного для всех доступа к медицинским услугам теперь нет. Разница между богатыми и бедными регионами такова, что федеральный фонд не способен ее уравнивать, и как результат — разница в издержках на здоровье на душу населения почти 17-кратна и прямо переводима в разницу доступа к качеству медицинского обслуживания. Значительное меньшинство российского населения живет в регионах, где здравоохранение до сих пор финансируется в основном через госбюджет, а страховые компании играют в этом маргинальную роль. В регионах, где страховые компании и фонды действуют легально, существует “двойная экономика”: страховая система, которая пытается снабжать население качественными услугами на основе рыночных стимулов, работает рука об руку с бюджетными ставками.

В некоторых местностях деньги из бюджета идут на амбулаторное лечение, а средства от страхования — на стационарное; в других районах страховка покрывает только стационарное лечение взрослых. Но многие работающие попадают под действие страхования, а неработающее население оплачивает бюджет. В общем, доля страхования в системе здравоохранения России в финансовом плане никогда не поднималась выше 30 %. Такая смешанная бюджетно-страховая модель приведет к конфликтам среди производителей услуг в системе здравоохранения.

**Возможные сценарии развития российской системы здравоохранения
Макроэкономический прогноз на 2005 г.**

	Замедление роста	Status quo	Национальный приоритет
Описание	● Расходы на здравоохранение как % от ВВП остаются на текущем уровне или ниже. Здравоохранение составит 4–5 % от ВВП до 2005 г.	● Расходы на здравоохранение растут немного быстрее ВВП ● Расходы на здравоохранение достигнут ~ 6 % от ВВП	● Расходы на здравоохранение растут намного быстрее ВВП ● Расходы на здравоохранение достигнут уровня Польши – 6,5–7 % от ВВП
Возможные причины	● Приоритет здравоохранения снижается из-за снижающихся доходов бюджета ● Неудачное проведение реформы здравоохранения	● Медленное проведение реформ, продолжение существующих программ ● Малая/ограниченная поддержка международных организаций ● Рост доходов пропорционален ВВП (необходимое условие для увеличения расходов частных лиц)	● Благоприятная ситуация на мировых рынках ресурсов ● Успешное проведение реформы здравоохранения ● Здравоохранение является государственным приоритетом с соответствующими отчислениями из бюджета ● Здравоохранение поддерживается международными организациями
Вероятность	Средняя	Высокая	Низкая

При наличии обязательного медицинского страхования и выделения бюджетных средств на насущные нужды здравоохранения сегодняшняя реформа сосредотачивается на возможности фундаментального изменения статьи 41 Конституции РФ (о праве всех россиян на равное медицинское обслуживание). Нынешняя ситуация такова, что люди при посещении поликлиники или больницы часто должны так или иначе доплачивать персоналу за услуги. При этом данное конституционное заявление становится просто фикцией. Даже в советские времена пациенты знали, что можно “купить” высококвалифицированное обслуживание (равно как и получить без очереди хорошую колбасу или импортную одежду). Теперь “теневой” рынок здравоохранения стал более денежным и намного более распространенным, и линия между этими выплатами весьма неясна.

Многие поликлиники и больницы предлагают набор услуг экстракласса (лучшую пищу, отдельные палаты, более высокое качество стоматологической и гинекологической помощи) за “открытый” список вознаграждений. Результаты налицо: клиники, предоставляющие услуги “за вознаграждение”, находятся в хорошем состоянии: они отремонтированы и укомплектованы. А клиники, которые стараются выжить на бюджетных и страховых деньгах, запущены, в них нет нужного оборудования. Отсюда возникает понимание, что хорошо регулируемый рынок действительно играет важную роль в предоставлении оздоровительных услуг.

Для достижения качества и эффективности нужна конкуренция. И лучше жить в системе законных платежей, регулируемых государством, чем в современной неурегулированной и хаотичной системе. Важный конечный элемент в структурной реформе — это открытость системы здравоохранения к сотрудничеству с международными партнерами.

Вот показатели, которые могли бы означать появление позитивных перемен в отрасли:

- Нарастающая эффектность вложения средств в здравоохранение.
- Эффективная структурная реформа служб здоровья.
- Наличие частной практики.
- Рыночный характер поощрений врачей и других работников служб здоровья.
- Эффективное развитие обязательного страхования (структура поощрения должна доминировать в схеме выплат за услуги).
- Разрешение регионам развивать (где это подходит) свою собственную политику здравоохранения, свою стратегию реформ, но под центральным руководством (чтобы сдерживались и регулировались последствия децентрализации).
- Свободное и эффективное функционирование западной помощи и партнерских программ в сфере здоровья.

Сценарии

Сценарии должны соответствовать пяти основным критериям:

- верность: сценарий должен разрабатываться, учитывая пределы разумного;

- отличие: сценарии должны отличаться один от другого, не быть просто вариациями на одну тему;
- последовательность: сценарий должен придерживаться внутренней логики;
- полезность: сценарий должен предлагать специфические уроки;
- вызов: сценарий должен служить вызовом обыденному представлению о будущем.

Сценарные матрицы

Сценарии развития здравоохранения в России порождены конструированием желаемого вокруг матриц движущих сил, обрисованных выше. Матрицы выливаются в четыре “пространства сценария” (см. “Сценарные матрицы”). Эти “пространства сценариев” составляют сырой материал сценарных фабул.

Сценарные матрицы

	Эффективная структурная реформа	Неэффективная структурная реформа
Здоровье имеет высокий приоритет	“Чудесное исцеление”	“Временное улучшение”
Здоровье имеет низкий приоритет	“Здоровье = Богатство”	“Критическая ситуация”

1. “Чудесное исцеление”

Здоровье является политическим и социальным приоритетом, структурные реформы эффективны. Качество услуг здравоохранения улучшается с большим трудом. Правительство поддерживает систему безопасности для бедных. Эффективное поощрение здорового образа жизни и обучение ему изменило социальные позиции и индивидуальную психологию людей: появляется вера правительству. Правительство начинает работать с широкой сетью неправительственных учреждений. Всех объединяет общая цель — улучшение здоровья людей. Изменяется образ жизни. Правительство открыто для помощи от западных партнеров, и эта помощь принимается.

2. “Временное улучшение”

Здоровье является политическим и социальным приоритетом, но структурные реформы “топчутся на месте”. Качество служб здоровья заметно улучшается, но недостаточно эффективные структурные реформы ведут к растрате ценных ресурсов.

3. “Богатство-здоровье”

Здоровье имеет невысокий политический и социальный статус. Но идут эффективные структурные реформы. Маркетизация системы здравоохранения имеет положительный результат за счет того, что люди со средствами (верхний и средний класс) пользуются высококвалифицированной медицинской помощью. Но более половины населения не могут позволить себе получить качественную медицинскую помощь, так как правительственная сеть здравоохранения остается разобщенной. Люди не информированы о мерах, которые они могли бы принять для улучшения своего здоровья и предотвращения недугов, да и мотивация к этому отсутствует.

4. “Критическое состояние”

Здоровье имеет низкий политический и социальный статус, структурных реформ отрасли нет. Люди продолжают полагаться на правительственную систему, которая не хочет и не способна снабдить их адекватными услугами здравоохранения. Широко распространен теневой рынок медицинских услуг, в службах здоровья доминирует коррупция. Преобладает нездоровый и связанный с риском для здоровья образ жизни.

Сценарий 1: “Болезнь с человеческим лицом”

Сценарное пространство: “Здоровье = Богатство” “Чудесное исцеление”

Известный актер и певец Иван Иванов неожиданно исчезает на несколько месяцев из поля зрения общества. В СМИ ходят разные слухи относительно его места пребывания и самочувствия. Но вот Иванов появляется и делает публичное заявление: у него обнаружен вирус иммунодефицита. Иванов решил бороться с недугом, используя свой “звездный” статус. Но его главная цель — привлечь внимание к бедственному положению страдающих от ВИЧ-инфекции в России.

До сих пор отношение к СПИДу в России было неправильным (так же, как в первые годы его появления в США): многие считали, что эта болезнь распространяется только в узком кругу общества и что люди сами вызывают его непристойным поведением. Иванов старается помочь носителям ВИЧ и больным СПИДом. Многие российские знаменитости и политические деятели помогают Иванову, участвуют в формировании организаций для поддержки больных и инфицированных. Газеты и журналы выходят с передовицами, посвященными этим событиям.

Президент Путин и правительство понимают, что народ ждет официальной реакции на происходящее. Видя возможность объединения усилий всех слоев населения для борьбы с нарастающим кризисом здравоохранения, Путин приглашает Иванова на встречу в Кремль. Вместе они решают открыть публичную дискуссию по проблемам СПИДа. Президент обещает поставить здоровье и проблемы здравоохранения во главу своей политической программы. Иванов отвечает обещанием привлечь к пропаганде здорового образа жизни знаменитостей из мира шоу-бизнеса, спорта и бизнеса. Путин обещает вести работу по преодолению сопротивления бюрократии, народного недоверия правительству и векового российского фатализма в отношении собственного здоровья.

Иванов призывает президента последовать от обещаний к реальному вложению средств в сектор здоровья. И Путин предлагает несколько остроумных способов, как найти деньги, которые можно было бы направить на нужды медицины.

Первый источник проистекает от доходов, полученных от ввоза, утилизации и хранения ядерных отходов других стран в Озерске и Железногорске (21 млрд долларов дохода за 20 тыс. тонн ввезенных отходов). Правда, нужно еще направить средства на модернизацию предприятий по переработке отходов (около 300 млн долларов в каждом из указанных городов) и на усовершенствование железных дорог, чтобы обеспечить безопасность транспортировки отходов (около 100 млн долларов). Большинство этих расходов решено возместить посредством использования в российских ядерных реакторах плутония, полученного из отходов (вместо традиционного малообогащенного урана).

В целом, программа ввоза отходов приносит 20 млрд долларов прибыли, и значительная доля этой прибыли направляется прямо в российские поликлиники, больницы, в фармацевтическое производство. Остальное идет на совершенствование российских ядерных реакторов и в специальный фонд очищения загрязненных территорий. Эти действия приветствуют даже противники и политические оппоненты ввоза отработанных ядерных отходов.

Другим существенным источником финансирования здравоохранения становится продажа кредитов на выброс двуокиси углерода и других газов, приводящих к “тепловому эффекту” планеты, — в соответствии с Киотскими протоколами, подписанными в конце 1990 г. По этому соглашению около 160 стран обязались стабилизировать или снизить выбросы “тепловых” газов к 2008-2012 гг. Европейский Союз, Швейцария и большинство стран Центральной и Восточной Европы согласились снизить

выбросы до 92 % от уровня 1990 г. Япония, Канада, Венгрия, Польша — до 94 %, Хорватия — до 95 %. От России ожидалось, что она просто стабилизирует свой 100 %-ный уровень в цифрах 1990 г.

Было принято соглашение, которое позволяло странам “покупать” выброс у других стран, получивших “разрешение” на выброс. Россия и Украина стали единственными значительными “продавцами разрешений” (Россия могла предложить от 250-500 млн тонн в год, Украина — от 30-150 млн тонн). Продавая выброс по 100 долларов за тонну, в 2010 г. Россия могла получать как минимум 25 млрд долларов в год. Путин решает отдать значительную часть этих денег здравоохранению.

Эти новые источники дохода в основном идут на выплаты задолженностей по зарплатам врачей и других медработников. Прекращена экономически неэффективная, неуклюжая и унижительная практика оплаты товаров (в начале 90-х годов и даже в конце 2000 г. некоторые медработники получали зарплату гробами, тампонами и даже навозом). Правительство предпринимает меры по подъему зарплат врачей, и это позволяет удержать талантливых врачей в государственных больницах и клиниках, не допустить перехода многих из них в частный сектор, а также поддерживать приемлемое качество услуг здоровья для бедных.

Правительство фокусирует усилия на реструктуризации системы здравоохранения, вливая в нее новые средства. Например, стали регулироваться частные поставки медицинских услуг. Конечно, рынку не позволено “царить” в секторе здоровья, так как это повлияло бы на качество и доступность услуг. Государство поддерживает разумную систему безопасности для бедных, питая ее доходами из новых источников. Но хотя эта система безопасности включает предоставление услуг по приемлемым стандартам качества, клиники и больницы так же побуждаются к привлечению дополнительных средств через предоставление оплачиваемых услуг. При этом существует детально утвержденный правительством перечень медицинских услуг, свободных от налогообложения. Этот перечень гарантирует, что даже самые бедные граждане всегда могут получить разумную медицинскую помощь. Граждане, имеющие средства, могут покупать высококачественные услуги по рыночным ценам. Главврачи могут распределять доходы так, как считают нужным: большинство направляют деньги на премии врачам и медработникам, а также на оборудование учреждений.

Возможно, самый важный результат сотрудничества Иванова и Путина — это то, что российское правительство и общество по-

средством массовых, хорошо координированных “программ здоровья” начинают предпринимать действия по поощрению каждого гражданина к проявлению заботы о собственном здоровье. Деловые люди также помогают реализации программ здоровья, снабжая население информацией о здоровом образе жизни и средствами для его достижения.

Вместе с тем на повестку дня встает вопрос о предотвращении пагубного для здоровья граждан поведения, а также о необходимости ужесточения существующих законов в этой области. Например, сильно ужесточен закон, направленный против вождения автомобиля в нетрезвом виде. В публичных местах запрещено курение, введены запрещения и ограничения на рекламу алкогольной и табачной продукции. Повсеместно рекламируется здоровый образ жизни.

Изучается положительный опыт других стран. Например, известно, что отчет сообщества врачей США о вреде курения, сделанный в 1964 г., и последовавшие за ним действия против курения помогли значительно уменьшить потребление табака в США.

Используя зарубежный опыт, Минздрав России выпускает издание “Здоровые люди. 2015 год. Россия”, аналогичное американскому изданию “Здоровые люди”, выходящему раз в десятилетие. Его цель — распространение “здоровой жизни” и устранение диспропорций в оздоровительной системе России среди различных групп населения. Издание становится руководством к действию на всех уровнях и по всей стране, становится движением, изменившим образ жизни и привычки миллионов россиян.

Индустрия развлечений также ориентируется на здоровье, осуждая наркотики, злоупотребление алкоголем, “опасный” секс и даже неправильное питание. Позитивные образы здорового поведения, регулярные физические упражнения вкупе с твердым решением не пить и не курить все чаще включаются в популярные телепрограммы страны. Причем, делается это не слишком навязчиво, чтобы не отпугнуть потребителя, особенно молодых и циничных зрителей. Благодаря такой искусной рекламе здорового образа жизни в развлекательных программах ТВ, позитивное поведение становится модным.

Теле- и радиоканалы новостей работают параллельно с развлекательно-образовательными, делая акцент на здоровом образе жизни. Каналы новостей помогают многим россиянам мотивировать перемену жизни. Частный бизнес с удовольствием спонсирует такие программы, так как рассматривает это как возможность для относительно недорогой рекламы. Деловые круги

РФ спонсируют, например, кампании под названием “Брось и победи” (в которых курильщикам, воздерживающимся от курения определенное время, вручают призы). Всероссийские кампании “Один день без курения”, построенные по образцу американских и канадских, также получают всеобщее одобрение и подаются в СМИ как примеры для подражания.

Российские бизнесмены нашли для себя дополнительную выгоду в пропаганде здорового образа жизни. Они осознали, что вдобавок к прямым расходам по страхованию в случае болезни наемного работника, появляются расходы, связанные с его отсутствием на рабочем месте, а также с низкой работоспособностью и текучестью кадров. Поэтому многие российские работодатели поддерживают недорогие профилактические программы. Так, в лице бизнесменов общество получает сторонников убеждения и обучения людей здоровому образу жизни.

Кроме того, российский частный бизнес делает свое участие в “мероприятиях здоровья” частью стратегии, “связанной с маркетингом”. Компания может заботиться о здоровье граждан, рассылая свои “послания здоровья” посредством рекламы на упаковках, — тем самым поднимая свой престиж и способствуя своему процветанию. Вот классический пример западного опыта (теперь ему часто подражают в России) — сотрудничество между компанией Келлога “Готовые завтраки” и некоммерческой организацией, занимающейся здоровьем маленьких детей “От рождения до трех”. На коробках детского питания напечатана информация о развитии малышей. Миллионы таких коробок были доставлены родителям вместе с “посланием здоровья”, по этим инструкциям мамы и папы могли проследить правильность развития своих детей.

Неправительственные организации играют ведущую роль в пропаганде здоровья. В некоторых случаях эти организации вошли в существующие западные компании как филиалы, в других — возникли как российские учреждения. Само их существование помогает людям стать частью целенаправленного сообщества (к этому стремились очень многие со времен распада Советского Союза). Развивается благотворительность, и сила этих новых социальных связей сама по себе становится фактором, способствующим здоровому образу жизни и долголетию. Сам факт объединения людей с помощью неправительственных организаций и взаимной помощи спасает от пессимизма множество россиян, мучимых последствиями распада СССР.

Стержнем в обучении и пропаганде здоровья становится Российская публичная ассоциация здоровья, создавшая множество

филиалов в регионах и дочерние организации по всему миру. РПАЗ играет ключевую роль в объединении неправительственных организаций, занимающихся проблемами здоровья. Одновременно развиваются профессиональные объединения работников здравоохранения. Так возникает Российская медицинская ассоциация — компетентная, политически независимая организация, состоящая из профессиональных врачей, медицинских сестер и технического персонала со всей страны.

Итак, заболевание Иванова и вправду принесло “чудесное исцеление”: уровень алкогольной зависимости резко снизился, упала кривая на шкале случайных и сердечно-сосудистых заболеваний, уменьшилась смертность, возросло желание жить. После первоначального всплеска рождаемости, ее уровень снова упал, но не благодаря безнадежности и бесплодию, а скорее, по тем же причинам, которые снизили рождаемость в большинстве индустриальных стран в последние десятилетия. Но и при таком уровне рождаемости России не грозят демографические “клещи”, поскольку смертность тоже стала ниже. При эффективной, разумной и взвешенной политике правительства в отношении здоровья нации россияне стали заботиться о своем здоровье.

Сценарий 2: “Россия находит исцеление”

Сценарное пространство: “Временное улучшение” “Критическая ситуация”

После десятилетий усердной работы, в том числе и совместной с зарубежными партнерами, сотрудники лаборатории Санкт-Петербургского государственного университета получили вакцину против некоторых разновидностей ВИЧ.

Члены российского научного сообщества, особенно те, которые непосредственно участвовали в революционном открытии вакцины, становятся национальными героями. Их голоса приобретают огромный вес при обсуждении того, как лучше использовать новые огромные денежные средства, появившиеся у страны благодаря открытию.

Ученые утверждают, что введение рыночных отношений в российской системе здравоохранения и в медицине, начиная с 1990-х годов, разрушило много положительного, что было в советское время. Что западные специалисты (особенно американские) расстроили российскую систему здравоохранения, стараясь переделать ее на американский образец. Что проблемы в советской системе здравоохранения не были структурными: просто

были другие приоритеты и вследствие этого — недостаток финансирования. А теперь, считают ученые, с этими деньгами монополизированная полностью государством, социализированная система медицины и медицинской науки, наконец, сможет предоставить высококачественную, свободную и, самое главное, общедоступную медицинскую помощь каждому россиянину.

Отныне российские медики (врачи и научные сотрудники) не будут запятнаны безнравственными действиями ради денег. Теперь выплачиваемой правительством зарплаты им хватит, чтобы жить в комфорте, который они заслужили, и работать с желанием предоставить высококачественную помощь пациентам.

Доступность большого объема средств дает правительству и чиновникам основание полагать, что проблемы в системе здравоохранения решены. Они отстраняются от болезненных структурных реформ, которые тяготели над отраслью начиная с 1990-х годов, и обращаются к полностью социализированной государственной системе здравоохранения, в которой отсутствуют соревновательность и рыночные стимулы. Поскольку доходы бюджета кажутся адекватными нуждам страны, система обязательного медицинского страхования упразднена, международная помощь и даже деятельность внутренних неправительственных организаций в секторе здоровья подавлены. Работники рады снятию с них налогового бремени.

Массовая пропаганда здорового образа жизни начинается с неприятностей. К пропаганде не привлекаются частные и общественные организации и деятели (т.к. считается, что средств и так достаточно), и это приводит к крушению усилий по обучению населения. А начиналось все так энергично! Кампания выдыхается, не опираясь на местные общества. Люди чувствуют себя разобщенными, они начинают сравнивать происходящее с горбачевской антиалкогольной кампанией.

Через несколько лет оказывается, что огромные суммы денег, влитые в российскую систему здравоохранения, в основном растрачены впустую. Без структурных реформ возвратилась неэффективность советской системы. Время среднего пребывания в больницах снова стало самым большим в мире. Многие бедные престарелые люди начали снова обращаться к больницам как к единственной возможности получить питание, кров и общение, а сочувствующие врачи, надеясь на обильные ресурсы, предписывают им длительное пребывание в стационарах.

Местные и региональные клиники и больницы по всей РФ тратят средства на покупку дорогого, технически сложного, во многих случаях иностранного оборудования, мало думая о том,

соответствует ли оно месту в общей сети снабжения служб здоровья. Коррупция пронизывает систему: безнравственные врачи, деятели “черного рынка”, нечистые на руку политики присваивают деньги, выделенные на здравоохранение.

Таким образом, средства, полученные от великого изобретения, послужили лишь катализатором хаотически распространяемого неустройства. Без эффективной комбинации регулирующих и маркетинговых стимулов в размещении и распределении ресурсов, эти средства проваливаются в “черную дыру”. Хотя первоначально казалось, что изобретенная в России вакцина против СПИДа наделила страну “чудесным исцелением”, но в действительности это была лишь “временная ремиссия”. Без структурной реформы даже обильные вливания не могут спасти Россию от “критического состояния”.

Сценарий 3: “Всемирная война против террора”

Сценарное пространство: “Временное улучшение” “Здоровье = Богатство”

Утром 11 сентября 2001 г. два самолета врезались в небоскребы-близнецы Всемирного торгового центра в Нижнем Манхеттене. Здания превратились в груды мусора. Третий самолет упал на Пентагон, четвертый — разбился в поле Пенсильвании, блокируемый в попытке разрушить крупную цель в столице США. Более пяти тысяч американцев погибли. Эти события стали началом длинной серии актов террора против США и американских интересов за границей.

В сентябре-ноябре 2001 г. в почте, адресованной известным американским деятелям и “обычным” американцам, обнаружены бактерии сибирской язвы. Новая серия ударов по американской инфраструктуре приходится на декабрь 2001 — январь 2002 гг. Например, под десятками мостов и тоннелей была обнаружена взрывчатка, подложенная террористами. Президент Буш решает нанести ответный военный удар на должном уровне.

Войска НАТО вовлечены в длительные операции в Афганистане и Ираке (доказано, что биотерроризм исходит от Саддама Хусейна и других биоагентов сети террора Аль-Фaeda). Исламский мир охвачен политическими волнениями. В Кашмире то и дело возникают приграничные схватки, в Индонезии, Нигерии и на всем Среднем Востоке наблюдаются вспышки насилия. Конфликт растянулся на годы.

Следствием погружения в пожар новой мировой войны стал глобальный упадок в экономике. Что очень важно для России,

мировые цены на нефть резко упали в 2000 г. и остаются низкими на протяжении десятилетия, лишая страну самого значительного источника валютных доходов. Западная помощь России приостановлена с началом войны — в основном из-за финансового кризиса в странах Запада.

Все это перекрывает основные источники финансирования здравоохранения в России. Хотя Россия и Запад остаются в хороших отношениях в течение всей войны (Россия озабочена возможностью использования этого глобального конфликта для перелома ситуации в Чечне, и США “закрыли глаза”, когда российские войска в 2006 г. грубо и окончательно сокрушили чеченское восстание).

Россия, наряду с большинством стран развитого мира, переживает затяжную депрессию. Предотвратить всемирный экономический крах помогает решение ЕС, Азиатского мирного экономического форума, ВТО и других подобных организаций: поддерживать свободное и открытое течение международных финансов и торговли.

Обращаясь к экономическим реальностям, Россия решает стать полноправным членом всемирного экономического сообщества. А для того чтобы соответствовать строгим требованиям, которые предъявляются вступающим в ВТО (и, как подразумевается, в ЕС), Россия предпринимает экстраординарные меры по либерализации рыночных отношений. Она тратит каждый рубль настолько эффективно, насколько это возможно, как рыночная реформа может это обеспечить.

В секторе здоровья быстро и решительно проводятся структурные реформы. Уже и без того затянутые “бюджеты здоровья” затягиваются еще туже на федеральном, региональном и муниципальном уровнях — с единственной целью: направить финансирование в систему здравоохранения посредством обязательного страхования.

Больницы и клиники, не сохранившие рабочие кадры, “выходят из игры”. В результате, количество стационаров в России снижается почти на 40 % (исчезают неэффективные и низкосортные производители медицинских услуг). Из-за того, что реформы проходят столь быстро, отстраненные медицинские работники не успевают переобучиться или устроиться в хорошие медучреждения, где их мастерство достойно оценили бы. Некоторые находят работу в поспешно созданной сети однодневных больниц, амбулаторных хирургических центрах и других амбулаторных учреждениях. Но такая структурная реформа оказывается губительной для многих пациентов. Так, многих их тех, кто

действительно должен оставаться в больницах, теперь помещают в однодневные амбулатории.

Отмена протекционистских мер подрывает внутренний рынок российской фармацевтической индустрии. Импортные лекарства и медицинское оборудование наводняют российский рынок еще сильнее, чем в 90-х годах. Цены на медикаменты поднимаются, растет спрос на дешевые заменители, что ведет к появлению массы нелегальных подделок (почти 30 % всего рынка лекарств при 2-7 % в 2001 г.). Значительное число проблем со здоровьем и даже некоторое количество смертей прямо приписываются “эпидемии” подделок.

Эти события погружают Россию в крайности состояния сценарного пространства “Здоровье = Богатство”. Для богатых людей и представителей среднего класса рынок дал небольшой, но высококачественный спектр клиник и больниц со стандартами лечения, близкими или равными западным. Но, с другой стороны, система государственного здравоохранения совершенно расстроена, поэтому бедные вынуждены сами о себе заботиться: платить врачам из своего кармана, давать вознаграждения “под столом”. Расходы на здоровье возрастают до 50 % в средних семейных бюджетах (для сравнения: 15 % в 2000 г.). Бедные и престарелые люди в РФ делают выбор между пищей, отоплением и лекарствами, так как не могут позволить себе оплачивать все эти три необходимые для жизни составляющие.

Уроки и выводы

Сценарное пространство “Чудесное исцеление” содержит обещание, что страна выйдет из демографического кризиса, что более здоровое и уверенное в себе население будет иметь больше здоровых детей. Смертность, особенно среди работающих людей, снизится. Изменение позиции населения согласно сценарному пространству “Чудесное исцеление” отразится не только на ситуации со здоровьем, но и на экономической ситуации. А для сценарного пространства “Критическая ситуация” верно как раз обратное. Сохранение и тем более ухудшение современного состояния здравоохранения и демографической ситуации в России, вероятно, развернется спиралью негативных событий: плохое здоровье будет задерживать экономическое развитие, а экономическое отставание, в свою очередь, не улучшит здоровье нации.

Основные направления сценариев “Россия находит исцеление” и “Всемирная война против терроризма” также ясны: пози-

тивные качественные изменения в российской системе здравоохранения не могут произойти без структурной реформы и введения здоровья в ранг национального приоритета. Каждый из этих компонентов может дать только временную видимость прогресса. Наличие средств и “рыночных” услуг — существенные, но недостаточные условия реформы.

Важно и то, что рынок услуг в сфере здоровья имеет особую логику, отличающуюся от логики “совершенного” рынка. Здравоохранение не может быть объектом только рыночных отношений. Участие государства в регулировании системы здравоохранения в форме создания обширной сети служб здоровья должно помочь этой системе стать эффективной, даже если она существует внутри агрессивного рыночного окружения.

Наконец, самый важный урок сценария “Болезнь с человеческим лицом” — это наличие лидера в решении таких задач. Для того чтобы достичь и поддержать “Чудесное исцеление”, необходимо серьезное изменение в национальной психологии, а это вряд ли случится без мощного и талантливого лидера. Важно, чтобы это лидерство было поддержано российским руководством. Партнерство частного сектора и общественных организаций также потребуются, если российское правительство выступит учителем и пропагандистом здорового образа жизни. И тогда система здравоохранения сможет работать в партнерстве со всеми структурами российского общества — во имя здоровья.

РОССИЯ-2015: СУДЬБА КОРРУПЦИИ И СУДЬБА СТРАНЫ

Михаил Краснов, Георгий Сатаров,
Михаил Федотов (Фонд ИНДЕМ)

Коррупцию можно рассмотреть с разных точек зрения: как отклонение от правовых и морально-этических норм, как вид социально-экономических отношений, как проявление стратегий поведения отдельных социальных групп, как дефект политической системы. Через призму этих представлений рассматривается нынешнее состояние России и возможность реализации сценариев ее развития.

1. Система координат коррупции

1.1. Есть множество представлений о коррупции — от бытовых до высоко научных. При раскрытии темы коррупции в России рассмотрим четыре основных подхода.

Первый подход трактует коррупцию как *отклонения от норм права, служебной этики или общечеловеческих моральных принципов*. Коррупция такого типа — есть совокупность корыстных дел конкретных персон: чиновников, депутатов, коммерсантов, профсоюзных работников и т.д. Ниже речь пойдет только о “государственной” коррупции, где действующими лицами выступают государственные служащие.

Должностное лицо обязано принимать решения, исходя из целей, установленных правом (конституцией, законами и другими нормативными актами) и общественно одобряемых культурных и моральных норм. Когда же оно игнорирует это и распоря-

жается государственными ресурсами в личных интересах, тут и начинается коррупция.

Такое проявление коррупции можно характеризовать как *злоупотребление служебным положением в корыстных целях*. Часто госслужащий действует не только в своих интересах, но и оказывает услуги другой стороне (гражданину, представителю бизнеса, госчиновнику), но не в служебных рамках, а за некоторое вознаграждение — взятку. Получение взяток за “оказание услуг” или “снятие преград” называют *административной коррупцией*.

В рамках такого подхода по месту и характеру действия различается *верхушечная и низовая коррупция*. Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (законы, госзаказы, приговоры судов, изменение форм собственности и т.д.). Часто верхушечная коррупция порождается взаимодействием власти и бизнеса. Вторая распространена на среднем и низшем уровнях и связана с взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, регистрации, услуги в разных сферах жизни)¹.

1.2. Второй подход трактует коррупцию как *определенный вид социально-экономических отношений*. В их основе также лежит взяточничество, поскольку взятка (точнее — коррупционная сделка) — это вид отношений сторон. С этой точки зрения можно выделить две разновидности коррупции.

Первая — *“западная коррупция”*. Она выступает в роли своеобразного рынка коррупционных услуг. На низовом уровне стороны вступают в разовые отношения “купли-продажи”. Что касается верхушечной коррупции, то ее стабильность нередко поддерживается институтом посредников, сводящих на время “покупателей” и “продавцов” коррупционных услуг.

Вторая — *“восточная коррупция”*. Эта коррупция образует укорененную систему социальных отношений. Причем коррупционные отношения переплетены с другими социальными отношениями — родственными, клановыми, корпоративными и т.д.

В реальных условиях “восточный” или “западный” типы коррупции могут действовать одновременно в разных пропорциях.

1.3. Третий подход определяет коррупцию как *набор универсальных стратегий поведения больших социальных групп*. В рам-

¹ См. подробнее в работе: “Россия и коррупция: кто кого” — Региональный общественный фонд “Информатика для демократии” (Фонд ИНДЕМ). Москва, 1998 (http://www.anti-corr.ru/an_study.shtml)

ках такой трактовки коррупции (в первую очередь — верхушечной) рассмотрим две стратегии. Первая из них называется **“захват государства”** (state capture), то есть установление теневого контроля бизнеса за принятием решений на высших уровнях власти².

Вторая стратегия может быть названа **“захват бизнеса”** (business capture) — установление теневого контроля власти над бизнесом с целью извлечения административной ренты³.

Обе стратегии — это борьба за обладание ресурсом, которого нет (или не хватает) у одной стороны, но есть (или в избытке) у другой.

1.4. Четвертый подход основан на разделении коррупции на системное общественное явление и частные виды (низовая и верхушечная, западная и восточная, захват власти и захват бизнеса и т.д.). В этом случае **коррупция “вообще” трактуется как некий общий дефект системы** (государства, общества, правовой системы, экономики и т.д.). Тогда коррупция становится **“силой трения”**, которую приходится преодолевать обществу, **“энтропией”** общественной системы (мерой внутренней неупорядоченности и неопределенности).

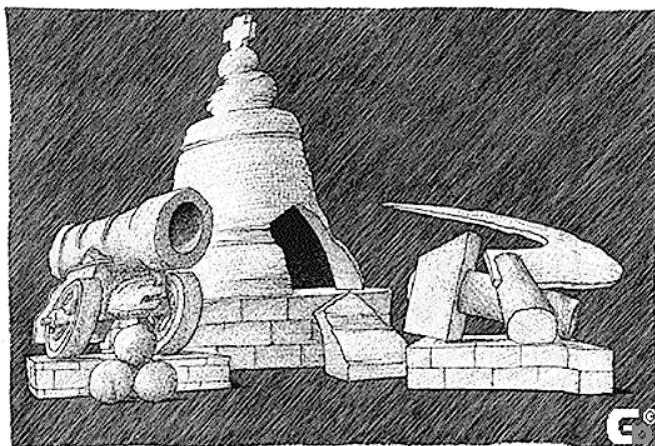
Неудивительно, что многие межстрановые исследования показывают: уровень коррупции (в общем смысле) в разных странах очень высоко коррелирует с показателями эффективности функционирования экономики, социальной сферы и политической системы. То есть коррупцию в общем смысле можно рассматривать как меру социальной неэффективности. Более того, частные проявления коррупции являются индикаторами такой неэффективности в конкретных точках соприкосновения власти и общества.⁴ А коли так, и коррупция — синоним неэффективности, то, прежде всего, речь идет о неэффективности бюрократии. И опыт антикоррупционных программ показывает, что в них всегда включают в качестве основной компоненты реформу административной системы.

² Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition Economies (World Bank Policy Research Working Paper 2444) September 2000. — J. Hellman, G. Jones, and D. Kaufmann.

³ Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). Аналитический доклад. — Региональный общественный фонд “Информатика для демократии” (Фонд ИНДЕМ). Москва, 2001 (http://www.anticorr.ru/an_study.shtm).

⁴ Обоснование этой трактовки коррупции подробно изложено в цитированной выше работе “Разнообразие стран и разнообразие коррупции”.

2. Россия в коррупционной системе координат⁵

2.1. Чтобы представить возможную картину российской коррупции в 2015 г., необходимо описать нынешнее ее состояние.

На диаграмме (рис. 1) показано положение России на координатной плоскости, характеризующей общий уровень коррупции и эффективность экономики. Уровень коррупции индицируется “Индексом восприятия коррупции”, ежегодно публикуемым международной организацией Transparency International (TI). Как показывает анализ⁶, этот индекс достаточно валидно передает уровень коррупции “вообще” как дефекта системы. Эффективность экономик разных стран характеризуется величиной отношения валового внутреннего продукта к численности населения (“ВВП на душу населения”).

Мы видим на диаграмме высокий уровень коррупции в России и как следствие этого (то есть неэффективности системы) низкий показатель ВВП на душу населения. Два явления взаимосвязаны, это определяется и формой диаграммы рассеяния, и значением линейной корреляции между переменными – 0,87, что демонстрирует зависимость, значимую на уровне не более чем в одну десятую процента.

Диаграмма указывает на ряд интересных обстоятельств. Россия оказывается самой благополучной из стран с таким же уров-

⁵ Наш доклад иллюстрирован рисунками, заимствованными в сети Интернет по адресу: <http://cards.yandex.ru/>.

⁶ См. “Разнообразие стран и разнообразие коррупции”.

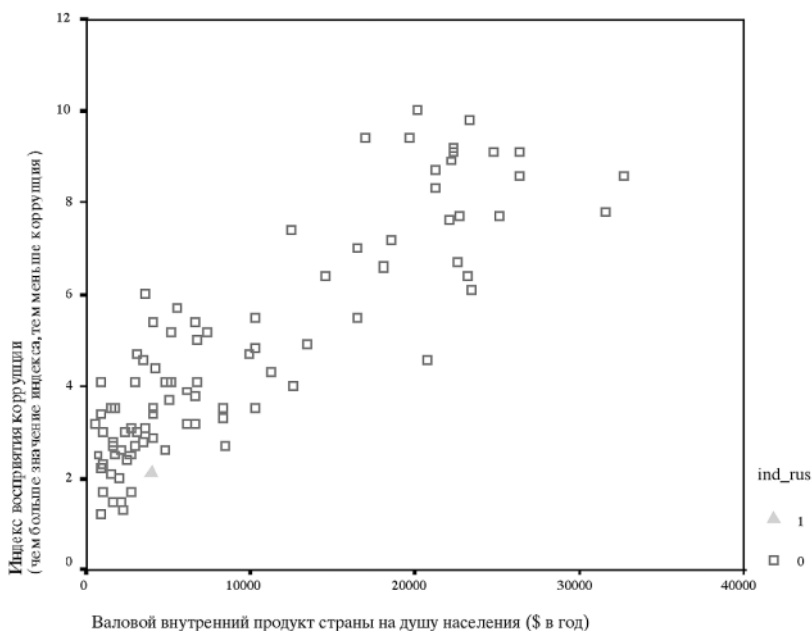

Рис. 1.
Диаграмма рассеяния двух переменных; каждой точке соответствует одна из 90 стран (2000 г.). Россия помечена треугольником.

нем коррупции, как у нее, и самой коррумпированной из стран с тем же уровнем ВВП на душу населения. Нахождение на краю диаграммы рассеяния указывает на то, что мы сейчас реализуем маловероятную возможность. Если исходить из того, что естественная динамика развития сопряжена с переходом от менее вероятных состояний к более вероятным, то для России закрыты (крайне маловероятны) любые траектории, при которых увеличивается ВВП на душу населения, но при этом сохраняется или увеличивается нынешний уровень коррупции.

2.2. На другой диаграмме (рис. 2) мы видим взаимосвязь (значение линейной корреляции — $-0,77$) между тем же индексом восприятия коррупции и индексом экономической свободы, который определяли по жестким критериям эксперты Heritage Foundation. Здесь первая из характеристик демонстрирует эффективность системы в целом, а вторая — эффективность рыночной экономики.

Говорить о связях между величинами, отображенными на диаграмме, — дескать, чем больше экономической свободы, тем

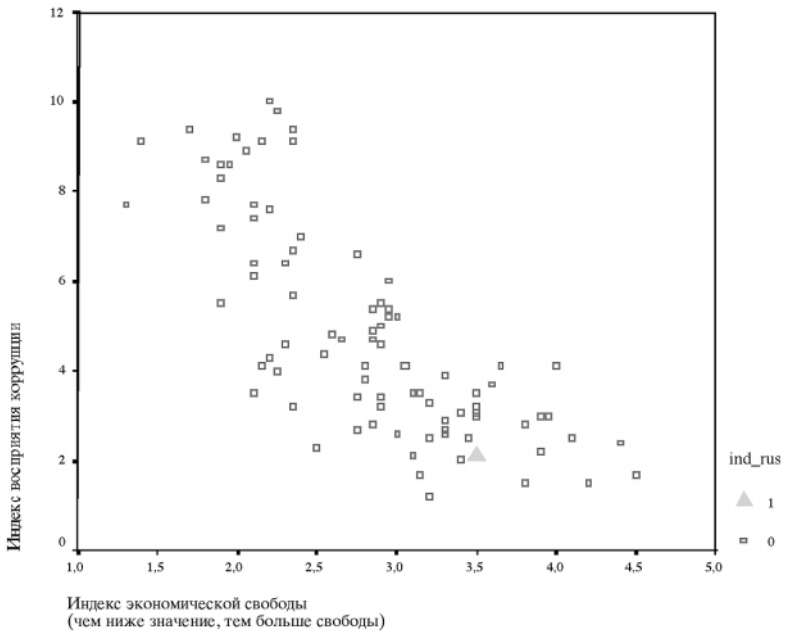

Рис. 2.
Диаграмма рассеяния двух переменных; каждой точке соответствует одна из 88 стран (2000 г.). Россия помечена треугольником.

меньше коррупции — не очень корректно. Точнее сказать, мы имеем дело с двумя различными способами измерения эффективности общественной организации. Естественно, что Россия находится в зонах низкой эффективности.

2.3. Теперь обратимся к коррупционным стратегиям. Единственная работа, в которой ставилась задача измерения одной из таких стратегий, — исследование “Business Environment and Enterprise Performance Survey” (BEEPS), проведенное в 1998-1999 гг. в 22 странах с переходной экономикой Мировым банком и Европейским банком реконструкции и развития. Опрос бизнесменов в разных странах выявил, в числе прочих, переменные, определяющие степень захвата государства и уровень коррупции как помехи бизнесу.

Переходные (транзитные) страны отличаются от остальных, поэтому важно рассмотреть эту группу стран отдельно. Важно и то, что процесс транзита сопровождается возрастанием коррупции и изменением ее структуры.

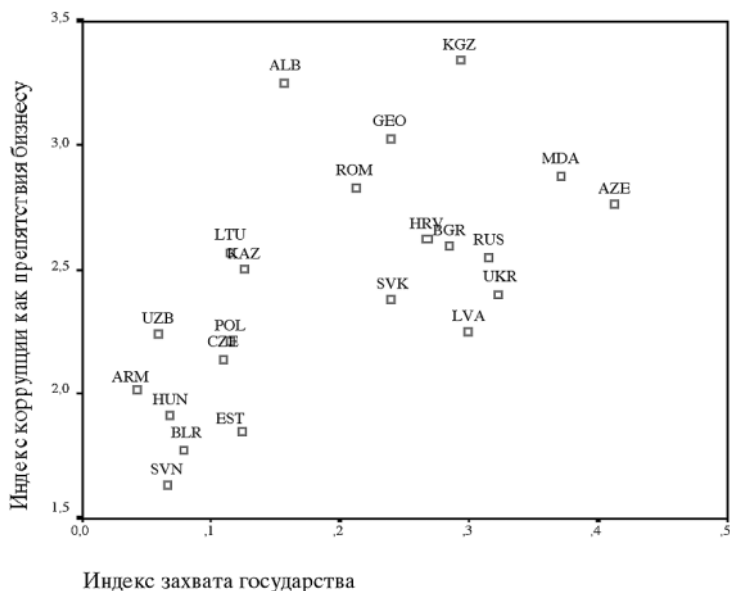

Рис. 3.

Диаграмма рассеяния двух переменных по данным исследования Мирового банка (BEEPS); каждой точке соответствует одна из 22 транзитных стран (1999). Точки, соответствующие странам, помечены стандартными трехбуквенными кодами: Россия – RUS и т.д.

2.4. Специальных исследований захвата бизнеса не предпринималось. Но анализ российской практики позволяет охарактеризовать это явление. Захват бизнеса реализуется в следующих формах:

- борьба власти за блокирующие или контрольные пакеты акций;
- участие чиновников в управлении компаниями с долями областной или муниципальной собственности (эта и предыдущая формы в России узаконены);
- создание налоговых и других льгот “своим” фирмам;
- участие чиновников в борьбе за собственность на стороне “своих” фирм;
- участие власти в искусственных банкротствах для перехвата собственности в пользу “своих” фирм;
- создание искусственных монополий для “своих” фирм;
- расстановка на руководящие посты в частных фирмах чиновников или их родственников (эта форма очень распространена в СНГ);
- давление со стороны чиновников при выборе “нужных” поставщиков или заказчиков продукции.

2.5. На шкале коррупции, обозначенной полюсами “западная коррупция” — “восточная коррупция”, Россия за последние годы проделала интересную эволюцию. Поскольку коррупция советских времен пронизывала все поры социально-экономических отношений, то она относилась к восточному типу. Развитие зачатков свободного рынка, появление на нем новых игроков, размытость правовых рамок — все это способствовало появлению рынка теневых коррупционных услуг. Коррупция в России стала приобретать черты западной модели.

Но поскольку государство не занималось антикоррупционной политикой, возникали постоянные коррупционные связи, а затем сети. И *коррупция стала снова сдвигаться в сторону восточной модели.*

2.6. Говоря о специфике верхушечной коррупции, в России уместно обратить внимание на ее структуру. В частности, на коррупцию в правоохранительных органах. Одна из теневых функций правоохранительных органов состоит в аккумулировании денег для реализации политических проектов. К ним относятся: выборы; программы информационного воздействия; внебюджетное финансирование аналитических разработок; межвыборная политическая борьба.

Такая ситуация выгодна и политикам, и правоохранительным органам. Первые получают неконтролируемые доходы не только для решения политических задач, но и для себя лично (пример — раскрадывание выборных бюджетов). Вторые получают в лице политиков “крыши”, защищающие криминальную коммерческую деятельность. Описанную разновидность коррупции назовем “*криминальная коррупция*”.

2.7. Другая важная специфическая черта российской коррупции заключается в высоком уровне низовой коррупции и ее устойчивости. Пока нищим чиновникам выгодно зараба-

тивать взятками на жизнь, а гражданам покупать услуги государства за пределами уплачиваемых ими налогов, низовая коррупция непобедима. Но при этом она питает верхушечную коррупцию, образуя корневую систему коррупционных сетей.

3. Сценарная сетка

3.1. Любой рациональный подход к прогнозированию будущего страны предусматривает веер возможных сценариев. Приведем три таких веера: **экзогенный, эндогенный, исторический.**

Экзогенный веер сценариев напрямую не связан с темой коррупции, а порождается набором глобальных исторических возможностей, имеющихся перед Россией. Но все же мы представим эти сценарии для полноты картины.

Распад РФ на несколько независимых государств (**“Распавшаяся Россия”**). К этому может привести конфликт между федеральными и региональными элитами вокруг результатов референдума об изменении административно-территориального устройства страны, затеянного Центром. Ниже этот сценарий не используется, поскольку при его осуществлении исчезает объект анализа.

Тихое инерционное угасание страны (**“Вялая Россия”**) может стать доминирующим сценарием, если политические элиты под влиянием инстинкта самосохранения и угроз социально-политической дестабилизации достигнут консенсуса по замораживанию модернизации.

Диктатура в условиях централизованной власти (**“Мрачная Россия”**) может стать реальностью в результате внешнеэкономических потрясений, приводящих к отказу РФ от уплаты внешнего долга, изоляции, введению мобилизационного режима. Спусковыми крючками близких сценариев могут стать социальные потрясения, вызванные издержками модернизации или масштабными террористическими акциями.

Демократическое развитие в рамках демократической политической системы (**“Smart Russia”**) — этот сценарий требует для реализации столь многих условий, что их перечисление выходит за рамки краткого упоминания.

В нашей работе “Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства” эти четыре варианта трактуются как некоторые возможные состояния страны в 2015 г., к которым могут приводить и другие сценарии развития.

3.2. Эндогенный веер сценариев — порождается именно спецификой динамики коррупции в нашей стране и других транзитных странах. В основе его — противоборство двух стратегий: “захват государства” и “захват бизнеса”. На диаграмме (рис. 4) отчетливо видна нелинейность статистической зависимости между двумя переменными.

Первая переменная — индекс захвата государства для транзитных стран — получен в результате исследования Мирового банка “Business Environment and Enterprise Performance Survey” (BEEPS)⁷.

Вторая переменная — степень транзита — взята из исследования Фонда ИНДЕМ “Разнообразие стран и разнообразие коррупции”. Она построена по данным следующих работ: “Index of Economic Freedom”, Heritage Foundation⁸; “Aggregate Governance Indicators”, World Bank⁹; “Nations in Transit”, Freedom House¹⁰, где учитывался уровень формирования в 22 транзитных странах демократических политических институтов и рыночной экономики.

Мы видим рост и последующее падение захвата государства по мере транзита (кривая 1). Но прослеживается и другая зависимость (кривая 2). Можно предположить, что рост захвата государства приводит к откату транзита. Мы видим проекцию на плоскость многомерной зависимости, в которой должна быть еще одна переменная — “захват бизнеса”. Ниже приводится объяснение наблюдаемых зависимостей.

3.3. Анализ становления рыночной экономики в постсоветских странах показывает, что по мере их транзита и роста свободной экономики развиваются оба вида коррупции — захват государства и захват бизнеса. На начальных фазах захват бизнеса развивается быстрее, так как бизнесмены проявляют инициативу и предлагают чиновникам в обмен на протекционизм участие в бизнесе (в теневых формах).

⁷ Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition Economies (World Bank Policy Research Working Paper 2444) September 2000 • J. Hellman, G. Jones, and D. Kaufmann.

⁸ Материалы Heritage Foundation на официальном сайте www.heritage.org. Methodology: Factors of the Index of Economic Freedom by William W. Beach and Gerald P. O'Driscoll, Jr.

⁹ Aggregating Governance Indicators (World Bank Policy Research Working Paper 2195) October 1999 • D. Kaufmann, A. Kraay, and P. Zoido-Lobatin.

¹⁰ Материалы Freedom House на официальном сайте www.freedomhouse.org. “Explanatory Notes” Charles Graybow.

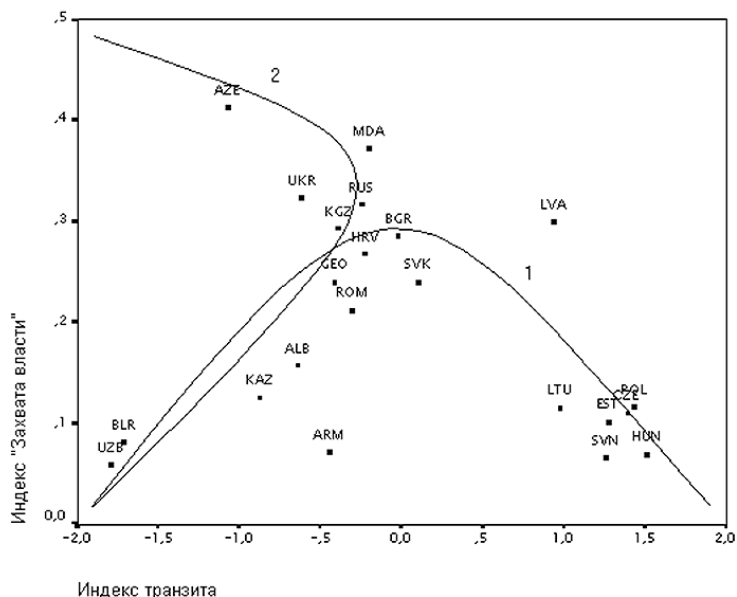

Рис. 4.

Диаграмма рассеяния на плоскости двух показателей: Степень транзита (горизонтальная ось: чем больше значение, тем дальше продвинута страна по пути транзита); Индекс захвата государства (вертикальная ось: чем больше значение, тем выше захват государства).

По мере развития бизнеса эта стратегия становится не очень рентабельной, и бизнес переключается на стратегию захвата государства. Уровень этого вида коррупции растет в меру слабости государства, и если оно не предоставляет бизнесу легальных и открытых механизмов влияния на политику.

Следующая фаза — рост захвата бизнеса властью, как реакция на захват государства. Начинается конкуренция между двумя стратегиями поведения — бизнеса и власти. Захват государства и захват бизнеса растут, пока страна не попадает в зону неустойчивости (бифуркации). На рис. 4 эта зона расположена в районе геометрического центра диаграммы рассеяния (на момент измерений — 1998, 1999 гг. — там находились Болгария, Киргизия, Россия, Хорватия). Из нее ведут четыре реализуемые (допустимые) траектории, образующие четыре эндогенных сценария.

Первая — возврат в исходное состояние (левый нижний угол диаграммы), характеризующее полным или частичным свертыванием свободной экономики.

Вторая — переход в оптимальный режим (правый нижний угол диаграммы). Это тот случай, когда бизнес и власть договариваются о разграничении зон влияния (экономика и политика), о единых правилах игры и легальных механизмах влияния бизнеса на политику.

Третья — стратегия захвата государства побеждает, и бизнес устанавливает теневой контроль над властью на разных ее уровнях.

Четвертая — побеждает стратегия захвата бизнеса. В этом случае при сохранении внешних признаков свободной экономики ее наиболее важная и доходная часть попадает под теневой контроль власти. На рис. 4 две траектории как бы склеиваются, поскольку диаграмма является плоской проекцией картины более высокой размерности. Эта “склейка” ведет обе траектории в левый верхний угол диаграммы.

3.4. Исторический веер сценариев подсказан опытом истории стран, которые относительно стабильны в своей коррупционной ипостаси. Он также порождает четыре стационарных модели.

Европейская модель характеризуется относительно невысоким уровнем коррупции при почти полном отсутствии низовой составляющей. Полное истребление верхушечной коррупции — нереально. Низкий уровень коррупции поддерживается комплексом мер — институциональных, организационных, правовых. Однако страны, в которых реализуется эта модель, как правило, имеют свой этап развития, характеризующийся высоким уровнем коррупции.

Азиатская модель: коррупция — привычное и общественно-приемлемое культурное и экономическое явление, связанное с функционированием государства. Такая модель порождается тотальным контролем государства над всеми сторонами жизни общества. Во многом коррупция в СССР подпадала под эту разновидность.

Африканская модель: власть продается “на корню” группе экономических кланов, договорившихся между собой, и политическими средствами обеспечивает надежность их существования. Переход к этой модели возможен при следующих условиях: политическая власть в стране остается неконсолидированной; финансово-бюрократические группы под давлением инстинкта самосохранения формируют олигархический консенсус с частью политической элиты.

Для страны это означает сворачивание демократии и использование демократических процедур в качестве камуфляжа; экономика предельно монополизирована и примитивизируется, удовлетворяя только основные потребности населения во избе-

жание социальных потрясений и обеспечивая интересы узкой олигархической группы.

Латиноамериканская модель: попустительство коррупции позволяет теневой экономике достигнуть могущества, соизмеримого с государственным. Спыхватившаяся власть оказывается на десятилетия втянутой в жесткое противостояние с мафией, образующей государство в государстве. Экономическое благополучие становится не только недостижимым, но даже второстепенным на фоне других проблем. Политическая нестабильность увеличивает шансы установления диктатуры на волне борьбы с коррупцией, а затем и перехода к африканской модели.

3.5. Рассмотрим, как корреспондируются три веера сценариев. Все сочетания приведены в табл. 1.

Таблица 1. **Взаимодействие между сценариями из разных наборов, не заполнены клетки, соответствующие нереализуемым или маловероятным сочетаниям различных сценариев**

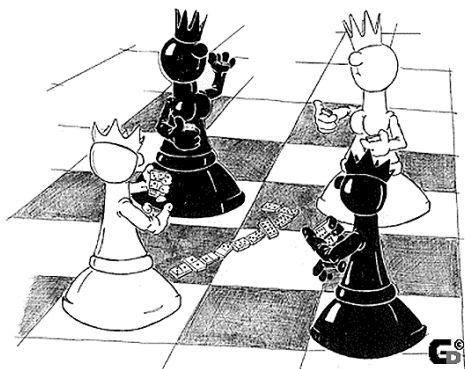
Экзогенные сценарии	Исторический веер	Эндогенные сценарии			
		Возврат	Оптимальный режим	Победа захвата государства	Победа захвата бизнеса
“Вялая Россия”	Европейская модель				
	Азиатская модель	Совпадение			
	Африканская модель			Совпадение	
	Латиноамериканская модель				
“Мрачная Россия”	Европейская модель				
	Азиатская модель				Взаимосвязь
	Африканская модель			Чередование	
	Латиноамериканская модель				Взаимосвязь
“Smart Russia”	Европейская модель		Совпадение		
	Азиатская модель				
	Африканская модель				
	Латиноамериканская модель				

За основу берутся три экзогенных пучка сценариев, которые рассматриваются в координации с эндогенными и историческими сценариями. Поскольку коррупция власти тесно связана с организацией административной системы, то в рамках этих сценариев будет также обсуждаться реализация административной реформы.

Понятно, что осуществление любого сценария возможно при политическом, идеологическом и экономическом обеспечении. Далее при описании сценариев будут приниматься во внимание именно эти факторы.

4. Пучок сценариев “Вялая Россия”

4.1. Общий признак сценариев “Вялая Россия” — наличие консенсуса политической элиты вокруг цели, порожденной инстинктом самосохранения; поиск согласия с различными социальными группами и слоями. Ради достижения этой цели приносятся в жертву модернизация.

Здесь не реализуются сценарии, связанные с захватом бизнеса. Причина очевидна — победа стратегии захвата бизнеса сопряжена не только с концентрацией властных усилий, что более вероятно при диктатуре, но и с поражением одной из элитных групп — бизнеса. А это противоречит указанному выше условию сценариев “Вялая Россия”.

4.2. Сценарий “Вялая Россия — Возврат” подразумевает изменения политического режима, системы власти, экономики. Здесь это возможно, но медленными темпами.

Постепенные, но масштабные изменения реальны при относительной социальной стабильности. А для этого нужна экономическая база. При слабом экономическом развитии изменения возможны при подпитке из бюджета за счет экспорта энергоносителей.

Конфликт между Западом и исламским миром будет создавать условия для высоких мировых цен на нефть и газ. Тем самым будет обеспечен **экономический фундамент данного сценария**.

Важным условием является **готовность общества принять существенные изменения** в политике и экономике, отказаться от преимуществ, предоставляемых даже зачаточными формами демократии. В условиях конфликта между Западом и исламским миром это возможно под воздействием таких факторов:

- страх, порождаемый нестабильностью в мире;
- разочарование в демократии, которое может подпитываться имитацией антикоррупционных кампаний (“сеансами разоблачений”);
- усиление контроля государства над СМИ;
- распространение идеологии, обосновывающей возврат.

Политическое обеспечение сценария должно гарантировать стабильность политическим элитам. То есть должен произойти отход от реальной политической конкуренции (отказ от выборов глав исполнительной власти, сворачивание местного самоуправления).

Под влиянием “внешних угроз” следует ожидать расширения “жизненно важных сфер производства”. Скорее всего останется частный мелкий бизнес (сфера услуг).

При данном сценарии произойдут **существенные структурные изменения коррупции**.

Первое. Резкое сужение зоны частной собственности приведет к отмиранию стратегий “захвата государства” и “захвата бизнеса”.

Второе. Будут отмирать коррупционные сети, связывающие чиновников высокого уровня с крупным и средним бизнесом. Но резко увеличится число вертикальных сетей внутри органов власти.

Третье. Отпадет необходимость в аккумуляции черного и серого капитала для решения политических задач. Это значит, что изменится вид коррупции в правоохранительных органах. Вполне вероятно, что среди жертв борьбы с коррупцией окажутся высокопоставленные представители этих органов, замешанные, например, в связях с наркобизнесом. Политики перестанут быть “крышами” для них а, следовательно, и ключевыми звеньями коррупционных сетей. Однако сам вид коррупции не исчезнет в силу высокой доходности.

Четвертое. Верхушечная коррупция изменит формы и сферы извлечения доходов. Можно предположить, что *самые большие взятки* будут платить за занятие высоких должностей в области торговли энергоносителями, оружием, а также в МВД и прокуратуре. Упадет прибыльность и корыстная популярность таких профессий, как таможенник или налоговый полицейский.

В итоге (табл. 1) произойдет выход на вариант *азиатской модели* из исторического веера сценариев, что означает укоренение коррупции как принципа существования системы.

4.3. Сценарий “Вялая Россия — Захват государства” может быть обеспечен консенсусом элит вокруг дележа доходов от крупного и среднего бизнеса и консервацией режима, способствующего монопольному положению на рынках бизнесов, захвативших на разных уровнях государство. Этот сценарий аналогичен сценарию, обозначенному как африканская модель. Он наиболее вероятен, поскольку власть максимально подвержена влиянию со стороны бизнеса.

Политическое обеспечение сценария будет осуществляться через создаваемые бизнесом “клубы влияния”, стоящие за финансируемыми ими партиями. Этот сценарий не требует серьезных конституционных изменений.

Экономическое обеспечение, как и в предыдущем случае, основывается на нефте-газодобыче, металлургии, торговле оружием. Именно эти отрасли будут формировать пул окончательного захвата государства.

Идеологическое обеспечение не предусматривает существенных изменений в политической системе и в экономике. В отсутствие привлекательной идеологии элиты вынуждены будут “покупать” лояльность силовых структур.

Наконец, победивший захват государства приведет к большому перетоку во власть квалифицированных менеджеров из бизнеса, которые столкнутся с низким уровнем “персонала” и бездарной организацией работы. Поэтому *нельзя исключать возможности ограниченных реформ государственной власти*.

Этот сценарий будет отличаться от других изменением структуры коррупции.

Первое. Ограниченная административная реформа приведет к уменьшению административной и низовой коррупции. Реформы в силовых структурах приведут к снижению криминальной коррупции. То есть снизится общий уровень коррупции в ее бытовом понимании.

Второе. В противовес этому уровень верхушечной коррупции будет высоким. Возрастут потери в экономике и политической системе из-за смещения целей политики, вызванного победившим захватом государства.

Третье. Захват государства как разновидность коррупции претерпит существенные изменения. Агрессивные и затратные формы сменятся внутриклубным лоббированием, а разовые взятки — “пенсионным содержанием” подопечных политиков.

Наиболее доходные и наименее рискованные места в описываемом сценарии будут концентрироваться во властных структурах, формирующих политику.

В зависимости от обстоятельств сценарии “Вялая Россия” могут длиться долго, вплоть до 2015 г. Но рано или поздно их тупиковый характер приведет к жестокому кризису и далее — к одному из сценариев из пучка “Диктатура”.

5. Пучок сценариев “Мрачная Россия”

Тут можно ожидать весьма разнообразных сценариев, связанных с понятием “диктатура”, но мы не рассматриваем сценарий “Возврат”, поскольку он описан ранее. А кроме того, он мало вероятен, так как диктатуры миролюбиво уживаются с уродливыми формами рыночной экономики.

Диктатура хорошо коррелируется с конфликтом между стратегиями “Захват государства” и “Захват бизнеса”. Если в

случаях “Вялая Россия” и “Smart Russia” исход борьбы решается в результате позиционной войны, то в случае диктатуры победа одной из стратегий обеспечивается быстро.

Если стержнем сценариев “Вялая Россия” является консенсус элит, то для “Мрачной России” неизбежна победа одной элитной группы над остальными. Далее может происходить либо подавление побежденных, либо маневрирование между ними.

5.1. Сценарий “Мрачная Россия — Победа захвата бизнеса — Азиатская модель” весьма распространен на постсоветском пространстве. Это единственный из сценариев, который предусматривает возможность эволюционной реализации. По многим характеристикам он близок сценарию “Вялая Россия — Возврат” (велики шансы перехода одного сценария в другой). К тому же, многие признаки сценария просматриваются в сегодняшних тенденциях.

Политическая основа сценария: постепенное изменение режима силами пришедшей к власти группы ради сохранения своей власти. Основной инструмент — использование административных ресурсов и аппарата государственного принуждения. Новый режим стабилизируется, изменяя законы и конституцию, чтобы обеспечить управляемость выборов и несменяемость лидеров при сохранении внешних признаков демократии.

Известный ход — референдум относительно продления полномочий или переноса выборов. В итоге формируется так называемая **“плебисцитарная диктатура”**.

Поскольку для формирования диктатуры требуется длительное время, нужна и **экономическая база**. Сейчас она имеется и будет сохраняться за счет экспорта энергоносителей и оружия. Эти сферы бизнеса будут захвачены властью, но не будут полностью национализированы, чтобы направлять получаемую ренту на личное обогащение, политические проекты, для гашения социальной напряженности.

Главные тезисы идеологического обеспечения (они будут группироваться вокруг лозунга “сильного государства”): превалирование общественных (государственных) ценностей над частными; отождествление критики представителей власти с критикой государства; воспитание на примерах героев.

Сохранение видимости демократии будет сочетаться с контактами с Западом в силу зависимости нашего экспорта и импорта от западных рынков. Не исключено, что Запад будет нуждаться в России как тыловой зоне тлеющего конфликта с исламским миром.

Любой режим подобного типа апеллирует к народу. Однако реклама “себя” должна базироваться на имитации какой-то содержательной активности, например — реформ. Вполне вероятно, что таковой окажется **реформа государственной службы**, но наверняка она будет поверхностной, чтобы не вызвать гнев бюрократии — оплота режима.

Еще одна имитация активности — **борьба с коррупцией** — будет проводиться в двух целях. Первая — реклама режима, его “честность, принципиальность и решительность”. Вторая — борьба за овладение теми или иными сегментами бизнеса. Поэтому коррупция будет отождествляться с “экономической преступностью”, а представители крупного бизнеса станут “ворами и мироедами”. Пребывание во власти станет самым доходным и наименее рискованным бизнесом.

Изменятся **объем и структура коррупции**. Общий объем ее возрастет в силу доминирующего положения бюрократии, закрытости власти и отсутствия политической конкуренции.

Однако уменьшатся “захват государства” (в силу поражения части бизнес-элиты) и криминальная коррупция (политики и бюрократы получают средства из легального бизнеса). Общий рост

коррупционных сетей будет происходить за счет низовой и административной коррупции.

5.2. Сценарий “Мрачная Россия – Победа захвата бизнеса – Латиноамериканская модель” – перехват власти узкой группой элиты, обычно военными. Как правило, это реакция на слабость и разложение власти. Перехват власти может происходить легитимно (через выборы). При серьезном кризисе режима возможен не легитимный военный переворот (по собственной инициативе).

Политическое обеспечение такого режима незамысловато – сила.

Идеологическое обоснование применения силы ищется в провалах режима (“наведение порядка”). Часто лозунгом побеждающей диктатуры становится *борьба с коррупцией*.

Военная диктатура верит в правильность своей доктрины и подбирает команду гражданских специалистов (носителей модной доктрины). Можно предположить, что в нынешних условиях России такой модной доктриной может стать *административная реформа*.

Но тут есть серьезное ограничение. Верхушку административной пирамиды будут занимать военные, поэтому реформы ее не коснутся. Есть здесь и серьезный дефект: за пределами реформы окажется огромная сфера, подконтрольная исключительно диктатуре. Все это обрекает затею на неэффективность, потому одна реформа будет сменяться другой, управление – рассыпаться, режим – идти к краху.

В принципе, есть и другой вариант – когда лидер страны сам начнет преобразования, выводящие на последний из сценариев – “Smart Russia”. Но такой вариант не представляется особо вероятным.

Борьба с коррупцией при малоэффективных административных реформах может привести к перераспределению рынка коррупционных услуг, что сопряжено с подавлением низовой и криминальной коррупции и увеличением административной коррупции. Резкое возрастание верхушечной коррупции становится одним из факторов краха режима.

5.3. Сценарий “Мрачная Россия – Победа захвата государства”. Он наиболее динамичный и конфликтный, так как одна элитная группа подавляет все остальные. Победа захвата государства происходит быстро в результате социально-экономических потрясений. Толчком может стать возможность левого реванша и угроза интересам крупного бизнеса. В этом сценарии возможен военный переворот силами крупного бизнеса и генералитета, лидирующее положение бизнеса в этом альянсе сохраняется.

Возможен и легитимный сценарий, когда крупный бизнес предлагает обществу на выборах “сильную руку” в лице популярного генерала. Для бизнеса этот вариант также является защитой от угрозы левого реванша.

Политической основой здесь является опора на армию и другие силовые структуры. Режим сразу становится диктаторским со всеми признаками.

Сценарий “Мрачная Россия — Победа захвата государства” многими своими чертами повторяет некоторые из перечисленных выше сценариев. Это касается **политического, экономического и идеологического** обеспечения режима.

Нельзя сбрасывать со счетов возможность существенного проявления интересов третьей группы — криминалитета, готового также одержать победу. Нынешняя ситуация в стране уже содержит предпосылки для такого развития событий: преступностью контролируется существенная часть бизнеса, кроме того, видна тенденция проникновения криминалитета непосредственно во власть.

В такой большой стране, как Россия, трудно представить себе длительный цикл смены диктатур. Более вероятно, что из этого сценария есть два выхода. Первый — распад страны. Второй — переход к сценарию “Smart Russia”.

Мы рассмотрели сценарии, которые оцениваются нами как негативные. Их реализация сопряжена с различными изменениями структуры коррупции. Все наши оценки этих структурных изменений коррупции сведены в табл. 2.

6. Сценарий “Smart Russia”

6.1. Главная проблема сценария “Smart Russia” — трудность его реализации. Данный сценарий — единственно позитивный, но

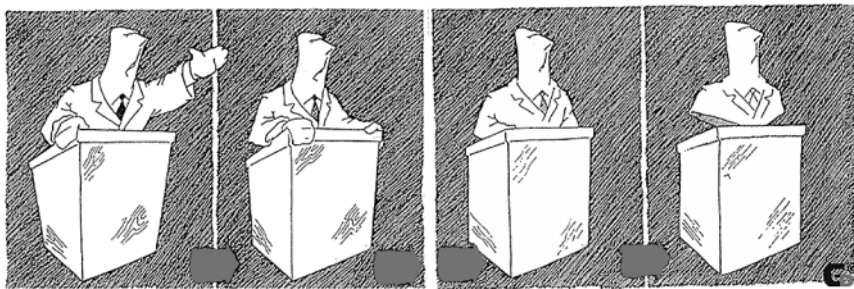

Таблица 2. **Изменения в уровне и структуре коррупции при реализации различных сценариев**

Сценарии		Различные стороны коррупции				
		Общий уровень коррупции	Административная коррупция	Низовая и верхушечная коррупция	Криминальная коррупция	Захват государства и бизнеса
«Вялая Россия»	Возврат	Возрастает	Возрастает	Преобладает низовая коррупция	Уменьшается	Отсутствуют
	Победа захвата государства	Без особых изменений	Несколько уменьшается	Преобладает верхушечная коррупция	Видоизменяется	Победа захвата Государства
«Мрачная Россия»	Победа захвата бизнеса – Азиатская модель	Возрастает	Возрастает	Возрастает	Видоизменяется	Победа и рост захвата бизнеса
	Победа захвата бизнеса – Латиноамериканская модель	Без особых изменений	Несколько уменьшается	Низовая уменьшается, растет верхушечная	Несколько уменьшается	Победа захвата бизнеса
	Победа захвата государства	Возрастает	Возрастает	Без особых изменений	Возрастает	Победа и рост захвата государства

видится как существенно менее вероятный. При каких условиях он может реализоваться? Если отталкиваться от данного момента, то можно рассмотреть две возможности.

Первая, наиболее вероятная возможность состоит в *стихийном* формировании консенсуса относительно необходимости установления демократического режима как соответствующего общим интересам.

Между тем демократия обладает рядом чисто функциональных свойств, которые могут соответствовать интересам элит. Различные сценарии можно сравнить по степени долгосрочности и степени общности этих интересов. Это сравнение приведено в табл. 3.

Вторая (менее вероятная) *возможность перехода к сценарию “Smart Russia” базируется на целенаправленных усилиях верховной власти* в лице президента и его соратников. Сколько бы ни принижалась роль личности в истории, но если эта личность осознает общественные интересы, ясно видит проблемы, их причины и способы решения, умеет использовать силу общественных процессов, то она может оказаться адекватной историческим задачам и сама стать “исторической силой”.

Таблица 3. Соответствие между сценариями и элитными интересами

Сценарий	Степень долгосрочности интересов	Степень общности интересов
«Вялая Россия – Возврат»	Краткосрочные интересы минимизации потерь	Широкий элитный консенсус (сговор)
«Вялая Россия – Захват государства»	Краткосрочные интересы максимизации выигрыша	
«Мрачная Россия – Победа захвата бизнеса»		Победа узких интересов
«Мрачная Россия – Победа захвата государства»		
«Smart Russia»	Долгосрочные интересы минимизации потерь	Широкий элитный консенсус

6.2. Сценарий “Smart Russia” потребует от властей проведения комплексной и постоянной антикоррупционной политики.

Со временем будет сформирована антикоррупционная функция государства как одна из его базовых задач. Эффективность данной функции во многом будет зависеть от того, насколько активно в ее реализации примет участие гражданское общество.

Антикоррупционная политика способна создавать барьеры перед возможностью распространения коррупции, поддерживать “антикоррупционный тонус” в государственном аппарате и обществе; а также развивать демократические институты (в том числе институты гражданского контроля).

Но главным звеном в борьбе с коррупцией является все-таки **административная реформа**. Нереформированность госаппарата препятствует модернизации страны. Разумеется, полноценная административная реформа не может быть ограничена лишь реформой государственной службы. Она включает в себя следующие направления.

Первое. Формирование политически самостоятельного и ответственного правительства.

Второе. Преодоление остатков командной системы управления.

Третье. Создание каналов реального гражданского влияния на власть.

Четвертое. Перестройка принципов формирования системы исполнительной власти и структуры правительства.

Пятое. Приспособление системы управления к условиям федерализма.

Шестое. Внедрение современных технологий управления.

Легко увидеть тесную связь всех направлений административной реформы с задачами системного противодействия коррупции (табл. 4). Разумеется, административная реформа проводится не в

целях антикоррупционной борьбы. Главные ее задачи — адаптация государственного аппарата к потребностям демократического развития и повышение эффективности управленческой деятельности.

При реализации такой политики можно ожидать следующие изменения. Сначала начнет уменьшаться удельный вес восточной коррупции. Затем по порядку — криминальная коррупция, рутинная административная и низовая. Последней начнет уменьшаться верхушечная коррупция. Параллельно будут налаживаться легальные отношения между властью и бизнесом.

Таблица 4. Антикоррупционный эффект от реализации различных направлений административной реформы

Направление административной реформы	Основное содержание преобразований	Антикоррупционный эффект
1. Формирование политически самостоятельного и ответственного правительства	Переход к формированию правительства на основе результатов парламентских (в Государственную Думу) выборов. Повышение политической роли министров	Ликвидируется основа для клановости и покупки правительственных должностей. Снижается степень теневого влияния. Правительство и стоящая за ним партия (партии) становятся заинтересованными в самоочистке от чиновников, дискредитирующих власть
2. Преодоление остатков командной системы управления	Внедрение принципа собственной компетенции. Создание условий для перехода от "пирамидальной" модели власти к модели правовой (управление не через людей, а через право)	Ликвидация административной зависимости "по вертикали", создание гарантий от вмешательства кого бы то ни было во властные prerogatives, повышение степени собственной ответственности должностных лиц обуславливает разрыв коррупционных связей
3. Создание каналов реального гражданского влияния на власть	Независимая общественная экспертиза законопроектов и проектов иных нормативных актов. Прозрачность государственной деятельности. Осознание зависимости политической и должностной карьеры от репутации в обществе	Транспарентность уже сама по себе чрезвычайно сильно затрудняет коррупционную деятельность. А транспарентность, соединенная с гражданским контролем, с постоянным давлением гражданского общества на власть, обеспечивает существенное сужение возможностей для коррупционных проявлений. В этих условиях начинает реально работать сила общественного мнения, выражаемая прежде всего через СМИ, а также через публичную оценку специализированных общественных антикоррупционных организаций

Направление административной реформы	Основное содержание преобразований	Антикоррупционный эффект
4. Перестройка принципов формирования системы исполнительной власти и структуры правительства	Переход к кабинетному принципу организации и функционирования правительства. Политическая ответственность министров. Ликвидация кураторства министерств со стороны вице-премьеров и ликвидация множественности вице-премьеров. Ликвидация межотраслевых департаментов аппарата правительства, аппарат правительства превращается в компактный офис премьер-министра. Сведение числа видов органов исполнительной власти к трем (министерство, федеральная служба, федеральное агентство) с точным законодательным установлением критериев отнесения органа к тому или иному виду. Ликвидация конфликта интересов в одном органе путем пересмотра функций органов исполнительной власти	Антикоррупционный эффект в данной сфере дают прежде всего: ликвидация конфликта интересов (например, установление правил и одновременное предоставление услуг); структурная четкость, ведущая к большей ясности зон ответственности; зависимость политиков от общественного мнения в связи с причастностью чиновников к коррупционным скандалам и проч.
5. Приспособление системы управления к условиям федерализма	Децентрализация исполнительно-распорядительной деятельности при одновременной централизации нормоустановительной и контрольной деятельности по предметам совместного ведения. Это означает, что основной объем текущего управления с соответствующими финансовыми и правовыми ресурсами сосредоточивается в субъектах федерации. Но за центром остается выработка нормативно-правовых рамок, а также контроль за их соблюдением и применение мер ответственности в случае их нарушения	Понятно, что запутанная система взаимоотношений между центром и регионами является той "мутной водой", в которой хорошо "ловить рыбку" коррупционерам. Главный эффект на этом направлении является благодаря четко разграниченной компетенции с одновременным обеспечением ясности зоны и механизмов ответственности. Такой переход, однако, требует и существенной демократизации жизни в регионах, т.к. в противном случае децентрализация приведет к эффекту "феодалов баронов"
6. Модернизация государственной службы	Переход на систему "заслуг и достоинств". Обобщенно говоря, должностная карьера должна зависеть не от стажа, а от соответствия требованиям, предъявляемым обществом к современным чиновникам. Это, в частности, предполагает: ● преимущественно конкурсный отбор; ● гибкие и в меньшей степени, чем сейчас, ориентированные на иерархию механизмы	Переориентация всей публичной гражданской службы на служение обществу (не призывами, а конкретными механизмами), а не служение "государю" и "сатрапам" с необходимостью меняет и общую психологию бюрократии. Служба, становясь престижной (не в тенистом, а в публичном смысле) видом деятельности, перестает восприниматься как "кормление". Открытость службы,

Направление административной реформы	Основное содержание преобразований	Антикоррупционный эффект
	формирования и обновления госаппарата; ● строгую определенность должностных обязанностей; ● наличие административных процедур; ● возможность для занятия высоких должностей людьми, привлеченными из других сфер и не проходившими по ступеням должностной карьеры (“политические назначения”); ● обеспечение режима максимально возможной открытости госслужбы, превращения ее из службы “государевой” в службу действительно публичную; ● рационализацию затрат на содержание госаппарата через кардинальное изменение соотношения прямых и косвенных материальных стимулов госслужащих в пользу увеличения удельного веса первых	административные процедуры, гражданский контроль, политическая ответственность “патронов” и т.д. в комплексе составляют мощный антикоррупционный заслон
7. Внедрение современных технологий управления	Применение подходов в работе госаппарата, основанных на принципах современного менеджмента. Изменение подходов к ресурсному обеспечению органов управления. Основными статьями расходов должны стать: содержание госслужащих и затраты на информационное, научное обеспечение и проработку управленческих решений. Определение круга нынешних госфункций, которые должны быть переданы негосударственным субъектам на конкурсной основе. Разработка новых принципов и пропорций финансирования органов власти. Консолидация в бюджет внебюджетных источников финансирования органов госвласти	На данном направлении антикоррупционный эффект создают опять-таки открытость (прозрачность) государственной деятельности; освобождение от функций, которые могут выполняться негосударственными структурами; упорядочение финансирования государственной деятельности

Представляется, что данная сценарная разработка может служить основой для политического планирования, которое позволяет устанавливать связи между сегодняшними (завтрашними, послезавтрашними и т.д.) действиями (бездействием) и шансами на реализацию негативных и позитивных сценариев.

МИР

РОССИЯ И ЕВРОПА¹

Ольга Буторина

Оправившись после кризиса 1998 г., Россия впервые за многие годы вошла в полосу политической и экономической стабильности, и это позволяет усилить внимание к проблемам отношений с внешним миром. России предстоит определить новые стратегические приоритеты, выбрать оптимальную линию поведения.

Европа объективно является одним из важнейших направлений внешней политики РФ. Два основных партнера России в этом регионе — Евросоюз и НАТО — переживают трансформацию. НАТО меняет военно-стратегическую доктрину, ЕС углубляет интеграцию и расширяется территориально. Перед Россией встает вопрос о степени и формах ее сближения с Европой. Главная цель представленной работы — сформулировать принципы европейской политики России до 2015 г., максимально отвечающие ее национальным интересам. Работа включает три сценария: вступление России в ЕС и НАТО в качестве полноправного члена; неудачная попытка вступления; развитие отношений в условиях, когда Россия остается вне институциональных рамок этих организаций.

© Буторина О. В., 2003

¹ Автор благодарит Д. А. Данилова, заведующего отделом Института Европы РАН, за консультации по проблемам НАТО, а также выражает признательность Ю. А. Борко, Президенту ассоциации европейских исследований, и Д. Гаувану, полномочному министру Посольства Великобритании в Москве, высказавших ряд ценных замечаний в ходе подготовки материала. Ответственность за возможные неточности и ошибки несет исключительно автор.

Проходя мимо зеркальной стены в офисе, он любил задержать взгляд на подтянутой, высокой фигуре. Да, это он, Герман Кузнецов — 43 года, кандидат исторических наук, руководитель Института перспективных разработок, депутат Государственной думы, член Комитета по международным делам. Уважение коллег и авторитет в политической и деловой элите были наградой за годы непрерывного и целеустремленного труда. Жизнь состоялась.

Единственным провалом был сын Валентин. Внешне похожий на отца, но ростом пониже, сутулый и как будто уже начинающий лысеть — он являл собой живую насмешку над идеалами и принципами рода Кузнецовых. Бросив Финансовую академию, Валентин “искал смысл жизни”, работая курьером в книжном издательстве, и покорно ждал призыва в армию. “Господи, — думал Герман, — почему я должен любить по долгу крови это чуждое мне, апатичное, некрасивое создание? И как только я позволил жене назвать его этим полуженским именем?”

Если бы у него родилась дочь, он назвал бы ее, например, Лилит. Редкое имя, но оно ему нравилось. Особенно в последнее время, когда он начал заходить на чаты. Делал это Герман ради сына: хотелось понять, зачем Валентин торчал там часами. Чаты — толпа закомплексованных юнцов, не умеющих доверять никому, включая себя. Лилит была исключением. Легкая в общении и по-детски открытая, она оказалась замечательной собеседницей. Лилит не знала, кто такой Кузнецов, а он ничего не знал о ней, и в этом была вся прелесть. Очень скоро они обменялись номерами ICQ и перешли в онлайн-режим. Они просто болтали и иногда баловались математическими задачами, которыми Кузнецов увлекался со школьных лет. Правда, Лилит почти не помнила формул, но у нее была хорошая голова. Герман с удовольствием достал с антресоли книги своей юности и выискивал для Лилит задачи, чтоб, как она говорила, в них требовалась одна только сила ума.

Понедельник

На прошлой неделе Герман задал Лилит сложную задачу.² Лилит, наверняка, застрянет, и у них будет повод посмеяться и поспорить о политике.

- Лилит, привет, как задача?
- Облом.
- Я так и знал: она не для маленьких девочек.

² Вершины многогранника лежат на точках с целыми координатами. Все вершины соединены отрезками, и ни у одного из них середина не лежит на точке с целыми координатами. Какое максимальное число граней может иметь такой многогранник?

— Для сведения тех, кто давно проскакал на розовом коне: у меня было мало времени. Но, будь уверен, я отыграюсь на другом.

— Мы еще и Есенина читали, вау! Хочешь, попинаем новый мячик?

— Ну, какой?

— Называется Европа. Не бойся, никто никого похищать не будет.

— Размечтался. Это для твоего очередного репортажа?

— Да. Через неделю в Госдуме будет обсуждаться предложение группы депутатов о том, чтобы Россия подала заявки на вступление в Европейский Союз и НАТО. Нужно сообразить, как это подать в СМИ, и тут мнение человека с улицы невероятно важно. СМИ, то есть мы, должны быть готовы отбить атаки противников единой Европы.

— Ага, секретная информация! А что мне за это будет?

— Большой сладкий леденец наложенным платежом.

— Так я тебе и сказала свой адрес. Ладно, валяй про свою Европу. Но счет буду вести я, условия прежние: опровергнутый тезис — очко, новый аргумент — пол-очка. Если продумаешь, я тебе выставляю новую задачу, а ты даешь подсказку для этой.

— Детка, здесь наши силы неравны, я, будет тебе известно, специалист в европейских делах. Чтоб все было честно, даю тебе десять очков форы.

— Форум принимаю. Для сведения: у нас в институте читают курс европейской интеграции.

— Ты, выходит, студентка.

— Нет, лаборантка в Госуниверситете Краснопырьевска. Кстати, жители Краснопырьевска спросят, зачем их тянут в Евросоюз и НАТО.

— Во-первых, чтоб Россия перестала метаться между Европой и Азией. Пора ясно сказать себе и миру, что мы никакой не Восток, а **Запад**. И идти вперед мы можем только вместе с Западом. Игры в евразийство, в особую судьбу русского народа — это дорога назад — в феодализм, в нищету. Членство в ЕС и в НАТО — вопрос самоопределения, глобального позиционирования России.

— Убедительно! Хочется спеть государственный гимн. Слушай, а где ты видел тех, кто мечется? Россия и так Европа, и нам не надо никуда вступать, чтобы быть европейцами. Люди на Камчатке знают Шекспира не меньше, чем в Англии. Уборщица в Новосибирске в сто раз европейстее черного дворника в Париже. А что до религии, то мы никогда не станем точь в точь Западной Европой. Сам знаешь, католиков у нас с гулькин нос (по этой же причине мы не тащимся от ведьм и вампиров), — запротестовала Лилит.

— Во-вторых, и это главное, ЕС и НАТО — ведущие игроки на мировой арене. Членство в них намного увеличит возможности России влиять на глобальные процессы. Один в поле не воин. Сейчас нет ни СССР, ни соцсистемы. События 11 сентября заставляют нас сделать выбор: с кем мы? С цивилизованными странами или с вандалами? — продолжал Герман.

— Вполне откровенно. Только пахнет шовинизмом и детскими страшилками. Что, 20 миллионов российских мусульман подлежат принудительному перевоспитанию? Китай, Япония, Казахстан, Азербайджан — варвары? По-моему, они наши соседи. А с соседями, тем более вменяемыми, надо дружить. Закон всемирного выживания.

— Намного лучше дружить, когда за тобой стоят ЕС и НАТО. На нас будут смотреть снизу вверх, — убеждал он. — В-третьих, членство в ЕС открывает перед Россией перспективу стабильного экономического роста, членство в НАТО — дает мощную военную поддержку в случае вооруженного конфликта на наших рубежах.

— Выражаясь языком человека с улицы, Россия хочет сочетаться законным браком с западным соседом, — суммировала Лилит.

— Да, речь идет о долгосрочном союзе.

— Другими словами, Герман, Россия вступает в брак по трем причинам. Первая — собственный комплекс неполноценности. (Ну не верит она в свою европейскую суть без штампа в паспорте). Вторая — надежда добраться до новых рычагов влияния. Но с Западом вне рыночные отношения не пройдут, от нас потребуют эквивалентного обмена, то есть золота (черного и любого другого) и/или донорской крови (в прямом и переносном смысле). Третья причина — невеста ищет покровителя, финансового и военного. Она не имеет возможностей или **желания** решать свои проблемы самостоятельно. Чистой воды неравный брак. Иждивенчество. Бесприданница выходит за богатого, “забывая”, что ее берут в дом как биологическую и хозяйственную функцию.

— Лилит, все очень серьезно. Никто не говорит, что мы вступим в Евросоюз и в НАТО бесплатно.

— Но тогда умным дядям надо посчитать дебет — кредит: что мы получим и что потеряем. Ты видел такой список?

— Да, у меня есть болванка, давай я тебе ее отправлю, мы еще подумаем до завтра, хорошо?

— До завтра.

Вторник

На следующий день общими усилиями были сверстаны два списка.

— Герман, неплохо получилось. Хорошо бы еще эти плюсы и минусы чем-то померить. Конечно, бизнес-классом летать лучше, чем экономическим. Но при ограниченных ресурсах лучше знать, что тебе самому важнее: комфорт в самолете или, предположим, билет в Большой театр. России важно понять, насколько набор благ, получаемых от вступления в НАТО и ЕС, соответствует ее главным целям.

— Я всегда знал, что ты умница.

— Я тоже. Стоит помнить, что мы **присоединяемся** к организациям, существующим уже по полвека. Они формировались для решения задач, возникших у стран-основателей, и раз действуют поныне, значит, отвечают сегодняшним интересам государственных участников, — написала Лилит.

Членство в НАТО³

Прибыли:

1. Будучи членом НАТО, Россия сможет осуществлять контроль за альянсом изнутри. Сейчас в НАТО доминируют США, но поскольку решения принимаются консенсусом, то участие России может сильно изменить ситуацию. Россия первой могла бы применить право “вето”.

2. Пятая статья Договора о НАТО (согласно которой в случае военной агрессии против одной из стран-участниц остальные оказывают ей помощь всеми доступными средствами) позволяет России не беспокоиться о своей территориальной целостности.

3. Никто не станет вставлять палки в колеса в отношении России со странами СНГ. Исчерпают себя разногласия по поводу приема в НАТО стран Балтии, Центральной и Восточной Европы.

Убытки:

1. Россия частично утратит суверенитет во внешней политике.

2. Вероятно возникновение проблем в отношениях с Китаем, которому не понравится выход НАТО на его границы.

3. Мы должны будем играть во все западные игры и в случае возникновения конфликта между цивилизациями окажемся на переднем крае борьбы. России придется защищать интересы НАТО своим телом.

— И если эти потребности совпадают с нашими, то все получится, — заключил Герман.

³ Составлено по аргументации Вячеслава Никонова, президента Фонда “Политика”, приведенной в статье “Так нам и НАТО”, журнал “Профиль”, 2001, № 37. С. 16-18.

— А если не совпадают, то России даже с ее ядерным потенциалом и нефтяными месторождениями никто не даст внедрить свой устав в чужой монастырь. Меня сильно настораживает идеология в стиле Штирлица: наденем их форму и заставим Бормана работать на Советскую Армию.

— Лилит, ты опять за свое! И кто тебя воспитывал?

— Улица, сэр. Ладно, не буду.

— В военно-политической сфере жизненно важно сохранение территориальной целостности страны, надежная защита границ и поддержание стабильной обстановки в сопредельных государствах.

— Герман, а какие из этих целей являются одновременно и целями НАТО? Представь: страна N вздумала отнять у нас кусок территории где-нибудь на Дальнем Востоке. Ты видишь, как американцы блокируют счета этой страны в своих банках, а потом нам на выручку летят стратегические бомбардировщики с ядерным оружием на борту?

— Честно? Не вижу. Скорее они попытаются избежать осложнений для себя.

— Герман, если мавры снова высадятся на португальском берегу, то испанские батальоны моментально встанут под ружье, потому что берег у них общий.

Членство в Евросоюзе

Прибыли:

1. Доступ на Единый внутренний рынок ЕС со свободным движением товаров, услуг, капиталов, лиц. То есть нам светит: отмена таможенных и количественных ограничений на экспорт/импорт товаров, прекращение антидемпинговых разбирательств; свободное передвижение всех видов услуг; свободное передвижение капиталов и рост притока западноевропейских инвестиций; отмена визового режима с ЕС, россияне получат возможность работать в Европе.

2. Укрепление демократии и политической стабильности.

3. Перспектива получения более сильной национальной валюты, чем российский рубль, соответственно перспектива развития финансовых рынков.

4. Улучшение инвестиционного климата.

5. Вероятное облегчение бремени внешнего долга.

6. Россия сможет получать субсидии из аграрного и региональных фондов ЕС.

7. Через ЕС Россия получит дополнительное влияние в мире.

Убытки:

1. Как все страны ЕС, Россия будет отчислять 1,2–1,3 % своего ВВП в общий бюджет ЕС.

2. Став членом ЕС, Россия не сможет заключать торговые договоры с третьими странами (Китаем, странами СНГ). Существующие договоры будут денонсированы.

3. Законодательство ЕС будет иметь приоритет над российскими законами (ЕС, например, будет давать разрешение на слияние российских компаний).

4. Ежегодные программы экономического развития РФ будут утверждаться Советом ЕС. Он же будет контролировать основные макроэкономические показатели: расходы и доходы госбюджета, уровень налогообложения, уровень безработицы.

5. На ряд ввозимых в РФ сельхозтоваров будут введены компенсационные импортные пошлины (е.г. на марокканские мандарины – для защиты испанских, греческих фермеров)

6. После введения евро Банк России потеряет право проводить денежно-кредитную политику – устанавливать процентную ставку, проводить операции на открытом рынке, следить за динамикой цен и объемом денежной массы, регулировать обменный курс будет Европейский Центральный Банк.

7. После введения евро на Россию распространятся правила Пакта стабильности: если дефицит госбюджета в какой-либо год составит более 3 % ВВП, на страну будут наложены санкции (штраф до 0,5 % ВВП).

8. Россия поставит крест на интеграции в СНГ. Льготы для граждан и компаний стран СНГ будут отменены. Союзное государство с Белоруссией не состоится.

– Лилит, по-твоему, наша первая цель не достижима с помощью НАТО?

– Вероятность того, что НАТО будет нас защищать, по моему, пренебрежимо мала. Теперь о границах. В Западной Европе все государства живут и работают бок о бок. Если на одну страну нападут, то соседи почувствуют это на себе: нарушится сообщение, возникнет экологическая угроза, компании понесут убытки. Поэтому встать на защиту союзника заставит элементарное чувство самосохранения. Солидарность солдат, попавших в один окоп. Западная Европа и США являются друг для друга не только основным политическим, но и экономическим партнером, их предприятия неразрывно связаны взаимными торговлей и инвестициями. Между Россией и НАТО ничего подобного нет. Доля РФ во внешней торговле США меньше 1 %, а во внешней торговле ЕС – 4 %. Потенциаль-

ный конфликт на наших границах (не задевающий нефте- и газопроводы) имел бы для Запада минимальные отрицательные последствия. Им нет резона проливать за нас кровь, — наступала Лилит.

— Отношения между странами НАТО определяются не экономикой, в их основе лежат общие стратегические цели. И если, не дай Бог, начнется глобальный конфликт между цивилизациями, то союзником России будет именно НАТО. Ты счет ведешь? — вспомнил Герман.

— Веду, но пока не скажу, чтоб ты не расстраивался.

— Тогда о стабильности российского окружения. В этом НАТО действительно заинтересована. Хотя это уже происходит. Для стран НАТО важно держать под контролем процесс распространения из Азии террористов, наркотиков, оружия, нелегальных иммигрантов, болезней, — настаивал Герман.

— Ты прав, НАТО заинтересована, но только в той степени, в которой это может угрожать стабильности и благополучию ее членов. Поэтому локальные военные конфликты в регионе не представляют для НАТО заметной угрозы и в отдельных случаях могут даже быть на руку тем или иным странам альянса. Ладно, с НАТО кое-что прояснилось. Теперь скажи еще раз, зачем России ЕС, — спросила Лилит.

— Детка, вступление в ЕС есть интеграция в мировую экономику вообще, а без этого в век глобализации нельзя.

— Интеграция вообще и интеграция региональная (то есть блок вроде ЕС), по-моему, такие же разные вещи, как кооперация вообще и конкретный кооператив по пошиву джинсов. Сильно сомневаюсь, что России до разреза нужна интеграция вообще. Во второй половине 90-х годов в России отношение стоимости экспорта товаров и услуг к ВВП (показатель открытости экономики) составляло 20-25 %, в зоне евро — 17 %, в США — 11 %, в Японии — 12 %⁴. То есть количества интеграции у нас хоть отбавляй. Зато с качеством туго, — отбивалась Лилит.

— Теперь верю: в Краснопырьевске читают курс интеграции. После развала СССР мы растеряли немногие зарубежные рынки, куда поставлялись наш станки, дорожная техника, автомобили. У России

⁴ По данным российской статистики, это соотношение равнялось: в 1995 г. — 28,9 %, в 1996 г. — 25,8 %, в 1997 г. — 25,0 %, в 1998 г. — 32,4 %, в 1999 г. — 45,8 %, в 2000 г. — 47,8 %. Рассчитано по: Внешнеэкономический комплекс России. Современное состояние и перспективы. М. ВНИКИ, 2001. С. 55, 72. Очевидно, что резкое увеличение данного показателя после 1998 г. связано с падением официального курса рубля (и соответственно уменьшением объема ВВП, выраженного в долларах США), а также с ростом мировых цен на сырье. По данным европейской статистики, в 1996 г. отношение российского экспорта товаров к ВВП составляло 20,4 %. European Parliament Statistical Annex on Enlargement, Briefing № 22, Luxembourg, 22 April 1999. P.2.

отсутствует **внутриотраслевое** разделение труда с внешним миром, что является признаком развитых стран. Наша торговля происходит **между** отраслями и имеет крайне мало общего с кооперацией в технически полноценных сферах экономики, — согласился Герман.

— Вот, вот. Получается, что Россия интегрирована в мировую экономику самым примитивным способом. Мы ведем папуасский обмен, когда куски золота (нефти, газа) идут в уплату за ножницы (продукцию high tech). То есть в этом смысле мы — не Запад. Грустно. И еще: западные страны от 50 до 90 %⁵ внешней торговли ведут в национальной валюте, а у нас рубль обслуживает не больше 5 % оборота. И внутри страны всю ходит иностранная валюта. Такого на настоящем Западе не бывает, — добавила Лилит.

— Лилит, мы так с тобой диссертацию напишем.

— Согласна. Тебе шампанское, черепаховый суп и трюфели в сметане, а мне — только сухую корочку. Значит так, России следовало бы (предположительно) вступить в ЕС, чтобы: 1) через ЕС продвигать свои интересы в мире, 2) получить деньги на подъем экономики, 3) начать экспортировать готовые изделия, машины (то есть встроиться в мировое производство). Скажи, а Евросоюзу это надо? — спросила Лилит.

— Лилит, но ведь Евросоюз много раз принимал новых членов и снова стоит на пороге расширения. А раз звезды (на флаге ЕС) зажигают, значит, это кому-нибудь нужно, — убеждал Герман.

— Тебе не кажется, что новые члены приспосабливались к условиям Евросоюза, лишь немного корректируя траекторию его развития? Мы же хотим, чтобы Брюссель озаботился мощью российского голоса в мире, простил долги, построил дороги и поднял удои ярославских коров. “Анна на шее” в интеграционном исполнении.

— Лилит, ну зачем кидаться в крайности? Корректно вести дискуссию.

— Слушаюсь, господин директор. Кстати, мне пора сделать перерыв. А ты покопайся в Интернете и выясни, сколько голов будет иметь Россия в органах власти ЕС.

Через час Герман отправил Лилит найденные сведения (табл. 1).

— Лилит, цифры нашлись. Но прежде спешу сообщить о системе управления Евросоюза.

— Знаю, у них там все намешано. Например, Европейский парламент законов не принимает, хотя 600 с лишним депутатов круглый год заседают в 20 комиссиях.

— Немного упрощая, — объяснял Герман, — можно сказать, что Совет ЕС — высший законодательный орган, а Европейская комис-

⁵ Bekx P. The implications of the introduction of the euro for non-EU countries // European Commission // Euro Papers, 1998, № 26. P.8.

Таблица 1. Распределение голосов в Совете ЕС после 2004 г.

Страна	Население, млн чел.	Места в Совете	Страна	Население, млн чел.	Места в Совете
Германия	82,0	29	Словакия*	5,4	7
Великобритания	59,6	29	Дания	5,4	7
Франция	58,7	29	Финляндия	5,2	7
Италия	57,6	29	Ирландия	3,7	7
Испания	40,0	27	Литва*	3,7	7
Польша*	38,6	27	Латвия*	2,4	4
Румыния*	22,4	14	Словения*	1,8	4
Нидерланды	16,0	13	Эстония*	1,4	4
Греция	10,8	12	Кипр*	0,8	4
Чехия*	10,3	12	Люксембург	0,4	4
Бельгия	10,2	12	Мальта*	0,4	3
Венгрия*	10,1	12	Всего	482,1	345
Португалия	10,0	12	Россия*	145,9	35
Швеция	8,9	10	Итого с Россией	628,0	380
Болгария*	8,3	10	Квалифицир. большинство	389,0	282
Австрия	8,1	10	Блокирующее меньшинство	239,0	98

* — потенциальные члены ЕС

Источник: *Europa South-East Monitor. Issue 18, December 2000. The Centre for European Policy Studies. www.ceps.be*

сия — исполнительный орган. Европейский совет (Внимание! Не Совет ЕС и не Совет Европы) — это саммит, который собирается два-четыре раза в год и определяет ключевые направления развития ЕС. Европарламент одобряет принимаемые правовые акты, вносит в них поправки и выполняет некоторые другие функции.

— То есть все практические решения принимаются Советом, — уточнила Лилит.

— Точно. Поэтому количество мест в нем имеет решающее значение для позиций той или иной страны. Места в Совете распределяются в соответствии с численностью населения и объемом ВВП. Решения принимаются либо консенсусом, либо квалифицированным большинством.

— Герман, тогда все отлично. Россия получит 35 голосов в Совете. Больше, чем любая другая страна! Мы сможем заблокировать любое решение. Для этого нужно будет заручиться поддержкой всего двух крупных держав и небольшой страны, вроде Словакии. Россия сможет диктовать Евросоюзу свою волю. Вот уж никогда бы не подумала, — обрадовалась Лилит.

— Да, но заблокировать решение могут и другие государства, например, Германия, Франция, Италия и Нидерланды. При та-

ком раскладе вес России влияет лишь на выбор “младшего” участника коалиции: будет ли им маленькая страна или чуть больше среднего или две небольшие. А ведь выбор очень широк, — остудил ее Герман.

— Проще говоря, в Совете ЕС тормоз срабатывает легче, чем газ. Чтоб продвинуть свое решение, России нужно будет вступить в коалицию, по крайней мере, с 13 государствами или с 17 (если ее не поддержат хотя бы две крупные страны). Россия не сможет направлять действия ЕС в нужное ей русло без поддержки других участников. Но у нее будет возможность вставать в позу. Деструктивный рычаг — мощный, конструктивный — слабый. Аналогичная история и с НАТО. Даже если Россия станет пользоваться правом “вето”, это вовсе не означает, что она сможет инициировать те шаги Альянса, которые она считает целесообразными. Для принятия таких решений потребуются согласие всех остальных членов. Логично предположить, что конструктивный вектор НАТО будет по-прежнему определяться США.

— Лилит, в такой обстановке успех или неуспех вступления России в ЕС, как в случае с НАТО, зависит от степени совпадения долгосрочных устремлений России и ЕС. Членство в Союзе выгодно России, если проводимая им экономическая политика будет отвечать задачам российского хозяйства. А это большой вопрос.

— Великобритания не вступает в зону евро как раз поэтому. Англичане считают, что у их страны иные пружины экономического развития, чем у континентальной Европы. Британский экономический цикл долгое время больше походил на американский, чем на европейский. Кроме того, у Англии есть нефть Северного моря. Когда цены на нее растут, англичанам хорошо, а Европе плохо. В Англии почти все семьи тянут лямку ипотеки, зато в Италии, скажем, принято не влезать в долги а, наоборот, держать сбережения в ценных бумагах. Поэтому повышение процентных ставок ударило бы по англичанам гораздо сильнее, чем по итальянцам. Такая вот неодинаковая реакция на одни и те же экономические события, — гордо выдала Лилит.

— Лилит, какие знания!

— Комплимент принимается. Как ты правильно сказал, вопрос в том, будет ли экономический цикл в России совпадать с европейским. Только тогда общая экономическая и денежно-кредитная политика ЕС пойдет нам на пользу. Представь себе ситуацию: в Западной Европе сдерживают инвестиционную активность, чтоб не допустить перегрева экономики, а в России, аккуратно, начинается оживление. Мы подчиняемся и гибнем почему зря даже без пользы для других членов ЕС. Глупо!

— Здесь есть еще один стратегический вопрос. Будет ли создаваемая в России модель рыночной экономики европейской? Как ты знаешь, американский вариант капитализма отличается от европейского, так же как японский отличается от первых двух. У каждого — свои логика, точки опоры и способы управления хозяйством.

— Ты совершенно прав, Герман. Россия с моделью еще не определилась. Не исключено, что мы найдем вариант, учитывающий нашу географическую, историческую, культурную специфику. Ведь китайцы умудрились скрестить плановую экономику с азиатским капитализмом и хорошо себя чувствуют. Поэтому членство в Евросоюзе ограничивало бы для России свободу выбора. Ой! Посмотри внимательно на первые две колонки: население и голоса в Совете. Тут что-то явно не так.

— Да, я не сказал тебе, что в ЕС намеренно усиливают голоса мелких стран и, наоборот, ограничивают влияние крупных. Иначе мелкие государства оказались бы во власти крупных и потеряли бы интерес к интеграции. Смотри, в Совете за одним голосом стоят 2800 тыс. немцев, примерно по 2000 тыс. британцев, французов и итальянцев, 1200 тыс. голландцев, 800 тыс. австрийцев, 500 тыс. ирландцев и 100 тыс. люксембуржцев. То есть один ирландец тянет на четыре англичанина и пять с половиной немцев.

— Ничего себе демократия... Но ведь в ближайшее время в ЕС будут вступать именно небольшие страны, кроме Польши. Россию могут принять только после них, так как перед этими государствами у Евросоюза есть политические обязательства и с ними давно идут переговоры. Тогда баланс сдвинется в пользу мелких стран. Выходит, что для небольших государств Евросоюз — отличный способ эмансипации. А вот огромная Россия, наоборот, должна будет наступать на горло собственной песне. В Совете ЕС она получит один голос за 4170 тыс. человек (!). То есть 100 россиян будут приравнены в Совете к 50 французам или итальянцам, 20 чехам и 8 эстонцам, — подсчитала Лилит.

— Безрадостная получается арифметика, — отреагировал Герман.

— Вот еще что: внутри ЕС страны отстаивают свои интересы **группами**. Давние верные товарищи Англии — Дания и Швеция — тоже не перешли на евро. А кто будет поддерживать Россию? Польша и Болгария? Нет, нашей опорой они не станут. Если бы Россия вступала в Евросоюз вместе с Украиной, Белоруссией и Молдовой, ей было бы легче проводить собственную линию.

— Лилит, о Белоруссии в ближайшие годы не может быть и речи. На Украине и в Молдове народ еще беднее, чем в России, и их ЕС точно не сможет взять на буксир.

— Кстати, насчет буксира. Как я понимаю, наиболее слабыми в ЕС всегда были Греция, Португалия, Испания и Ирландия, — заметила Лилит.

— Так и есть. С 1975 г. в ЕС действует Европейский фонд регионального развития (ЕФРР), с 1993 г. — Фонд сплочения. Слаборазвитые регионы (и не только в тех странах, которые ты назвала) получают кредиты Европейского инвестиционного банка, а также помощь из социального и аграрного фондов ЕС. На структурную политику тратится 35 % коллективного бюджета ЕС (не путай его с бюджетом стран ЕС), что в 2001 г. составило 32 млрд евро⁶, — отпарировал он.

— Не жизнь, а малина. Герман, а сколько, ты думаешь, могла бы ежегодно получать Россия, если бы она вступила в ЕС?

— Давай прикинем. Все 10 стран стран-кандидатов Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) имеют совокупный ВВП около 470 млрд евро, Россия — 280 млрд евро, а нынешние 15 стран ЕС — 8500 млрд евро. После приема теперешних претендентов и России ВВП Евросоюза увеличился бы до 9250 млрд евро, то есть на 9 %. Бюджет Союза на 85 % формируется из “членских взносов” и отчислений от НДС (которые зависят от ВВП) и на 15 % — из таможенных и других доходов. Значит, бюджет гипотетического Союза с участием России вырос бы с теперешних 93 до 100-105 млрд евро. На региональную политику ЕС мог бы тратить самое большее 40-45 %, или 40-47 млрд евро, — сделал вывод Герман.

— А население Союза выросло бы с 380 до 630 млн человек, то есть на 66 %. Причем все новички сплошь были бы, по стандартам ЕС, бедными. К 130-150 млн теперешних получателей помощи⁷ добавилось бы 250 млн новых ртов! Если даже предположить, что ЕС поделит эти средства поровну между “старыми” и “новыми” нуждающимися, то доля России составит 37 %, или 15-17 млрд евро в год. Но ни России, ни странам Центральной и Восточной Европы этих средств не выдать, как своих ушей, потому что тогда для Испании и К⁰ “паек” сократится с 32 до 15-17 млрд евро в год. Думаешь, они проголосуют за наше вступление в ЕС на таких условиях? — задала риторический вопрос Лилит.

— Не думаю, — подтвердил Герман и вспомнил о последнем докладе Экономического и социального комитета ЕС, где указывалось, что отбирать помощь у нынешних получателей “нецелесообразно”⁸. Этого он Лилит почему-то не сказал.

⁶ Official Journal of the European Communities. Luxembourg. L 56, Volume 44, 26 February 2001. P.127.

⁷ First report on Economic and Social Cohesion, 1996. Luxembourg, 1996. P. 151.

⁸ Opinion on the Second Cohesion Report. European Economic and Social Committee. Brussels, 25-26 April 2001. P. 7.

— Уверена, что новичкам предложат схему “на чужой каравай рот не разевай”, то есть привнесли в бюджет ЕС 10 млрд евро, вот и делите их между собой, как хотите. Пусть у вас будут свои богатые бедные и бедные бедные, а наших бедных богатых не трогайте. При самом благоприятном стечении обстоятельств Россия может получать от ЕС до 5 млрд евро в год. Вот она конкретная цена тех сокровищ, которые снятся в сладких снах. И, знаешь, что европейцы скажут нам, когда мы протянем за ними руку? Сначала искорените коррупцию, создайте нормальное правовое пространство, остановите утечку капитала, а потом заикайтесь о субсидиях. И будут правы. У страны есть куда более рациональные способы получить эти средства. Герман, ты не устал?

— Прости эксплуататора. До свидания, Лилит. Тебе завтра можно будет написать?

— Можно. Пока.

Среда

— Как дела, Лилит?

— Все хорошо. Знаешь, о чем мы не подумали? О том, что у нормальных людей браку предшествует помолвка.

— Точно. Здесь тоже куча вопросов, например: как НАТО и Евросоюз могут реагировать на заявки России...

— ...Какие подготовительные меры придется предпринять России, чтобы быть принятой; кто в России будет двигать этот процесс; какие аргументы “за” и “против” вытащат политики, пресса и бизнес.

— Лилит, тут непаханое поле. Давай, я подумаю над европейским блоком, а ты над российским.

— А потом распечатаем результаты наших изысканий и позовем студентов раздавать их возле Госдумы. Причем аргументы против вступления выделим жирным шрифтом, пусть депутаты как следует пораскинут мозгами, — добавила Лилит.

— С чего ты взяла, что студенты придут? И откуда столько агрессии? Думаешь, депутаты дурнее нас с тобой? Оглянись вокруг, страна приходит в себя, и это заслуга всех, включая власть. Тебе не кажется низким сначала отдавать за кандидатов свои голоса, а потом обвинять их во всех грехах и от них же требовать хорошей жизни? — возмутился Герман.

— Я никого не оскорбляла, если ты заметил. Я хотела сказать только то, что в парламенте сидят живые люди. Пока мы с тобой не поссорились, скажи, какими, на твой взгляд, личными, человеческими мотивами руководствуются те депутаты, которые предлагают объединиться с Европой.

— Начну с того, о чем ты думаешь. Да, часть хочет сделать на этом имя. Европа — достойная геополитическая цель, входные барьеры в тему минимальные, ниша свободна, и прибыли (политические) могут быть такими же высокими, как от размещения на рынке совершенно нового продукта. Одновременно, и это в тысячу раз важнее (!), действует нормальное желание помочь стране, в которой мы сознательно остались жить. Желание смыть с России клеймо второсортности, — парировал он.

— Герман, вот об этом я и говорю. Сколько лет среднему депутату Госдумы? Не меньше сорока пяти. Теперь представь, заявка в Евросоюз подана. Переговоры с Россией начнутся только после того, как в ЕС вступят стоящие в очереди страны Центральной и Восточной Европы, а последние из них — Болгария и Румыния попадут туда не раньше 2008-2010 гг. Переговоры, как всегда у ЕС, займут еще 7-10 лет.

— Во всяком случае, не позже 2015-2020 гг. Россия **вступит** в Евросоюз, — настаивал Герман.

— ...Когда теперешние депутаты будут уходить на пенсию, зная, что они сделали важное дело — Россия принята в европейскую семью. Герман, понимаешь, это будет венец их профессиональной карьеры, крупный результат жизни. А студенты придут к Думе, потому что их не ранило упадком СССР, но **им** — работать, делать бизнес, растить детей и помогать престарелым родителям в стране, которая будет членом ЕС. Видишь, все наоборот: романтики — отцы, а прагматики — дети. Я подумаю над российским блоком и заодно разберусь в процедуре. Через пару часов выйду на связь.

— Хорошо.

— Привет, Герман. Знаешь, о чем я думала, пока искала условия приема в ЕС? Хорошо, что мы не видим друг друга, а то у меня не хватило бы духу противоречить человеку, который старше и опытнее меня.

— Не говори чепуху. Еще немного и ты станешь профессоршей (в Краснопырьевском университете). Справочка твоя весьма полезная.

Условия вступления в ЕС, или копенгагенские критерии
(утверждены в июне 1993 г. на сессии Европейского совета в Копенгагене)

Страны-кандидаты должны:

- создать стабильные институты, гарантирующие демократию, правовое государство, соблюдение прав человека и защиту прав национальных меньшинств;

- иметь рыночную экономику, способную развиваться в условиях конкуренции и действия рыночных сил внутри Союза;
- быть способными принять на себя обязательства, связанные с членством в ЕС, включая приверженность целям создания политического, экономического и валютного союза. (В частности, до вступления в ЕС страны-кандидаты должны: либерализовать движение капитала; запретить прямое государственное субсидирование предприятий; лишить государственный сектор привилегированного доступа к средствам финансовых учреждений; юридически закрепить и обеспечить фактическую независимость центрального банка).

Руководящие органы ЕС раз в год оценивают степень выполнения названных критериев.

— Спасибо. Опыт стран ЦВЕ позволяет представить процедуру нашего возможного вступления в ЕС. Здесь, кстати, есть несколько интересных штук.

— Выкладывай.

— Герман, смотри, европейцы говорят кандидатам: “сначала, ребята, приведите себя в порядок, а потом стучите в дверь приличного дома”. Порядок — это правовое государство, рыночная экономика и способность тащить бремя интеграции. Все честно: об “обязательствах, связанных с членством в ЕС”, предупреждают загодя, мол, потом не жалуйтесь и не просите пощады, если ваши компании будут нечаянно скушаны на общем европейском рынке, — начала Лилит.

— Вполне разумно.

— Но подумай, — продолжила Лилит, — если Россия создаст настоящее правовое государство, эффективно работающую рыночную экономику и отечественные компании будут в состоянии конкурировать с фирмами ЕС, на фига (прости за вольность) нам тогда проситься в Евросоюз? С нашими природными, людскими и некоторыми научными ресурсами мы, по-моему, отлично справимся сами. Я думаю, что широкое применение информационных технологий решит давнюю российскую проблему — сократит расстояния, страна сплотится территориально, изменится облик русской деревни.

— Интересный поворот. Территориальная консолидация России была бы действительно новым фактором в нашем мироощущении. Лилит, но в твоих словах есть противоречие. Не хочешь ли ты сказать, что у стран ЦВЕ и у России разная мотивация вступления в ЕС? Наш вчерашний и позавчерашний анализ показал, что цели одинаковые: влияние в мире, демократизация и подъем экономики.

— Герман, цели похожие, но отправные условия разные. Страны ЦВЕ вступают в НАТО и в ЕС, потому что они **маленькие**. У них выбор простой: участвовать в решении глобальных проблем вместе с ЕС или не участвовать вообще; следовать экономической политике Евросоюза, участвуя в нем, или все равно зависеть от конъюнктуры в ЕС, но без права голоса. Страны ЦВЕ не граничат ни с кем, кроме европейских государств, и через них идет много общеевропейских транспортных путей.

— Девочка, ты прямо будущее светило экономической науки.

— А еще ни одна из стран ЦВЕ, — не унималась Лилит, — **не была**: членом Совета Безопасности ООН, участником восьмерки (пусть и с натяжкой), ядерной державой, а также **не имела**: космической промышленности, несколько флотов, своего директора в Исполнительном совете МВФ, шанса стать во главе собственной интеграционной группировки, Достоевского и Толстого, киностудии “Мосфильм”.

— Уморительный список, — отозвался Герман. Ядерные боеголовки в одном ряду с кино. Легко могу догадаться, что за твоей спиной развевается триколор.

— Ничего уморительного. У Германии есть свой Голливуд? Нет. И ядерных боеголовок нет.

— Лилит, но ведь реформы у нас идут очень трудно. Вопрос о собственности на землю решается годами. Еще одна труднейшая задача — деbüroкратизация экономики. Нам нужна реформа государственного строительства. Реформы банковской системы, естественных монополий тоже застряли на полпути. У нас не будет прочных основ для подъема экономики, пока мы не покончим с незащищенностью собственности и с произволом монополий.

— И я про то же, Герман. Нас не возьмут, пока мы не станем чистенькими и здоровенькими. А ты не думал про то, что случится с Россией, участвующей в ЕС, если вдруг здоровенькой перестанет быть Европа? В ближайшие 10-20 лет перспективы европейской экономики не так уж безоблачны. Там полно своих проблем: старение населения, дорогая рабочая сила, неадекватная система социального обеспечения, безработица. А ведь на их шее окажутся страны ЦВЕ, и единой валюте придется завоевывать место под солнцем в долларовом мире. Что если, как и в два последних года, Россия будет развиваться более высокими темпами, чем Европа? Тогда **нам** придется подставлять спину, а общая экономическая политика ЕС окажется для нас коротким поводком. Но это завтра, а сегодня вопрос стоит так: станет ли заветное членство в ЕС той подвешенной впереди охапкой сена, которая заставит ослика (Россию) из всех сил крутить колесо рыночных реформ? Ес-

ли да, то тактически оправданно навешать гражданам мечту, а потом дать право реализовать ее или нет. Лично мне не кажется, что перспектива членства в ЕС будет сильно стимулировать.

— Я тоже об этом думал. Не факт, что население России дружно поддержит официальную ориентацию на европейские ценности. Как ты правильно говорила, в России есть мусульмане и буддисты.

— Герман, честно говоря, я не вижу и той политической силы, которая станет мотором движения в Европу. СПС по идее может им быть, но сейчас она имеет ограниченное влияние в обществе — это партия элиты, а не народа. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) едва ли возьмется за такое дело. Общественный комитет “Россия в объединенной Европе” — клуб для специалистов.

— Уж никак не предполагал, что девочки разбираются в политике. До широкого проевропейского фронта нам пока далеко. Зато перед Киевским вокзалом устроена площадь Европы.

— Показательно, что Киевский вокзал, а не Белорусский и не Ленинградский. А, может быть, промашка по Фрейду: Россия не хочет отрываться от СНГ. В случае ухода России в ЕС, СНГ останется грудой обломков. С одной стороны, это может угрожать нашей политической и экономической стабильности, а с другой — мы, возможно, упустим редкий шанс стать центром будущей интеграционной группировки.

— Вот уж кто у нас романтик! Лилит, мало кто верит, что из СНГ получится что-то путное.

— А Путин говорит, что путное получится. Согласна, такого, как в ЕС у нас не будет. Но, посмотри, НАФТА и АСЕАН существуют без общего внутреннего рынка и без единой валюты, и никто не считает их неудавшимися интеграционными группировками. Кроме того, СНГ для России — естественная сфера сбыта готовой продукции и экспорта капитала, в отличие от ЕС.

— Лилит, о будущем СНГ мы пока можем только гадать. Здесь одни неясности. Давай лучше составим списки потенциальных аргументов “за” и “против” вступления России в ЕС и НАТО в самой России и на Западе.

— Скажи, а как выглядит процедура вступления?

— Сначала страна подает заявку на вступление в ЕС. Потом ЕС одобряет или не одобряет начало переговоров. Затем идут переговоры, и готовится текст Договора о вступлении. После этого Договор подписывается и ратифицируется во всех странах-членах ЕС, включая страну-кандидата. Вступление в НАТО выглядит аналогично. **Н.В.** В обоих случаях требуется **единогласное** решение всех нынешних членов ЕС и НАТО, — написал Герман.

— Судя по тому, что ты сказал, вступление может прерваться на любой стадии.

— Точно. Испания впервые попросилась в ЕС в 1962 г., но ей отказали. В 1977 г. (уже после смерти Франко) она повторила попытку и в 1986 г. была принята. Норвегия дважды (в 1972 и 1994 гг.) подписывала Договоры о вступлении в ЕС, и дважды они были отвергнуты населением на референдумах. Турция подала заявку на вступление в ЕС в 1987 г., но время ее вступления до сих пор не определено. Переговорный процесс все время тормозится из-за плохого состояния турецкой экономики, курдской проблемы, усиления исламизма и конфликта с Грецией. Лилит, объявляет-ся перерыв. Жду твоего списка.

Россия. Основные аргументы “за” и “против” вступления в ЕС и НАТО

Аргументы “за”:

- Вступление будет означать стратегический альянс с Западом, Россия получит мощного союзника, увеличит свой вес в международных делах.
- Страна будет твердо следовать дорогой демократического развития и рыночных реформ.
- Откроются новые широкие возможности для развития национальной экономики и повышения благосостояния населения.

Аргументы “против”:

- Безоговорочная ориентация на Европу и НАТО чревата ухудшением отношений с азиатскими соседями, недовольством неевропейских народов внутри России, нарушением системы геополитических ориентиров России.
- Россия не сможет эффективно направлять действия ЕС и НАТО в нужное ей русло. Ей придется подчиняться жесткой дисциплине этих организаций и пожертвовать значительной частью суверенитета.
- Долгосрочные интересы ЕС и НАТО, с одной стороны, и России – с другой, совпадают лишь в небольшой части. В случае вступления Россия неоправданно ограничит будущие возможности независимого политического и экономического развития, отвечающего ее специфике.

— Герман, к моему списку есть, пожалуй, только один комментарий (остальное мы уже рассмотрели раньше). Помнишь, ты сказал, что будущее СНГ – это большой вопрос. Добавлю, что и

экономическое благополучие Европы — тоже вопрос. Нельзя с уверенностью сказать, что Европа и дальше сможет быть локомотивом для ориентирующихся на нее государств. По-моему, России нельзя сознательно залезать в узкий коридор возможностей, а нужно оставить простор для разных вариантов развития страны.

— Ты уже об этом говорила. Я тоже кое-что прокомментирую. Во-первых, Западу будет чрезвычайно сложно (или почти невозможно) добиться “да” на вступление России в НАТО и ЕС от своего населения и политиков после 70 лет антисоветской пропаганды. Даже после окончания холодной войны западные СМИ с редким рвением тиражируют образ “плохой” России: мафия, водка, наркотики, преступность, нищета, падение нравов, взятки... Ну ты сама знаешь. Во-вторых, я вдруг понял, что вступление России в ЕС неизбежно изменит образ этой организации. Она больше не сможет сохранять нынешнее относительное единство. Что касается НАТО, то ее это тоже коснется, но в меньшей степени, потому что альянс не занимается экономикой.

— Герман, ты хочешь сказать, что Евросоюз окажется фактически поделенным на касты?

— Касты — неудачное слово. Вспомни недавнее заявление Франции и Германии о создании политического тандема, а также многочисленные идеи европейских политиков о “Европейском авангарде” и “твердом ядре”, включая идею Э. Блэра о европейской “тройке” — Великобритании, Германии и Франции, которая определяла бы стратегию Евросоюза.

ЕС и НАТО. Основные аргументы “за” и “против” вступления России.

Аргументы “за”:

- Запад получит доступ к обширнейшим источникам сырья и перспективному рынку.
- Западные ценности — демократия и рыночные отношения — будут распространены на весь бывший соцлагерь. Три мировых центра силы: США, ЕС и Япония сольются в сплошной северный пояс капитализма.
- В противостоянии “Север” — “Юг” Запад получит крупнейшего стратегического союзника, стоящего на переднем рубеже активных действий.

Аргументы “против”:

- Прием России нарушит систему приоритетов ЕС и НАТО и выработанный ими годами способ принятия решений. Рос—

сия внесет сильный деструктивный элемент в деятельность НАТО и ЕС, составит угрозу их единству. Расслоение ЕС станет неизбежным.

- Нынешним членам ЕС и НАТО придется взять на себя обязательства, связанные с экономическим и политическим благополучием огромной страны, притом, что с ней они имеют меньше общих интересов, чем друг с другом.
- Членство России в ЕС без НАТО позволит ЕС оспаривать мировое лидерство, что может привести к серьезным трениям между ЕС и США. Вероятно, США надавят на ЕС и не позволят принять Россию без ее вступления в НАТО.

— То есть что-то вроде близких и дальних родственников, — встряла Лилит.

— Примерно так. До создания валютного союза все члены ЕС продвигались по пути интеграции в едином темпе. Для новичков вводился переходный период, в течение которого они были обязаны догнать основной состав. Когда Великобритания, Дания и Швеция не перешли на единую валюту, по сути, образовался второй эшелон интеграции (хотя, возможно, через несколько лет эти страны все-таки введут евро). После приема в ЕС относительно бедных стран ЦВЕ второй эшелон станет постоянным и масштабным явлением в жизни Союза. Вступление России (или в теории России, Украины, Белоруссии, Молдовы) не позволит поддерживать единый темп интеграции ни при каких условиях. Евросоюзу, чтобы сохранить себя, придется внедрять принцип интеграции на разных скоростях. Получится, что одни страны участвуют во всех направлениях политики ЕС, другие — в значительной части, третьи — в некоторых. Соответственно если страна не участвует, например, в валютном союзе, то и решения в данной области принимаются без нее (что уже происходит: Данию, Швецию и Великобританию не пускают на заседания Совета зоны евро).

— Герман, другими словами, России надо смотреть правде в глаза: вступив в ЕС, она попадет в третье кольцо и будет принимать интеграцию дозированно или выбирать из интеграционного меню то, что ей по силам.

— Уверен, что другого не дано.

— Знаешь, — продолжила Лилит, — меня зацепил вывод о том, что, после вступления России в ЕС и НАТО благополучный Север превратится из нескольких центров в сплошной пояс. Представь, как это будет смотреться на карте мира и что по этому поводу бу-

дут чувствовать полуголодные, чумазные дети в Пакистане или в Ливане? Понимаешь, в их глазах, к богатствам золотого миллиарда добавится еще 17 000 км² земли с несметными природными ресурсами. Получится, что все против них. И тогда их местным националистам не составит труда направить гнев несчастного народа против “тех белых, которые владеют всем”. По всему земному шару пройдет граница между Севером и Югом, между белыми и цветными, между интернет-технологиями и непригодной для питья водой.

— Это может быть правдой. По крайней мере, должно приниматься в расчет, — не стал возражать Герман.

— Спасибо. У меня есть вопрос по поводу НАТО. Сейчас многие говорят, что России нужно вступать не во всю организацию, а только в ее политическую часть, чтобы не участвовать в тех военных действиях, которые мы не одобряем. Что ты думаешь?

— Лилит, теоретически этот ход неплохой, но практически его будет крайне трудно осуществить, и эффективность такой формы партнерства вызывает сомнения. Посмотри, если Россия является членом политической структуры, то она участвует в выработке и принятии стратегических решений НАТО, но при этом не несет никакой солидарной военной ответственности за их реализацию. Разве НАТО это допустит?

— А как же Франция, она именно так и участвует в НАТО? — переспросила Лилит.

— Франция — единственное исключение. Она сначала целиком вошла в НАТО и лишь потом, в 1966 г., вышла из военной структуры. России навряд ли дадут повторить такой маневр. Не участвуя в военной структуре, Россия не сможет рассчитывать на то, что ее границы будет защищать кто-то, кроме нее самой, то есть одна из главных целей вступления в НАТО отпадет.

— Герман, а что будет, если мы подадим заявку в НАТО, а нас не примут?

— Мы получим удар по самооценке, возможно, на некоторое время снизится наш политический рейтинг в мире. Отношения с США и Западом в целом станут более напряженными, но это, вероятно, потом можно будет поправить, — ответил он.

— Зато со вступлением в ЕС я бы была максимально осторожной. Тут последствия провала могут быть катастрофическими, особенно если процесс остановится не на первой или второй стадии, а застрянет на стадии переговоров. Еще хуже, если уже подписанный Договор о присоединении провалится в ходе ратификации. Я вижу такую цепь событий. Россия подает заявку о вступлении, ЕС принимает ее и Совет голосует “за”, открывая дорогу переговорам. Дальше России объясняют, что Евросоюз

занят странами ЦВЕ, и поэтому нам надо подождать, но ждать следует, не сложа руки, а изо всех сил выполнять копенгагенские критерии. Если Россия соглашается, ее, естественно, начинают нещадно лупить за Чечню, мафию, коррупцию, государственную помощь предприятиям и прочие грехи, реальные и мнимые. Органы ЕС ежегодно проводят проверки выполнения критериев. Потом начинаются переговоры. Кстати, ты знаешь, как они были организованы со странами ЦВЕ?

— Они велись по 30 с лишним главам (то есть отраслям), например: корпоративное право, конкурентная политика, сельское хозяйство, налогообложение, промышленная политика, связь и информационные технологии, экология. Пока стороны не договорились по всем пунктам главы, она считается открытой. Переговоры завершились в конце 2002 г. по закрытии всех глав.

— Герман, дальше с Россией происходит вот что, — продолжила Лилит. — Наша страна начинает переходить на стандарты ЕС и изменять законодательство так, чтоб оно соответствовало европейскому. Причем новые нормы, вполне возможно, нарушат сложившиеся традиции ведения дел со странами СНГ, Китаем, Японией. Я уверена, что Евросоюз будет страшно придирается к России. Объясняю: во-первых, им надо будет тянуть время, чтобы “переварить” только что принятые государства ЦВЕ; во-вторых, между “старыми” членами ЕС наверняка возникнут разногласия по поводу сроков и условий приема России; в-третьих, если Россия вступит неподготовленной, то для самого ЕС результат будет, как в сказке про теремок. Итак, Россия делает шаги навстречу ЕС, а тот выступает в роли строгого контролера. Через несколько лет топтания в европейской прихожей в России нарастает раздражение. Особо недовольная группа депутатов собирает подписи, и вопрос о вступлении в ЕС ставится на референдум. Побеждают противники, вопрос снимается с повестки дня. Невеста, мечтавшая выйти за богатого жениха, возвращается домой. В итоге:

- Россия получает удар по самооценке граждан и политиков;
- реформы стандартов, отчетности, законодательства застревают на полпути, теперь они не стыкуются ни с СНГ, ни с ЕС;
- европейский капитал освоился в отечественной экономике без встречных уступок для российского капитала в Европе;
- страны СНГ успели устроить свою судьбу без России;
- нарушение системы геополитических ориентиров России, ослабление связей с прежними партнерами и отсутствие новых.

— Лилит, нарисованная тобой картина, как всегда, “полна экспрессии”.

— Если считаешь, что я ошибаюсь, давай опровергай.

— Оставим это на завтра, сейчас маленьким девочкам пора спать. До завтра.

— Пока.

Четверг

— Здравствуй, Лилит. Как ты живешь? Мы последнее время совсем не говорили о тебе, а только готовили мои репортажи. Тебе, наверное, уже надоело?

— Герман, спасибо, я в порядке. А про Европу все-таки стоит договорить. У меня новые соображения появились.

— Знаешь, я полночи ворочался, думал... Представляешь, мой отец, доцент кафедры политэкономии Ленинградского университета, в середине 50-х годов попал в группу специалистов, которые разрабатывали экономические реформы периода хрущевской “оттепели”. Если ты когда-нибудь слышала, в 1956 г. на XX съезде КПСС Хрущев осудил Сталина и после десяти лет “холодной войны” сформулировал принцип “мирного сосуществования”, то есть начал диалог с капиталистическими странами. Для нашей страны тогда впервые приоткрылся “железный занавес”, прошел Международный фестиваль молодежи и студентов, советские люди увидели живых людей с Запада. Перемены в идеологии захватили и экономику. В 1957 г. Хрущев настоял на принятии закона о децентрализации управления промышленностью. Понимаешь, это были первые попытки сделать шаг в сторону открытой, рыночной экономики! Ты, конечно, не можешь представить, что это значило для того времени.

— Могу, в общих чертах. Но, насколько я помню, хрущевские экономические реформы провалились, так как министерства и предприятия то укрупняли, то дробили опять.

— Откуда ты это знаешь, Лилит?

— Мне рассказывал дедушка, он у меня профессор.

— Ничего себе! Ты, значит, потомственная интеллектуалка. Так вот, возвращаясь к отцу, видишь ли, он искренне верил, что социализм можно подкорректировать так, чтобы экономика работала эффективно, чтобы народное добро не разбазаривалось, а люди не стояли в очереди за колбасой.

— Прости, Герман, но какое это имеет отношение к Европе?

— Прямое. Мой отец среди первых попытался развернуть отечественную экономику в сторону рынка. Он не боялся открыто

критиковать тогдашнюю систему, хотя большинство его коллег осторожничали. Отец, естественно, попатился: карьеру пришлось начинать с нуля в Сыктывкаре. Но он никогда не жалел о сделанном, и мать его всецело поддерживала. Я всеми силами поддерживал перестройку и переход страны к рынку. Мы организовали группу ученых и специалистов-практиков, которые выступали за либерализацию и дерегулирование экономики, пропагандировали идею всестороннего включения России в мировое хозяйство. Понимаешь, отец и его товарищи даже не могли помыслить о таких метаморфозах. Мы, их дети, помогли произойти перестройке и теперь стоим на пороге вступления России в ВТО, в Евросоюз, в НАТО. И вдруг ты и такие, как ты, новое поколение, говорите, что **вам** все это не нужно, что России лучше остаться в стороне.

— Герман, мне кажется, я тебя понимаю. На твоём месте мне тоже было бы не по себе. Но, послушай, разве не участвовать в НАТО и Евросоюзе означает остаться в стороне? Помнишь, у Ленина или у якобинцев был принцип: “кто не с нами, тот против нас”. Он годится для революции, для гражданской войны. Но сейчас мы не воюем ни с Западом, ни с Востоком, слава Богу. Не быть в НАТО и ЕС вовсе не значит быть против Запада. Именно об этом я думала после вчерашнего разговора.

— А что бы ты предложила? Какой-то вариант мягкого сотрудничества? Смотри, у нас получилось два сценария. В первые два дня мы обсуждали сценарий, как ты его назвала, “неравный брак”. Вчера мы прокрутили сценарий “помолвка”. Если ни то ни другое не сработает, то останется “дружба”.

— Герман, я бы предложила осуществить сценарий “дружбы” до того, как нас (и Россию, и ЕС с НАТО) постигнет неудача на matrimonialном фронте. Ещё лучше было бы организовать “дружбу домами”: ЕС и СНГ.

— Лилит, это может не получиться, тем более с НАТО.

— Знаю, но кое в чём можно попробовать, например, в области науки и техники, космического сотрудничества, транспорта, экологии... Герман, я где-то слышала, что отношения Евросоюза с Норвегией и Швейцарией регулируются специальной системой соглашений. Ты можешь это выяснить? Возможно, такой опыт будет полезен для России.

— Лилит, как ты знаешь, Евросоюз вырос из Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), образованного в 1951 г., а также Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома, образованных в 1957 г. В 1960 г. семь государств, не вошедших в ЕЭС (Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Порту-

галия, Швеция, Швейцария), создали Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). В 1992 г. ЕС и ЕАСТ подписали соглашение о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП). Его целью было формирование единой зоны свободного движения товаров, услуг, капиталов и лиц, а также координация экономической политики всех стран данной зоны. Соглашение задумывалось как способ объединить две группировки. Но в 1995 г. в ЕС вступили Австрия, Финляндия и Швеция, а Великобритания, Дания, Португалия вошли еще раньше. Теперь соглашение о ЕЭП охватывает 15 стран ЕС и еще три государства: Норвегию, Исландию и Лихтенштейн (Швейцария его не ратифицировала). В рамках ЕЭП товары, услуги, капиталы и лица передвигаются беспрепятственно. Соглашение о ЕЭП – солидный документ. Он состоит из 129 статей. К соглашению прилагаются еще 49 протоколов, 22 приложения, 69 деклараций.

– Герман, так вот она “дружба домами”! России и ЕС ничего не надо выдумывать, вполне можно взять за образец соглашение о ЕЭП.

– Не уверен. Его вряд ли можно скопировать, поскольку оно предусматривает свободное передвижение товаров, услуг, капиталов и лиц. Чтобы сделать такое между ЕС и Россией, России придется снять актуальные для нее защитные меры в отношении иностранных инвестиций и иностранных предприятий сферы услуг (страхование, банковское дело, туризм, торговля), а Евросоюзу – разрешить безвизовый въезд россиян на свою территорию.

– Надо соорудить свое соглашение по образу ЕЭП. Следует выявить те сферы, где общие интересы России и ЕС пересекаются **не временно, а надолго и всерьез**, и в этих сферах развивать сотрудничество. Тогда отношения будут и выгодными, и равноправными. Таких сфер много: политический диалог, торговля и взаимные инвестиции (нашим предприятиям нужен доступ на рынок ЕС), использование евро во взаимной торговле, энергетика, наука и техника, образование, преодоление последствий катастроф, ядерная безопасность, экология, космос, транспорт, борьба с транзитом наркотиков и оружия, с нелегальными иммигрантами и отмыванием противоправных доходов... Вполне возможно, что по ряду направлений сотрудничество будет наиболее эффективным, если к нему подключить и другие страны СНГ, например, в борьбе с наркотиками. Аналогичным образом можно поступить и с НАТО: в тех сферах, где существует длительная взаимная зависимость и взаимный интерес (борьба с терроризмом), совместно вырабатывать политику и принимать меры по ее реализации. Для этого “закон-

ный брак” совсем не нужен. Помнишь, мы выяснили, что, вступив в ЕС, Россия попадет в третий эшелон интеграции. По результативности это будет ненамного отличаться от прочной “дружбы”, зато она даст России сохранить свободу рук и баланс геополитических интересов.

— Лилит, ты упоминала Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС (подписанное в 1994 г. и вступившее в силу в конце 1997 г.). Это обширная, амбициозная программа сотрудничества, но ее потенциал используется недостаточно. В июне 1999 г. Европейский совет одобрил “Коллективную стратегию Европейского Союза по отношению к России”, а в октябре того же года Россия представила “Стратегию развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.)” В мае 2001 г. на саммите ЕС — Россия стороны заявили о планах создания общего европейского экономического пространства. Но пока проект продвигается медленно.

— Видишь, недостатка в официальных документах нет. Беда в том, что они плохо работают. Можно предположить, почему. Россия хочет построить долгосрочную систему отношений. В том числе и потому, что она ищет “надежное мужское плечо”. А Евросоюз не видит в России равного партнера, естественно опасается, что его “любят по расчету”, и по праву сильного стремится решать только те вопросы, которые представляют интерес **для него**. У сторон разная логика. От этого и постоянные заминки. Ситуация изменится только тогда, когда Россия станет сильнее. В это упирается все, даже желание вступить в ЕС.

— А при каких условиях, ты считаешь, России все-таки есть резон вступить в ЕС и в НАТО? — спросил Герман.

— При одном условии: если Россия на 100 % будет знать, что у нее нет ни единого шанса подняться экономически и политически. Ни единого шанса самостоятельно проводить политику, отвечающую ее национальным интересам. Тогда надо вступать в ЕС и в НАТО на **их** условиях (а они в таком случае будут очень и очень тяжелыми) и во всем подчиняться коллективной дисциплине. Стать пятой по значению страной в ЕС и шестой или седьмой в НАТО. Каждый раз, когда мы будем претендовать на более серьезный статус, мотивируя это размерами страны, численностью населения и ядерным потенциалом, нас будут тыкать носом в размер ВВП. По нынешнему обменному курсу он меньше, чем у США, в 40 раз, у Германии — в 9 раз, у Англии, Франции и Италии — в 5-6 раз, у Канады и Испании — в 2,5-3 раза, и примерно равен ВВП Бельгии. (Но мы уже говорили, что слабую

Россию в ЕС не примут). Но я уверена, что Россия может встать на ноги: для этого есть и предпосылки, и ресурсы, — написала Лилит.

— Фраза, достойная произнесения в Думе, — заключил Герман.

— Слышали бы нас депутаты, — вздохнула она.

— Лилит, а ведь мы с тобой дураки. Идиоты! Блуждаем в трех соснах, то есть в трех сценариях.

— С чего ты взял? — изумилась Лилит.

— Посмотри, как они называются: “брак”, “помолвка”, “дружба”. Знаешь, что объединяет все эти понятия? — нажимал он.

— Ну, желание быть вместе, делать общее дело, — защищалась она.

— Все они обязательно включают **при-вя-зан-ность**. Понимаешь, даже не солидарность, а **бескорыстные** отношения без счета “ты мне — я тебе”.

— Герман, бывают и брачные контракты.

— Да, но брак все равно предполагает нечто, не поддающееся регламентации, — чувства, понимаешь? По меньшей мере, симпатию, сочувствие, уважение... Где ты видела, чтоб друзья считали, кто сколько кому помог?

— Кажется, я начала понимать, — вступила Лилит. Ты имеешь в виду, что на этих принципах межгосударственные отношения не строятся. А как же внутри ЕС?

— Давай их сейчас не будем трогать. Это отдельная тема для разговора. Нам важны отношения России с ЕС. Мы до сих пор пребываем в странном блаженстве от окончания “холодной войны” и подсознательно пытаемся строить с ЕС и НАТО “братские” отношения, как мы это намеревались сделать в СЭВе. Мы почему-то ждем от Европы почти родственного тепла, — горчился Герман.

— Ну вот, вернулись к русской душе, опять она во всем виновата.

— Возможно. Понимаешь, нельзя наладить сотрудничество, если один хочет дружить, а другой — делать бизнес. России надо научиться делать государственный бизнес с ЕС и с НАТО. Знаешь, как в контрактах: права и обязанности сторон, условия и сроки исполнения, форс-мажор, санкции... Нельзя больше поступать так, как мы поступили с советскими войсками, стоявшими в странах Варшавского Договора. Мы тогда не подписали соглашения, понимаешь? — почти сердился Герман.

— Понимаю и соглашаюсь, — поддержала его Лилит. Но мы с тобой не дураки. Мы сделали все, как надо. Смотри, мы отделили мо-

тивы России от ее целей и определили цели ЕС и НАТО. Сфера сотрудничества лежит на пересечении двух последних. Чтобы Россия могла вести с европейцами максимально результативный для нее диалог, она должна быть последовательной и жесткой переговорщицей.

— Легко сказать, Лилит. У ЕС и НАТО за плечами пятидесятилетний опыт. Россию изучали сотни советологов и сейчас изучают десятки исследовательских центров по всей Европе и США. В России многое известно о странах ЕС, но очень мало о Евросоюзе как таковом. Наши дикторы до сих пор путают Совет Европы и Совет ЕС. Российские предприятия не пользуются правами, положенными им по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, потому что они о них не знают. Мы не обладаем полной картиной сильных и слабых мест ЕС и НАТО, отсюда часто идем на неоправданные уступки.

— Проще говоря, Герман, мы смотрим на партнеров сквозь плохие очки, а они нас прекрасно видят, даже рентгеновские снимки делают. И что ты предлагаешь? — спросила Лилит.

— Строить равноправные контрактные отношения, — подвел итог Герман.

— Ты не очень оригинален. Мы говорили о том, как нам работать с Европой, но оставили в стороне главный вопрос — ради чего? Есть у нас общая сверхзадача, которая способна сделать нас союзниками, партнерами на многие десятилетия? А что если предложить европейцам вместе осваивать Сибирь? Нам ее все равно не поднять в одиночку, а европейцы будут заинтересованы в том, чтобы Сибирь была территорией европейской цивилизации, а не азиатской.

— Лилит, ты думаешь, наши нефтяные и газовые компании подпустят к себе конкурентов? Ни за что!

— А как на счет второй ветки Транссиба, строительства автомобильных дорог, северного завоза, наконец? В Сибири будет, где развернуться и русским, и европейцам. Только представь себе: финны везут финские домики, шведы налаживают производство зимней одежды, англичане и голландцы реконструируют порты...

— А кто будет оплачивать это благолепие? — поинтересовался Герман.

— Фирмы, которые сделают на этом прибыль. Долгосрочные вложения, понимаешь? Ну ведь кто-то строит металлургические комбинаты, чем Транссиб хуже? Думаю, что и наши, и европейские банки не поскупятся на кредиты.

— При условии, что их будет гарантировать Европейский инвестиционный банк. А он свое поручительство на Россию, в отличие от стран ЦВЕ, не распространяет, — добавил Герман.

— Вот пусть депутаты или Минэкономразвития над этим работают, — настаивала она.

— Уж над чем надо срочно работать, так это над системой коллективной безопасности. НАТО была действенной во времена “холодной войны”, но после 11 сентября все изменилось. В области безопасности Россия и Запад должны помочь друг другу, даже если Россия не войдет в НАТО. В случае ухудшения ситуации на наших южных рубежах, РФ и НАТО вполне могли бы создать объединенное командование, например, 70 тыс. россиян и 30 тыс. натовцев — всего 100 тыс. человек. Это будет серьезной силой, — написал Герман.

— Ты отлично знаешь, что ни американские, ни английские матери не согласятся получать гробы с южных границ России, — возразила Лилит.

— Во-первых, не надо смешивать США с Англией. Американцы действительно стараются избежать жертв, а англичане, если уж парламент голосует за войну, принимают их как неизбежное. Во-вторых, помощь Запада нам может быть не только в виде живой силы. Танки, самолеты, медикаменты, обмундирование, врачи в госпиталях, данные разведки, системы спутникового слежения — все это очень действенная помощь. Вспомни о втором фронте, детка. Между прочим, какой у нас счет? — спросил Герман.

— Не знаю. Я забыла про него еще в среду. Мне было и так интересно.

— И мне было интересно. С тобой хорошо работать, Лилит.

— С тобой тоже, Герман.

— Слушай, счет мог быть в твою пользу, скорее всего так и есть. Теперь я твой должник.

— Брось, и, знаешь, не подсказывай в той задаче. Я попробую решить так.

— Не буду. Лилит, могу я угостить тебя чашечкой кофе?

— Ты что! А вдруг у меня красное пятно на пол-лица.

— На какую половину?

— На левую.

— Тогда при встрече я поцелую тебя в левую щеку, на большее не рассчитывай, — отстучал Герман. В том, что ответ стоил ему усилий, он не мог признаться даже себе.

— Мне пятьдесят лет, у меня пятеро детей, я негритянка и при посадке мне нужно два стула.

— Нестыковочка. Университет Патриса Лумумбы открыли в семидесятые годы. Так что, во-первых, афро-россиянкам не больше тридцати, а во-вторых, они мулатки, — это уже далось легче.

— Герман, а что если переписка — лучшее, что у нас может быть? Что если впереди у нас одно только разочарование?

— Послушай, Лилит, речь идет всего о чашке кофе. И потом мы взрослые люди. Разве мы не найдем достойный способ держаться вместе? Давай вместе опубликуем серию статей.

— Я подумаю, если ты дашь мне обещание.

— Какое?

— Когда встретимся, ты не уйдешь в первые полчаса.

— Клянусь профсоюзным билетом моей бабушки, что я буду сидеть, как привязанный, ровно 1800 секунд, потому что столько времени нужно, чтобы дождаться капучино и спокойно выпить его.

Они договорились встретиться на следующий день в популярном кафе.

Пятница

Лилит опаздывала. Герман заказал воду. Официант принес бокал и положил рядом сложенный вдвое листок бумаги. На нем было написано:

1)	Ч	Ч	Ч
2)	Н	Ч	Ч
3)	Ч	Н	Ч
4)	Ч	Ч	Н
5)	Н	Н	Ч
6)	Ч	Н	Н
7)	Н	Ч	Н
8)	Н	Н	Н

Помни свое обещание.

Герман пробежал глазами решение задачи⁹. Верно! Он невольно поднялся и оглядел зал. Из противоположного угла к нему двигалась нескладная фигура Валентина.

— Ты? — не удержался Герман, — Лилит — это ты?

— А я думал, ты догадался. Я же говорил про деда-профессора. Ты голодный?

⁹ Чтобы середина отрезка, соединяющего две точки с целыми координатами, не попала на точку с целыми координатами, длина отрезка должна измеряться нечетным числом, то есть координата одной точки должна быть четной, а другой — нечетной. В трехмерном пространстве это произойдет, если данное условие выполняется хотя бы применительно к одной оси. Поэтому в искомом многограннике не должно быть двух вершин с одинаковой комбинацией четных и нечетных координат. Различных комбинаций может быть восемь — таково и число вершин.

- Нет, — сказал Герман, садясь.
- Тогда возьмем по капучино и по бисквиту. Здесь хорошо пекут.

Выводы

1. Мотивация движения России в сторону Европы, сложившаяся в сознании граждан и элит, во многом является неоправданной экстраполяцией произошедших в стране социально-экономических и политических перемен. Согласно гипотезе автора, мотивация среднего и младшего поколения не совпадают: у первого она имеет выраженную эмоциональную и историческую окраску, тогда как у второго превалирует практический подход.

2. Российское общество и элиты недостаточно представляют объем издержек, связанных с членством в этих организациях. А возможные выгоды не полностью совпадают с актуальными и долгосрочными задачами участия России в мировой политике и экономике.

3. Интересы РФ и Европы пересекаются во многих сферах. Но степень взаимозависимости партнеров не позволяет говорить о готовности создать стратегический союз того же качества, как между нынешними членами ЕС и НАТО. В отношениях с западными партнерами России полезно отделять временные взаимные интересы от постоянных, а также реальные интересы партнеров от нашего представления о том, какими эти интересы должны быть.

4. Предпосылки возможного вступления России в НАТО, и особенно в ЕС, отличаются от предпосылок, имевшихся у стран-основателей этих организаций, а также стран, вступивших в них позже и вступающих сейчас. России нельзя абстрагироваться от своей политической, экономической, географической и другой специфики.

5. Процедуры вступления в ЕС и НАТО таят для России множество скрытых и неформальных препятствий. Вступить в эти организации в сжатые сроки и без серьезного ущемления интересов невозможно. Неполное членство может стать альтернативным вариантом при условии, что на это пойдет другая сторона, что вызывает сомнения. Эффективность этого пока не установлена, вероятно, она не будет заметно выше, чем тесное сотрудничество без вступления. Неудавшееся вступление в ЕС нанесло бы сильный удар по системе международных отношений России.

6. В отношениях России с ЕС и НАТО есть ряд неопределенностей. В их числе: состояние самой России, состояние европейской экономики, позиции России в качестве лидера СНГ,

значение СНГ для России, последствия российской переориентации на Европу для СНГ, последствия вступления России в ЕС и НАТО для отношений “Север — Юг”.

7. Нынешние представления России и ее западных партнеров о целях и формате сотрудничества различны. Отсюда постоянные разногласия и недостаточное использование потенциала подписанных соглашений. По мысли автора, России следует отказаться от “нерыночных” представлений о сотрудничестве с Западом. Чтобы сделать диалог с ЕС и НАТО максимально эффективным для себя и добиться равноправия, России следует: наладить координацию действий министерств и ведомств; обеспечить преемственность политики в каждой отрасли и в целом; существенно повысить уровень знаний о ЕС и НАТО. Рекомендуется создать постоянную группу экспертов по проблемам ЕС и НАТО. Перспективными областями долгосрочного сотрудничества России и Запада могут быть освоение Сибири и создание коллективной системы безопасности.

Общая оценка сценариев

Сценарий	Вероятность реализации	Издержки для РФ	Выгоды для РФ
“Брак”	Низкая	Высокие	От умеренных до высоких при большой неопределенности
“Расторгнутая помолвка”	От низкой до средней	Высокие в случае с ЕС и от низких до умеренных в случае с НАТО	Неопределенные
“Дружба”	От средней до высокой	Умеренно-низкие	Умеренные предсказуемые

КИТАЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ ДЛЯ РОССИИ

Виля Гельбрас, Валентина Кузнецова

В XXI в. отношения между Россией и Китаем будут строиться иначе, чем когда-либо в прошлом, но в это же время зависят от вековых традиций и сложившихся норм. В настоящих условиях и на протяжении длительного времени в будущем Китай — это одновременно шанс и вызов для России.

1. Экономическая ситуация в России и КНР в начале XXI в.

1.1. В России с 1999 г. наблюдается рост производства, который способствовал экономическому подъему в Белоруссии, Казахстане и на Украине. Это свидетельство того, что, помимо благоприятных для России мировых цен на нефть, существенную роль стало играть восстановление кооперационных производственных связей между развитыми республиками СНГ. Такая тенденция может способствовать формированию общего экономического пространства этих стран, а затем и согласованной внутренней и внешней политики.

На начало 2003 г. Россия и страны СНГ, в отличие от КНР, не имели долгосрочных стратегий развития, не определили свою роль и характер своего участия в процессах глобализации. В отношениях с КНР они выступают на уровне деклараций как равноправные партнеры, но фактически часто вынуждены подчиняться планам Пекина. Создание Шанхайской организации сотрудничества явилось политическим признанием расширения зо-

© Гельбрас В. Г., Кузнецова В. В., 2003

ны жизненных интересов КНР на часть территории России и центрально-азиатских республик СНГ.

КНР осуществляет долгосрочную стратегию развития, нацеленную на завоевание лидирующих политических и экономических позиций в мире. В 1997-2002 гг. страна столкнулась с рядом серьезных трудностей и обострением политических и социально-экономических противоречий. Темп роста ВВП удалось удержать на уровне 7,1-8,0% и привлечь дополнительный иностранный капитал. Но рост экспорта был обеспечен с большим трудом. Снизилась сборы зерновых, сахароносных культур, хлопка. Усилилась финансовая нестабильность. Растет безработица в городах, не решены проблемы развития деревни. Экономика страны оказалась в зависимости от негативной экономической ситуации в США, Японии, Южной Корее и на Тайване — главных партнерах-соперниках КНР.

1.2. Образ КНР в России. Для разработки прогнозных сценариев необходимо четко различать мифы о Китае, распространенные в России, и реальные факторы, обеспечившие наращивание его экономического потенциала. Выделим несколько наиболее важных мифов.

- *КНР — гигант, способный уже в ближайшие годы выйти на первое место в мире по экономической мощи.* Весь мир вынужден использовать китайскую статистику, хотя официальные китайские органы и лица неоднократно сетовали на отсутствие достоверных статистических данных. На самом деле Китай — это страна со многими неизвестными, что затрудняет оценку реальной ситуации.
- *Экономические реформы осуществляются с завидным успехом, обеспечив грандиозный подъем экономики и уровня жизни населения.* Решающую роль в наращивании экономического потенциала КНР сыграли прирост числа занятых на 300 млн новых работников, кредитная экспансия и привлечение иностранного капитала (в основном капитала зарубежных китайцев). Немаловажное значение имел диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, централизованное использование накоплений населения, вынужденного за счет своих сбережений обеспечивать учебу, медицинское обслуживание, средства на старость.
- *Экономические реформы проводились постепенно и последовательно.* Фактически они проводились только тогда, в той мере и в тех областях, где возникали острые проблемы, тормозившие экономический рост. Порой на годы реформы замораживались.

- *Китай не допустил использования “шоковой терапии”.* На самом деле “шоковая терапия” была неременным условием реформ. Один из наиболее крупных примеров — единовременный отказ от “народных коммун” и коллективного хозяйства в деревне. Изменилась вся трактовка китайского марксизма.
- *Китай начал реформы с экономики, в первую очередь с сельского хозяйства, а не с политических реформ, как в Советской России.* На практике, преобразования стали возможны только после политического переворота — прекращения “культурной революции”. Силой были подавлены наиболее активные ее сторонники; прекращена “классовая борьба”; реабилитирована многомиллионная масса репрессированных. Был обновлен руководящий состав органов власти. Восстановлены политика единого фронта, возрождены законодательные органы власти, прокуратура, суд, научные организации и учреждения. Благодаря стихийному движению крестьянства, КПК пришлось признать крах “народных коммун”, разрешить подворный подряд и объявить его частью “социалистического хозяйства”.
- *В Китае не допустили огульной приватизации, расхищения государственной собственности.* На самом деле в стране произошла негласная приватизация и масштабное расхищение государственной собственности. Коррупция, воровство, взяточничество, использование чиновниками своей власти для всемерного обогащения стали одной из острейших социально-политических проблем страны.
- *В Китае удалось не допустить оттока капитала из страны.* Фактически бегство капитала из страны предотвратить не удалось. По признанию китайских специалистов, в иные годы масштабы оттока капитала превышали его приток.

Иными словами, необходимы анализ реальной ситуации в КНР и отказ от ее идеализации.

1.3. Целесообразно учитывать условия и действия властей, обеспечившие экономический рост и положительные результаты ряда экономических реформ в КНР. Наиболее важную роль сыграли следующие факторы, которые будут во многом определять политику Китая и в будущем.

- До начала реформ произошло размежевание политических сил. Был восстановлен механизм поиска политичес-

кого консенсуса между группировками, придерживающимися разных точек зрения и даже доктрин. Проведение широких рабочих совещаний, в закрытом порядке обсуждающих наиболее актуальные решения, позволяло избегать публичной политической борьбы и находить компромиссы.

- Наращивание экономического потенциала построено на основе долгосрочной стратегии развития и конкретных пятилетних и целевых планов.
- В КНР сохранен мобилизационный характер экономики. Партия-государство использует всю свою идеологическую, политическую и экономическую мощь на приоритетных направлениях. Ведется агрессивная пропаганда успехов.
- Развитие страны по преимуществу строилось на основе экстенсивной модели, без серьезного учета качества, масштабов ресурсопотребления и охраны окружающей среды. Смена модели развития уже предусмотрена в ряде партийно-государственных решений.
- Решающую роль в экономике играет государственный сектор. В стране избрана, по сути, японская и южно-корейская модель развития на основе патронируемых государством крупных промышленно-финансовых конгломератов.

1.4. При рассмотрении китайского сценария развития и его восприятия в России приходится учитывать разное отношение к Китаю официальных кругов и широких слоев российского населения. На официальном уровне неизменно подчеркивается высокий политический уровень отношений РФ и КНР и их позитивное развитие. Совсем иначе на протяжении многих лет складывалось общественное мнение, отличное от официального.

В 1999 г. наш коллектив изучил взгляды 620 россиян в Москве, Хабаровске и Владивостоке на состояние российско-китайских отношений и перспективы их развития.

Результаты подтвердили итоги ранее проведенных исследований В. Ларина, Ж. Зайончковской и Г. Витковской в Приморье и Восточной Сибири. **Первое**, что следует выделить: численность россиян, положительно оценивающих нынешнее состояние российско-китайских отношений, уступает числу тех, у кого противоположное мнение. **Второе:** почти треть респондентов с оптимизмом оценивает перспективы развития российско-китайских отношений, однако больше половины демонстрируют пессимистический взгляд на будущее. Более того, *почти каждый четвер-*

Оценка россиянами характера российско-китайских отношений (в процентах к итогу)

Оценка нынешнего состояния		Оценка перспектив развития	
Очень хорошие	0,8	КНР – союзная держава	9,7
Хорошие	35,0	КНР – надежный партнер	19,3
Не очень хорошие	43,2	КНР – не друг, не враг, но опасности не представляет	26,4
Плохие	3,4	КНР представляет угрозу России	24,2
Опасные для России	0,2		
Нет мнения	17,4	Нет мнения	20,4

тый респондент полагает, что КНР в будущем будет представлять угрозу России.

Тревожные представления россиян обусловлены отсутствием национальной стратегии развития России, внятных заявлений правительства о перспективах социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Влияет и поток сообщений о быстром экономическом росте сопредельной державы, численность населения которой в 8 с лишним раз превышает российское. Тревожит население рост китайской миграции в России. Особую опасность представляет рост националистических настроений в обществе. Существенные различия в культуре россиян и китайцев способствуют распространению предубеждений россиян в отношении китайцев.

2. Долгосрочные стратегии и программы

2.1. В отличие от России, КНР руководствуется долгосрочной стратегической программой развития. Опыт последних 20 лет свидетельствует о способности китайского государства мобилизовать все силы на наращивании экономического потенциала. В результате стратегические ориентиры 1980-2000 гг. были в основном достигнуты. Весной 2001 г. в КНР был принят ряд документов, фиксирующих основные параметры развития страны в XXI в.

Определены цели развития (построение социалистического общества к концу XXI в.), социально-экономические рубежи на середину XXI в., программы долгосрочного (на 10 и на 20 лет) развития, план 10-й пятилетки (2001-2005 гг.).

2.2. Базовые приоритеты китайской стратегии развития. Главный из них — обеспечение максимально высоких темпов экономического роста. В КНР составлено несколько прогнозов развития на XXI в. Предполагается, что на протяжении как минимум

ближайших 20 лет экономика страны будет развиваться устойчиво и сбалансировано.

**Китайские прогнозы темпов роста ВВП в 2000-2050 гг.
(среднегодовые темпы роста за период)**

Годы	Центр изучения проблем развития Госсовета КНР	Институт количественного анализа	АН КНР	Исследовательская группа по анализу государственной специфики	Группа Ли Цзинвэня (АОН Китая)
2000-2010	6,4-8,1	7-8	7	8-8,7	8,0
2010-2020	4,7-7,6	6-7	-	7-7,8	6,4
2020-2030	-	-	-	6,3-7	5,4
2030-2040	-	-	-	5,4-6,2	4,9
2040-2050	-	-	-	4,6-5,4	4,3

По этим прогнозам к 2010 г. КНР по масштабам национальной экономики выйдет на третье место в мире и войдет в число государств со средним уровнем доходов населения.

Использовались разные методы расчетов: по валютному курсу, по паритету покупательной способности и “комплексному методу”, представляющему собой усредненный вариант первых двух. Группа по изучению государственной специфики АН Китая убеждена, что в 2020 г. масштабы китайской экономики превысят объемы американской экономики: ВВП КНР составит 13598 млрд долл., ВВП США — 13289 млрд. В 2050 г. ВВП КНР уже в 2,5 раза превысит ВВП США. Расчеты по валютному курсу и ППС, как убеждены разработчики, завышают реальные масштабы китайской экономики. При расчетах “комплексным методом”, проведенных группой под руководством Юй Гуанжуна, получены следующие результаты: в 2000 г. ВВП КНР был в 2 раза меньше ВВП США, в 2020 г. он приблизится к уровню США (13,3 трлн долл. против 11,7 трлн в КНР), в 2025 г. КНР обгонит США (15,2 трлн в США, 15,7 трлн в КНР).

На этой основе китайские специалисты сделали вывод: “**Китай до или после 2010 г. станет великой экономической державой, между 2020-2030 гг. Китай обойдет США и станет первой экономической державой мира**”. По душевым показателям Китай будет отставать от развитых стран и приблизится к ним только к 2050 г.

Планом экономического и социального развития КНР на 2001-2005 гг. намечен среднегодовой темп прироста ВВП примерно в 7 %.

Вывод для размышлений. Если Россия останется без долгосрочной стратегии развития, она будет вынуждена адаптироваться к курсу Китая. Центральным вопросом является обеспечение вы-

соких темпов развития российской экономики, в том числе Восточной Сибири и Дальнего Востока. Предложение некоторых российских экспертов “пойти по пути Китая”, то есть восстановления экономики мобилизационного типа, отбросит страну на рубежи 1970-1980-х годов. Подобный подход нельзя признать приемлемым.

2.3. Базисные особенности экономики КНР. Экономика КНР имеет специфику.

Во-первых, численность безработных и не полностью занятых жителей почти в два раза превышает все население России. В 2020 г. при численности населения в 1,5 млрд человек КНР будет располагать почти 768 млн работников. Страна вынуждена ежегодно создавать десятки миллионов новых рабочих мест под угрозой возникновения серьезных социальных проблем. Экономический рост в 4 % годовых (а по некоторым данным, даже 6 %) для КНР необходим лишь для поддержания достигнутого уровня.

Во-вторых, Китай испытывает острый дефицит пахотных площадей, пресной воды, многих природных ресурсов, что уже отрицательно влияет на жизнь страны.

В-третьих, несмотря на заметное расширение негосударственных форм собственности, развитие экономики полностью регламентируется государством. Экономика далеко не рыночная. В руках государства сохраняются командные высоты в экономике при одновременном ее приспособлении к требованиям ВТО.

В-четвертых, КНР на протяжении ряда лет развивается в условиях дефляции и меры государственного регулирования преодолеть “вялость” внутреннего спроса пока не могут. Сложилась парадоксальная ситуация: рост экономики вызвал сравнительно непродолжительный подъем потребительского спроса. Поскольку меры правительства не устраняют фундаментальные основания для стремления населения к сбережению, “парадокс бережливости” будет сдерживать национальное развитие.

Китайскую экономику отличают и другие особенности. Они осознаны и часть из них учтена при разработке долгосрочной внешнеэкономической стратегии.

2.4. Долгосрочная внешнеэкономическая стратегия Китая. На XV съезде КПК (1997 г.) был сделан вывод о переходе к экспортной ориентации экономики Китая и интенсивному характеру ее развития. В марте 2000 г. на 3 сессии Всекитайского собра-

ния народных представителей Председатель КНР Цзян Цзэминь объявил о переходе к наступательной внешнеэкономической стратегии под девизом “Идти вовне”. Он назвал ее “главным полем битвы”. Главное содержание стратегии — экспорт капитала, нацеленного на освоение природных ресурсов планеты, расширение товарного экспорта, завоевание новых рынков сбыта, привлечение средств с международных рынков капитала, обеспечение страны новой техникой и технологиями. Началась реализация политики “транснационального хозяйствования”.

Цели стратегии намечено осуществить в четыре этапа:

Первый. “Выращивание групп предприятий”. Запланировано отобрать 100 лучших групп крупных предприятий, которые получат поддержку государства, права на зарубежные капиталовложения и экспортное предпринимательство.

Второй. Развитие экспортно-ориентированных групп предприятий, развертывание прямых экспортно-импортных операций, создание за рубежом сбытовых органов; расширение инвестиций за рубежом; организация сбыта продукции зарубежной переработки и сборки в третьих странах.

Третий. Развертывание транснациональной деятельности экспортно-ориентированных групп предприятий. Учреждение ими дочерних компаний, филиалов в других странах, тесно производственно и хозяйственно связанных с материнскими.

Четвертый. Формирование китайских ТНК. Международная деятельность групп предприятий достигнет определенной степени зрелости. Деятельность материнских компаний в НИОКР, освоении, производстве, сбыте, снабжении сырьем охватит “все наиболее выгодные районы мира”. Внутри групп предприятий сложится всестороннее международное разделение труда.

2000-2010 гг. выделены в качестве “ключевого периода” реализации задач первых двух этапов. Реализация задач третьего и четвертого этапов начнется после 2010 г.

К 2010 г. намечено добиться вхождения в состав 500 крупнейших ТНК мира китайских “трех крупных армий”:

“Армия Центра” — это группа центральных финансовых учреждений (Промышленно-торгового, Сельскохозяйственного, Строительного банков и др.). В нее войдут также крупные предприятия, находящиеся в подчинении центрального правительства. Часть из них уже достигла показателей 500 крупнейших ТНК, но, как говорится в КНР, многие такие компании являются административными, а не рыночными структурами, поэтому их не включают в систему оценок “500 сильнейших”.

“Армия основных предприятий, поддерживаемых государством”, — это шесть групп предприятий, в каждую из которых государство ежегодно вкладывает многомиллионные средства с тем, чтобы к 2010 г. они потеснили “500 сильнейших”. В Пекине полагают, что выполнение этой задачи не потребует много времени. В 2001 г. экспорт КНР составил 266,1 млрд долл., на 6,8 % больше, чем в 2000 г. Из них 56,5 млрд (21 %) обеспечили 100 крупнейших экспортеров. В их составе 65 национальных и 35 компаний с иностранным капиталом. Экспорт первых достиг 39,5 млрд, то есть 14,8 % всего его объема. Следовательно, в среднем экспорт каждой из них превышал как минимум на 20 % объем компании с иностранным капиталом.

“Армия предприятий-семян” — предприятия, получившие статус “достигших международной конкурентной марки”. Так, компания “Ляньсян” (“Legend”) (компьютеры, телекоммуникационное оборудование) является одной из ведущих в стране (объем продаж — 2,7 млрд долл.). У нее есть представительства в Европе и Америке и, как нам рассказали в ее пекинской штаб-квартире в июне 2001 г., она готовится открыть собственную лабораторию в Силиконовой долине США.

В 2000-2010 гг. среднегодовой темп роста внешнеторгового оборота Китая прогнозируется в пределах 8,5-9 %, что будет опережать прирост ВВП. Объемы экспорта и импорта будут в основном сбалансированными. В 2010-2030 гг. среднегодовой темп внешнеторгового оборота составит примерно 8 %. Годы положительного и отрицательного баланса будут чередоваться. В 2040-2050 гг. темпы снизятся до 7,2-7,7 % при увеличении положительного баланса. К середине XXI в. внешнеторговый оборот должен достигнуть 20 триллионов долларов, то есть возрасти почти в 50 раз!

2.5. Возрастающая роль зарубежных китайских землячеств. В 2001 г. на всемирном совещании представителей китайских землячеств в Пекине власти призвали к укреплению родственных и производственных связей между растущим числом китайских мигрантов и китайских землячеств в разных странах мира, к их сотрудничеству и кооперации. Акцентировалось внимание на необходимости анализа тенденций развития в стране пребывания, ориентации на процессы глобализации. Шла речь о помощи Китаю в завоевании рынков сырья, сбыта, получении новейших научных и технико-технологических достижений. За этим совещанием последовали конгрессы, съезды, встречи представителей Пекина и китайских мигрантов в отдельных регионах и странах.

Следовательно, предпринимательская деятельность китайцев в России будет нарастать. Китайские землячества накопили довольно солидный экономический потенциал, сформировали огромный сектор теневой экономики. Они обладают инфраструктурой как для разворачивания бизнеса, так и для приема новых мигрантов и их расселения на новых территориях России. По объему привлеченных валютных средств иностранных граждан Банк Китая (“Элос”), ведущий операции в Москве, не намного отстает от Сбербанка России, на долю которого в 2001 г. приходилось 13,8 % общей суммы накоплений этой категории банковских клиентов.

2.6. Один из конкретных планов расширения китайских позиций на внутреннем рынке России. Существуют различные планы расширения предпринимательской деятельности китайцев в России, неразрывно связанные с увеличением количества китайских землячеств и повышением их роли в экономике России. Выделяется своей конкретностью и профессиональной проработанностью план освоения рынка Восточной Сибири и Дальнего Востока, представленный в китайской газете, издающейся в Москве. Суть плана по китайской традиции выражена афористично: *“Взять Амурскую область за основу”, “Оживить два глаза”, “Проложить две трассы”, “Создать единую городскую гряду”*.

“Взять Амурскую область за основу”: полностью использовать возможности этого “аванпоста”, чтобы китайские предприятия и товары широким потоком через Амурскую область двинулись во внутренние районы России. Приграничный китайский город Хэйхэ предложено превратить в “коридор” выхода на российский рынок. На острове Хэйхэ предполагается образовать “крупнейший центр оптовой торговли, нацеленный на Россию”, создать **“первый уровень оптового хозяйствования”**. Одновременно в многомиллионных российских городах к востоку от Урала предложено открыть китайские торговые центры, управляемые китайцами, которые станут **“вторым уровнем оптового рынка”**. **“Китайский международный торговый город на острове Хэйхэ и китайские центры в российской глубинке будут осуществлять тесный контакт друг с другом, образуя закрытую надгосударственную структуру прямой, автономной реализации”**.

“Оживить 2 глаза”: использовать Красноярск и Иркутск в качестве “опорных пунктов проникновения в глубь страны”, и опираясь на них, “излучать влияние, подобно радиации”.

“Проложить 2 трассы”: открыть путь товарам для оптовой и розничной торговли из Хэйхэ в Красноярск и Иркутск и туристическую трассу из Хэйхэ к Северному Ледовитому океану и Байкалу.

“Создать единую городскую грядущую”: использовать в качестве центра Иркутск и связать воедино Пермь, Челябинск, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, “сформировать на их основе единый широкий рыночный покров”.

Разработка подобного плана — обычное явление во всемирных экономических процессах. Рынок, который Россия игнорирует, удовлетворяясь фактически сложившимся разрывом единого экономического пространства страны, рано или поздно будет освоен другими.

Выводы для сценария. Во внешнеэкономической стратегии КНР России уготована довольно примитивная роль — поставщика дешевых природных ресурсов, сырья, территории и пр. и одновременно рынка сбыта низкокачественной китайской продукции, поставляемой из трудоизбыточных, наименее развитых китайских провинций.

Китай в ближайшие годы (вне зависимости от официальной риторики) будет стимулировать отток населения за пределы национальных границ, в том числе в Россию. В то же время в КНР начали привлекать российских специалистов для работы в самых разных сферах знаний, вкладывать средства в научные исследования и разработки, ведущиеся в России, что требует активизации работы по защите авторских прав.

2.7. Ограничители в реализации стратегии. Пекину предстоит найти пути преодоления целого ряда ограничителей в своем развитии. Часть из них перечислена выше. Ниже обозначен ряд других, сравнительно редко учитываемых аналитиками, но способных в будущем стать одними из определяющих.

Во-первых, страна существенно отстала в развитии фундаментальной науки. Вместе с тем, в КНР предпринимаются интенсивные усилия по развитию прикладных исследований, легальному и нелегальному заимствованию зарубежных технических и технологических достижений.

Во-вторых, иероглифический строй китайского языка является серьезнейшей преградой на пути освоения знаний, накопленных в других странах. Население страны отличается низким культурно-техническим уровнем. В 2000 г. более 47 % его оставалось неграмотным или обладало образованием на уровне начальной школы, лишь 12 % закончили полную среднюю школу и только

4 % — высшие учебные заведения и приравненные к ним высшие курсы.

В-третьих, за последние 20 лет десятки тысяч китайцев получили образование за рубежом, овладели западными языками, освоили достижения современной науки, техники, современные системы управления и обрели способность к творчеству и успешной деятельности на мировом рынке. Ряд технико-технологических достижений в КНР последнего времени имеет мировое значение. **Одна из главных проблем развития заключается в том, сколь эффективны будут усилия образованной элиты, действующей в условиях мобилизационной экономики коррумпированного государства и в обстановке культурно-технической отсталости основной массы населения.**

2.8. Неопределенности внутриполитического развития. Сложность ситуации осложняется предстоящей в 2002-2003 гг. значительной сменой высшего руководства КПК и государства. Обострилась идейно-политическая борьба в рядах КПК, спровоцированная, в частности, предложением Цзян Цзэминя: начать прием в партию предпринимателей. Ортодоксы-марксисты и социал-демократическое крыло партии противодействуют этому, заявляя, что в результате возникнет партия “государственного капитализма”. Заметная часть партии, вдохновляемая идеями национального возрождения, поддерживает лидера. Его идею одобрил XVI съезд КПК. Однако раскол в номенклатуре не исключается, в частности, между партией и военными, так как военным запрещена предпринимательская деятельность.

Полемика вокруг предложения Цзян Цзэминя обостряется из-за противоречий между городом и деревней, между провинциями, углубляющегося процесса материальной дифференциации, приобретшего политический характер. Последний способен стать катализатором массовых протестных выступлений и центробежных тенденций.

Выводы для сценария. В КНР предстоит решить немало трудных политических, экономических и социальных проблем, в том числе идейно-политических противоречий в КПК и государственном аппарате. Не вполне ясны последствия вступления КНР в ВТО, равно как действия ТНК и зарубежного китайского сообщества.

2.9. Возможные международные последствия внешнеэкономической стратегии КНР. Даже частичный успех в реализации гигантских планов Пекина будет иметь серьезнейшие последствия для

мировой экономики, а тем более для России. КНР стала членом ВТО как развивающаяся страна, Россия будет вступать в организацию как развитая. Теперь Россия вынуждена, в частности, согласовывать условия вступления в ВТО с КНР, которая выдвигает жесткие требования, в том числе изменения иммиграционной политики России с учетом китайских интересов. Переговорный процесс будет длительным и трудным.

Договором между РФ и КНР фактически допускается возможность легальной миграции китайцев в Россию. Отечественные специалисты полагают, что численность китайских мигрантов в России через 15-20 лет достигнет 5-7 млн человек и китайцы станут второй по численности национальной группой населения России после русских. Российское общество столкнется с совершенно новыми для себя этнонациональными проблемами.

КНР располагает необходимым промышленным потенциалом, чтобы нанести мощный удар по российским предприятиям, а то и целым отраслям промышленности в случае масштабных поставок китайской продукции в Россию. Могут не выдержать конкуренции не только многие предприятия легкой и пищевой промышленности, но также машиностроительной и металлургической.

Что касается развития отношений двух стран, то Президент России В. Путин в статье “Россия: новые восточные перспективы” назвал разработку “грандиозных планов вроде создания энергетического моста из России в Японию через Сахалин, газопроводов из Томской области в Западный Китай и из Иркутской — в Восточный Китай и далее в Северную и Южную Корею”. Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток по завершении этих проектов прочно войдут в систему экономических отношений в АТР. Глобализация приобретет не просто географическое, а политико-экономическое измерение: впервые в истории жизненное пространство Китая, Кореи и Японии распространится на огромную территорию России.

Расширится и жизненное пространство России. Она становится кровно заинтересованной в стабильности и экономической состоятельности потребителей ее сырья. Таковы естественные последствия глобализации. Однако мощь взаимного воздействия стран несопоставима: с одной стороны, гигантский экономический и демографический потенциал Китая, Японии, Кореи, а с другой — слабо развитая и редко населенная Сибирь и Дальний Восток России.

Китайская сторона добивается от России согласия на выгодный для нее вариант прокладки нефтегазопроводов. Прежние уступки России по важным для нее стратегическим вопросам дают

КНР повод добиваться дальнейших послаблений без ответных шагов. Так, для выхода на рынки АТР России нужно соучастие как минимум нескольких партнеров. Экономическая ситуация в Японии и Южной Корее остается сложной, страны не определились со своими стратегиями развития. Кроме того, они сомневаются в целесообразности расширения сотрудничества с РФ. Это позволяет КНР действовать независимо и диктовать условия, заведомо невыгодные России. Трудно сказать, сколь успешной окажется реализация китайской стратегии экспортной ориентации. Несомненно одно: ее осуществление неизбежно вызовет обострение конкуренции на мировом рынке и интенсифицирует процессы глобализации.

3. Перспективы реализации КНР стратегических планов

3.1. Рассмотрим три возможных варианта: китайская стратегия успешно реализуется, реализуется частично, ее реализация терпит провал. Сосредоточимся исключительно на проблемах России. Результат первого варианта уже ясен из вышесказанного.

Очевидно, если Россия будет медлить с разработкой и реализацией собственной долгосрочной стратегии развития, учитывающей вызовы, порождаемые действиями КНР, ее ждет в лучшем случае участь младшего партнера Китая. В худшем случае России придется согласиться с ограничением своего суверенитета, а то и полной экономической утратой части своей территории.

Полный или даже частичный успех китайской долгосрочной внешнеэкономической стратегии вызовет только негативные последствия для России. Трудно предположить, что КНР потерпит полный провал в своем внешнеэкономическом наступлении, хотя она столкнется с сопротивлением не только международных монополий и развитых государств, но также ряда развивающихся стран, особенно в АТР.

КНР подошла к самым болезненным рубежам реформ — политической, экономической, социальной. Все трудней откладывать кардинальные перемены в политической области.

Более или менее успешное решение КНР внутренних проблем, способное хотя бы на время затормозить социальные противоречия и по-прежнему локализовать взрывы социальных страстей, не будет благоприятно для России. В этом случае Пекин обретет свободу рук для осуществления внешнеэкономической стратегии. Точнее, для России благоприятен вариант, когда

в КНР удастся успешно решать лишь часть стоящих перед ней проблем.

Успех или провал китайской стратегии внешнеэкономической стратегии КНР осложнят положение России в случае, если у РФ не будет союзников. В футурологических исследованиях на Западе России часто отводится роль “буфера” между развитыми странами и Китаем. Для стран Европы и Америки выгодно, чтобы основной удар внешнеэкономической экспансии и наплыва мигрантов взяла на себя Россия. Частично такая роль для России подготовлена процессом переговоров о вступлении КНР в ВТО: развитые страны обезопасили свои рынки, оговорив условия защиты и заставив КНР взять на себя ряд обязательств. Россия пока такой работы не проводила.

Следовательно, для РФ в равной мере невыгодны как успех, так и провал внешнеэкономической стратегии КНР. **Россия кровно заинтересована в более или менее устойчивой ситуации в Китае, когда в стране наиболее злободневным является решение внутренних проблем.**

Реализация выгодного для России сценария развития КНР определяется комплексом различных факторов — внутренних и внешних.

Внешние. Заметно притормозить китайскую внешнеэкономическую экспансию прежде всего способны изменения в мировой экономике и политике. Приближение зон нестабильности к границам КНР потребует от страны увеличения оборонных расходов, укрепления НОАК, а тем самым затормозит ход внешнеэкономической экспансии. Такими событиями могут быть волнения в китайских мусульманских общинах или выступления в мусульманских странах Юго-Восточной Азии против засилья китайского капитала.

Рост международной напряженности в силу развертывания антитеррористической кампании увеличивает неопределенности в развитии мировой экономики и волатильность мировых рынков. Вялость мировой экономики может вызвать снижение спроса на китайскую экспортную продукцию и объема иностранных заказов на переработку, ограничить доступ к стратегически важным ресурсам, а тем самым замедлить темпы роста китайского экспорта. К аналогичным последствиям может привести вступление КНР в ВТО, если эта организация окажется способной стать институциональным ограничителем экономической экспансии КНР. Вполне реально, что сложившиеся бюрократические процедуры ВТО будут заставлять КНР точно соблюдать “правила игры”, подчиняться действующим международным стандартам качества, безусловно гарантировать права собственности всем собственникам, довести уровень внутренних цен до мировых, прекратить все формы субсидирования экспорта и т.п.

Замедлить китайскую внешнеэкономическую экспансию способно и совместное сопротивление основных экономических партнеров или невозможность для КНР диверсифицировать состав основных торговых партнеров, чтобы уменьшить зависимость собственного экспорта от положения дел в США или Японии, или обострение конкуренции на внешних рынках со стороны Индии либо стран АСЕАН.

Внутренние. Среди их многообразия кратко следует остановиться на трех группах факторов.

Внутриполитические. XVI съезд КПК (осень 2002 г.) определил новый состав партии и государства, наметил амбициозную программу национального развития. К 2020 г. запланировано увеличить объем ВВП в 4 раза. Съезд отметил наличие острейших проблем и противоречий — разрыв в социально-экономическом развитии регионов, поляризацию доходов, бедственное положение крестьянства и др., но не предложил программу их решения.

Экономические. Среди комплекса экономических противоречий и проблем на первый план выходят несколько наиболее серьезных:

- нестабильность национальной финансовой системы: рост государственного долга и дефицитов бюджетов всех уровней, финансирование инфраструктурных и капитальных проектов за счет госзаймов; необеспеченность сбережений населения; убыточность основных государственных коммерческих банков; неразвитость фондового рынка; продолжительная дефляция и др.;
- неопределенность перспектив реформы государственных предприятий, развитие негосударственного сектора, размытость прав собственности, наличие значительных избыточных мощностей, которые скорее всего никогда не понадобятся, а также переполненность штатов в госсекторе;
- необходимость модернизации так называемого коллективного сектора, лишенного как государственной поддержки, так и широкого доступа к банковскому кредитованию; потребность в массовом закрытии мелких предприятий, выпускающих низкокачественную продукцию и наносящих ущерб окружающей среде;
- реформирование системы ценообразования;
- проблемы формирования единого национального внутреннего рынка и ликвидации всех форм регионального патернализма;

- необходимость коренного изменения аграрной политики: четкого определения прав собственности на землю, “облегчения бремени” производителей, укрупнения земельных наделов, организации товарного производства, выпуска конечной продукции на местах;
- рост и усиление влияния теневой экономики на базе квазитрадиционных институтов (новых форм социализации на основе клановых пережитков и традиций).

Социальные. Среди наиболее острых социальных проблем следует выделить:

- необходимость ликвидации социальных барьеров между городом и деревней; уравнивания в гражданских правах городского и сельского населения;
- поиск путей преодоления аграрного перенаселения, огромной явной и скрытой безработицы в деревне;
- создание рабочих мест для растущей армии безработных в городах;
- введение общенациональной системы социального страхования и социального обеспечения; обеспечение всем нуждающимся гражданам прожиточного минимума;
- предоставление всем гражданам равного доступа к базовому медицинскому обслуживанию;
- необходимость реализации программ борьбы с нищетой в городе, а особенно в деревне;
- поиск решения проблем народонаселения.

Эти и другие проблемы и противоречия могут существенным образом сдерживать реализацию китайской стратегии экспортной экспансии. Но остановить ее проведение невозможно, КНР не остановится ни перед какими издержками для ее претворения в жизнь.

4. Поиск вариантов оптимизации партнерства и минимизации потерь от сотрудничества

4.1. Китайская стратегия экспортной экспансии может быть в ряде отношений выгодной для России. Для этого Россия должна иметь долгосрочную стратегию развития, в том числе собственную экспортно-ориентированную стратегию, сформировать политическую волю, силы и средства, чтобы использовать в своих интересах внешнеэкономическое наступление Китая. Это возможно только в том случае, если ей удастся однозначно определить свои националь-

ные интересы, что требует выработки общественного согласия, консенсуса в позициях политических сил и искоренения психологии “временщиков” в среде руководителей региональных органов власти и предпринимателей. Руководство РФ и его представители на всех уровнях должны отстаивать долгосрочные национальные интересы, а не текущие выгоды отдельных компаний.

4.2. Китайские капиталовложения. *В перспективе* можно ожидать заметного увеличения китайских капиталовложений в ряд сырьевых и добывающих отраслей, что, вероятно, позволит освоить новые российские территории и поднять в них народное хозяйство и социальную сферу. Но это станет реальностью только при наличии соответствующих межправительственных решений и разработке специальных стимулирующих мер.

4.2.1. Китайские капиталовложения в перерабатывающую промышленность. Китайский бизнес заинтересован в переносе на российскую территорию ряда перерабатывающих предприятий как в целях упрощения выхода на российский рынок, так и для расширения экспорта в европейские страны. Инвестиции будут направляться в создание предприятий по сборке, доработке, а также предприятий, основанных на использовании китайских материалов и полуфабрикатов для экспорта в третьи страны. При этом расчет будет делаться на использование экспортных квот, установленных разными странами для КНР и полностью использованных этой страной.

Можно ожидать оживления инвестиционной деятельности Китая, направленной на продвижение китайской продукции на российский рынок. В настоящее время 60 % китайских капиталовложений за рубежом приходится именно на сферу торговли.

Углубление разделения труда между КНР и Россией может быть взаимовыгодным, если Россия сможет обеспечить охрану своей интеллектуальной собственности и сконцентрировать силы и средства на развитии отраслей высоких технологий.

4.2.2. Сотрудничество в научно-технической сфере. Особое внимание китайская сторона будет уделять различным формам сотрудничества с исследовательскими и проектно-конструкторскими фирмами, привлечению на работу в Китай российских специалистов из отраслей высоких технологий. Данное сотрудничество в КНР рассматривают как один из наиболее дешевых способов доступа к современным научным достижениям и разработкам в РФ, а это в силу почти полного пренебрежения в России к интеллектуальной собственности способно окончательно разорить российскую науку.

4.2.3. Сотрудничество в сфере туризма. Китайский капитал в 2000-2002 гг. активно осваивал туристический рынок России. Увеличение числа китайских туристов способно не только принести значительные доходы в местные бюджеты, но и привлечь частные капиталы в модернизацию туристической инфраструктуры как в известных туристических центрах, так и в отдаленных местах. Однако рост числа китайских туристов дает России минимальные доходы. Основные доходы получает китайская сторона и российский теневой бизнес.

4.3. Растущий дефицит рабочей силы в России требует привлечения в страну китайских мигрантов в отдельные регионы и отрасли. Сложившаяся практика привлечения китайской рабочей силы не может обеспечить восполнения дефицита рабочих кадров в России. Во-первых, привлекаемые рабочие не знают русского языка, комплектуются за счет самой нуждающейся части китайского общества и находятся в полной зависимости от китайских подрядчиков и мастеров. Во-вторых, в большинстве своем эти рабочие (за исключением крестьян) способны выполнять только определенные виды работы на ограниченном количестве объектов. Поэтому Россия заинтересована в этой категории работников лишь в качестве временной рабочей силы, подлежащей возвращению в Китай после выполнения условий контракта.

В ряде российских регионов привлекают китайских крестьян для работы на земле. Даже в сложных условиях Сибири они собирают хорошие урожаи и получают прибыль от земледелия. Однако возможность их закрепления на российской территории неизбежно приведет к территориальным претензиям КНР к России.

4.4. Для привлечения китайских мигрантов в Россию целесообразно использовать подготовку в крупных масштабах китайских студентов и учащихся в российских ВУЗах и учебных заведениях. Россия вполне может вступить в конкуренцию с западными ВУЗами за китайских студентов, тем более что ряд известных мировых образовательных центров ввел повышенные требования для китайских студентов. Последнее аргументируется тем, что китайские студенты, получив образование в развитых странах, предпочитают не возвращаться на родину. Для России это означало бы, что в стране останутся китайские граждане, изучившие русский язык и получившие нужную квалификацию.

Организация на базе ведущих российских высших учебных заведений (равно как и крепких профессиональных училищ) специальных платных китайских факультетов могла бы улучшить их экономическое положение и решить проблему подготовки китайских работников для России. Положение дел облегчается тем, что китайское правительство положительно относится к развитию совместных с Россией образовательных программ. Обследования 2002 г., в отличие от опросов 1998–1999 гг., выявили намерение значительной части китайских студентов остаться в России, уехать с российскими дипломами в другие страны, но не возвращаться на родину. Подготовка китайской молодежи со всех точек зрения выгодна нашей стране. Для этой категории лиц необходимо принять специальные правовые нормы, определяющие условия получения российского гражданства.

Предстоит, однако, приложить немало сил для ликвидации криминальных форм использования российских учебных заведений (в том числе систему взяток, нелегальную подготовку курсовых и дипломных работ, продажу дипломов и т.п.).

4.5. Россия может развивать множество взаимовыгодных форм двустороннего экономического сотрудничества с КНР. Они будут отвечать интересам страны, если на территории России будет концентрироваться производство добавленной стоимости вне зависимости от сферы специализации, а на территории КНР – наиболее трудоемкие фазы производства. Текущая китайская политика ориентирована на прямо противоположное: сосредоточение конечного производства только в КНР.

Для снижения рисков российских партнеров в российско-китайском сотрудничестве необходимо в рамках долгосрочных проектов конкретно оговаривать порядок денежных расчетов, качество продукции, периодичность пересмотра цен и т.д.

Следует отменить ряд старых соглашений и норм между Россией и Китаем. Например, необходимо отменить институт межправительственного клиринга, ставшего одним из наиболее насущных препятствий на пути развития двусторонних экономических связей. Эта проблема тесно связана с целым комплексом финансовых вопросов. По всему их кругу в КНР к нашей стране часто предъявляются необоснованно повышенные требования.

Китайские долгосрочные планы и внешнеэкономическая стратегия ставят перед Россией комплекс насущных вопросов.

Среди них необходимо выделить несколько неотложных, призванных образовать центральное звено в будущей стратегии развития России: как оградить страну от участи сырьевого придатка Китая и рынка сбыта его продукции; как обеспечить развитие собственного экспортного производства продукции с высокой долей добавленной стоимости; как осуществить структурную перестройку народного хозяйства, способную минимизировать потребности в дополнительной рабочей силе и ускорить темпы экономического и социального развития.

СУДЬБА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Несколько вероятных (и не очень) сценариев¹

Алексей Малащенко

Вместо преамбулы

Рассматривая сценарии эволюции Центральной Азии (центрально-азиатского региона — ЦАР), автор преследует три цели. Во-первых, предсказать пути развития отдельных государств. Во-вторых, определить будущее региона в целом. В-третьих, понять, состоится ли диалог этого региона с Россией, и как могут быть реализованы ее интересы.

Здесь уместна оговорка: по мнению автора, российское руководство так и не сумело четко сформулировать, в чем же состоят эти интересы и каковы приоритеты. Экономика, политика, безопасность, поддержка русскоязычного населения — что из этого первично, а что — вторично, надуманно или, если угодно, инерционно, то есть досталось по наследству от советской эпохи. Следует учитывать и растущие различия в отношениях России с каждой в отдельности из стран ЦАР. Например, улучшение отношений с одной из них (с Таджикистаном или Казахстаном) почти неизбежно негативно сказывается на отношениях с другой (с Узбекистаном).

Любой прогностический сценарий для ЦАР нельзя рассматривать изолированно от: ситуации в СНГ; общей ситуации в мусульманском мире; американо-российских отношений; “китайского фактора”. Важно учесть и более частные компоненты (например, положение в Афганистане, которое осенью 2001г.

© Малащенко А. В., 2003

¹ Сценарии написаны до событий 11 сентября 2001 г.

стало крайне значимым для судеб ЦАР, или события в Пакистане, также способные непредсказуемым образом повлиять на внутреннюю обстановку у северных соседей.)

В этой связи, делая прогноз для ЦАР, следует принимать во внимание нынешнюю условность его геополитических границ, тот факт, что регион все чаще рассматривается как часть некоего макрорегиона, периметр которого проходит по южному Уралу и Сибири, Синцзяну, Кашмиру, побережью Индийского океана, Красному морю и восточным берегам Средиземноморья.

Правда, тогда сценарии запутываются, в них вводятся новые actors-outsiders. Зато, с другой стороны, эти сценарии становятся многомерными, объемными, а значит, и более продуктивными.

Первый сценарий

Состоит в том, что в обществах и государствах ЦАР кардинальных изменений не происходит.

Реформы в странах региона продолжают в усеченном виде и в замедленном темпе. Экономика стагнирует, не обеспечивая заметного улучшения положения большинства граждан. Остается нерешенной проблема безработицы, продолжается кризис, связанный с нехваткой водных и земельных ресурсов.

Сохраняется тенденция архаизации или демодернизации общества, при которой растет удельный вес аграрного сектора, а также торговли и сектора услуг. Именно в этих секторах занята традиционно настроенная часть общества. Такое положение неизбежно создает почву для укрепления религиозного сознания. Дихотомия “традиционное-современное” поддерживается на прежнем уровне, что в принципе не создает непреодолимого препятствия на пути верхушечной модернизации для осторожно-ограниченного проникновения извне инновационных тенденций.

Последние тенденции представлены как молодыми членами правящих элит, так и группами относительно независимых, но конформистски настроенных в политическом отношении предпринимателей, влияние которых ограничено, но от которых исходят новаторские, модернизационные импульсы. В условиях социально-экономической стагнации они остаются своего рода “каплей свежей крови”, отсутствие которой до крайности обострит общий системный кризис.

Постсоветские элиты продолжают достаточно прочно удерживать контроль над обществом, сохраняя его внутреннее

единство (которое может быть одновременно и национально-гражданским и этнонациональным). Одновременно они кооптируют в свои ряды родственников, друзей, поддерживая патерналистскую модель управления обществом, рассматривая современные институты лишь как символ, который обеспечивает демократический имидж в глазах США и Европы.

Де-факто сохраняется вся парадигма устройства и функционирования восточных политических систем — от деспотично-тоталитарной в Туркменистане, до просвещенного авторитаризма в Киргизии.

Влияние демократической и левой оппозиции приближается к нулю. Светская политическая интрига сводится к подковерной борьбе, где последнее слово остается за главой государства и его окружением. Правящая элита сохраняет контроль над средствами массовой информации, допуская умеренную критику и отдельные оппозиционные высказывания. На политической сцене действует лишь карманная оппозиция (в Марокко она именуется “оппозицией Его Величества Его Величеству”).

Единственной реальной оппозиционной силой остается радикальный ислам. Его влияние растет, но тем не менее его по-прежнему недостаточно для решительного перелома. Продолжаются сезонные выступления исламских радикалов, и это используется правящими кругами для противодействия оппонентам. В конечном счете активность исламистов ведет к созданию атмосферы, в которой правящие элиты выдают себя за единственного гаранта стабильности и национального благополучия.

Авторитет же самих исламистов в известном смысле поддерживается их неучастием во власти. Они занимают удобную для себя позицию жестких отстраненных критиков “со стороны”.

В целом саморегенерация элит и оппозиции как умеренно светской, так и не имеющей перспектив, но радикально настроенной исламистской, позволяет сохранять определенный уровень стабильности. Баланс сил сохранится не только внутри каждого отдельного государства и общества, но также и в межгосударственных отношениях.

Эти отношения определяются спорами вокруг распределения водных ресурсов, энергоносителей, межэтнической напряженностью, а также стремлением Узбекистана к приобретению особого статуса в регионе.

Узбекистан продолжает претендовать на роль региональной сверхдержавы. Однако он по-прежнему не в состоянии до-

стичь безусловного превосходства над остальными государствами региона — доказать свою силу Казахстану, решить в свою пользу спорные вопросы с Таджикистаном и обрести безраздельное влияние в Киргизии.

У Узбекистана нет собственных сил для реализации амбиций, а у его соседей нет сил на то, чтобы на равных обсуждать с ним спорные вопросы. В этой патовой ситуации внутрорегиональные отношения не кульминируют в открытые конфликты, но постоянно находятся на грани обострения.

Все это остается непреодолимым фактором на пути внутрорегионального сотрудничества. Блокируется интеграционистская идея шелкового пути, которую местные правящие элиты используют скорее как популистскую идеологию, как форму обязательного, хотя далеко не всегда продуктивного диалога, или как одно из средств (отнюдь не самых успешных) для привлечения иностранного капитала.

Интерес к странам ЦАР третьих стран, включая Россию и США, не претерпевает серьезных изменений. После завершения антитеррористической операции Центральная Азия оказывается на периферии интересов США. Что касается России, то она, традиционно претендуя на роль надзирателя в регионе, тем не менее не форсирует расширение экономических отношений со странами региона. Исключением будет оставаться Казахстан с его запасами нефти, которую он экспортирует по российским нефтепроводам, а также с его русскоязычной общиной, которая составляет свыше 30 % местного населения. В свою очередь, Киргизия и Таджикистан сохраняют общую ориентацию на Россию. Россия продолжает вести диалог практически со всеми государствами ЦАР, однако он служит скорее просто поддержанию отношений с бывшими советскими республиками, но не их развитию и углублению.

Что касается мусульманского мира, в том числе государств Персидского залива, его интерес к ЦАР остается ограниченным и не имеет решающего значения для внутренней политики и внешней ориентации центрально-азиатских стран.

Влияние внешнего фактора минимизировано. Интерес к региону постепенно угасает. По известному выражению, Центральная Азия превращается в “серую дыру”, вынужденный и вялый интерес к которой проявляют лишь некоторые ее непосредственные соседи. Здесь не происходит ни серьезных конфликтов и потрясений, ни стремительного прорыва в будущее.

В качестве постскриптума отметим, что, несмотря на высокую вероятность, первый сценарий не может длиться вечно,

поскольку когда-нибудь он исчерпает себя. Вопрос в том, когда это произойдет — через 5-10-20 лет — и каким будет следующий сценарий. Однако и эти годы необходимо каким-то образом прожить.

Второй сценарий

В основе его лежит тезис о форсированном, если не сказать катастрофическом, характере перемен в ЦАР, которые превращают регион в один из наиболее бурлящих на континенте.

По этому сценарию сохраняются все отмеченные выше в экономике и политике негативные тенденции. Однако здесь они обретают обостренный характер, часто приходят в столкновение друг с другом, и приводят к общему кризису. Стремительный рост безработицы, демографический тупик, нехватка воды, в сочетании с нарастающим процессом демодернизации и архаизации общественного сознания крайне обостряют социальные конфликты.

Общество разочаровано неспособностью правящих элит разрешить социально-экономические проблемы. Оно отказывается терпеть коррупцию, его раздражает собственная нищета на фоне бросающейся в глаза роскоши элиты и обслуживающих ее групп. К тому же многие нувориши — представители правящего класса ведут образ жизни, несовместимый с исламскими традициями: демонстративно не соблюдают многочисленные шариатские запреты, отвергают религиозную этику — употребляют алкоголь, женщины носят вызывающую одежду (так уже было в Иране, Алжире, Пакистане и др.). Это вызывает дополнительное раздражение у населения. В сознании людей неизбежно возникает установка на то, что одной из главных причин глубочайшего разрыва между людьми в материальном богатстве и т.д. является отход местных правителей от истинного ислама.

Кроме того, мусульмане не забыли, что постсоветские элиты вместе с их окружением были коммунистами, проповедовали атеистические идеи, боролись с исламом (нынешний президент Узбекистана Ислам Каримов, например, был инициатором последнего в УзССР постановления по борьбе с религиозными пережитками), что в еще большей степени стимулирует на борьбу против лицемеров и вероотступников.

В обществе преобладают фрустрационные тенденции, они выливаются в убеждения мусульман в то, что единственным

выходом может стать исламская альтернатива, то есть поиск светлого будущего в золотом прошлом.

Стремительно растет популярность радикальных исламских партий и движений, возникают новые религиозные исламские группировки, ширится их социальная база. Резко меняется баланс сил между правящими элитами и местными исламистами. В регионе начинается исламская революция, главная цель руководителей которой — создание исламского государства. Исламская революция, как и любая другая, свершается в определяемый классическим правилом момент: “когда низы не хотят, а верхи не могут”

Ее результат — падение режимов в Узбекистане, Киргизии, возможно, в Таджикистане. Начало этногражданской войны (если подымается только населенный узбеками юг) или просто гражданской войны в Казахстане, что приводит к его распаду де-факто. Вряд ли удастся сохранить свои позиции президенту Туркменистана Сапармураду Ниязову. Правда, в силу биологических причин к моменту исламского взрыва во главе страны может стоять уже другой человек.

Несмотря на широкомасштабный характер исламской революции, она осуществляется на этническом или этногосударственном уровне. Эпицентром ее становится Ферганская долина Узбекистана, а также заселенные узбеками территории сопредельных государств. Исламисты — выходцы из казахов, киргизов, уйгуров и даже некоторая часть таджиков поддерживают Исламское движение Узбекистана, Хизб ат-Тахрир аль-ислямий (Партию исламского освобождения), но базовым этническим элементом исламской революции, ее инициатором становятся узбеки.

Кстати, еще в начале 1990-х некоторые узбекские исламисты заявляли, что их цель — создание (или воссоздание) Кокандского (исламского) ханства.

Не происходит сплочения *всех* или основной части исламистов ЦАР в одну организованную силу, нет поголовной интернационализации здешней исламской революции. Отсутствует и скорее всего так и не объявится общий для всех мусульман духовный лидер. Можно допустить проведение нескольких совместных акций исламистов, даже создание (при узбекском доминировании) коалиционных вооруженных сил. Однако очевидно и то, что после свержения “кафирских” режимов внутренние межэтнические (и не только) противоречия неизбежно обостряются. (Пример тому — Афганистан, где после ухода советских войск межэтническая неприязнь возобладаала над религиозной солидарностью муджахедов.)

Результатом исламской революции становится исламизация ЦАР и создание исламских государств в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. Нельзя полностью исключить такого варианта и для Туркменистана, где уже сегодня единственной перспективной оппозицией, которую невозможно уничтожить, являются те недовольные люди, которые обвиняют Ниязова в искажении ислама.

Единый центрально-азиатский халифат, столица которого неизбежно оказывается на территории Узбекистана, вряд ли возможен. Зато начинается перекройка почти всех государственных границ или как минимум происходит включение во вновь образованное исламское государство населенных узбеками приграничных территорий. Под угрозой оказывается существование Киргизстана, который может расколоться на два-три враждующих друг с другом анклава, каждый из которых патронируется извне.

Борьба за такого рода халифат продолжается, однако ведется она уже между различными мусульманскими этносами. В ЦАР устанавливается нестабильность, которая может легко превращаться в гражданские и межэтнические войны с колоссальными потерями и разрушениями.

Экономический хаос на неопределенно долгое время выводит ЦАР из числа перспективных развивающихся государств и ставит их в один ряд с такими странами, как Чад, Руанда, Афганистан при талибах и т.п.

Каково значение в этих условиях внешнего фактора?

Вряд ли центрально-азиатские исламисты получают реальную военную помощь от Афганистана: каким бы ни был его режим после завершения американо-афганской войны, эта страна будет решать свои собственные проблемы и не захочет вмешиваться во внутренние дела северных соседей. Понизится острота проблемы беженцев, поскольку вряд ли афганские таджики захотят перебираться в нестабильный Таджикистан.

Разумеется, исламистские международные организации продолжают оказывать финансовую помощь, однако немалые средства для поддержания боеготовности местные исламисты раздобывают сами (в том числе, используя наркотрафик). Помощи от чеченцев или иных выступающих под религиозными лозунгами формирований нет.

Нестабильность в ЦАР не распространяется на китайский Синцзян — граница его Пекином наглухо закрывается.

Исламская революция в Центральной Азии не оказывает заметного влияния на мусульманскую общину России. На-

против — ее неизбежные эксцессы способствуют росту неприятия радикального ислама в мусульманских регионах РФ. Возможно, исключение составят некоторые республики Северного Кавказа, прежде всего Дагестан, для исламских радикалов которого строительство исламского государства в Ферганской долине имеет своего рода демонстрационный эффект.

Для России исламская революция и приход к власти исламских радикалов, точнее сказать экстремистов, которые выступают под лозунгами военного джихада, означает свертывание отношений с регионом, неизбежность укрепления границ, проблему беженцев, среди которых, помимо русских, оказываюся сотни тысяч руссифицированных казахов, киргизов, возможно узбеков. Перспектива диалога между ЦАР и Россией крайне сужается.

Ключевой страной региона для России становится Казахстан. Однако без поддержки Москвы тамошние правящие элиты не способны противостоять исламистам. Здесь возможны два варианта развития событий. Первый — фактический распад Казахстана, при этом населенные русскими области образуют автономию под патронажем России. Второй — жесткая зависимость Казахстана от Москвы, вплоть до военного сотрудничества в борьбе против исламистов.

Эта ситуация вызывает беспокойство Китая, который, с одной стороны, сам опасается деструктивных действий исламистов, а с другой — явно не приветствует усиление позиций России в Казахстане.

В целом Россия не вмешивается в конфликт в Ферганской долине. Иначе она оказывается втянутой в гражданскую войну, для участия в которой у нее нет сил и которая не пользуется поддержкой россиян. В этой связи трудно предсказать, каким образом будут действовать расквартированная под Душанбе 201-ая дивизия и российские пограничники. Скорее всего они станут придерживаться в отношении таджикского режима позиции благожелательного нейтралитета.

Нельзя исключать и вывод из страны российских войск. Однако при этом следует учитывать, что местные исламисты, с недоверием и даже враждебностью относясь к своим узбекским единомышленникам, рассматривают российское военное присутствие как один из главных козырей в общении с ними. Другое дело, захочет ли Москва рисковать жизнями своих солдат во имя паритета между различными группами исламистов.

Крайне сомнительна возможность вовлечения в исламский революционный процесс в ЦАР Запада и, прежде всего, США. Судя по тому, как осенью 2001г. развивались события в Афганистане, американцы не рискнут оказывать военную помощь Исламу Каримову и Аскару Акаеву в случае их прямого столкновения с исламистами, учитывая, что на стороне последних выступают десятки или даже сотни тысяч людей. Такая акция не поддерживается американским общественным мнением (если, конечно, к тому времени лидер Исламского движения Узбекистана Джума Намангани не возьмет на себя ответственность за взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне или самостоятельно не учинит нечто подобное).

Запад считает, что ответственность за ситуацию в ЦАР в первую очередь несет Россия, которая постоянно балансирует на грани конфликта с соседними мусульманскими странами и народами.

Но даже при таком катастрофическом сценарии победа исламских экстремистов не приводит их к окончательному триумфу — установлению полноценного, эффективно действующего, основанного на законах шариата исламского государства. Реальность проекта скорее заключается в длительной борьбе за создание такого государства, а также в последующем длительном и мучительном его распаде, который будет иметь крайне негативные последствия.

Третий сценарий

Его можно условно назвать мягким, или комбинированным.

В основе его — все те же негативные социальные предпосылки (безработица, общий кризис, демодернизация и пр.). Однако, в отличие от первых двух сценариев, здесь ситуация менее конфронтационная, и участвующие в ней силы (в том числе внешние) нацелены скорее на диалог, который поначалу будет носить скрытый характер, а затем перейдет в сотрудничество.

Вовлеченные в процесс демодернизации местные элиты постепенно трансформируются в направлении большего приятия традиции, в том числе исламской. От обращения к традиционной фразеологии они переходят к инструментальному использованию ислама, применяя его и как средство противодействия оппозиции, и как орудие закрепления собственного господства, и как фактор упорядочения государственного

строительства. Признавая невозможность создания государства по европейскому образцу, элиты делают упор на необходимости опираться на национально-религиозные нормативы функционирования общества и государства (разумеется, публично признавая важность для общества “обычных” демократических институтов).

Трансформируясь из постсоветских в “несоветские”, элиты становятся более адекватными общественному сознанию общества. Они “мусульманизируются”, и их власть обретает религиозную легитимность.

В то же время свойственный политикам прагматизм препятствует абсолютизации традиции, в том числе исламской. Стремление к тесным контактам с потенциальными инвесторами (Запад, Япония, Юго-восточная Азия, модернизированная мусульманская Турция) дает основу для синтеза традиции с частичной вестернизацией элит, внутри которых укореняется западно-ориентированный элемент — младотюрки. Кстати, этот элемент сегодня уже присутствует и в Киргизии, и в Казахстане.

Младотюрки, несмотря на относительную малочисленность, становятся одним из определяющих компонентов эволюции элит, наиболее последовательно отражая модернизационную тенденцию в обществе. В отличие от первого сценария, в котором младотюркизм хотя и присутствует, но находится в тени, в третьем сценарии его роль становится более значимой.

Первый сценарий — сценарий стагнации. Третий — специфической трансформации, при которой современные элементы причудливо и противоречиво переплетаются с элементами традиционалистскими, что создает основу для выдвижения идеи и реализации особого “синтетического” пути развития.

Здесь самое время отметить, что исламистская оппозиция в ЦАР (впрочем, как и везде, в том числе в талибском Афганистане, не говоря уже об Иране, Алжире, Судане, Пакистане) не является однородной. Она не может однозначно рассматриваться как фанатично-экстремистская. Кстати, действовавшие еще в XIX — начале XX вв. великие исламские реформаторы (тайные и явные сторонники Запада) — Мухаммад Абдо, Джемаль ад-Дин аль-Афгани, шейх Ахмед Бен Бадис, позже Абу Аля Маудуди, которые формально могут быть отнесены к исламским фундаменталистам, считали, что только истинный “классический”, очищенный от средневековых искажений ислам открыт для новаций, в том чис-

ле идущих из Европы. Показательно, что некоторые мусульманские политики, относимые в России к разряду фундаменталистов, подчеркивают, что стоят на позициях исламского реформаторства.

Такая самооценка не просто символична. Она свидетельствует о том, что в фундаменталистском исламе заложен реформаторский потенциал, который при известных обстоятельствах оказывается востребованным и даже может быть использован на ниве модернизационного переустройства общества.

В этом плане особую роль в ЦАР играет узбекское отделение Хизб ат-Тахрир, руководство которого настроено добиваться своих целей не путем военного джихада, но методом убеждения, с помощью расширения пропаганды и агитации, а также постепенного проникновения в структуры власти.

В случае удачи такой тактики исламисты постепенно закрепляются на разных уровнях административного аппарата, приобщаясь к управлению государством. Не абсолютизируя радикальное начало ислама, но, напротив — всячески подчеркивая совместимость идеи возврата в “золотое прошлое” с научными, технологическими и информационными достижениями, умеренные исламисты-прагматики приобретают вполне современный имидж, способный удовлетворить как обездоленную исламо-ориентированную часть общества, так и тех, кто вошел во вкус вестернизации.

Уже сегодня некоторые идеологи и политики Хизб ат-Тахрир рассуждают о просвещенном халифате, где власть халифа сочетается (и даже ограничивается) советом — шурой (42-я сура Корана), своеобразным аналогом парламента. Они также говорят о необходимости создания современной системы образования (вспомним татарские джаиды России конца XIX — начала XX вв.) и о необходимости возвращения в Центральную Азию покинувших ее высококлассных специалистов в области современных наук.

Глава казахской Партии национального спасения “Алаш” провозглашает триединый лозунг “Ислам, демократия, туркизм”. В Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) настаивают на том, что образование исламского государства — не сиюминутное требование, а долгий процесс осознания большинством населения необходимости создать такое государство.

Наличие среди исламистов умеренного крыла делает возможным достижение консенсуса с правящими элитами, в которых растет осознание неизбежности и даже необходимости

диалога с исламистами. В конечном счете это обеспечивает их взаимное выживание. Исламисты получают доступ к власти и прекращают борьбу против местных режимов, что повышает уровень стабильности в регионе.

В результате в Узбекистане и Киргизии складываются санкционированные исламом авторитарные режимы. Аналогичный режим уже действует в Таджикистане с середины 1990-х годов. (Участие фундаменталистов во власти давно не является “политической экзотикой”: даже в “европеизированной” Турции в течение нескольких месяцев премьер-министром был глава фундаменталистской Партии благоденствия Неджмеддин Эрбакан.) В Казахстане и Туркменистане участие во власти исламистов ограничивается средним и низшим административным звеном.

С этой точки зрения государства ЦАР вписываются в общую политическую и идеологическую панораму мусульманского мира.

Традиционализация элит, участие во власти умеренных исламистов, даже образование просвещенного халифата не приводит к разрыву отношений стран ЦАР с Россией. Москва не станет сама обострять отношения с центрально-азиатскими государствами. Эти отношения становятся даже более тесными, поскольку концепт исламского фундаментализма вполне совместим с антиглобалистскими настроениями российского политического класса, с его приверженностью принципу многополярного мира. Более того, партнерами России останутся авторитарные режимы, с которыми, как показывает опыт последнего десятилетия, она умеет строить нормальные отношения.

Диалог между Россией и ЦАР не прерывается.

Трудно ожидать экспансию радикального ислама на Север и проникновения его в российскую среду, поскольку пришедшие во власть исламисты заняты решением, прежде всего, внутригосударственных дел и “разруливанием” внутренних распрей. Тем более что умеренный исламизм оказывается препятствием на пути дальнейшей радикализации ислама, появления в нем откровенно экспансионистских устремлений.

Взросшая роль исламистов вызывает негативные эмоции на Западе, где радикальный ислам связывают с угрозой террора. Но, во-первых, в ЦАР сами исламисты заинтересованы в создании благоприятного имиджа просвещенных мусульман. А во-вторых, они стремятся к сотрудничеству с развитыми государствами (как и многие иранские аятоллы, для которых

радикальная фразеология в каком-то смысле становится разменной монетой в отношениях с Западом).

Отдав дань критике фундаментализма, западные государства также возобновляют отношения со своими идейными оппонентами, тем более что последние выступают в коалиции со светскими силами.

Фактически местные умеренные исламисты действуют под тройным присмотром со стороны местных партнеров по коалиции, России, а также Запада, который после сентябрьских событий 2001г. проявляет особую внимательность.

Очень насторожен Китай, опасаясь, что коалиция с участием исламистов создает опасный прецедент для Синцзянь-Уйгурского автономного района. Правда, умеренное крыло исламистов не желает оказывать поддержку уйгурским сепаратистам. Более того, легализация умеренных исламистов в ЦАР убеждает Пекин в возможности компромисса с ними.

Четвертый сценарий

В значительной степени “фантастический”, что, однако, не означает заведомое игнорирование некоторых его элементов.

После периода стагнации страны ЦАР преодолевают кризис и начинают постепенно набирать темп развития. Происходит модернизация старых предприятий, создаются новые производства. В аграрном секторе повышается урожайность, избыточная рабочая сила перебирается в города, где возникают новые рабочие места.

Правящие элиты обретают навык гибкого руководства государством. В ЦАР — пусть и асинхронно — вызревает гражданское общество. Начинают реально функционировать демократические институты, они становятся каналом выражения общественного мнения.

Идет трансформация элит, что приводит к разумному сочетанию традиционного и современного начал. Власти умело используют традиционные институты для поддержания стабильности в обществе.

Они ведут диалог с оппозицией, в том числе исламской, социальная база которой в условиях улучшения экономического положения сокращается. В результате распадаются и прекращают существование большинство исламистских движений и группировок. Некоторые экстремистски настроенные их члены, пытаясь вернуть себе авторитет, в отчаянии

прибегают к террористическим методам. Однако после этого государство наносит им последний удар.

После распада исламистских организаций часть их “перекováвшихся” участников вступает на путь сотрудничества с властями. Элита устанавливает контроль над исламом, одновременно устраняя его из сферы государственного строительства, оттесняя его в традиционные сферы. Таким образом, достигается оптимальный для мусульманского общества уровень секуляризации, при котором религия оказывается деполитизированной.

ЦАР становится зоной стабильности, удобным местом создания крупных инфраструктур. При участии Запада реализуется идея “шелкового пути” — не караванной тропы, но маршрута движения энергоносителей, многофункциональной транспортной артерии капиталов, информации и пр.

Ситуация в ЦАР благоприятным образом сказывается на соседних странах, в том числе на Афганистане, Иране и Пакистане.

Налаживаются контакты с остальной частью мусульманского мира, который оказывается заинтересованным во вложении в регион своих капиталов.

Растет интерес к региону со стороны Запада, который также начинает увеличивать здесь свои капиталовложения, особенно пользуясь все еще сохраняющейся дешевизной здешней рабочей силы.

Общая парадигма местных режимов колеблется от мягкого авторитаризма в Туркменистане и Узбекистане до демократии в Киргизии и Казахстане. В Таджикистане еще более умеренные фундаменталисты сотрудничают со светскими политиками в составе правительственной коалиции.

Такое развитие событий способствует отдалению государств ЦАР от России, поскольку больше нет острой необходимости в сотрудничестве с ней. Вопросы безопасности утрачивают для этих государств актуальность, ибо внутренний консенсус уже достигнут, а внешней опасности практически нет.

Разумеется, это идеалистический сценарий. Однако он наводит хотя бы на размышления, что при благополучном развитии стран ЦАР их интерес к России уменьшается, а гипотетические демократические или “полудемократические” режимы будут более тяготеть к Западу.

Реальность или утопичность всех сценариев может быть проверена только на практике. Тем не менее можно отметить

несколько тенденций, развитие которых, на наш взгляд, практически неизбежно. Среди них:

- *демодернизация экономики;*
- *рост влияния в обществе традиционного фактора, включая религиозный;*
- *сохранение радикального политического ислама;*
- *укрепление авторитарных тенденций власти;*
- *устойчивая межэтническая напряженность;*
- *рост межгосударственных противоречий.*

Эти тенденции должны быть учтены Россией при определении своей дальнейшей политики в Центрально-Азиатском регионе.

ИСТОРИЯ

РУССКАЯ СИСТЕМА: ТЕЗИСЫ И РАБОЧИЕ ГИПОТЕЗЫ

Юрий Пивоваров, Андрей Фурсов

1.1. Публикуемый текст — это система рабочих гипотез, предлагаемых для осмысления русской истории. Элементы системы, как и сама она в целом, подлежат проверке. Мы развиваем теорию русской истории как теорию Русской Системы и ее ядра — Русской Власти.

2.1. То, что мы называем Русской Системой, стало возникать в ордынскую эпоху при “белокостных” басурманских ханах-царях. В ходе Великой самодержавной революции эта Система сформировалась *per se*. Рождается и начинает свое нашествие в истории (точнее, по истории) субъект Системы — Русская Власть (самодержавие). Суть великих социальных революций заключается вовсе не в том, что некий класс приходит к власти (это было бы мелко), и даже не просто в том, что возникает некая система (хотя последнее важно). Суть в том, что рождается качественно новый исторический субъект, способный строить новую систему.

Великой самодержавной революции предшествовал длительный период эмбрионального развития Русской Власти. Чтобы лучше понять этот процесс, заглянем в киевские времена, помня при этом, что “киевская модель” не просто отличалась от “московской”, но во многом была ее антиподом.

2.2. В науке известно, что так называемые докапиталистические общества, в которых существовали угнетение, эксплуатация и комплементарно-антагонистические отношения, не были классовыми; классы отражают явление капиталистического общества на определенной его стадии. Поэтому едва ли имеет смысл рас-

© Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И., 2003

суждать о русских историях первой половины II тысячелетия н.э. в подобных терминах.

Аналогичным образом обстоит дело и с феодализмом. Феодализм — это всего лишь определенная локальная форма (западного потока) исторического развития или ранняя стадия в социальной эволюции Европейской цивилизации. Поэтому едва ли разумно применять этот термин за пределами Западной Европы, да и в ней самой, как показывают исследования, временные рамки феодализма — не VII-XVII вв., а скорее, IX — XV вв.

2.3. Киевский социум носил поздневарварский характер при высоком уровне товарно-денежных отношений. При этом развитие торговли, товарно-денежных отношений разлагало этот социум как варварский и одновременно консервировало на поздней стадии варварства, заставляя скорее инволюционировать, чем эволюционировать. Вкупе с наличием обширных пространств это замедляло темп социального развития Киевской Руси по сравнению с Западной Европой.

2.4. Отставая от Западной Европы в скорости превращения поздневарварского общества в комплементарно-антагонистическое, домонгольская Русь в то же время была обществом европейского типа — христианским, полисубъектным. Европейский тип основан на социальной фиксации субъектности общества и субъекта в обществе. В античном социуме фактически субъектом выступал полис. Христианство создало социальную модель индивидуального субъекта, по сути, совместило индивида физического и индивида социального. Христианское общество как социальный тип полисубъектно: исторически субъектами в нем становятся (и признаются) отдельные индивиды, группы, корпорации, институты, государство.

В домонгольской Руси, несмотря на всю ее специфику, князь, знать (боярство), церковь выступали в качестве субъектов общественных отношений. Правда, в отличие от большей части Европы, на Руси все еще сохранялся один очень важный субъект — вече, воплощавший мощь варварско-народного (“неклассового” или “доклассового”) сегмента и его традиции.

Во властном отношении княжества домонгольской Руси были “социальными четырехугольниками” с углами: “князь”, “боярство”, “вече”, “церковь”. В разных землях доминировали разные “углы”. Но даже там, где господствующим “углом” был княжеский и где у князя исторически была наилучшая “сделочная позиция” по отношению к другим “углам”, где не “общество” призывало князя, а княжеская власть в силу целого ряда причин строила общество (Северо-Восточная Русь), у власти не было сил, чтобы стать единственной.

Когда Андрей Боголюбский, решив действовать по принципу “власть — первична”, “власть — все”, попытался поднять под себя бояр и церковь, стать первым в русских историях единодержавцем, его отправили на тот свет. Это на Западе Евразии вольно было рыцарям гонять незащитных крестьян. Там разделение между мирными и военными трудовыми функциями произошло уже в VII-VIII вв. Русский простолюдин домонгольской Руси не только часто бывал вооружен, но и имел организацию, представлявшую его интересы, — вече. И с этим приходилось мириться и князю, и боярину. Это в ордынские времена, когда князь мог в случае неповиновения навести на единоверцев рать узкоглазых басурманов, слово “вечник” превратилось в синоним слова “бунтовщик”, а само вече исчезло повсюду, кроме трех северных народовправств.

2.5. *“История не знает сослагательного наклонения”* — многим нравится эта мысль. Но она нуждается в существенном уточнении. История — открытая система, у нее есть некий коридор возможностей, который резко сужается, как только сделан выбор, есть результат. Вместе с тем постановка вопросов: “а если бы... то...”, представляется нам все же правомерной, не говоря об эвристической полезности.

Нет сомнений: если бы не *“поднялся от Востока народ безвестный и чужой”*, если бы не Орда, Русская История пошла бы иначе. Трудно предположить, что без ордынской массы насилия, без ее организаций и форм удалось бы (той же Москве) так объединить все русские земли, привести к одному властному знаменателю, перемолоть различные властные типы (княжеский, боярский, вечевой) в один — московский, “православно-ханский”. Не исключено, что “государств” на русской равнине было бы как минимум столько, сколько, возможно, было принципиально различных форм властных организаций. В этом направлении подталкивала ход событий логика развития домонгольской Руси. Вышло иначе. Эта логика была перебита более сильной и масштабной — евразийской, будто ломом прошедшейся по хребту русских историй и сломавшей его.

3.1. О влиянии татаро-монгольского нашествия и ордынского господства на Русь и русскую историю написано много, и все это укладывается в два подхода.

- Орда фактически не оказала влияния на развитие Руси.
- Орда оказала огромное влияние на исторические судьбы Руси.

В рамках второго подхода существуют две противоположные оценки: огромное влияние Орды на Русь было крайне отрица-

тельным; влияние Орды было положительным (точка зрения “евразийцев”¹).

В работах, посвященных “монгольскому” фактору русской истории, многое зафиксировано верно: и разрушение городов с последующей рурализацией хозяйства, и запустение деревень, и сокращение населения, и уничтожение части господствующих групп, и изменение типа отношений внутри этих групп (с вассальных на княжеско-подданнические), и заимствование ордынских институтов, и др.

Добавим, что влияние Орды на Русь было сильнее, чем влияние Руси на нее. Не Орда заимствовала у русских централизованные формы (у Руси их — своих — не было), а русские — у Орды. И те, кто скорее других обордынивался и забывал киевское прошлое, кто трансформировал ордынскость в “новую русскость” XIII-XVI вв., те и побеждали на Руси. Получалось по А. К. Толстому, точнее, по пророчеству Змея Тугарина:

“Обычай вы наш переймете,

Ни честь вы поруху научитесь класть,

И вот, наглотавшись татарщины всласть,

Вы Русью ее назовете!

И с честной поссоритесь вы стариной.

И предкам великим на сором.

Не слушая голоса крови родной.

Вы скажете: “Станем к варягам спиной.

Лицом повернемся к обдорам”.

Однако на главное не обращают внимания. Ордынское иго не просто принципиально изменило властные отношения, строй на Руси, ее “социальную ориентацию” в пространстве и времени, но выковало невиданного доселе в мире субъекта-мутанта, в принципах “конструкции” и социальном генетическом коде которого были “записаны” возможности, реализовавшиеся впоследствии в виде Русской Власти и Русской Системы.

3.2. Князьям, которые шли к ней на службу, Орда обеспечила массу насилия, обесценивавшую самостоятельный властный потенциал боярства и веча. Власть стянулась в один из углов четырехугольника. Вместо сторон АВ, ВС, CD и DA значимой оказалась одна точка — А. Символично, что первого персонификатора этой точки Власти звали на “А” — Александр Невский. Именно он, опершись на Орду, конкретизировал “принцип Андрея Боголюбского” — “власть первична” (“власть — все”). Начав именем Орды

¹ Нашу оценку общего подхода евразийцев к русской истории см.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система // Политическая наука. — М.: ИНИОН РАН, 1997, ; ВЫП.Н. С. 126-135.

и в ее интересах резать носы и уши своему населению, святой князь сделал следующий шаг: *“Власть первична, население вторично”* (“власть — все, население — ничто”). “Принцип Александра Невского” просматривается во всех действиях Русской Власти — от князя Александра до “царя” Бориса II, от наведения татарских ратей на свои земли в 1252 г. до чеченских войн 1990-х гг.

У Александра Ярославича появилась точка опоры, с помощью которой можно было перевернуть посткиевский мир, — Орда. Александру не надо было структурировать русское пространство — за него это сделали татаро-монголы. Стоявший перед ним выбор был прост: против Орды или с Ордою. “Против” — было чревато гибелью и самого князя, безусловно, мужественного человека, и множества русских людей. “С Ордою” — оставляло надежду на амортизацию удара, а для Александра лично — обеспечивало главенствующее положение среди русских князей.

Выбор “с Ордою” закрывал все остальные возможности. Князь автоматически превращался в “татарского потаковника”, не смеявшего (и другим не дававшего) поднять меч на захватчика. Поэтому-то в рамках выбора “с Ордою” бессмысленным оказывался вопрос о спасении русских земель и людей. Их “массовидно” уничтожали и уводили в плен. Вторая половина XIII в. — при Александре, приводившем и наводившем татар на Русь, и при его сыновьях, будто состязавшихся друг с другом, кто первее в “приводе” и “наводе”, — была самым страшным и мрачным периодом нашей истории.

И это — результат выбора Александра Невского. Но и противоположный едва ли спас бы Русь. Рассчитывать на помощь и реальную силу Галицкого князя (за ним якобы стоял Запад) было ошибкой — Александр ее не совершил. Конечно, для национальной гордости великороссов приятнее стал бы такой поворот истории: герой с честью сложил голову на поле брани за “свободу Земли русской”.

Нет, мы не вправе предъявлять князю моральный счет. Но счет исторический — вполне: то, чем он мог оправдать свой выбор, не осуществилось. Амортизации не произошло. Хотя при его княжении особо крупных набегов не было. Но после кончины героя завещанная им политика привела к разорению Северо-Восточной Руси. Счет, о котором мы говорили, — это счет с позиций Родины, а не Власти. С точки зрения Русской Власти, напротив, он заслуживает почестей и славы.

Для князя и будущей Русской Власти союз с Ордой означал власть над русскими землями в целом. Такую власть можно было реализовать, только находясь одновременно вне Орды, на Ру-

си, и в Орде. Главный наместник Орды на Руси решил эту дилемму — постоянно быть в пути. “Принцип Невского” — это опора на власть, вынесенную за пределы социального пространства. Эта власть — первична. Ради нее можно принести в жертву часть населения, тем самым превратив его в Популяцию. Популяция — это население, которое систематически приносится в жертву Власти. А потому “принцип Невского” можно развернуть так: *“Власть первична, популяция вторична”*.

3.3. Следующий вклад в конкретизацию принципа “власть — все” внес Дмитрий Донской. Его обычно относят к чреде великих собирателей и объединителей русской земли. Собиратель — да. Объединитель — нет. Стратегия собирания русских земель Дмитрием Ивановичем заключалась в углублении раскола между ними. Поэтому-то Дмитрий и отказался принять митрополита Киприана, направленного из Константинополя в качестве общерусского митрополита (то есть такого, которому подчинялись и епархии на территории Великого Княжества Литовского). Дмитрию нужен был митрополит только для той территории, которая подвластна ему как Власти. Иными словами: *“Власть — все, территория — ничто”* (или: *“Власть первична, территория вторична”*).

Дмитрий стремился к митрополии Великой Руси, понимаемой им как Руси Московской. Единая общерусская церковь не была ему нужна по той самой причине, по которой тогда не нуждался он в единстве русских земель. В 70-80-е годы XIV в. у Московского князя не было еще “сделочной позиции”, чтобы обустроить на свой лад весь тогдашний русский мир. Сначала необходимо было обустроить и переустроить собственные владения. Да так, чтобы в них не было власти, равной или превышающей великокняжескую. Принцип Донского — собирание русских земель, обособление их друг от друга — совпадал с ордынским принципом “разделяй и властвуй”. У Дмитрия Донского этот принцип модифицировался: *“Сначала разделяй, потом властвуй”*. Точнее, это было выводом из его главного принципа: *“Власть — первична, пространство — вторично”*.

Перед нами первый опыт обмена пространства на время (в нашем случае — на власть). Дмитрий готов был поступиться “лишним” куском земли и “лишним” сегментом русского населения ради Власти, ради обустройства меньшей территории — но по-своему. На смену “князю-бизнесмену” приходит князь-“банкир власти”. Он собирает не клочки земли и собирает не пожлобски — что плохо лежит. Более того, он даже готов пренебречь легкой наживой, пожертвовать тактикой ради стратегии.

В грядущих веках представители Русской Власти будут руководствоваться этим принципом. Ленин обменивает внутрипартийное пространство на внутрипартийную власть, затем — Брестский договор с немцами, обмен Русского пространства на Русскую Власть. Сталин обменивает пространство мировой революции на власть в отдельно взятой стране. Горбачев станет менять восточно-вропейское коммунистическое пространство на укрепление и оживление коммунистической власти в СССР. Ельцин добавит обмен советского пространства на власть в России.

Своим принципом князь Дмитрий достроил триединый комплекс принципов (Принцип) Русской Власти: “Власть первична”; “Власть первична, население вторично”; “Власть первична, территория вторична”. Поэтому возникновение структур Русской Власти, как правило, будет сопровождаться потерями населения, утратой территории, переносом столиц, то есть для системы в целом будет выглядеть как Смута. Итак, население и тем более пространство — объект. Власть — субъект. Субъект вообще один.

3.4. Христианский мир полисубъектен. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом оказалась Власть. Власть эта была Орда, и Власть эта была абсолютная, жесткая, непредсказуемая и недостижимая — а потому притягательная. Неудивительно, что русские князья, словно очарованные странники, тянулись в Орду, чтобы приобщиться к Власти, быть ее функцией, мини-Властью. И московские князья стали ею, причем постепенно функция материализовывалась, “обрастала” соответствующей ей субстанцией, превращалась в субъект внутри своих земель. В единственный субъект, если не считать церковь; ей потом Русская Власть укажет привластно-функциональное место.

Парадокс: христианская власть, стремящаяся к моносубъектности и отрицающая субъектность других социальных агентов, которым по их христианской природе положено быть субъектами! Но парадоксально это лишь на первый взгляд. Русская Власть, возникшая как моносубъект по поручению Орды, — есть редукция “нормальной” христианской полисубъектности и одновременно ее “преодоление”, но не как “снятие”, а как “уничтожение”. Результат этой сюрреалистической редукции-преодоления тоже сюрреалистичен. Этот результат — метафизический характер (природа) Русской Власти. Ордынство модифицировало и трансформировало существовавший на русских землях христианский субъект. Ордынство и христианство пересеклись, совпали неполностью. Зона совпадения и стала той исторической почвой,

тем социальным пространством, на котором выросли Русская Власть (как моносубъект) и Русская Система (как творение этого моносубъекта).

В азиатских системах субъект отсутствует, субъектность растворена в системности. В русской — субъект есть, более того, само существование системы есть его произвол. Если в первом случае перед нами внутренне обезволенное общество, из него как бы выкачали субъектную волю, то во втором — общество разгула воли. И это тоже закон, “необходимость” этого типа общества, где каждая социальная монада стремится стать единственным волящим субъектом.

Таким образом, перед нами два варианта социальности. В одном из них каждый элемент — носитель моносубъектности. Но и там и там отрицается субъектность, только в первом варианте — с позиций системности, во втором — субъектности же. Эта дорога и поведет в храм-царство Моносубъекта Русской Власти, антипода того, что именуют восточной деспотией.

3.5. Важно не только то, что Орда создала Русскую Власть, важно — как создала. Моделью своих геопространственных и социопространственных отношений с русским населением Орда “сформулировала” будущие принципы отношений уже Русской Власти со своим населением.

Господство Орды над Русью носило дистанционный характер. Ордынский хан, он же русский царь, сидел в Сарае, вне Руси. Но именно там и оттуда решались судьбы Руси, туда на поклон и за ярлыком ездили русские князья, оттуда наезжали ордынские “чрезвычайные комиссии”, турзы-мурзы, облеченные властью.

Когда-то Б. Н. Чичерин сказал, что самодержавие (то есть Русская Власть) создает сословия путем их закрепощения, а потом их раскрепощает. Но Русская Власть, формирующая сословия путем их закрепощения, сама была создана путем закрепощения — Ордой. И еще, была очерчена территория, которая могла стать пространством этой Власти. Оставалось только заполнить территорию, устранив другие субъекты.

“Проектируя” и создавая Русскую Власть, Орда выстраивала ее модель и давала “первоначально-накопительный” толчок в направлении моносубъектности, дистанционности и чрезвычайности. Проектируя и создавая Русскую Власть закрепощением, Орда задавала ей закрепощающую стратегию — впоследствии эта Власть будет формировать сословия, закрепощая их, станет Демиургом-закрепостителем. Но, рискнем предположить, создавая Русскую Власть посредством закрепощения, тем самым Орда наделила эту Власть (действие-противодействие) освободитель-

ным, революционно-эмансипаторским вектором и потенциалом. В течение всей истории Русская Власть была сверхзабочена сохранением своей свободы. Сначала — от Орды. Потом — от населения, привластных групп, церкви. Даже в самом малом ограничении своей власти Власть видела угрозу — срабатывал генетический страх.

В ходе исторического процесса Русская Власть несколько раз эмансипировалась революционным образом от населения и(или) привластных групп. С точки зрения последних, это может рассматриваться как произвол, как контрреволюция. С точки зрения Власти — это революция. Важно и то, что становление Власти предполагало ее эмансипацию от самой себя как от власти в качестве одного из субъектов полисубъектного мира. Эта эмансипация происходила как освобождение власти от вотчины (власти обычая). Заканчивается этот процесс при Петре I освобождением от Бога; предварительно царь стал царем-священником, царем-богом.

Стремление Русской Власти к абсолютной и полной власти обусловлено не только ее природой (моносубъектность), но и заданной при рождении, сотворении инерцией — положительной и особенно отрицательной — движения. В абсолютной и полной власти Властью обретается полная воля (“свобода”) и таким образом изживаются родовая травма и юношеский комплекс. Будучи спроектированной “пренатально” и развиваясь как закрепощенная, родилась Русская Власть в кроваво-революционном акте освобождения — от всего, что ей мешало, что ее сковывало и напоминало об ордынской скорлупе-плене. Каждый раз на прямую и явную угрозу Власть будет реагировать волевым актом (произволом), революцией. И перестанет быть Властью, лишится своих исторических качеств, как только утратит революционный инстинкт и потенциал. Крепостник-революционер? Именно так. И в этом смысле большевики, особенно с 1929 г., шагали в ногу, их звено не выпадает из цепи Русской Власти.

3.6. В. О. Ключевский не считал, что монголы оказали существенное влияние на русскую жизнь, а потому не выделил ордынский период. Он говорил об “удельной Руси”. Отчасти Ключевский прав — если смотреть с точки зрения повседневной жизни. Конечно, население должно было платить дань — немалую. Иными словами, ордынство усилило эксплуатацию. Тем не менее жизнь внутри структур повседневности не изменилась. Татары были далеко. Дань вносили свои же. Эта дистанционная модель власти вошла в русскую жизнь, в русское сознание. Ее можно обнаружить даже в литературе. Вспомним

“Ревизор”, “Мертвые души”, “Бесы”. В этих произведениях власть — дистанционного типа. И дистанцию покрывают ее посланцы. Типичный сюжет — приезд представителя власти (“к нам едет баскак”), по отношению к которому местная власть и не власть вовсе. Дистанционность власти — одна из важнейших характеристик Русской Власти, придающая ей метафизические или даже мистические черты. Власть — это то, что невозможно потрогать. Она (и ее посланцы) внушают страх, мистический ужас твари перед демиургом.

Это хорошо ложилось на православное сознание. Одна из наиболее распространенных русских поговорок — *“до Бога высоко, до царя далеко”* — по сути уравнивает царя и Бога. Разница — количественная: царь — это Бог, переведенный из вертикали в горизонталь; Бог в ширину. А Бог — это царь в высоту. Со временем из Византии на Русь придет обряд помазания на царство. И московский царь предстанет перед русскими людьми ИКОНОЙ. Дистанционность полностью обретает мистическое измерение...

3.7. Повседневная жизнь в Ордынской Руси не только не изменилась, но как бы остановилась. Эксплуатация населения, как уже отмечалось, усилилась. Однако это не была классовая эксплуатация. Во-первых, субъектом эксплуатации являлась Власть. Во-вторых, эксплуатировала она не только “простой народ”, но и даже боярство — с него князья брали тогда, когда приходилось платить чрезвычайную дань. А “Чрезвычайные комиссии” Орды снаряжались часто. Собственно, московская власть и развивалась как ордынская ЧК, как карающий меч ордынской резолюции.

Когда мы говорим об “ордынском чекизме”, то вовсе не ерничаем. Речь о том, что дистанционная власть не создает институтов в контролируемой “зоне дойки”, пользуется местными. Но перед ней стоит проблема контроля и учета. Необходимо проверять местные кадры, вести “профилактическую работу”, упреждать нестандартные ситуации. Эти задачи решаются с помощью чрезвычайных комиссий и органов. Вот это мы и именуем “чекизмом”.

“Чрезвычайные комиссии” с их комиссарами-эmissарами пронизывают всю русскую историю и предысторию. Чекизм есть обратная сторона дистанционности. В Русской Системе чекизм занимает такое же место, какое в Капиталистической Системе — институционализм, институты. Чекизм и институционализм суть два совершенно разных принципа и способа управления. Первый есть социальный контроль преимущественно над пространством и в пространстве, второй — над временем и во времени.

Отметим: сама Русская Власть в Москве формировалась для Орды как ВРИО, как ЧК. Задачей московских князей в такой ситуации было отбросить “приставку” “ВРИО” и из “ЧК” стать “ГПУ”, осуществить метафизикизацию власти, поставить “физику” под контроль.

3.8. Метафизический характер Русской Власти — результат некоего процесса. “Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается”. Свое дело — субстанциализацию Власти, представленной первоначально как поручение Орды, превращение в эту Власть, приведение метафизической моносубъектности в соответствие с физической (самодержавие) — московские даниловичи-рюриковичи делали долго (доделывать пришлось Романовым).

Первым в этом ряду стоит Иван Калита. Только такой тип властителя мог реализовать “программу Невского” и стать главным приказчиком, а затем — душеприказчиком (и душегубом) Орды.

Александр Невский сделал только первый шаг. Хотя он и не последний былинный князь, но тем не менее воин, который выходит в чисто поле. В нем чувствуются гены и повадки Святослава с его “Иду на вы” — в отличие от “Иду под вас” Даниловичей. Фигура Александра Невского одновременно соединяет и разъединяет две Руси — домонгольскую и монгольскую, не вписываясь до конца ни в одну из них. Объективно в этом и заключается историческая трагедия князя — трагедия героя и победителя, вынужденного чистить гуталы и завещать это преемникам. Александр Ярославич действовал интуитивно, он не создал технологию подвластной (Орде) власти. Технологию начали разрабатывать Даниловичи. Основывалась она на подчинении и накоплении, на умении делать гешефт. Но в данных исторических обстоятельствах только гешефтмахеры и могли стать гешихтмахерами².

Татаро-монгольское нашествие и первые десятилетия ордынского ига (с 1238 по 1304 г.) по своим последствиям напоминают Смутное время. Да это и было первое Смутное время в русских историях, хотя сама Смута была не столько русской, сколько евразийской. Русским подчиненным элементом столетней евразийской смуты, завершившейся в конце XIII в. возникновением нового мира, которому суждено было просуществовать до XV в. В любом случае после захвата и разрушения Владимира, Русь на 66 лет погрузилась в хаос, в хроноклазм, из которого, умытая кровью, вышла совсем другим социумом.

² От немецкого “Geschichte” — история.

У нее появился царь, не метафорический, каким был для нее православный монарх из Царьграда, а другой — из города Сарай. Теперь одно лицо воплощало власть в русских землях — ту власть, которую раньше олицетворял род Рюриковичей в целом, как коллективный властный индивид. И эта новая власть была неизмеримо могущественнее власти всех Рюриковичей вместе взятых. К тому же Ордынская власть на Руси строилась на костях именно Рюриковичей. В этом смысле “пир на костях” русских князей после битвы на Калке (1223) был прологом, своеобразным воспоминанием об ордынском будущем Руси.

Таким образом, было расчищено место под солнцем для новых людей и групп, для тех, кто раньше находился в пятом, шестом, седьмом и далее рядах социального партера. За 66 лет произошла физическая смена господствующих групп: по составу, по принципу организации, по принципам отношений к верховной власти и населению, которое стало превращаться в Популяцию. Если учесть, что этот период был насыщен насильем и кровью, связанными не только с татарским нашествием, но и с междоусобицами русских князей, то налицо все черты Смуты и чуть ли не социальной революции.

С одним существенным отличием, например, от Смуты конца XVI — начала XVII вв. Шестидесятилетие, о котором мы говорим, не было результатом внутренней необходимости развития некоего качества. Потому что самого этого качества до монголов не существовало. Оно возникло при них и под их воздействием. Нельзя сказать, что оно полностью оформилось в Ордынскую эпоху. Но Орда очертила его контуры, взрастила, научила технологии власти.

Принятие христианства считается ключевым событием русской истории, определившим ее ход и качество ее субъектов. История Руси обрела личностное и полисубъектное измерение. Однако включение в Орду сыграло не меньшую роль. Ордынство не устранило субъектный характер социальных отношений, не превратило Русь в “восточную деспотию”, но сузило коридор возможных персонификаторов. По мере развития ордынско-удельной Руси коридор этот постоянно сужался, превращаясь в конус с точкой на конце. Точкой, из Большого Взрыва которой родилась Русская Система, была власть-моносубъект.

3.9. На Руси Смутное время 1238-1304 гг. не только выкосило население, стерло города и села, изменило состав господствующих групп, но и принципиально изменило конфигурацию сил в обществе. Создав христианский моносубъект, Орда надолго законсервировала его немонархическое содержание. Ведь эмбри-

оном Русской Власти, моносубъектом в XIV-XV вв. был не князь, а “социальный комбайн”, который можно назвать “князебоярством”.

Как известно, в Европе XIII-XIV вв. шла война всех против всех: короли против светской знати; короли против пап и епископов; крестьяне против синьоров и т.д. В домонгольской Руси конфигурация сил и конфликтов была во многом похожа на европейскую. Превращение русских княжеств в элементы Ордынской Системы изменило конфигурацию сил и конфликтов. Боярство теперь думало не столько о борьбе против своего князя, сколько о борьбе вместе с ним против князей и боярства других княжеств, о борьбе за место под ордынским “темным солнцем”.

Ордынство стало преградой на пути поляризации сторон: князя и знати, светской и религиозной власти. Оно способствовало их сплочению, то есть уплотнению субъектности; заработала тенденция не к полисубъектности развития, а к моносубъектности, не свойственной ни Западу, ни Востоку. Итак, в XIV в. на ордынской, улусной Руси родилось не противостояние “монарх (князь) — знать (бояре)”, как это было в Западной Европе в XII-XIII вв., а скорее их симбиоз. Вследствие этого на Руси возник тандем “князь — боярство”, княжеско-боярский “комбайн”.

Единство с князем или тенденцию к этому демонстрировало и население. Князебоярство выступило как более или менее коллективный моносубъект (по поручению), как эмбрион Русской Власти. Поскольку Власть была единственно значимой субстанцией, то обладание именно ею было важнее и ценилось в Ордынской Руси больше, чем обладание вещественной субстанцией (собственность); первая определяла вторую. При этом следует учесть, что Ордынская Русь была удельной, что уделы дробились, в результате чего князья да бояре становились похожими на простых вотчинников. И чем старше род — тем в большей степени. И не только мелкота, но и представители старых боярских родов стремились на службу. А служба и материальное вознаграждение зависели от места княжества в Ордынской системе.

3.10. Итак, Ордынская система на Руси — это состязание между “социальными комбайнами” князебоярств, происходящее перед глазами верховного ордынского арбитра, вытаскивавшего, чуть что, кровавую карточку. Чем сплоченнее князебоярство, тем больше шансов на победу. Князебоярством-триумфатором стало московское; правда, триумф этот долго происходил на четвереньках, ползком, под ударами ордынских плетей и гудалов. Ничего. Потом Москва поднимется с колен. И как даст

с носка — больно. Всем. Но это потом, а пока Орда существенно ограничивает власть Москвы по отношению к другим землям, княжескую власть — по отношению к церковной, возможности князя — давить бояр. Пока что носитель-эмбрион Русской Власти — князебоярство.

4.1. Разумеется, все зависело от первоначального успеха князя в поисках милости Орды и в оттеснении русских конкурентов. Но был необходим первый толчок, везение, а уж потом сочетание нескольких везений превращалось в непобедимую инерцию — деньги к деньгам, козыри к козырям — массивного превозможения. Случай помогает подготовленному. В первой трети XIV в. подготовленными оказались московские Даниловичи. Не имевшие как представители младшей ветви, генеалогических прав на великое княжение, они могли добыть его, только служа Орде. Отметим: Русская Власть зародилась как власть московских князей по произволу, волевым образом.

Везение Даниловичей, ставшее очевидным уже при Калите, привело к тому, что в Москву потянулись бояре из других княжеств. Уже к середине XV в. боярство Москвы представляло собой всю русскую землю, в нем были выходцы *“чуть не из всех углов Руси, даже из таких, где еще слабо пахло Русью”* (Ключевский).

Из этого напрашивается вывод-прогноз: окончание удельного периода и торжество Москвы над русскими землями вроде бы вели к формированию “княжеско-боярской монархии”, где князь (монарх) был бы первым среди равных, а если и “равнее” других, то только самую малость. Иными словами, результатом должна была стать не Власть-моносубъект, не Русская Власть, а система полисубъектной власти, лишь количественно отличавшейся от западного аналога. Вышло, однако, иначе.

Причину следует искать в природе и логике развития обоих элементов комбайна и в специфике того, что находилось вне комбайна, но постоянно присутствовало в нем, задавая параметры развития. Речь идет об ордынско-царском типе власти, который не терпел дуализма; либо князь-едино- (а затем уж и само-) держец, либо бояре. Получилось князь — но как антикнязь, само- (без бояр) держец. А это уже в большей степени связано с динамикой развития Московии и ее боярства. Слабость московского боярства по отношению к князю (а затем к царю как антикнязю) во многом была следствием силы боярства и даже его численности, быстрого роста и особенностей формирования — every acquisition is a loss, and every loss is an acquisition.

4.2. Итак, главное, что характеризует развитие московского боярства, это его стремительный рост, разбухание — бояре шли туда, где выгоднее служить. Поэтому уже в XIV в. двор московского царя *“был наполнен плотнее других княжеских дворов”* (Ключевский), а к середине XV в., к моменту победы Москвы в “великой замятие”, обладал наиболее многочисленным боярством. И это при том, что Москва, по крайней мере, внешне не была самым богатым княжеством. Многочисленное боярство было малоземельным (земли Московского княжества в основном были освоены и расхвачаны уже к концу XIV в., экспансия Москвы — единственное средство увеличения материального благосостояния такого боярства). Разбухание за счет этнически разнородных элементов (татары, литовцы), постоянная смена волнами тех, кто был наверху, — все это не могло способствовать превращению боярства в некий самостоятельный класс по типу земельной аристократии на Западе. Парадокс, но реальный вес боярства уменьшался по мере разрастания его массы!

“Окончательное решение” боярского вопроса произошло в 1517-1649 гг. Но в 30-40-е годы (и отчасти в 50-е) XVI в. боярство играло огромную роль. Более того, триумф Москвы при Василии II и Иване III — это триумф московского (князе) боярства, своей массой опрокинувшего и раздавившего русские земли. Боярство уже на “внутриутробной” стадии формирования Русской Власти было ее внутренней “двойной массой” — массой, удваивавшей вес и потенциал. Внешней “двойной массой” была Орда.

Решающая роль боярства в победе Москвы в борьбе за ордынское наследие очевидна в событиях “великой замятии” 1425-1453 гг. Блеску, воле и силе Юрия Дмитриевича и его “гнезда” Москва могла противопоставить молодого, неопытного и серого князя и — сплоченное с князем боярство. Вспомним: в 1433 г. Юрий разбивает Василия II на Клязьме, занимает Москву выделяет племяннику в качестве удела Коломну. Что делает московский служилый люд? Уходит в Коломну, к своему князю. Князебоярство восстановлено. Юрий вынужден вернуть Москву Василию и уйти в Звенигород.

В 1446 г. Дмитрий Юрьевич Шемяка выпускает ослепленного (Темного) Василия II, жалует ему в удел Вологду. Что делает московский служилый люд? Идет из Москвы в Вологду. Князь — магнитное ядро князебоярской системы.

Тот же 1446 г. Борис Александрович Тверской зовет Василия в Тверь, и тот едет. Что делает московское боярство? Бежит в Тверь.

Ну куда Шемяке, князю-одиночке, было супротив такой “военно-корпоративной” машины. Московское князебоярство це-

ментировало еще и родство. Естественно, такая корпорация потребовала организации, невиданной в других княжествах, где не было такого (князе)боярства.

4.3. Особая организация была создана в 1446 г. в результате перестройки старого Двора. В результате бояре и дети боярские создали ядро военной машины, для которой экспансия стала *raison d'être*, целью, средством и способом существования. Эта “организация профессиональных служилых”, состоящая из многочисленных, небогатых и потому алчных человечков, очень напоминает ленинскую партию “нового типа”. *“Дайте нам организацию профессиональных служилых, и мы перевернем Русь”*, — могли бы сказать Даниловичи. Им дали. И они перевернули Русь — ордынско-удельную, уделав Орду и уездив уделы.

Объединение, терзание русских земель Москвой было *conditio sine qua non* сносного существования-расширения московского князебоярства. Как это ни парадоксально, на пути этого терзания-объединения стояла сила, которая в свое время была главным терзателем русской земли и которая по своему произволу создала эмбрион моносубъекта Русской Власти — московское князебоярство.

С перестройкой Двора и возникновением организации профессиональных служилых совпадает начало централизации власти и постепенного ослабления боярства.

Исчезла Орда, и резон существования внутренней опоры в ее прежнем виде тоже исчез, нужна была только внешняя опора — вне князебоярства, точнее, контропора. И она явилась. Связано это с присоединением огромных Новгородских земель, которые давали князю земельный фонд для социально-значимого развития поместной системы и слоя помещиков. Именно этой системе (и этому слою) суждено было стать опорой, с помощью которой князь перевернул князебоярство, а заодно и себя в качестве князя и, окатив себя мертвой, а затем живой водой (кровью), превратился в царя.

4.4. ...“Прыжок” Москвы на Русь мог осуществиться лишь после падения “ордынского ига” (1480), но подготовка к нему была проведена в 1470-е годы. Главным было присоединение в 1478 г. Новгорода. Ну, а уездили Новгород москвиты уже в 1480-е годы, не опасаясь Орды. Правда, заглотив Новгород, Москва так и не смогла переварить его полностью, поэтому в 1580 г. Иван IV Грозный пойдет по пути “окончательного решения” и совсем разорит его: раз ни себе, значит никому. Но это — по торговой линии. А вот новгородские земли оказались Москве очень даже “кому”. Впервые за сотню лет Москва,

исчерпавшая земельный фонд для вознаграждения служилых людей, а следовательно, для увеличения их численности и усиления своей мощи, наконец его получила. Землю в массовом порядке стали раздавать, прежде всего, детям боярским — будущему дворянству, то есть средним и низшим слоям служилой группы. В конце XV в. русское помещичество возникло всерьез. Уже через 25 лет после присоединения Новгорода все земли были распределены, Власть ощутила их острую нехватку и попыталась в 1503 г. на церковном соборе получить недостающее у церкви. Однако “осифлянская команда” встала насмерть, и Иван III потерпел поражение (ничего, внук возьмет реванш).

Наличие массового слоя помещиков, “служилой мелкоты” и в то же время нехватка земель вели к обострению противоречий внутри господствующих групп. Попытки преодолеть все это эволюционно-компромиссным путем (“реформы Избранной Рады”) носили противоречивый характер и привели страну к концу 1550-х годов к еще более острому кризису. Вопрос внутри “князебоярства” встал по-ленински: *“Кто — кого”*. Решить его в пользу князя (царя) в сложившихся условиях можно было только революционным путем превращения власти в самодержавную, к чему приступил Иван Грозный в конце 1564 — начале 1565 г.

5.1. Строго говоря, Великая Самодержавная Революция, в ходе и результате которой к середине XVII в. оформились Русская Власть и Русская Система, началась в 1517 г. или, по крайней мере, уходит корнями в этот год. В 1517 г. учительный старец псковского Елеазарова монастыря Филофей отправил дьяку Мисюрю Мунехену послание, в котором формулировал доктрину “Москва — Третий Рим” — доктрину сугубо церковную, но реализовавшуюся как светская, властная. На Руси произошла властизация церкви, включение ее иерархии в систему власти. В результате еще более усилилось отчуждение индивида от его универсалистской природы. Москва, локализовав в себе “Рим”, универсализировала свою национальную церковь и национализировала универсализм вселенской Церкви. Только русской миссией стало сохранение православия, “русские” стали “определяться” как православные, а православие стало русскостью, очертив, таким образом, и пределы будущей Русской Системы.

Подчеркнем: такая трансформация позволила русской церкви сохраниться и попытаться обмануть Историю. И начать Русскую Историю. Но за обман пришлось заплатить. В единой властно-православной Вселенной церковь оказалась не нужна, для нее там просто не было места. В 1589 г. на Руси было учреждено па-

триаршество, на самом деле этот акт, как тяжелая могильная плита, придавил церковь.

В отличие от своей восточной сестры, Римско-католическая церковь Историю не обманывала. Столкнувшись с тем же выбором (универсализм или национализм), римская развалилась, разломалась на универсалистскую (католицизм) и партикуляристскую, национально-локальную (протестантизм).

Московизация церкви была подготовительным идейным обоснованием московского прыжка на Русь; по сути она означала универсализацию Москвы и в перспективе — Русской Власти. Но это в теории. Реализовать это можно было только на практике. Черед практики пришел в 1564 г.

5.2. Иван IV оказался в сложном положении, которое требовало неизбежного выбора. Московское боярство почувствовало себя хозяином страны. Однако логика постордынской и постудельной Москвы-Руси не позволяла князю терпеть никаких “властных представителей” — власть-моносубъект неделима. Между 1453 и 1478 гг. судьбы князя и боярства, по сути, разошлись окончательно. Сокомбайнеры этого еще не поняли. И хотя Иван III, бесспорно, был “Карамзиным” или даже “Пушкиным” Русской Власти, он, скорее, завершал эпоху. Нужен был новый князь, не связанный старыми традициями, чтобы “процесс пошел”, что и начало осуществляться при Василии III. Это он стал демонстрировать свое превосходство над боярами, сменив патриархальный московский “междусобойный” стиль общения внутри князебоярства на помпезно-отчужденно-отчуждающий византийский. Это он стал активно укреплять альтернативу боярству в лице детей боярских. Это он стал выталкивать боярство из двуглавого субъекта, превращая последний в моносубъект, а себя — в антибоярина и антикнязя одновременно. Но одного правления не хватило. В результате Иван IV оказался перед той же проблемой, что и его отец, но уже в более сложной (время ушло) и острой ситуации — плотного “кольцевого” окружения князя боярством, давления его увеличившейся массы на князя (с 1547 г. — царя).

Ключевский однажды заметил о Годунове: он бил, чтобы не быть битым. В значительной степени это относится и к Ивану IV.

5.3. ...Теоретически опричнина не была единственным выходом из положения. В ходе конфликта со знатью царь мог опереться на дворянство и часть знати. Но в этом случае борьба приобрела бы затяжной характер, и такой вариант означал еще и ограничение прав монарха и расширение прав других сословий. В результате, избавившись от одной проблемы, князь столкнулся бы с другой. Поэтому для эмбриона Русской Власти,

стремившегося стать Русской Властью, этот вариант не существовал. Чтобы стать-остаться Русской Властью, Иван IV должен был найти другой выход: тот, что в принципе уничтожал князебоярство, а его самого — как князя (то есть делал царем не де-факто, а де-юре и в то же время отбрасывал любое де-юре в отношении Власти).

Нужны были чрезвычайные меры и органы — ЧК, противопоставленная обществу в целом. Выходом и было введение опричнины, посредством которой и родилась в форме самодержавия Русская Власть. Организованная по форме как монашеский орден, внутри которого нет сословных различий, а есть только служба царю, опричнина оказывалась чем-то вроде расширения физического тела Власти, увеличения “массы” князя до такого предела, чтобы “перевесить” боярство и опрокинуть его. С этой точки зрения опричнина, превратила князя в самодержца, в персонификатора Русской Власти

5.4. ...Опричнина не была следствием опоры Власти на какую-то группу (например, на дворянство) против другой (боярство). Это была опора Власти на саму себя как на превратившуюся в чрезвычайную. Этой самочрезвычайщиной, рассекающей господствующие группы, атомизирующей и “демократизирующей” их, князь (царь) извлекает себя как моносубъекта из князебоярства и лишает последнее качеств моносубъектности.

Чтобы самоупрочиться, Власти нужно было дистанцироваться от всех социальных групп, и это привело к образованию “опричного удела” как особой территории и задумке переноса столицы в Вологду. Однако в XVI в. возможности геоисторического дистанцирования были уже почти исчерпаны, и поэтому его место заняло социальное дистанцирование: опричнину надстроили подобно новому этажу, потом “леса снимают”, новый этаж окажется Русской Властью, а все остальное (по отношению к ней) не только более низким, но и достаточно однородным.

Русская История возникла как грандиозный передел власти и собственности, как Великая Самодержавная Революция, начавшаяся (на практике) опричниной, продолжившаяся Смутой и завершившаяся Соборным Уложением 1649 г. и закрепощением Властью населения в целом. Передел опричнины есть начальный элемент революции, рождения Русской Системы и этим отличается от последующих внутрисистемных переделов (Петр I, большевики).

5.5. ...Смута была вторым этапом передела власти и собственности в ходе Великой Самодержавной Революции, но этот передел был затеян не Властью, а теми, кого она обидела. Смут-

ное время началось с контратаки боярства, которое попыталось нанести освобождающейся от него Власти ответный удар и вернуться в утробу моносубъекта. В краткосрочной перспективе действия боярства были удачны, свидетельства тому — три боярских царя (два Лжедмитрия и Василий Шуйский), “семибоярщина” и призвание Владислава на русский трон. А затем — провал.

1613 г. ознаменовался успехом другой обиженной Властью группы, активно поддерживавшей Лжедмитриев и объективно совпавшей с боярством. Речь идет о казачестве. Именно “вольные казаки” в значительной степени контролировали ситуацию в Москве в конце 1612 — начале 1613 г., став одной из главных сил, способствовавших избранию на Земском соборе Михаила Романова. Но вскоре казачество сдает позиции. А выиграли среднее дворянство и торгово-посадский люд, “середка” тогдашнего русского общества, которая восстановила (в тенденции) самодержавие и надломила хребет верху (боярство) и низу (казачество, крестьяне, холопы), еще шире открыв “ворота” закрепостительной тенденции, а следовательно, и упрочению Русской Власти.

Оформление Русской Власти как самодержавной означало ослужебливание господствующих групп; а это вело к закрепощению крестьянства. Теперь уже не только Русская Власть тащила себя вперед, но и порожденная ею закрепостительная тенденция подпирала Власть в самодержавном направлении. В результате в 1649 г., после более чем 30-летнего правления царей при участии земских соборов, происходит восстановление самодержавной власти (а земские соборы исчезают из Русской Истории, выполнив функцию исторического костыля Русской Власти), Великая Самодержавная Революция завершается принятием Соборного Уложения, на сцену истории выступает победитель — Русская Власть, которая создает Русскую Систему.

6.1. Мы уже приводили мнение Б.Н. Чичерина, согласно которому в России государство, власть создает сословия путем их закрепощения. Действительно, все сословия после 1649 г. оказались тяглыми (закрепощенными). Крестьян “закрепостили” службой дворянству, но и дворянство “закрепостили” службой ему крестьянства. Дворянское тягло тем не менее отличалось от тягла крестьян и посадских людей; дворянство заняло место боярства в качестве функционального, тяглового органа самой Власти, которая единственная не несла тягла (если только по отношению к Богу).

Так Русская Власть породила и оформила систему, которую мы называем Русской Системой. Ее элементы суть:

- Власть;
- Популяция — то есть население, субъектность которого при нормальном функционировании Власти отрицается;
- Лишний Человек. Он может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенция в XIX — начале XX в.), так и коллективным (казачество в XVII в.).

Если Русская Система — это такой способ взаимодействия основных элементов, при котором Русская Власть является единственным социально значимым субъектом, — способ контроля Русской Властью русской жизни, то Лишний Человек — мера незавершенности этой системы, индикатор степени неперемолотости русской жизни Русской Системой и Властью. Процесс взаимодействия Русской Власти и Русской Системы, с одной стороны, и Русской Системы и русской жизни — с другой, и есть Русская История.

Предложенная схема — рабочая гипотеза, которая нуждается в проверке и разработке. Нам она представляется плодотворной, поскольку позволяет увидеть в русской истории то, что не видели или на что не обращали внимание.

Например, как уже говорилось, Русская Система функционирует таким образом, что все реализуется через Власть, даже протест против нее (феномен самозванства); Русская Власть и Система в целом блокируют то, что на Западе стало классовым оформлением общества, социальных отношений. Ни одна из привластных групп, не говоря уже о группах угнетенных, не превратилась в класс. Власть не допустила, потому что, помимо прочего, это грозило ей перерождением в государство (state).

В Русской Системе процессу превращения привластных органов в классы противостояла не только Власть, но и Популяция. В этом (но только в этом) смысле, как это ни парадоксально, но приходится признать: в России коммунизм как антикапитализм, то есть как отрицание частной формы классовости, лег на благодатную “неклассово-антиклассовую” почву и с этой точки зрения стал ее адекватным историко-системным выражением. Не потому ли столь болезненными оказались для нас кризис и крушение коммунизма?..

Дальнейшие перспективы развития Русской Власти и Русской Системы трудно прогнозировать. Русская Система развивалась параллельно с Капиталистической Системой. Каждому гегемону Капиталистической Системы и создаваемой им мировой структуре соответствовала структура Русской Системы и Власти: геге-

монии Голландии — Московское самодержавие; Великобритании — Петербургское; США — Коммунистический Порядок СССР.

Русская Система была плотно вписана в мировую, а в XX в. к тому же выступала как антикапиталистическая система, как антисистема. Коммунистические идеи существовали много веков, но в качестве социальной системы коммунизм возник и развивался как антикапитализм или капитализм со знаком “минус”. Коммунизм вырос на историческом пересечении Капиталистической и Русской систем и как это пересечение, материализовавшееся в систему со знаком “минус” по отношению к капиталистической и в структуру со знаком “минус” по отношению к предыдущей структуре Русской Системы.

Дальнейшие судьбы России связаны с судьбами глобализирующейся и одновременно локализирующей мировой (капиталистической) системы. Проблема в том, что капитализм переживает системный кризис, находится в точке бифуркации, то есть в такой точке, когда система имеет максимальную свободу выбора дальнейшего развития. Сегодня довольно ясно проявляется тенденция трансформации капиталистической системы в новую, гораздо менее эгалитарную и демократичную, более эксплуататорскую и депривирующую, чем нынешняя. И в самой России есть силы, работающие на эту тенденцию. Никто не может сейчас сказать, каким будет этот посткапиталистический мир. По нашему мнению, для России главный вопрос сейчас такой: возможна ли в России система с иным, чем Власть, субъектом (субъектами), системообразующим элементом (элементами)? И если да, то с каким (какими) и как?

ЕВРОПА ВНУТРИ РОССИИ

Вводная глава к книге “Россия:
У истоков трагедии. 1462-1584”,¹

Александр Янов

Сентябрь-октябрь 2000 г. посвятил я обсуждению в Москве своей книги “Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825-1921”.² Написана книга в жанре, если можно так выразиться, предостережения. Попытаюсь дать читателю представление о ней в двух фразах: “Нынешним своим беспримерным упадком обязана российская культурная элита тому, что после разгрома в 1825 г. декабризма предшественники ее, изменив завету Петра, объявили Россию отдельной, принципиально неевропейской цивилизацией, по сути, противопоставив ее Европе. Сейчас, когда в очередной раз предстоит России выбор исторического пути, не повторите ошибку своих предшественников”.

Конечно, выжатые досуха фразы крадут у мысли и сложность аргументации, и живость реальных деталей. Но, по крайней мере, читатель теперь знает, о чем был спор.

Реакция высоколобых

А был он большой и трудный. В итоге, большинство собеседников в многочисленных аудиториях со мной не согласились. И не потому, что подвергло сомнению достоверность приведенных в книге фактов или серьезность аргументов. Напротив, книга

© Янов А. Л., 2003

¹ М., Прогресс-Традиция, 2001

² А. Л. Янов. Россия против России, Новосибирск, 1999.

вроде бы всем понравилась. Разногласия уходили глубже. Большинство собеседников отказались представить себе Россию органической и неотъемлемой частью Европы.

Соображения были разные — от тривиальных до рафинированных. Одни недоумевали по поводу того, как нелепо выглядел бы российский слон в тесной посудной лавке Европы, которую еще Константин Леонтьев пренебрежительно назвал всего лишь “атлантическим берегом великого Азиатского материка”. Другим казалось унижительным, что “народу-богоносцу” следует стремиться в душную, приземленную, бездуховную Европу. Третьи цитировали того же Леонтьева, завещавшего, совсем даже наоборот, что “России надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать во главе умственной и социальной жизни человечества”. Или современного московского философа Вадима Межуева, уверенного, что “Россия, живущая по законам экономической целесообразности, вообще не нужна никому в мире, в том числе и ей самой”. Ибо не страна она вовсе, но “огромная культурная и цивилизационная идея”.

Ответил я на цитаты цитатой. Итальянка Александра Ричи саркастически описывала такие же примерно речи немецких тевтонофилов времен, если память мне не изменяет, поражения Германии в первой мировой войне. Звучали они так: “Германские девственницы девственнее, германская преданность самоотверженнее и германская культура глубже и богаче, чем на материалистическом Западе и вообще где бы то ни было в мире”.

Не забудьте, комментировал я цитату, во что обошлись Германии эти высокопарные речи, это, говоря словами Владимира Соловьева, “национальное самообожание”. Не пришлось ли ей пережить три (!) национальные катастрофы на протяжении XX века: в 1918, в 1933 и в 1945-м? И горьким был для нее хлеб иностранной оккупации.

Я не думаю, что страшный этот опыт изменил представления “национально-ориентированной” публики в Германии. Она и сейчас, наверное, ораторствует в захолустных пивных барах о превосходстве своей страны над Европой. Но вопреки затрепанному клише, что история ничему не учит, Германию она все-таки кое-чему научила. Например, тому, что место державным националистам в захолустных пивнушках, а не в академических институтах. Короче, она признала себя Европой, а своих “национально-ориентированных” маргинализовала. И судьба ее изменилась, как по волшебству.

Но разве меньше швыряло в XX веке из стороны в сторону Россию? Разве не приходилось и ей устами своих поэтов и фи-

лософов прощаться с жизнью? Вспомним хоть душераздирающие стихи Максимилиана Волошина.

С Россией кончено. На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.

Вспомним и отчаянное восклицание Василия Розанова: “Русь слиняла в два дня, самое большее в три... Что же осталось-то? Станным образом, ничего”. Не холодеет у вас от этих слов сердце?

Так почему же и три поколения спустя после этого страшно-го приговора, даже после того, как наследница “слинявшей” розановской Руси, советская сверхдержава, опять “слиняла” в августе 91-го (и, заметьте, точно так же в два дня, самое большее — в три), почему и после всего этого Россия ничему, в отличие от Германии, не научилась? Не маргинализировала, в частности, своих “национально-ориентированных”? И по-прежнему отказывается признать себя Европой, отвечая на простые вопросы все той же высокопарной риторикой. Ведь дважды уже — в одном лишь столетии! — продемонстрировала эта риторика свою эфемерность, никчемность. Немыслимо оказалось, руководствуясь ею, уберечь страну от гигантских цивилизационных обвалов, от “национального самоуничтожения”, говоря словами того же Соловьева.

Проблема гарантий

Я готов допустить, что погорячился. Не следовало вступать в такую жестокую полемику с высоколобыми из российских академических институтов. Но ведь те немногие из них, кто не согласен с “национально-ориентированными” коллегами, не нашли аргументов, способных их переубедить. И потом очень уж нелепо и провокационно звучали их заклинания — на фоне разоренной страны — в момент, когда ее будущее зависит от того, сумеет ли она обрести, подобно Германии, европейскую идентичность.

Пожалуй, единственным мне оправданием служит то, что в аудиториях без академических претензий (или враждебных) апеллировал я исключительно к здравому смыслу. Примерно так.

Вот сидим мы с вами и совершенно свободно обсуждаем самые, пожалуй, важные сегодня для страны вопросы. В частнос-

ти, почему и после трагедии 17 г. Россия снова — по второму кругу — забрела в тот же неевропейский исторический тупик, выйти из которого без новой катастрофы было заведомо невозможно. И, что еще актуальнее, почему и нынче, судя по вашим возражениям, готова она пойти все по тому же неевропейскому пути — по третьему кругу. Откуда он, этот исторический “маятник”, два страшных взмаха которого вдребезги разнесли сначала белую державу царей, а затем и ее красную наследницу?

Не правда ли, — продолжал я, — здесь монументальная загадка? Не имея возможности свободно ее обсуждать, как мы ее разгадаем? А не разгадав, сможем ли предотвратить новый взмах рокового “маятника”? Так вот я и спрашиваю, есть ли у нас с вами гарантии, что, скажем, и через три года или через пять лет сможем мы обсуждать эту нашу жестокую проблему так же свободно, как сегодня? Нет гарантий? Так не пора ли задуматься, почему? И еще о том, каким образом в Европе они есть, а у нас — их нет?

“Климатическая” закавыка

Признаться, вразумительных ответов на эти простые вопросы я не получил. Если не считать, конечно, темпераментных тирад профессора В. Сироткина и его многочисленных единомышленников. Два обстоятельства, считают они, закрывали (и закрывают) России путь в Европу — климат и расстояния. Прежде всего “приполярный характер климата: на обогрев жилищ и “обогрев” тела мы тратим гораздо больше, чем “цивилизованный европеец”. У того русской зимы нет, зато на 80% территории Франции и 50% Германии растет виноград. Добавим к этому, что ...пахотные культивируемые земли занимают всего 13-15% (в Голландии, например, культивируемых земель, даже если на них растут тюльпаны, — 95%)... А сенокос? Во Франции и Германии коси сено с апреля по июль — не бойся. У нас же 20 дней в июне — и амба: или солнце высушит или дожди зальют”.³ Та же история с расстояниями: “второе базовое отличие от Европы — то, что там 10 км, в Европейской России — 100, а в Сибири и все 300”.⁴

Все верно. Опущена малость. Россия в дополнение ко всему сказанному еще и богатейшая страна планеты. И черноземы у нее сказочные, и пшеница лучшая в мире, и лесов больше, чем у Бразилии, Индии и Китая вместе взятых, и недра — от золота и алмазов до нефти и газа — несказанно богаты.

³ В. Г. Сироткин. Демократия по-русски. М., 1999 С. 16.

⁴ Там же. С. 6.

Сравнить ли ее с Японией, недра которой пусты, хоть шаром покати? Или с Израилем, где при вековом господстве арабов были одни солончаки да пустыни? Но ведь ни Японии, ни Израилю не помешала неблагодарная география обзавестись гарантиями от произвола. При всех климатических и прочих отличиях от Европы умудрились они как-то стать в известном смысле Европой. Так, может, не в винограде и не в тюльпанах дело?

Старинный спор

Что сильнее всего удивило меня, однако, так это совпадение реакции моих оппонентов с вердиктом западной историографии. Споры о природе русской политической традиции было предостаточно и два десятилетия назад. Но тогда ситуация выглядела куда яснее.

На одной стороне баррикады стояли корифеи западной историографии, настаивавшие на том, что защищает сегодня Сироткин, на патерналистском, “азиатско-византийском” характере русской государственности. Между собою они расходились, конечно. Если Карл Виттфогель⁵ или Тибор Самуэли⁶ вслед за Марксом⁷ утверждали, что политическая традиция России по происхождению монгольская, то Арнольд Тойнби был уверен в византийском ее происхождении⁸, а Ричард Пайпс вообще полагал традицию эту эллинистической, “патримониальной”.⁹ Но в главном все они держались одного мнения: Россия унаследовала ее от азиатского деспотизма.

Имея в виду, что по другую сторону баррикады стояли историки российские (тогда советские), которые столь же единодушно, хотя и не очень убедительно настаивали на европейской природе русской государственности, непримиримость обеих позиций была очевидной.

Что изменилось сейчас? Непримиримость осталась. Парадокс лишь в том, что классики западной историографии получили мощное подкрепление. Большинство высоколобых в постсоветской России встало на их сторону. Прав оказался Георгий Федотов в своем пророчестве, что “когда пройдет рево-

⁵ Karl A. Wittfogel. *Oriental Despotism*, New Haven, Conn., 1957.

⁶ Tibor Szamueli. *The Russian Tradition*, London, 1976.

⁷ Karl Marx. *Secret Diplomatic History of the XVIII Century*, London, 1969.

⁸ Arnold Toynbee. “Russia’s Bizantine Heritage,” *Horizon* 16 (Aug. 1947).

⁹ Richard Pipes. *Russia under the Old Regime*, New York, 1974.

люционный и контрреволюционный шок, вся проблематика русской мысли будет стоять по-прежнему перед новыми поколениями России”.¹⁰

Старинный спор славянофилов и западников, уже на протяжении пяти поколений волнующий русскую культурную элиту, и впрямь возродился. И опять упускают обе стороны из виду, что спор их решения не имеет. Ибо намного важнее всех их непримиримых противоречий, глубинная **общность** обеих позиций. Вот посмотрите. Разве не абсолютно убеждены и те и другие, что у России непременно должна быть **одна** политическая традиция, будь то европейская или патерналистская (назови ее хоть евразийской, монгольской или византийской)? Другими словами, исходят оппоненты из одного, за неимением лучшего слова, Большого Стереотипа. Несмотря даже на то, что он откровенно противоречит фактам русской истории, где обе традиции не только живут, как две души в душе одной, но и борются между собою насмерть.

Динамика русской истории

Упустите хоть на минуту из виду этот роковой дуализм русской политической традиции и вы просто не сможете объяснить внезапный и насильственный сдвиг цивилизационной парадигмы России от европейской, заданной ей в 1480-е Иваном III Великим, к патерналистской — после самодержавной революции Грозного царя в 1560-е (в результате которой страна, совсем как в 1917-м, неожиданно утратила не только свой традиционный политический курс, но и саму европейскую идентичность). Не сможете вы объяснить и то, что произошло полтора столетия спустя. А именно столь же катастрофический и насильственный обратный сдвиг к европейской парадигме при Петре (на который Россия ответила, по известному выражению Герцена, “колоссальным явлением Пушкина”).

И все лишь затем, чтоб еще через два столетия настиг ее новый гигантский взмах исторического “маятника”, и она, по сути, вернулась в 1917 г. к парадигме Грозного, опять утратив европейскую идентичность. А потом всего лишь три поколения спустя новый взмах “маятника” в 1991-м. Как объясните вы эту странную динамику русской истории, не допустив, что работают в ней две противоположные традиции?

¹⁰ Г. П. Федотов. Судьба и грехи России, Спб., 1991. Т. 1. С. 27.

Слов нет, Реформация и Контрреформация, революции и реставрации потрясали в свое время все страны Европы. Но не до такой же степени, чтоб они теряли европейскую идентичность. Не то в России. Здесь после каждого такого сдвига представлял перед наблюдателем совсем другой, по сути, народ.

Ну что, собственно, общего было между суровыми московитскими дяками в долгополых кафтанах, для которых еретическое “латинство” Европы было анафемой, и петербургским изнеженным вельможеством, которое по-французски говорило лучше, чем по-русски? Но ведь точно так же отличались от петровского шляхетства, для которого Европа была вторым домом, сталинские подьячие в легендарных долгополых пальто, выглядевших плохой имитацией московитских кафтанов. Конечно, рассуждали теперь эти подьячие о всемирной победе социализма, но еретическая буржуазная Европа вызывала у них точно такое же отвращение, как “латинство” у их прапрадедов.

Попробуйте, если сможете, вывести этот “маятник”, в монументальных взмахах которого страна теряла и вновь обретала, и снова теряла и опять обретала европейскую идентичность, из какого-нибудь одного политического корня.

Попытка “неоевразийцев”

Но ведь пробуют! Например, новейшая “неоевразийская” школа в российской политологии — во главе с завкафедрой философии МГУ А. С. Панариным и завкафедрой политических наук Бауманского училища В. В. Ильиным. Вот ее основные идеи.

Во-первых, исключительность России. Ильин: “Мир разделен на Север, Юг и Россию... Север — развитый мир, Юг — отстойник цивилизации, Россия — балансир между ними”.¹¹ Панарин вторит: “Одиночество России в мире носило мистический характер... дар эсхатологического предчувствия породил духовное величие России и ее великое одиночество”.¹²

Во-вторых, обреченность Запада (он же “развитый” Север), который вдобавок не только не ценит своего “балансира”, но и явно к нему недоброжелателен: “Россию хотят загнать в третий мир” (он же “отстойник цивилизации”).¹³ Впрочем, “дело и в общей цивилизационной тупиковости западного пути в связи с рельефно проступающей глобальной несостоятельностью индус-

¹¹ “Реформы и контрреформы в России” (далее “Реформы”), М., 1996. С. 208

¹² Там же. С. 254.

¹³ Там же. С. 255.

триализма и консьюмеризма... С позиций глобалистики вестернизация давно и безнадежно самоисчерпалась”.¹⁴

В-третьих, врожденная, если можно так выразиться, сверхдержавность “балансира”: “Любая партия в России рано или поздно обнаруживает: для того чтобы сохранить власть, необходима государственная и даже мессианская идея, связанная с провозглашением мирового величия и призвания России”. Почему так? Да просто потому, что “законы производства власти в России неминуемо ведут к воссозданию России как сверхдержавы”.¹⁵

Что такое “законы производства власти”, нам не объясняют. Известно лишь, что “ведут”. Отсюда “главный парадокс нашей новейшей политической истории... основателям нынешнего режима для сохранения власти предстоит уже завтра занять позиции, прямо противоположные тем, с которых они начинали свою реформаторскую деятельность. Неистовые западники станут “восточниками”, предающими анафеме “вавилонскую блудницу” Америку. Либералы, adeпты теории “государство-минимум”, они превратятся в законченных этатистов. Мондиалисты и космополиты станут националистами. Критики империи... они станут централистами-державниками, наследующими традиции Калиты и Ивана IV”.¹⁶ Это написано в 1995 г., и если верить столь смелому пророчеству, Ельцин, Гайдар или Чубайс должны были еще позавчера “превратиться” в Зюганова, Дугина или Макашова.

В-четвертых, Россия в принципе нереформируема, поскольку она “арена столкновения Западной и Восточной цивилизаций, что и составляет глубинную основу ее несимфонийности, раскольности”.¹⁷ Тем более что если “Европейские реформы кумулятивны, отечественные возвратны”.¹⁸

В-пятых, наконец, Россию тем не менее следует реформировать, опираясь на “усиление реформационной роли государства как регулятора производства... позволяющее ...развертывать инвестиционный комплекс”.¹⁹

А как же быть с “несимфонийностью” России и с “возвратностью отечественных реформ”? И что делать с идеей врожденной ее сверхдержавности, позволяющей, с одной стороны, “сплотить российский этнос вокруг идеи величия России”²⁰, а с

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ “Новый мир”, 1995, №9. С. 137.

¹⁶ Там же; “Реформы”. С. 240.

¹⁷ “Реформы”. С. 205.

¹⁸ Там же. С. 193.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ Там же.

другой — заставляющей соседей в ужасе от нее отшатываться? И как “развертывать инвестиционный комплекс”, если Запад хочет “загнать Россию в третий мир”, даром что сам задыхается в своей “цивилизационной тупиковости”?

Не в том, однако, дело, что концы с концами у наших неоевразийцев не сходятся. И не в том даже, что идеи их тривиальны. Главное в другом — все это никак не объясняет страшную динамику русской истории, роковой ее “маятник”.

Завет Федотова

И не потому, что лидерам неоевразийства не достает таланта или эрудиции. Причина другая. Точнее всех, по-моему, сказал о ней еще в 1930-е годы Г. Федотов: “Наша история снова лежит перед нами, как целина, ждущая плуга... Национальный канон, установленный в XIX в., явно себя исчерпал. Его эвристическая и конструктивная ценность ничтожны. Он давно уже звучит фальшью, [а] другой схемы не создано. Нет архитектора, нет плана, нет идеи”.²¹ Вот же в чем действительная причина неконструктивности идей наших неоевразийцев. В том, что они продолжают работать в ключе архаического “канона”, повторяют зады все того же Большого Стереотипа, что завел в тупик не одно поколение советских и западных историков России.

На самом деле “канон” этот всемогущ у них до такой степени, что способен “превращать” современников в собственную противоположность независимо от их воли или намерений. Очень хорошо здесь видно, как антикварный “канон” лишает сегодняшних актеров на политической сцене свободы выбора. Разумеется, перед нами чистой воды исторический фатализм. Но разве не точно так же рассуждали Виттфогель или Тойнби, выводившие политику советских вождей непосредственно из художеств татарских ханов или византийских цезарей?

Федотов предложил и выход из этого заколдованного круга. “Вполне мыслима, — писал он, — новая национальная схема”. Только нужно для этого “заново изучать историю России, любовно вглядываться в ее черты, вырывать в ее земле закопанные клады”.²² Вот чего не сделали неоевразийцы и вот почему оказались они в плену старого “канона”.

Между тем первой последовала завету Федотова блестящая плеяда советских историков-шестидесятников: Н. Е. Носов,

²¹ Г. П. Федотов. Цит. соч. С. 66.

²² Там же.

А. А. Зимин, Д. П. Маковский, С. М. Каштанов, С. О. Шмидт. В частности, обнаружили они в архивах документальные доказательства не только мощного хозяйственного подъема в России первой половины XVI в., внезапно и катастрофически оборванного самодержавной революцией Грозного, и не только вполне неожиданное становление сильного среднего класса, если хотите, московской предбуржуазии. Самым удивительным в этом вырытом “закопанном кладе” был совершенно европейский характер реформы 1550-х гг., свидетельствовавший о несомненном наличии в тогдашней России того, что С. О. Шмидт обозначил в свое время как “абсолютизм европейского типа”.²³

Чтоб представить себе масштабы этого “клада”, понадобится небольшое историческое отступление.

Русь и Россия

Никто, кажется, не оспаривает, что в начале второго христианского тысячелетия Киевско-Новгородский конгломерат варяжских княжеств и вечевых городов воспринимался в мире как сообщество вполне европейское. Доказывается это обычно династическими браками. Великий князь Ярослав, например, выдал дочерей за норвежского, венгерского и французского королей (после смерти мужа дочь Ярослава управляла Францией). Дочь князя Всеволода вышла замуж за германского императора Генриха IV.

Проблема лишь в том, что Русь, особенно после смерти в 1054 г. Ярослава Мудрого, была сообществом пусть европейским, но еще протогосударственным. И потому нежизнеспособным. В отличие от сложившихся европейских государств, которые тоже оказались, подобно ей, в середине XIII в. на пути монгольского нашествия (Венгрии или Польши), Русь перестала существовать под его ударами, стала западной окраиной гигантской степной империи. И вдобавок, как напомнил нам Пушкин, “татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля”.

Спор между историками идет лишь о том, каким именно государством вышла десять поколений спустя Москва из-под степного ярма. Я, конечно, преувеличиваю, когда говорю “спор”. Большой Стереотип мировой историографии единодушно утверждал и утверждает, что вековое иго коренным образом изме-

²³ “Вопросы истории”, 1968, №5. С. 24.

нило цивилизационную природу страны, европейская Русь превратилась в монгольско-византийскую Московию.

Пожалуй, точнее других сформулировал предполагаемую разницу между Русью и Московией Карл Маркс. “Колыбелью Московии, — писал он с обычной безжалостной афористичностью, — была не грубая доблесть норманской эпохи, а кровавая трясина монгольского рабства... Она обрела силу, лишь став виртуозом в мастерстве рабства. Освободившись, Московия продолжала исполнять свою традиционную роль раба, ставшего рабовладельцем, следуя миссии, завещанной ей Чингисханом... Современная Россия есть не более чем метаморфоза этой Московии”.²⁴

К началу XX в. версия о монгольском происхождении России стала в Европе расхожей монетой. Знаменитый британский географ Халфорд Макиндер, прозванный “отцом геополитики”, повторил ее в 1904 г. как нечто общепринятое: “Россия — заместительница монгольской империи. Ее давление на Скандинавию, на Польшу, на Турцию, на Индию и Китай лишь повторяет центробежные рейды степняков”²⁵ И когда в 1914-м пробил час для германских социал-демократов решать — за войну они или против, именно на этот обронзовевший к тому времени Стереотип и сослались они в свое оправдание: Германия не может не податься на защиту европейской цивилизации от угрожающих ей с Востока монгольских орд.

Самое удручающее, однако, в том, что не чужды были оскорбительному марксистко-евразийско-нацистскому Стереотипу и отечественные мыслители и поэты. Крупнейшие наши историки Борис Чичерин или Георгий Плеханов тоже ведь находили главную отличительную черту русской политической традиции в азиатском деспотизме. А разве не утверждал страстно Александр Блок, что “азиаты мы с раскосыми и жадными очами”? И разве не объяснили нам все про эту, перекочевавшую вдруг на север, чингисханскую империю родоначальники евразийства Николай Трубецкой и Петр Савицкий? И не поддакивал ли им уже в наши дни Лев Гумилев?

В такой поросший тиной омут старого “канона” и бросили камень историки-шестидесятники. Так вот вам первый вопрос на засыпку, как говорили в мое время студенты: ***откуда в дебрях “азиатского деспотизма”, в этом “христианизированном татарском царстве”, как называл Московию Николай Бердяев, взялась вдруг глубокая европейская реформа?***

²⁴ Karl Marx. Ibid. P. 121.

²⁵ Quoted in Milan Houlder. “What is Asia to Us?”, Boston, 1990. P. 140.

Пусть говорили шестидесятники еще эзоповским языком, пусть были непоследовательны и не уверены в себе, пусть не сумели выйти на уровень философского обобщения собственных ошеломляющих открытий, не сокрушили старый “канон”. Но бреши пробили они в нем громадные. Достаточные, казалось бы, чтоб освободиться, наконец, от гипноза полуторастолетней догмы.

Интеллектуальная контрреформа

Другое дело, что их отважная инициатива не была подхвачена ни в советской историографии, ни в западной (где историки вообще узнали об их открытиях из ранней версии моей книги, вышедшей в свет под названием “Происхождение самодержавия”).²⁶ Я не говорю уже о том, что Большой Стереотип и не собирается умирать. Уж очень много вложено в него капитала и несметно построено на нем ученых репутаций. Сопrotивляется он отчаянно. Я испытал силу этого сопротивления, когда посыпались буквально со всех концов света на мое “Происхождение самодержавия” суровые большей частью рецензии.

Но еще очевиднее сказалась мощь старого “канона” в сегодняшней России, где цензура уже не мешает, а открытия шестидесятников по-прежнему не осмыслены.

Вот один лишь пример. Уже в 2000 г. вышла в серии “Жизнь замечательных людей” первая в России серьезная монографическая работа об Иване III. Автор, Николай Борисов, объясняет свой интерес к родоначальнику европейской России, ни на йоту не отклоняясь от Большого Стереотипа: “при диктатуре особое значение имеет личность диктатора... Именно с этой точки зрения и следует оценивать... “государя всея Руси” Ивана III”.²⁷ Хорош “диктатор”, позволявший проклинать себя с церковных амвонов и в конечном счете потерпевший жесточайшее поражение от собственной церкви! Но автор идет дальше. Он объявляет своего героя “родоначальником крепостного строя” и, словно бы этого мало, “царем-поработителем”.²⁸ Даже самые заскоруждые западные приверженцы Большого Стереотипа не позволяли себе таких передержек.

²⁶ Alexander Yanov. The Origins of Autocracy, University of California Press, Berkeley, 1981.

²⁷ Николай Борисов. Иван III, М., 2000. С. 10.

²⁸ Там же. С. 11.

Простое сравнение

Между тем эта приверженность Большому Стереотипу наиболее странно выглядит именно в России, чьи историки не могут ведь просто забыть о Пушкине, европейском поэте *par excellence*. И вообще обо всем предшествовавшем славянофильской моде последних трех четвертей XIX в. европейском поколении России, к которому принадлежал Пушкин. О том самом, представлявшем, по словам Герцена, все, что было тогда “талантливого, образованного, знатного, благородного и блестящего в России”.²⁹

Решительно невозможно представить себе декабриста Никиту Муравьева декламирующим, подобно Достоевскому, на тему “единый народ-богоносец — русский народ”.³⁰ Или Михаила Лунина, рассуждающим, как Бердяев, о “славянской расе во главе с Россией, [которая] призывается к определяющей роли в жизни человечества”.³¹ Не было и не могло быть ничего подобного у пушкинского поколения. Там, где у Достоевского “Империя”, у декабристов “Федерация”. Там, где у Панарина сверхдержавность и “мировое величие и призвание”, у них — нормальное европейское государство. И свобода. И уж, во всяком случае, европеизм был для них естественным, как дыхание.

Достаточно сравнить интеллектуальную элиту России поколения Пушкина с элитой поколения Достоевского, чтоб убедиться — даже общей почвы для спора быть у них не могло. Ну можете ли вы представить себе обстоятельства, при которых нашли бы общий язык, скажем, Кондратий Рылеев, пошедший ради русской свободы на виселицу, и Константин Леонтьев, уверенный, что “русская нация специально не создана для свободы”?³² И как не задать тут второй вопрос на засыпку: *да откуда же, помилуйте, взялось в этой “монгольской империи” такое совершенно европейское поколение, как декабристы?*

В чем неправ Петр Струве

Но если у старого “канона” нет ответа ни на вызов шестидесятников, ни на вопрос о происхождении одного из самых ин-

²⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, Т. 13, М., 1958. С. 43.

³⁰ Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 30 томах, Т. 10, Л., 1974. С. 200.

³¹ Н. А. Бердяев. Судьба России, М., 1990. С. 10.

³² К. Н. Леонтьев. Письма к Фуделю//”Русское обозрение”, 1885, №1. С. 36.

теллектуально одаренных поколений России, что из этого следует? Должен он по-прежнему оставаться для нас Моисеевой скрижалю? Или все-таки согласимся с Федотовым, что он “давно уже звучит фальшью”? Тем более что на этом несообразности его не кончаются. Вот, пожалуйста, еще одна.

Петр Струве писал в 1918-м в сборнике “Из глубины”, что видит истоки российской трагедии в событиях 25 февраля 1730 г., когда Анна Иоанновна на глазах у шляхетства разорвала “Кондиции” Верховного тайного совета (по сути, конституцию послепетровской России). Струве и прав, и неправ.

Прав он в том, что в феврале 1730 г. Москва действительно оказалась в преддверии политической революции. Послепетровское поколение России так же, как столетие спустя декабристы, повернулось против самодержавия. “Русские, — доносил из Москвы французский резидент Маньян, — опасаются самовластного правления, которое может повторяться до тех пор, пока русские государи будут столь неограниченны, и вследствие этого они хотят уничтожить самодержавие”.³³ Подтверждает это и испанский посол герцог де Лириа: русские намерены, писал он, “считать царицу лицом, которому они отдают корону как бы на хранение, чтобы в продолжение ее жизни составить свой план управления на будущее... Твердо решившись на это, они имеют три идеи об управлении, в которых еще не согласились: первая — следовать примеру Англии, где король ничего не может делать без парламента, вторая — взять пример с управления Польши, имея выборного монарха, руки которого связаны республикой, и третья — учредить республику по всей форме, без монарха. Какой из этих трех идей они будут следовать, еще неизвестно”.³⁴

На самом деле, не три, а тринадцать конституционных проектов циркулировали в том роковом месяце в московском обществе. Здесь-то и заключалась беда этого, по сути, декабристского поколения, неожиданно для самого себя вышедшего на политическую арену за столетие до декабристов. Не доверяли друг другу, не смогли договориться.

Но не причины поражения русских конституционалистов XVIII в. нас здесь занимают. Ясно, что самодержавие — не лучшая школа для либеральной политики. Занимает нас само это почти невероятное явление антисамодержавной элиты в стране, едва очнувшейся от деспотизма. Это ведь все “птенцы гнезда Петрова”, император лишь за пять лет до этого умер, а все

³³ Д. А. Корсаков. Воцарение Анны Иоанновны, Казань, 1880. С. 90.

³⁴ Там же. С. 91-92.

модели их конституций заимствованы почему-то не из чингисхановского курултая, как следовало бы из Большого Стереотипа, но из Европы.

Оказалось, что драма декабризма — конфронтация державного Скалозуба с европейски образованным поколением Чацких — не случайный эпизод русской истории. Неправ, значит, Струве в другом. В том, что не копнул глубже. Потому что и у петровских шляхтичей тоже ведь были предшественники — еще одно поколение русских конституционалистов. И рассказ мой на самом деле о нем.

Профессор Пайпс, с которым мы схлестнулись в Лондоне на Би-Би-Си в 1977 г., согласен со Струве. “Да, — говорил он, — российский конституционализм начинается с послепетровской шляхты. Петр прорубил окно в Европу — вот и хлынули через него в “патримониальную” державу европейские идеи”. — “Но как объясните вы в таком случае, — спросил я, — конституцию Михаила Салтыкова, принятую и одобренную Боярской Думой в 1610-м, то есть во времена, когда конституционной монархией и в Европе еще не пахло? Откуда, по-вашему, заимствовали эту идею боярские реформаторы в такую глухую для европейского либерализма пору?”

Элементарный вопрос. Мне и в голову не приходило, что в нашей дискуссии взорвется он бомбой. Оказалось, что профессор Пайпс, автор классической “России при старом режиме”, **понятия не имел, о чем я говорю**. Вот что значит — быть в плену у Большого Стереотипа.

И речь ведь не о каком-то незначительном историческом эпизоде. Если верить В. О. Ключевскому, конституция 4 февраля 1610 г. — “это целый основной закон конституционной монархии, устанавливающий как устройство верховной власти, так и основные права подданных”.³⁵ Даже Б. Чичерин, уж такой ядовитый критик русской политической мысли, вынужден был признать: документ Салтыкова “содержит в себе значительные ограничения царской власти; если б он был приведен в исполнение, русское государство приняло бы совершенно другой вид”.³⁶

Так вот вам третий вопрос на засыпку: *откуда взялось еще одно “декабристское” поколение, на этот раз в XVII в., в самый, казалось бы, разгар московитского чингисханства?*

³⁵ В. О. Ключевский. Сочинения, Т. 3, М., 1957. С. 44.

³⁶ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1899. С. 540.

Два дерева фактов

А ведь мы даже и не дошли еще в нашем путешествии в глубь русской истории до открытия шестидесятников. И тем более до блестящего периода борьбы за церковную Реформацию при Иване III, когда политическая терпимость была в Москве в ренессансном, можно сказать, цвету. До такой степени, что на протяжении жизни одного поколения между 1480 и 1500 гг. можно было даже говорить о “Московских Афинах”, которых не заметил, подобно Пайпсу, автор монографии об Иване III.

Но достаточно примеров. Вопреки Большому Стереотипу, начинала свой исторический путь Россия в 1480-е не как наследница чингисханской империи, но как обыкновенное северо-европейское государство, мало отличавшееся от Дании или Швеции, а в политическом смысле куда более прогрессивное, чем Литва или Пруссия. Во всяком случае, Москва первой в Европе приступила к церковной Реформации и первой же сделала попытку стать конституционной монархией. Мало того, оказалась она способна создать в 1550-е вполне европейское местное самоуправление. И главное, бежали в ту пору люди не из России на Запад, а с Запада в Россию.³⁷

Таково одно дерево фактов, полностью противоречащее старому “канону”. Наряду с ним, однако, существует и другое дерево, подтверждающее его. Борьба за церковную Реформацию закончилась в России, в отличие от ее северо-европейских соседей, сокрушительным поражением. Конституционные устремления боярских реформаторов XVI-XVII вв. и послепетровских шляхтичей века XVIII, не говоря уже о декабристах, были подавлены. Местное самоуправление и суд присяжных погибли в огне самодержавной революции Грозного. Наконец, люди после этой революции побегут из России на Запад. На долгие века. А “европейское столетие” России вообще исчезнет из памяти потомков.

Что же говорит нам это сопоставление? Ведь совершенно же ясно, что представить себе два этих дерева, европейское и патерналистское, выросшими из **одного корня**, и впрямь невозможно. И тут поневоле приходится нам вернуться к тому, с чего мы начинали. Ибо объяснить их сосуществование в одной стране мыслимо лишь при одном условии: если допустить, что у России **не одна, а две одинаково древние и легитимные политические традиции**. Европейская (с гарантиями свободы, с конституционными ограничениями власти, с политической терпимостью и отрица-

³⁷ М. А. Дьяконов. Власть московских государей, Спб., 1889.

нием государственного патернализма). И патерналистская (с провозглашением исключительности России, с государственной идеологией, с мечтой о сверхдержавности и о “мессианском величии и призвании”).

Разгадка трагедии?

Такая гипотеза имеет одно преимущество перед старым “каноном”: она объясняет все, что для него необъяснимо. Открытие шестидесятников перестает казаться загадочным, едва согласимся мы с этой “новой схемой”. Точно так же, как и ликвидация результатов реформы 1550-х в ходе самодержавной революции. Перестают казаться историческими аномалиями и либеральные конституционные движения, неизменно возрождавшиеся в стране начиная с XVI в. Объясняет нам “новая схема” и тот самый исторический “маятник”, преследующий Россию на протяжении столетий. Объясняет катастрофическую динамику русской истории, а стало быть, и повторяющуюся из века в век трагедию великого народа.

Откуда двойственность?

Доказательству жизнеспособности “новой схемы”, по сути, и посвящена эта книга. Я отдаю себе отчет в беспрецедентной сложности этой задачи. И понимаю, что первым шагом к ее решению должен стать ответ на монументальный вопрос: откуда, собственно, взялся в России этот роковой симбиоз европеизма и патернализма. Пытаясь на него ответить, я буду опираться на знаменитую переписку Ивана Грозного с князем Андреем Курбским. И в еще большей степени — на исследования самого надежного из знатоков русской политической традиции Василия Ключевского.

До сих пор, говоря о европейском характере Киевско-Новгородской Руси, ссылаясь я главным образом на восприятие великокняжеского дома его европейскими соседями. В самом деле, стремление королей породниться с киевским князем говорит ведь не только о значительности роли, которую играла в тогдашней европейской политике Русь, но и о том, что в европейской семье народов считали ее своей. Но что если средневековые короли ошибались? Пусть даже и приверженцы Большого Стереотипа готовы подтвердить их вердикт, это все

равно не освобождает нас от необходимости его проверить. Тем более что работа Ключевского вместе с перепиской дают нам такую возможность.

Как следует из них, в древней Руси существовали два совершенно различных отношения князя-суверена (или, если хотите, государства) к подданным. Первое — отношение к дворцовым служащим, управлявшим его вотчиной, к холопам и кабальным людям, пахавшим княжеский домен. И это было патерналистское отношение господина к рабам. От него и берет начало самодержавная, холопская традиция России. Неудивительно, что именно ее так яростно отстаивал в своих посланиях Грозный. “Все рабы и рабы и никого больше, кроме рабов”, как описывал их суть Ключевский. Тут о гарантиях от княжеского произвола не могло быть и речи. С. О. Шмидт назвал это отношение государства к обществу “абсолютизмом, пропитанным азиатским варварством”.³⁸

Но и второе отношение было не менее древним: вполне европейское отношение князя-воителя к своим вольным дружинникам и боярам-советникам. Отношение, как правило, договорное, во всяком случае, нравственно обязательное и зафиксированное в нормах обычного права. Его-то и отстаивал Курбский.

Отношение это уходило корнями в древний обычай “свободного отъезда” дружинников от князя, служивший им гарантией от княжеского произвола. Они просто “отъезжали” от сеньора, посмеявшегося обращаться с ними, как с холопами. В результате сеньоры с деспотическим характером, лишившись бояр и дружинников, теряли военную и, стало быть, политическую силу.

Так выглядел исторический фундамент договорной, конституционной, если хотите, традиции России. Ибо что есть, в конце концов, конституция, если не договор правительства с обществом? И едва примем мы это во внимание, как тотчас перестанут нас удивлять и конституция Салтыкова, и послепетровские “Кондиции”, и декабристские конституционные проекты. Они просто **не могли не появиться** в России.

Как видим, ошибались-таки средневековые короли. Симбиоз европейской и патерналистской традиций существовал уже и в киевские времена. Но ошибались не очень, поскольку европейская традиция преобладала в тогдашней Руси. Ведь главным делом князя была война и потому отношения с дружинниками (а стало быть, и договорная традиция) были для него важнее всего прочего. Закавыка начиналась дальше.

³⁸ “Вопросы истории”, 1968, №5. С. 24.

Большой Стереотип, как помнит читатель, исходит из того, что европейская традиция древней Руси была утрачена в монгольском рабстве и попросту исчезла в процессе трансформации страны из конгломерата княжеств в единое государство. Говоря современным языком, на входе в черный ящик степного ярма имели мы на Руси Европу, а на выходе — “татарское царство”. В библейских терминах это звучало бы, наверное, так: пришли евреи в Египет одним народом, а вышли из него другим.

Проверка стереотипа

На деле, однако, все выглядит иначе. Старый киевский симбиоз не только не был сломлен монгольским рабством, он укрепился, обретя уже не просто договорную, но отчетливо политическую форму. Бывшие вольные дружинники и бояре-советники превратились в аристократию, в правительственный класс постмонгольской Руси. Образуется, по словам Ключевского, “абсолютная монархия, но с аристократическим правительственным персоналом”. Появляется “правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть”.³⁹

Княжеский двор в домонгольские времена устроен был куда примитивнее. Там были либо холопы, либо вольные дружинники. Причем именно холопы управляли хозяйством князя, то есть, как ни парадоксально, исполняли роль правительственного класса. Делом дружинников и бояр было воевать. В принятии политических решений участвовали они лишь, так сказать, ногами. Если их не устраивал сеньор с патерналистскими замашками, они “отъезжали”. Но когда право свободного отъезда себя исчерпало, обрели они взамен право гораздо более ценное: законодательствовать вместе с князем. Они стали соправителями нового государства. Иными словами, вышли из своего Египта русские еще более Европой, чем вошли в него.

Уже в XIV в. первый победитель татар Дмитрий Донской говорил перед смертью боярам: “Я родился перед вами, при вас вырос, с вами княжил, воевал вместе с вами на многие страны и низложил поганых”. Он завещал сыновьям: “Слушайтесь бояр, без их воли ничего не делайте”.⁴⁰ Долгий путь был от этого княжеского наказа до статьи 98 Судебника 1550 г., налагавшей юридический запрет на принятие государем законов без согласия бояр. Два столетия понадобилось вольным княжеским дружинни-

³⁹ В. О. Ключевский. Цит соч. Т. 2. С. 180.

⁴⁰ Е. А. Белов. Об историческом значении русского боярства, Спб., 1886. С. 29.

кам, чтобы его пройти. Но справились они с этим, если верить Ключевскому, успешно.

Дальше дело могло развиваться двумя путями. Могла победить договорная традиция Руси, маргинализуя патерналистскую соперницу и вылившись в полноформатную конституцию. Ту самую, что два поколения спустя предложил стране Михаил Салтыков. Но и традиция патерналистская, опираясь на интересы церкви — самой мощной корпорации тогдашней Москвы, напуганной европейской Реформацией, могла попытаться повернуть историю вспять. Для этого понадобились бы государственный переворот, революция.

На беду России так и случилось. Переворот произошел и вылился он в тотальный террор самодержавной революции. Как ничто иное доказывает этот террор силу европейской традиции. Зачем иначе понадобилось бы для установления патерналистского самодержавия поголовно вырезать элиту страны, ее лучшие административные и военные кадры, уничтожить весь накопленный за европейское столетие интеллектуальный и политический потенциал России?

В ходе этой первой своей цивилизационной катастрофы страна, как и в 1917-м, внезапно утратила европейскую идентичность. С той разницей, что эта первая катастрофа была еще страшнее большевистской. Ибо гибла в ней — и при свете пожара гражданской войны — доимперская, докрепостническая, досамодержавная Россия.

Естественно, что, как и в 1917-м, победивший патернализм нуждался в идеологии, легитимизировавшей его власть. Тогда и явились на свет идеи “мессианского призвания России”. Те самые идеи, что так очаровали Достоевского и Бердяева и продолжают казаться воплощением российского менталитета В. Ильину и А. Панарину.

Парадокс “поколения поротых”

Ошибется поэтому тот, кто подумает, что “новая схема” касается лишь прошлого страны. Ведь объясняет она и сегодняшнюю опасную двойственность культурной элиты России. Судя по недавним возражениям моих московских собеседников, по-прежнему не отдают они себе отчета, что коренится она в двойственности политической традиции, искалечившей историю страны. По-прежнему не готова российская культурная элита расстаться с этим вековым дуализмом.

Уж очень, согласитесь, выглядит это странно. Если люди, помогавшие Грозному царю совершить самодержавную революцию, которая отняла у России европейскую идентичность, не могли знать, что им предстоит сгореть в этом пламени, то мы ведь “поротые”. Мы знаем, что произошло со страной после аналогичной революции 17-го, так же лишившей страну европейской идентичности, возвращенную ей Петром. И после этого по-прежнему не уверены мы, кому хотим наследовать — вольным дружинникам или холопам-страдникам древней Руси? И по-прежнему ищем хоть какие-нибудь, вплоть до климатических, предлоги, чтобы отречься от собственного европейского наследства? Согласитесь, что тут парадокс.

Так или иначе, трагедия продолжается. И если эта книга может пролить свет на ее истоки, ни на что большее я не претендую. Одно лишь прошу я читателя держать в уме: даже тотальный террор самодержавной революции 1565-1572 гг. оказался бессилем маргинализировать договорную, европейскую традицию России. Так же как и красный террор 17-го. Опять и опять поднимала она голову в конституционных поколениях XVII, XVIII, XIX и XX столетий. Доказано, короче, во множестве кровавых исторических экспериментов, что речь идет не о чем-то эфемерном, невесть откуда в Россию залетевшем, а о корневом, органическом. О чем-то, что и в огне тотального террора не сгорает, и не может сгореть, пока существует русский народ. Не может, потому что, вопреки старому “канону”, Европа — внутри России.

Холопская, патерналистская традиция тоже, конечно, внутри России. Только, в отличие от европейской, ее не истребляли на протяжении столетий, не объявляли несуществующей в Большом Стереотипе всемирной историографии. **Ее не пытались маргинализировать.** Так не пришло ли, наконец, время — после четырех столетий блуждания по имперской пустыне — сделать это? Если, конечно, и впрямь желает народ России зажить нормальной жизнью — без обязательных катастроф в начале и в конце каждого столетия.

ЭКОНОМИКА

РОССИЯ В ВТО: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ¹

*Сергей Гуриев, Мария Горбань, Ксения Юдаева
(Центр экономических и финансовых исследований
и разработок — ЦЭФИР)*

Вступление России во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) — один из центральных вопросов экономической политики. Обсуждение его в прессе, а часто и среди профессионалов, фокусируется на узком круге вопросов, связанных с выбором конкретных условий вступления, а именно определения тарифов и субсидий по отдельным товарам или группам товаров. Вступление в ВТО приведет к гораздо более глубоким изменениям в экономике, чем открытие конкретных рынков, поэтому необходим более широкий взгляд на необходимость и последствия вступления. Для такой дискуссии следует в первую очередь понять, насколько аргументированы устоявшиеся стереотипы и мифы, касающиеся вступления в ВТО. Мы решили рассмотреть наиболее популярные из таких стереотипов и попытаться выделить реально стоящие за ними проблемы — этому посвящена первая часть нашей работы. Мы выбрали восемь самых расхожих, как нам показалось, взглядов на проблему.

Миф 1. “Нас завалят импортом, наша промышленность умрет, и все потеряют работу”

Формулировка. *Вступление в ВТО означает полное открытие экономики, наши товары будут вытеснены импортными, что приведет к массовой безработице.*

© Гуриев С. М., Горбань М. И., Юдаева К. В., 2003

¹ Сокращенная версия доклада. Полные версии статьи можно найти на сайте ЦЭФИР (www.cefir.ru) (версия июля 2001г.) и в журнале “Вопросы экономики” № 2 за 2002г.

Обсуждение

Прокомментируем по отдельности главные составляющие этого мифа.

- **“В настоящее время тарифы защищают нас от конкуренции”**

Неправда. Практически не защищают. Во-первых, средний размер тарифа для различных отраслей промышленности колеблется от 7 до 15 %, что является, по международным понятиям, низкой защитой. Во-вторых, существующие импортные тарифы не работают: до 50 % всего импорта уходит от уплаты пошлин (табл.1). Впрочем, наметившееся ужесточение таможенного администрирования приведет к росту тарифной защиты.

Таблица 1

	1996	1997	1998	1999
Номинальная средневзвешенная ставка тарифа	14 %	14 %	12 %	8 %
Эффективная ставка тарифа (реально собранные пошлины / импорт)	4 %	7 %	7 %	5 %

Импортные тарифы в России и так невысоки, кроме того, они собираются лишь наполовину. В таблице представлены средневзвешенная ставка тарифа (по всем категориям импортируемых товаров) и реально собираемые импортные пошлины.

Источники: Госкомстат, Минфин, Всемирный банк.

- **“Вступление в ВТО ведет за собой резкое снижение тарифов”**

Неправда. Вопрос о тарифах решается в ходе переговоров, причем сейчас предложения российской стороны предполагают не понижение, а повышение тарифов по многим пунктам. Другое дело, что после подписания соглашений тарифы будут *зафиксированы* — мысль, с которой трудно свыкнуться нашим производителям, которые привыкли, что тарифы можно произвольно менять в любое время. Поэтому и производители, и правительство должны **тщательно продумать, на каком уровне должны будут зафиксироваться тарифы** в различных отраслях.

- **“У правительства не останется инструментов защиты отечественного производителя”**

Не совсем так: члены ВТО могут при наличии экономического обоснования временно повышать тарифы, а также приме-

нять нетарифные меры. Но еще существеннее другое. Если посмотреть на колебания **реального валютного курса** в 90-е годы (рис.1), то легко заметить, что его влияние на конкурентоспособность значительно превышает вклад в нее тарифов (и даже тот вклад, который могли бы внести тарифы, если бы наша тарифная политика работала). В отличие от тарифов, обменный курс нельзя обойти. Кроме того, с экономической точки зрения обменный курс является лучшим регулятором, чем тарифы, поскольку не нарушает соотношения цен на различные экспортные и импортируемые товары. Возможность управлять реальным валютным курсом у правительства останется: выплата внешнего долга — мощный рычаг для неинфляционного понижения курса.

Рис. 1.
Обменный курс – главное средство защиты отечественного производителя:
амплитуда колебаний реального валютного курса за год превышает
ставки импортных тарифов.

Источники: Госкомстат, Минфин, Russian Economic Trends

- **“Открытие экономики окончательно загубит российскую промышленность”**

Исследования по другим странам показывают, что в долгосрочном плане внешняя торговля положительно влияет на экономический рост. Однако в краткосрочной перспективе открытие экономики может повлечь за собой негативные социальные последствия. Что будет с российской промышленностью, если импорт все-таки увеличится?

Расчеты, которые мы провели для России, показывают, что уже на **второй год** после роста импорта, благодаря конкуренции и более доступным импортным составляющим, во многих отраслях начинается рост производительности. Однако в краткосрочном плане многие отрасли могут пострадать в терминах объемов выпуска и занятости. В первый год после увеличения импорта, по нашим расчетам, будет наблюдаться падение выпуска в пищевой промышленности и большинстве отраслей машиностроения, прежде всего в производстве средств транспорта, электрооборудования и металлоконструкций, однако величина эффекта вполне умеренна. Мы провели условные расчеты² (так как пока неясны условия вступления), пытаюсь предсказать, что будет с российской промышленностью, если объем импорта каждого товара возрастет на 1 %. При равномерном увеличении импорта по всем отраслям больше всего пострадает пищевая промышленность: там увеличение импорта на 1 % приводит, при прочих равных, в среднем к спаду на 0,16 %. В региональном разрезе, равномерное увеличение импорта приведет к краткосрочному снижению занятости в первую очередь на Чукотке, Камчатке, в Калмыкии, Магаданской области, а также в Новгородской области и Алтайском крае.³

Оценивая степень серьезности краткосрочных издержек от открытия экономики, необходимо четче представлять себе, что произойдет в случае альтернативного развития событий, то есть неприсоединения России к ВТО. К сожалению, отказ от вступления в ВТО вряд ли поможет избежать потерь. Пока наша промышленность остается нереструктуризированной и неконкурентоспособной, независимо от членства в ВТО импорт будет расти, увеличивая конкуренцию и толкая неэффективные предприятия к реструктуризации, а самые неэффективные — и к закрытию. В конечном счете может оказаться, что те самые проблемы, которых мы пытались избежать, будут просто отодвинуты на несколько лет, при этом шанс встроиться в мировую экономику будет упущен. Вступление же в ВТО может предоставить российским предприятиям возможности и сти-

² Более подробное описание расчетов, а также более аккуратные ссылки на другие исследования приведены в версии статьи, опубликованной в журнале “Вопросы экономики” № 2 за 2002 г.

³ Приведенные результаты показывают в среднем эффект для крупных отраслей, при этом для более мелких отраслей, входящих в одну и ту же крупную отрасль, эффекты могут существенно отличаться. Эффект от вступления проявляется не на уровне крупной отрасли, а на уровне каждого конкретного товара и даже каждого отдельного предприятия.

мулы для повышения производительности. Высвободившаяся при сокращении неэффективных производств рабочая сила может быть использована на более эффективных предприятиях. Чтобы ускорить этот процесс и снизить негативные последствия от вступления в ВТО, России следует немедленно предпринять необходимые меры по повышению мобильности рабочей силы.

Выводы

- *Снижение тарифов будет незначительным и может быть с лихвой компенсировано снижением реального обменного курса рубля вследствие платежей по внешнему долгу и снижения цен на нефть. Данные трудности, как ни странно, помогут защитить “средний класс российской промышленности”, вставший на ноги после кризиса 1998 г. С точки зрения защищенности отечественного производителя валютным курсом, ближайшие годы могут оказаться благоприятными для вступления.*
- *Возможности правительства защищать отдельные отрасли после вступления будут действительно ограничены, поэтому в процессе переговоров необходимо выбрать приоритетные отрасли и оговорить отсрочку открытия отдельных рынков в условиях вступления в ВТО.*
- *Вступление в ВТО действительно может привести к спаду в отдельных отраслях и регионах, поэтому уже сейчас необходимо предпринимать меры для решения проблем реструктуризации производства и снижения структурной безработицы. Отказ от вступления в ВТО не снимет необходимости решения этих проблем.*

Миф 2. “Сельское хозяйство умрет, и есть будет нечего”

Формулировка. *Вступление в ВТО откроет рынки дешевым импортным сельскохозяйственным товарам, с которыми наши продукты конкурировать не смогут. Наше сельское хозяйство перестанет существовать, что приведет к снижению уровня жизни в сельской местности и зависимости страны от импортного продовольствия. В периоды низких цен на нефть возможен продовольственный кризис.*

Обсуждение

● *“Сельское хозяйство останется совсем без защиты...”*

Сельское хозяйство во всех странах является отраслью с высоким уровнем государственной защиты, особенно выделяются ЕС, США и Япония. В России расходы на поддержку аграрного сектора сейчас относительно малы. Действующие тарифы значительно ниже, чем в среднем по ВТО, при этом вследствие неэффективности таможенного администрирования даже эти низкие тарифы не выполняли своей защитной функции. Таким образом, сегодня сельское хозяйство никак нельзя назвать защищенной отраслью. Может ли ситуация ухудшиться после присоединения к ВТО? Если понимать под защищенностью возможность в любой момент произвольно менять тарифы, как это понимает большая часть отечественных производителей, то да. Однако если отдавать себе отчет в том, что эта возможность и сейчас является фиктивной из-за плохой собираемости тарифов, то нет.

Правила ВТО не предусматривают отмены субсидирования сельского хозяйства, а лишь требуют введения максимального порога для государственных субсидий. В настоящее время на переговорах обсуждается сумма в 16 млрд долларов в год — величина существенно превышающая современный уровень субсидий сельскому хозяйству и потенциальные возможности бюджета в ближайшем будущем.

● *“... и поэтому не будет развиваться”*

Нужно ли поддерживать сельское хозяйство? Какой эффект субсидии будут иметь для сельского хозяйства: будут ли они способствовать росту в этой отрасли или наоборот будут тормозить развитие? Эти вопросы гораздо более важны при обсуждении условий вступления в ВТО, чем вопрос о том, соответствует ли уровень сельскохозяйственного протекционизма в России уровню, принятому в других странах.

Проблемы российского сельского хозяйства во многом схожи с проблемами промышленности — это отсутствие менеджеров, способных заниматься маркетингом и сбытом продукции, мягкие бюджетные ограничения, оппортунистическое поведение (принимаящее в сельском хозяйстве форму элементарного воровства), отсутствие контрактного права, трудности с получением кредита и т.д. В сельском хозяйстве эти проблемы стоят еще более остро вследствие неясно определенных прав собственности на землю. В отличие от промышленных предприятий,

основными активами сельскохозяйственных предприятий (бывших колхозов и совхозов) де-факто являются не средства производства (земля), а негласные политические права на получение явных или неявных субсидий для приобретения удобрений, кормов, горючего и других ресурсов (которые затем разворовываются для использования в частных хозяйствах).⁴ Таким образом, система государственного субсидирования хозяйств есть не что иное, как социально ориентированные трансферты на поддержку крестьян, причем осуществляемые крайне неэффективно: до самих крестьян доходит лишь небольшая часть потраченных бюджетом средств. Конечно, существующая система стала основным средством выживания сельских жителей, однако она не предоставляет никаких стимулов для развития эффективно-го сельскохозяйственного производства.

Для подъема сектора нужна не его защита от конкуренции, а серьезные институциональные изменения, в частности развитие системы кредитования и системы страхования сельскохозяйственных производств. В этом решающую роль сыграет проведение земельной реформы и создание работающих механизмов оборота земли. Социальные выплаты должны осуществляться непосредственно сельским жителям (например, через повышение пенсий) и в денежной форме. Средства на развитие должны вкладываться в первую очередь в инфраструктуру: возможно, стоит подумать о поддержке вновь возрождающихся машинно-тракторных станций или создании межхозяйственных семенных фондов, об улучшении транспортной системы.⁵

После девальвации 1998 г. в сельское хозяйство начал притекать частный капитал. В основном это крупные промышленные компании, вкладывающиеся пока в наиболее выгодные и очевидные звенья производственной цепочки (заготовка, сбыт), но есть и частные предприниматели, занимающиеся непосредственно производством. Особенно динамично развиваются отрасли, так или иначе связанные с экспортом.⁶ Вступле-

⁴ По оценкам экономистов американского Министерства сельского хозяйства, используемых российскими сельхозпредприятиями ресурсов достаточно для увеличения урожая на 43 % (даже применяя традиционные советские технологии). Это число можно принять за нижнюю оценку масштабов разворовывания ресурсов.

⁵ Развитие транспорта является важным звеном в процессе превращения отрасли из импортирующей в экспортирующую. Например, по мнению экспертов, развитие речного транспорта позволит экспортировать картофель в Иран.

⁶ Например, посевные площади под лен-кудряш выросли за два последних года почти в три раза.

ние в ВТО может помочь российскому сельскому хозяйству преодолеть импортные барьеры других стран и способствовать развитию сельскохозяйственного экспорта, а значит и развитию сектора в целом.

Выводы

- *Сельское хозяйство сегодня не защищено от внешней конкуренции ничем, кроме обменного курса рубля и транспортных издержек.*
- *Вопрос состоит не в том, вступить или не вступить в ВТО, а в том, что делать для развития сектора. Существующая система является неэффективным средством социальной поддержки крестьян и не дает никаких стимулов к развитию. Необходима земельная реформа, развитие кредитования и страхования в сельском хозяйстве. Бюджетные средства должны вкладываться в развитие инфраструктуры, а не на текущую поддержку хозяйств.*
- *Российское сельское хозяйство может встроиться в глобальную экономику, специализируясь в производстве тех культур, по которым у него есть сравнительные преимущества. Вступление в ВТО может явиться средством открытия границ других государств для российского сельскохозяйственного экспорта.*

Миф 3. “Финансовый сектор умрет, и все наши денежки уйдут (за границу?)”

Формулировка. *Наши банки, страховые компании и пенсионные фонды еще слишком малы для того, чтобы конкурировать с иностранцами. Вступление в ВТО приведет к уничтожению российских финансовых институтов, иностранные банки соберут деньги населения и вывезут их за рубеж.*

Обсуждение

- **“Банковский сектор нуждается в защите...”**

Многие высказываются за то, чтобы продолжать защищать рынок финансовых услуг, тем самым помогая российским финансовым институтам встать на ноги. Однако, как показал опыт последних 10 лет, при отсутствии реальной угрозы конкуренции со стороны иностранных компаний у наших финан-

совых компаний нет необходимых стимулов к совершенствованию деятельности. Именно там, где развитие сферы услуг происходило в условиях сильной иностранной конкуренции (инвестиционные банки), российские институты сегодня вполне конкурентоспособны. Отрасли, защищенные от конкуренции — банки, страховые компании, негосударственные пенсионные фонды — большей частью не способны сегодня эффективно осуществлять свои функции.

Неразвитость финансовых институтов дорого обходится экономике. Для российской экономики надежные расчеты провести невозможно, поэтому сошлемся на исследования для других стран. По оценкам американских экономистов Раджана и Зингалеса, с учетом межстрановых и межотраслевых различий отрасли в странах с высоким уровнем финансового развития растут в долгосрочной перспективе в среднем на 1 % в год быстрее. Причем, естественно, от финансовой неразвитости в первую очередь проигрывают такие сложные отрасли, как машиностроение, фармацевтика, микроэлектроника и др. Отсутствие хорошо развитого современного финансового сектора, безусловно, является одной из наиболее важных проблем для России. Если вступление в ВТО позволит эту проблему решить за счет прихода иностранных финансовых институтов и страховых компаний, то экономика России в целом от этого только выиграет.

Примечательно, что конкуренция со стороны иностранных банков уже становится реальностью: крупнейшие российские компании уже держат большую часть своих средств в зарубежных банках, многие вышли на иностранный рынок заимствований. К сожалению, у большинства населения выбора нет: монополия на розничном рынке принадлежит Сбербанку, который устанавливает отрицательные (!) реальные ставки процента по депозитам.

Либерализация рынка финансовых услуг в процессе вступления России в ВТО вряд ли повлечет за собой немедленные изменения. На сегодняшний день главным барьером для прихода иностранных банков является не законодательный порог в 12 % (который так и не был исчерпан и уже отменен), а плохой инвестиционный климат. Приток банковского капитала в Россию будет происходить по мере развития рыночных институтов, снижения политического риска, реформы регулирования, роста иностранных инвестиций и развития нового российского бизнеса, в том числе мелкого и среднего, и пройдет некоторое время, прежде чем на российской банковской сцене появятся крупные иностранные игроки. Как пра-

вило, крупные международные банки и страховые компании приходят в страну вслед за своими клиентами — транснациональными корпорациями, однако огромные ниши на рынке сбережений, страховых и пенсионных услуг для населения могут также привлечь иностранные банки. Самые эффективные из российских банков смогут воспользоваться этим временем, чтобы укрепить свои позиции. Кроме того, даже после прихода иностранных финансовых институтов у российских банков, страховых компаний и пенсионных фондов останется возможность работать на рынке розничного обслуживания населения.

● **“...а потоки капитала — в контроле”**

Дискуссия о либерализации контроля над оттоком капитала напрямую не связана с вступлением в ВТО. Эффективность такого контроля зависит от конкретной ситуации в стране, например, он был совершенно неэффективен в Бразилии, но на удивление эффективен в Малайзии. Утверждать, что “все, кто хотел, уже все вывезли”, неправомерно, так как отток капитала из России продолжается, причем темпы вывоза не снижаются.⁷ Безусловно, либерализация вывоза капитала повысит благосостояние потребителей, так как они получат доступ к более эффективным сберегательным инструментам: в отличие от наличных долларов (и вкладов в Сбербанк), вложенные в иностранную экономику средства приносят процентный доход.

Не совсем корректным, впрочем, является аргумент “для того, чтобы капитал притекал, нужно разрешить ему утекать”. Капитал может притекать только в том случае, когда в стране есть прибыльные проекты для его вложения, а таковые сами собой не появятся после формальной либерализации рынка капитала. С другой стороны, если в результате этой меры приток капитала в Россию и повысится, то это может быть приток краткосрочного и часто меняющего направление своего движения капитала. Как показывает опыт азиатского кризиса 1997-98 гг., приток такого капитала идет либо на финансирование роста потребления, либо на финансирование непроизводительных и неэффективных инвестиций. А это именно тот самый вид капитала, который многие страны пытаются

⁷ Следует заметить, что Россия является единственной страной с переходной экономикой, которая на протяжении 90-х годов в среднем вывозила, а не ввозила капитал.

ся к себе не пускать, как, например, делала Чили, установив на них специальный налог (точнее, норму обязательного резервирования).⁸ В любом случае меры по либерализации оттока капитала недостаточны для улучшения инвестиционного климата и привлечения иностранного капитала, и они не могут заменить собой меры, связанные с проведением судебной реформы, улучшением бухгалтерского учета, аудита, совершенствования закона о банкротстве, укрепления корпоративного управления и т.д.

Выводы

- *С точки зрения развития экономики в целом необходимо нарушить то монопольное положение, в котором в настоящий момент находятся российские банки, страховые компании и пенсионные фонды. С другой стороны, вступление в ВТО не приведет к мгновенному приходу иностранных финансовых институтов. У российских банков есть время подготовиться к конкурентной борьбе.*
- *Главный вопрос состоит не в том, вступать или не вступать в ВТО, а в том, что делать для развития финансового сектора, — это, прежде всего, меры, направленные на улучшение инвестиционного климата и защиту прав кредиторов.*
- *Вопрос либерализации контроля над оттоком капитала из России напрямую не связан с вступлением в ВТО. В любом случае для обращения притока капитала необходимо в первую очередь улучшение инвестиционного климата.*

Миф 4. “Снижение тарифов приведет к росту импорта и снижению иностранных инвестиций”

Формулировка. *Для стран с относительно неблагоприятным инвестиционным климатом, к каким, без сомнения, можно отнести Россию, предельно жестко стоит дилемма “либо товары, либо инвестиции”. Если внутренний рынок защищен тарифами, то дешевле построить завод внутри страны, чем импортировать товары. Если же рынок открыть, то все будет производиться за границей и ввозиться в готовом виде.*

⁸ В случае слишком большого притока капитала в краткосрочной перспективе растет курс национальной валюты и снижается конкурентоспособность промышленности. В долгосрочном смысле промышленность выигрывает, поскольку инвестиции приводят к увеличению эффективности производства.

Обсуждение

Данная теория неверна или верна только частично по следующим причинам.

Международный опыт говорит об обратном. Не только страны-члены ВТО получают больше прямых иностранных инвестиций, но и само вступление в ВТО обычно сопровождается ростом иностранных инвестиций. Например, в Болгарии в следующий после вступления год иностранные инвестиции выросли в 5 раз.

Мы провели межстрановой анализ, рассмотрев долю прямых иностранных инвестиций в ВВП для 86 развивающихся стран в 90-е гг., а также только для тех 42 из них, которые не были членами ГАТТ. В анализе учитывались страновые различия, уровень развития и размер экономики, глобальная экономическая конъюнктура. Оказалось, что в год вступления иностранные инвестиции в среднем (при прочих равных) повышаются на 1,2 % ВВП, а в следующие годы падают, но остаются на 0,8 % выше, чем до вступления. Это достаточно серьезный эффект, если учесть, что средний уровень прямых иностранных инвестиций в этих странах составляет 1,5 % ВВП.

Вступление в ВТО даст возможность российским производителям отстоять существующие и открыть новые экспортные рынки, так что увеличится инвестиционная привлекательность экспортирующих предприятий.⁹

Вступление в ВТО потребует принятия ряда законов, защищающих права инвесторов и авторские права, а также приводящих технические нормы и стандарты в соответствие с международными, что даст иностранным инвесторам гарантии против дискриминации со стороны властей, тем самым резко улучшив инвестиционную привлекательность страны в целом.¹⁰

⁹ Сторонники этого мифа приводят в качестве аргумента случай Китая, который пока не вступил в ВТО, но вполне успешно привлекает иностранные инвестиции. Однако при этом, как правило, не поднимается вопрос о том, что будет с инвестициями в Китай после вступления. Большинство иностранных инвестиций в Китай являются вертикальными, то есть ориентированными на экспорт продукции в другие страны, поэтому можно предположить, что иностранные инвестиции в Китай вырастут еще больше после того, как китайским товарам будут открыты новые экспортные рынки.

¹⁰ Известный специалист в области международных финансов профессор Арнольд Харбергер, консультировавший десятки правительств стран с развивающейся и переходной экономикой, считает, что в результате вступления в ВТО приток капитала в Россию усилится настолько, что может иметь место резкое повышение реального обменного курса рубля.

На *вертикальные* инвестиции, которые предполагают реэкспорт произведенной продукции и часто предполагают использование импортных комплектующих, снижение импортных тарифов влияет скорее положительно, чем отрицательно. Именно этот тип инвестиций доминирует в развивающихся и переходных экономиках.

Снижение тарифных барьеров может отрицательно повлиять только на *горизонтальные* инвестиции (те, которые направлены на удовлетворение внутреннего спроса принимающей страны), да и то не всегда. Во-первых, даже горизонтальные инвесторы импортируют в Россию большое количество комплектующих и материалов. Во-вторых, для притока иностранных инвестиций большое значение имеют не просто импортные тарифы, а совокупные издержки на доставку товара на местный рынок, и тарифы являются в России лишь небольшой их частью.¹¹ В-третьих, в России огромный потенциал для горизонтальных инвестиций: Россия обладает большим рынком, и тут не развит сектор услуг. Для реализации этого потенциала необходимо продолжать бороться с межрегиональными барьерами на пути движения продукции и факторов производства и развивать транспортную инфраструктуру.

Мы провели исследование того, насколько сильно изменение тарифов в прошлом сказывалось на изменении соотношения импорта и прямых иностранных инвестиций в России 1993-1996 гг. (к сожалению, у нас нет необходимых данных за последующие годы). Для вертикальных инвестиций эффект оказался нулевым, для горизонтальных инвестиций получилось, что при прочих равных условиях уменьшение тарифа на один процентный пункт влекло за собой рост доли импорта в суммарном объеме импорта и объема продукции предприятий с иностранным участием всего на 3 %. Даже сделав скидку на плохое таможенное администрирование, понятно, что эффект этот достаточно мал, чтобы быть с лихвой скомпенсированным улучшением инвестиционного климата.

Выводы

- ***Вступление в ВТО дает России уникальный шанс привлечь иностранный капитал. Те предприятия и регионы, которым удастся решить проблемы корпоративного управления и защиты прав инвесторов, смогут привлечь значительные инвестиции. При этом горизонтальные (ориентированные на вну-***

¹¹ Сложно представить себе, что снижение на 3 % тарифной ставки на ввоз в Россию молочных продуктов из Европы, может остановить иностранного инвестора, желающего открыть завод по переработке молочной продукции где-нибудь в Новосибирске.

тренний рынок) инвестиции пойдут во внутренние регионы с большей концентрацией населения, а вертикальные (ориентированные на экспорт) — в приграничные регионы с квалифицированной рабочей силой. Для привлечения инвестиций необходимы меры по улучшению инвестиционного климата и формированию единого экономического пространства в России.

- *Улучшение инвестиционного климата является, впрочем, необходимым условием долгосрочного экономического роста вне зависимости от вступления в ВТО.*

Миф 5. “ВТО спасет от произвола власти”

*Вот придет барин — барин нас рассудит.
Н. А. Некрасов “Забытая деревня”*

Формулировка. *Вступление в ВТО ограничивает возможности властного произвола и тем самым отменяет необходимость усилий в области административной реформы. Источник мифа: неверие в эффективность и справедливость власти, невозможность власти реформировать себя. Предыдущая реинкарнация мифа: надежда на план реформ МВФ.*

Обсуждение

Действительно, ВТО предоставляет иностранным производителям механизм разрешения конфликтов с российскими властями. В случае дискриминации иностранных производителей (по отношению к отечественным) реакцией будет, правда, не увольнение чиновников, а дискриминация отечественных товаров на иностранных рынках. Конечно, это приведет к давлению на власть со стороны российских экспортеров.

С другой стороны, вступление в ВТО не запрещает властям издеваться над отечественными предпринимателями, поэтому в отсутствие реформы регулирования и государственного аппарата не произойдет улучшения инвестиционного и предпринимательского климата; вступление в ВТО может привести к массовому оттоку капитала через, например, иностранные финансовые институты.

Безусловно, для того чтобы отстаивать интересы российских предприятий в институтах ВТО, необходимы очень квалифицированные и неподкупные государственные служащие, поэтому при подготовке к вступлению необходима реформа

госаппарата, повышение стимулов внутри государственной бюрократии. В отсутствие административной реформы российские производители не выиграют, а проиграют и от введения жесткого контроля над правами на интеллектуальную собственность.

Выводы

- *Вступление в ВТО не отменяет необходимости реформы регулирования и госаппарата. Более того, без этих реформ выгоды от вступления в ВТО будут существенно ниже.*

Миф 6. “ВТО развалится на региональные блоки, в которых нам не будет места”

Формулировка. *Будущее ВТО вызывает сомнения: в мировой экономике образуются региональные торговые ассоциации (американская, европейская и азиатская), которые и являются основными инструментами международной торговли. Вступив в ВТО, Россия ничего не выиграет, но потеряет преимущества Таможенного союза со странами СНГ.*

Обсуждение и выводы. Действительно, неочевидно, как Россия может встроиться в набирающие силу региональные блоки. Впрочем, тем более необходимо ускорить вступление в ВТО с тем, чтобы иметь хотя бы один инструмент для “взламывания” региональных границ. Что касается Таможенного союза, то если Россия вступит в ВТО, все экономические функции Таможенного союза могут быть сохранены при помощи двусторонних переговоров или формирования региональной ассоциации свободной торговли. В конце концов, уже сейчас один из членов Таможенного союза (Киргизия) является и членом ВТО. Возможно, впрочем, что часть политических функций Таможенного союза придется реализовывать другими средствами.

Миф 7. “Вступай, не вступай — страна так расположена, что инвестиций не будет”

Формулировка. *Российский климат делает производство всех товаров неконкурентоспособным, поэтому России нет места в глобальной экономике.*

Обсуждение

- *“Производство всех товаров обходится дороже, поэтому торговать невыгодно”*

Этот аргумент противоречит основам экономической теории. Проблема выгодности торговли для стран, у которых высокие издержки и нет абсолютных преимуществ по производству ни одного товара, еще в начале XIX в. была решена английским экономистом Давидом Рикардо. Он показал, что для международной торговли важны не абсолютные преимущества, а относительные.¹²

Следовательно утверждать, что для нашей страны нет места для участия в мировой торговле, только потому что климат холоднее и поэтому все издержки больше, нельзя. Существуют более важные факторы, например, квалификация рабочей силы, которые определяют положение экономики в системе международной торговли. Именно благодаря этому фактору более холодная Швеция обогнала в развитии более теплые Испанию и Португалию. Другое дело, что со временем конкуренция приведет к тому, что отрасли, не связанные с добычей и переработкой природных ресурсов, будут перемещаться в регионы с умеренным климатом.¹³

¹² То есть пусть добыча нефти в России стоит дороже, чем в окружающем мире, скажем Кувейте. Производство видеомagneтофонов — тоже дороже (чем, например, в Японии), но в большей степени, чем производство нефти. Тогда России выгодно производить нефть и покупать видеомagneтофоны, что мы и делаем с начала 90-х годов. Окружающему миру тоже выгодно: пусть за одно и то же время они могут произвести больше и нефти, и видеомagneтофонов, чем мы, но, сконцентрировавшись на производстве видеомagneтофонов, они повышают свою производительность труда в среднем и от этого выигрывают. Интересно, что в своей книге “Почему Россия не Америка?”, посвященной данному аргументу, профессор Паршев также ссылается на Рикардо, но делает прямо противоположные теории Рикардо выводы.

¹³ Советская индустриализация действительно привела к смещению производства и населения в существенно более холодные регионы. По оценкам американских экономистов Гадди и Икеса, за время советской власти температура для среднего российского жителя понизилась на 1°C, в то время как для среднего американского — выросла на 4°C. Таким образом, переток ресурсов в регионы с умеренным климатом может привести к серьезному снижению издержек производства. Впрочем, можно воспользоваться советом Дэйла Карнеги и “сделать из лимона лимонад”: стать мировым лидером по экстремальному туризму.

● **“Беды российской экономики объясняются географическими факторами”**

Влияют ли вообще географические факторы на долгосрочный экономический рост? Американские экономисты Гэллп и Сакс рассматривали, насколько важны для роста тропический климат, выход к морю (плотность населения в прибрежной полосе и в удаленных от моря районах), удаленность от наиболее развитых стран и т.д. Выяснилось, что факторы, связанные с неудачным географическим положением, действительно играют роль: удаленные от моря страны или страны, где хотя и есть выход к морю, но большинство населения живет не в прибрежной полосе, растут медленнее. Страны с тропическим климатом растут *медленнее* (при прочих равных). Однако объяснить это можно за счет высокой заболеваемости тропическими болезнями в таких странах: учет заболеваемости малярией (единственная болезнь, о заболеваемости которой есть надежные межстрановые данные) сводит на нет эффект климата. Гэллп и Сакс не оценивали влияние холодного климата, но они оценивали эффект от принадлежности к бывшим социалистическим странам (что, согласно книге Паршева, неплохая аппроксимация для холодного климата). Так вот, этот фактор теряет свою значимость, если учесть индексы открытости торговли и качества государственных институтов, который включает в себя оценку эффективности бюрократии, масштаб коррупции, эффективность контрактного права и исполнения законов. Так что не в климате состоит наше главное отличие от Америки.

Простое доказательство вторичности климата по отношению к политическим и правовым факторам — распределение спада производства по регионам России. Наибольшее падение наблюдалось скорее в южных регионах, чем в северных. Кстати, из результатов Гэллпа и Сакса следует, что среди регионов России в наилучшем географическом положении находятся Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область и Приморье. Только из-за близости к морю Ленинградская и Калининградская области должны были бы расти на 1 %, а Приморский край — на 0,6 % в год быстрее, чем страна в среднем. Как известно, Приморье является одним из наиболее проблематичных российских регионов, поэтому географические факторы в современной России существенно менее важны, чем институциональные.

Выводы

Конечно, холодный климат повышает производственные издержки, однако он не является решающим фактором, препятствующим развитию России на современном этапе, и не является при-

чиной, по которой России не стоит открывать экономику. При размещении производства в холодных районах уровень жизни населения действительно ниже, однако это не связано с открытостью: при закрытии экономики уровень жизни снизится еще больше (при прочих равных). С другой стороны, со временем в России может произойти обратный переток (недобывающего) производства и рабочей силы в регионы с более умеренным климатом.

Миф 8. “Наши беды в русском характере и ВТО этого не изменит”

Умом Россию не понять...
Ф. И. Тютчев

Формулировка. *Годы реформ показали: то, что работает в других странах, не работает в России. Русская душа не приемлет рынка и индивидуализма. Нам ближе община и коллективизм. Российские предприниматели не умеют созидать, а рабочие не умеют работать. Источник мифа: вера в особость русского народа.*

Обсуждение

Вера в особость присуща не только России. В XX в. многие страны пытались выбрать особый путь, который, как правило, включал изоляцию от внешнего мира, но после его краха возвращались на столбовую дорожку построения рыночной экономики. Хорошим примером могут служить страны Латинской Америки, которые, как и Россия, уповали на свою особость.

В силу множества причин экономический спад, вызванный развалом плановой системы, в России действительно оказался на порядок глубже, чем в других странах. Действительно до сих пор реформы не привели к повышению эффективности предприятий и уровня жизни, зато породили такие специфические явления, как бартер. Но это не говорит о том, что рынок в России не работает: как ни парадоксально, российская экономика находится в самом начале пути реформ. Конкуренция пока не затронула большинства российских предприятий, остаются существенные барьеры на пути движения продукции, труда и капитала.

В тех секторах, где удалось обеспечить возникновение конкурентной среды, производительность выросла, причем важна как внешняя, так и внутренняя конкуренция, а также конкуренция на рынке труда (рис. 2). Кстати, и бартер получил широкое распространение именно в неконку-

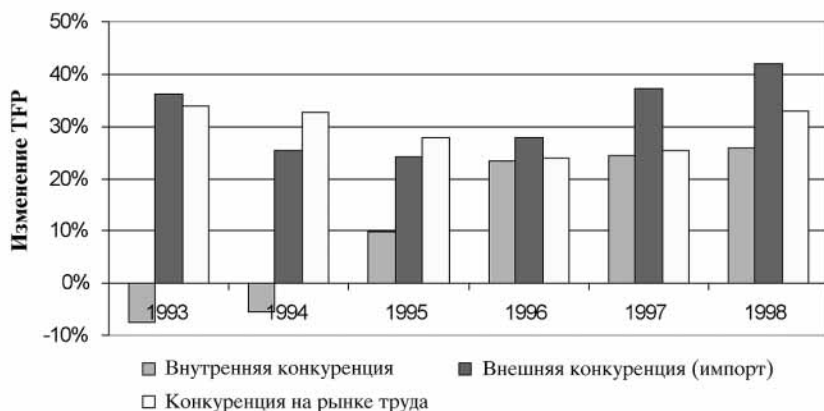

Рис. 2.

В России, как и в других странах, конкуренция заставляет увеличивать эффективность. На рисунке показано влияние конкуренции на общую производительность факторов производства (TFP): эффект конкуренции со стороны импорта, а также конкуренции на рынке труда всегда был большим и значимым. В последние годы внутренняя конкуренция также стала стимулом для повышения эффективности.

рентных отраслях: по расчетам Гуриева и Квасова, в 1996-97 гг. при прочих равных условиях в монополизированных отраслях доля бартера в выручке была на 15-20 % больше, чем в конкурентных.

Источник: расчеты американских экономистов Брауна и Эрла. Величина эффекта показывает, насколько при заданном количестве труда и капитала больше производит предприятие, если отрасль из монополизированной превращается в конкурентную. Расчеты выполнены по всем крупным и средним промышленным предприятиям России с учетом отраслевых и региональных различий. Отрасль определяется как отрасль с 5-значным кодом в классификаторе ОКОНХ. В качестве показателя внешней конкуренции используется доля импорта в продажах отрасли.

Ни в одной стране мира люди не хотят тратить время и силы на повышение эффективности производства товаров и услуг, если этого можно избежать. Однако наличие конкуренции не дает стоять на месте, и в этом Россия не исключение. Перефразируя классика, можно сказать, что все успешные страны развиваются одинаково — из-за наличия конкуренции, а все остальные — придумывают разные причины, чтобы эту конкуренцию ограничить.

Особость русского характера проявляется, скорее, в уникальной способности к выживанию — брошенный в воду российский предприниматель умудряется выплыть, несмотря на все трудности. Не последнюю роль тут играет высокий уровень базового образования. В среднем российские предприниматели — люди с хорошим (по мировым стандартам) высшим образованием, а главное — умеющие учиться и приспосабливаться к динамичной среде.

В условиях открытой экономики главным фактором успеха является способность предпринимателей найти нишу, которая даст возможность опережающего развития. Удачные примеры того, что “можем, когда хотим”, можно обнаружить в числе других, на сегодняшнем рынке программного обеспечения (ПО). Один из примеров — компания “Рексофт”. Лет 10 назад компания, в которой работало тогда 6 человек, начала с программирования на заказ для зарубежных фирм. Через несколько лет, отладив технологию производства ПО, “Рексофт” перешел к разработке собственных стандартных программных продуктов. В 1996 г. компания выпустила первый тиражируемый продукт на отечественный рынок — систему учета и тарификации телефонных переговоров “Барсум”. В числе других успешных продуктов “Рексофт” — комплексная система автоматизации гостиницы “Эдельвейс”, которая продается не только в России, но и на Западе, и система управления содержанием сайтов Dynasite. Мы спросили у руководителей компании, объем продаж которой достиг в 2000 г. (при 100 сотрудниках) 2,5 млн долларов, в чем секрет их успеха. На первом месте, по мнению менеджеров, стоят люди. Следующим важным аспектом было то, что они первыми вышли на западный рынок заказного ПО, и то, что за 10 лет работы “Рексофт” на практике отработал и умело комбинировал все модели работы софтверных фирм: индийскую, израильско-скандинавскую и национальную.

В качестве другого примера успеха можно назвать кампанию 1С (лидер на российском рынке бухгалтерского ПО). Распространение, а также поддержка и обучение персонала осуществляется через широкую сеть дилеров, охватывающую 430 городов России.

Качество рабочей силы в России часто тоже вызывает нарекания: у нас нет дисциплины, все алкоголики и т.д. Но не стоит забывать, что эти факторы во многом обусловлены экономическим спадом.¹⁴

¹⁴ Алкоголизм, как и многие другие социальные проблемы, связан и с экономическими причинами. Так, в 90-х годах количество госпитализаций, связанных с алкоголизмом, на душу населения в российских регионах уменьшалось на

Выводы

Российские предприниматели ничем не уступают западным и вполне адекватно реагируют на конкуренцию. Особость России в том, что она унаследовала от СССР концентрированную структуру промышленности, что существенно затрудняет создание конкурентной среды. Вступление в ВТО может значительно улучшить ситуацию, так как создаст необходимое конкурентное давление. Необходимым условием успеха является содействие мобильности труда и капитала, а также поддержание высокого уровня образования.

Заключение

Мы рассмотрели несколько устоявшихся высказываний, приводимых участниками дискуссии о ВТО. Внимательное рассмотрение стоящей за ними аргументации (выдвигаемой как сторонниками, так и противниками глобализации) показывает, что главный вопрос вовсе не в том, вступать или не вступать в ВТО. Основной клубок вопросов, возникающих в ходе обсуждения мифов, — это стандартный набор проблем, тормозящих развитие экономики России, связанных в первую очередь с плохим инвестиционным климатом. Нереструктурированные промышленность и сельское хозяйство, неконкурентоспособный финансовый сектор, коррумпированное и неэффективное правительство — бороться с этими бедами придется независимо от того, вступит Россия в ВТО или нет.

Но можно попытаться рассматривать вступление в ВТО как возможную точку отсчета, с которой начнется перестройка экономики, если ориентироваться на необходимость встраивания в глобальную экономику и использовать это встраивание для повышения эффективности. Поэтому мы предлагаем формулировать главный вопрос не как “*вступать или не вступать*”, и даже не “*когда вступать*”, а как “*что делать с собой, в ВТО вступающими*”. Задать его себе должно не только и не столько правительство, но и каждый участник экономического процесса, будь то предприятие, отрасль, предприниматель, менеджер, наемный работник, чиновник или законодатель. Невозможно определить лучшую стратегию для каждого участ-

0,2 % при увеличении реального дохода на душу населения на 1 % (с учетом уровня безработицы, уровня социального неравенства, доли городского населения, макроэкономических факторов и региональных отличий). Таким образом, можно ожидать, что при возобновлении экономического роста количество случаев алкоголизма сократится.

ника экономического процесса, но с нашей точки зрения наибольшие шансы для выживания в современном мире и получения как можно больших выгод от вступления в ВТО у России появятся только в случае увеличения экономической мобильности.¹⁵

¹⁵ Вторую часть доклада, посвященную мобильности, можно прочитать в журнале “Вопросы экономики” № 2 за 2002 г. Она посвящена идее о том, что для конкурентоспособности в глобальной экономике необходимы мобильность капитала, мобильность трудовых ресурсов, в том числе горизонтальная (географическая) и особенно вертикальная (профессиональная), то есть возможность накопления человеческого капитала, внутрикорпоративная мобильность, понимаемая как способность предприятий к инновациям и гибкость в изменении организационных структур, и информационная мобильность — необходимое условие для снижения транзакционных издержек на рынке продукции, труда и капитала и повышения остальных видов мобильности.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ-2015

Андрей Козлов

Российская банковская отрасль может развиваться по разным сценариям. Но основной вопрос таков: “Предстоит ли банковской системе России в ближайшие 15 лет еще раз войти в “переходное” состояние (как это было в 1991 г.), или же в ней возобладают эволюционные процессы, которые не внесут существенных структурных изменений?”

Современные тенденции в банковской отрасли

1. Итак, чтобы ответить на вопрос, нужно понять, какие экономические процессы и каким образом влияют на структурные элементы банковской системы. Для этого проанализируем отношения основных групп элементов российской банковской отрасли¹ с “внешней средой” и постараемся выявить те процессы “обмена ресурсами и продуктами”, которые определяют существенные черты банковской отрасли. Изменение этих тенденций и определит ответ на вопрос о ее будущем.

2. Банки, работающие с ФПГ и крупными госпредприятиями-монополистами, испытывают на себе следующие разнонаправленные тенденции, которые протекают в среде их “традиционных” клиентов.

© Козлов А. А., 2003

¹ Об этом подробно рассказано в полном варианте данной работы (п.2.3.), который можно найти на сайте www.club2015.ru

(1) Тенденции истощения производственных возможностей предприятий-клиентов по следующим причинам:

- ухудшение ценовой конъюнктуры целевых (в том числе экспортных) рынков;
- изменение структуры спроса на производимые товары (сдвиг от товаров низкой степени переработки и среднего качества — к товарам высокой степени переработки и повышенного качества);
- идущая на Западе экономическая рецессия;
- постепенное истощение эксплуатационных ресурсов и выбытие основных производственных фондов (из-за хронического недоинвестирования за последние 10-15 лет);
- продолжение практики “отпиливания” денежных потоков в пользу личных компаний и на личные банковские счета совладельцев и менеджеров предприятий ФПГ и госпредприятий;
- все еще низкий уровень управленческой и деловой культуры;
- сохранение заниженного курса рубля.

Эта группа тенденций ведет к сокращению спроса на услуги банков, сокращению объема перераспределяемой в пользу банков прибыли, сужению банковской доходной “маржи”.

(2) Тенденции дополнения и расширения производственных возможностей:

- привлечение внешних (иностраннх) источников финансирования капитальных вложений для замены производственного оборудования, расширения производства и развития сбытовых сетей;
- привлечение иностранных партнеров для расширения присутствия на целевых рынках и расширения сбыта продукции;
- вступление в альянсы с российскими партнерами и укрупнение ФПГ, развитие горизонтальной и вертикальной производственной интеграции;
- расширение ФПГ за пределы первоначального “корневого” бизнеса и активный выход в смежные сферы, а также в производство товаров и услуг для населения;
- расширение усилий по внедрению современных методов управления и финансового планирования, оптимизация финансовых потоков, прекращение практики “распиливания” денежных потоков в пользу отдельных собственников и менеджеров;

- реальное укрепление рубля, что делает экспортную выручку более “дорогой” в рублевом исчислении.

Эта группа тенденций ведет к расширению доходной базы обслуживающих банков.

(3) Тенденции к сокращению числа предприятий ФПГ и госпредприятий:

- продажа (частичная или полная) предприятий ФПГ их российскими владельцами в пользу новых иностранных инвесторов;
- возможное банкротство предприятий по причинам, указанным в пункте 2 (1), с возможным последующим переходом оставшихся производственных мощностей во владение новых, в том числе иностранных инвесторов;
- закрытие, слияние предприятий в ходе оптимизации структур ФПГ.

Эта группа тенденций ведет к сокращению числа ныне “доходных” банковских клиентов, к скачкообразной серии сокращений целевого клиентского сегмента, сжатию доступной для банков доходной базы.

3. Реальное влияние перечисленных в пункте 2 процессов будет определяться воздействием всех тенденций на банки, а также тем, какая из разнонаправленных тенденций возобладает.

В случае если в ближайшее время возобладают тенденции группы (1), то “каптивные” банки ожидает общее ухудшение финансового состояния и сокращение числа “игроков”, возможно — со скандалами. Если же эта тенденция наберет силу только через 5-7 лет, то у банков есть хороший шанс успеть провести реорганизацию и структурную внутреннюю оптимизацию, диверсифицировать свои операции, использовать получаемую от обслуживания ФПГ прибыль на развитие широкого спектра качественных банковских услуг, войти в альянсы с иностранными банками.

Если в ближайшие 4-6 лет преобладающими станут тенденции группы (2) из пункта 2, то ситуация законсервируется, экономические стимулы для совершенствования деятельности “каптивных” банков будут минимальны. Но у банков будет реальный шанс воспользоваться “передышкой” и направить ресурсы на “самосовершенствование”.

Тенденции группы (3) будут вести к сокращению числа “каптивных” банков в связи с тем, что переходящие в собственность иностранных владельцев предприятия вряд ли будут, как и рань-

ше, обслуживаться в прежних банках и придерживаться “традиционной” для России модели “олигархического” поведения.

4. Средние и малые банки окажутся под влиянием следующих тенденций, проходящих в среде их традиционных клиентов (см. пункт 5).

(1) Тенденции сокращения стимулов для развития бизнеса:

- реальное укрепление рубля, которое делает развитие импортозамещающих производств менее эффективным;
- возможность рецессии в российской экономике, вызванной кризисом в ее базовых отраслях и кризисом государственного долга, что косвенным образом повлечет снижение платежеспособного спроса населения и снизит спрос на банковские услуги;
- попытки местных властей повлиять на коммерческую деятельность региональных компаний и банков, которые искажают конкуренцию, сокращают потенциал не зависимых от властей банков и консервируют неэффективные способы работы банков, “близких” к властям.

(2) Тенденции расширения стимулов для развития бизнеса:

- общая тенденция к экономическому росту в стране, которая увеличивает платежеспособный спрос населения на товары и услуги, что стимулирует внутреннее производство и увеличивает спрос на банковские услуги;
- развитие сетевых интегрированных компаний, производящих и продающих товары народного потребления;
- увеличение внутренних накоплений российского бизнеса и их реинвестирование в создание новых производственных и торговых предприятий;
- сохранение заниженного курса рубля, что стимулирует внутреннее импортозамещающее производство;
- внедрение общенациональной системы гарантирования вкладов, что создаст дополнительные конкурентные преимущества.

(3) Тенденции к расширению иностранного присутствия в немонополизированных секторах российской экономики: увеличение прямых иностранных инвестиций в российские предприятия малого и среднего бизнеса, увеличение числа предприятий, принадлежащих иностранным инвесторам.

5. Все эти тенденции протекают в экономике одновременно и оказывают на банковскую отрасль разнонаправленные воздейст-

вия. Соотношение этих воздействий может меняться с течением времени и на различных этапах иметь следующие результаты.

В случае возобладания тенденций, сдерживающих развитие частного немонополизированного бизнеса в России (подпункт (1) пункта 4), спрос на банковские услуги средних и малых банков сократится. Это приведет к ускоренному выбытию многих банков данной группы, консервированию ситуации с “неформальными” отношениями между банками и представителями региональных властей и политиков.

В случае возобладания тенденций, указанных в подпункте (2) пункта 4, конкурентный и платежеспособный спрос на разнообразные и качественные банковские услуги станет расти. Это будет означать расширение возможностей для обслуживающих этот сектор банков, а также усиление конкуренции между банками за спектр и качество услуг — при невысокой, но стабильной доходной “марже”. В результате медленно, но неуклонно будет происходить отбор лучших, наиболее финансово устойчивых и хорошо управляемых банков. Эти банки изначально могут занимать определенные клиентские “ниши”, а затем возможно превращение лучших из них в серьезные и конкурентоспособные кредитные организации.

Ускоренное проникновение иностранного капитала в немонополизированный сектор российской экономики (подпункт (3) пункта 4) будет иметь двойное влияние. С одной стороны, налаживание производственных и управленческих процессов на средних и малых российских предприятиях по международным стандартам повысит качественный уровень спроса на банковские услуги, стимулирует банки к “подстройке” под повышенные требования. С другой стороны, иностранные компании в России, не найдя в среде российских банков достойных партнеров, будут прибегать к услугам иностранных банков. Это ускорит выбытие неэффективных и неспособных к реформированию средних и малых банков.

6. Иностранные банки в России испытают влияние таких тенденций в среде клиентов.

(1) Тенденции, стимулирующие присутствие иностранных банков на российском рынке:

- увеличение числа российских компаний, находящихся в собственности и/или под управлением иностранных владельцев, особенно — предприятий ключевых отраслей российской экономики;
- усиление экономической активности в России;

- расширение конкурентной среды, нормализация отношений между властью и бизнесом, улучшение деловой культуры.

(2) Тенденции к уменьшению присутствия на российском рынке:

- протекционизм государственных органов по отношению к ФПГ;
- консервирование неконкурентной атмосферы и низкой деловой культуры в российской экономике;
- внедрение общенациональной системы гарантирования вкладов, что создаст дополнительное конкурентное давление со стороны средних российских банков;
- мировая рецессия, которая заставит банки сосредоточиться на своих “домашних” проблемах и не позволит расширять присутствие и операции в других странах.

7. При возобладании тенденций к увеличению присутствия на российском рынке, иностранные банки могут быстро занять ключевое положение в российской банковской отрасли, потеснив все российские банковские структуры, в том числе Сбербанк РФ и Внешторгбанк РФ.

Если же возобладают тенденции из подпункта (2) пункта 6, то нынешнее положение иностранных банков в России сохранится. И они будут расширять присутствие в сегменте, ныне занимаемом средними банками.

8. Сбербанк РФ и Внешторгбанк РФ будут испытывать влияние следующих тенденций.

(1) Тенденции к снижению доходности основных операций и ухудшению финансового состояния:

- тенденции к исчерпанию производственных возможностей предприятий ФПГ и государственных предприятий, которые перечислены в пункте 2;
- возможное ослабление государственной поддержки (по гарантиям вкладов и рефинансированию);
- введение общенациональной системы гарантирования вкладов, создающей конкуренцию Сбербанку РФ.

(2) Тенденции к сохранению и укреплению финансового состояния и расширению операций:

- наращивание производственных возможностей предприятий ФПГ и государственных предприятий, которые перечислены в пункте 2.

9. В случае возобладания тенденций, указанных в подпункте (1) пункта 8, Сбербанк РФ и Внешторгбанк РФ будут постепенно терять конкурентные преимущества перед иностранными банками, а также перед средними российскими банками. В случае критически быстрого ухудшения финансового состояния отдельных ФПГ или госпредприятий-монополистов, которые являются крупными заемщиками указанных банков, эти банки могут испытать финансовые потрясения.

Если возьмут верх тенденции из подпункта (2) пункта 8, то ситуация будет “законсервирована” на долгое время. Одновременно будет происходить укрепление позиций Сбербанка РФ и Внешторгбанка РФ в российской банковской системе — в основном за счет “вымывания” слоя малых и средних банков.

10. На российскую банковскую систему также будут оказывать влияние следующие тенденции и события.

(1) Возможные решения Правительства РФ и ЦБ РФ по открытию доступа находящимся за границей иностранным банкам непосредственно к российским потребителям банковских услуг. В терминологии ВТО это означает разрешение на “трансграничное” оказание услуг без необходимости учреждать дочерние банки или филиалы на территории РФ.

В случае продолжения этой тенденции конкурентное воздействие мировой финансовой системы на российские банки станет настолько значительным, что банки с российским капиталом окажутся в узких “нишевых” секторах и все более значительные финансовые потоки российской экономики будут опосредоваться иностранными банками, находящимися за границей.

(2) Укрепление банковского, антимонопольного, общегражданского и уголовного законодательства с целью создания равных “правил игры” для всех участников рынка, укрепление системы реализации законов, приближение российской банковской практики к международным стандартам. Эта тенденция будет вести к постепенному вытеснению из банковской практики “серых” и “черных” операций, закрытию банков, практикующих недобросовестные или незаконные операции.

(3) Развитие и широкое применение в банковской практике современных информационных технологий. Эта тенденция ускоряет “вымывание” из банковской системы малых банков, а также банков, которые ориентируются на разовые и несистематические сделки. Вместе с тем иностранные банки с уже развитой и разветвленной инфраструктурой, с большими финансовыми воз-

возможностями получают все более значительное конкурентное преимущество перед малыми и средними банками.

11. В самой банковской системе также протекают “внутренние” процессы.

(1) Накопление профессионального опыта и знаний, что ускоряет “естественный отбор” в банковской среде.

(2) Ускоряющееся расслоение банков на банки финансово-устойчивые и банки, не имеющие стратегических планов и перспектив развития, хаотически управляемые.

Матрица сценариев

1. Альтернативные варианты развития событий в российской банковской отрасли (сценарии) вытекают из ее текущего состояния². Приведенная ниже матрица позиционирует “типовые” сценарии в зависимости от двух ключевых параметров: 1) общего экономического воздействия на “внешнюю среду” банковской системы и на нее саму; 2) типа поведения государственной власти по отношению к экономике и к банковской отрасли.

2. Матрица сценариев:

Экономическое влияние	Поведение властей		
	Осторожно-реформаторское	Активно-реформаторское	Конъюнктурно-краткосрочное
Стабильно-позитивное	Сценарий 1		
Негативное		Сценарий 2	Сценарий 3

3. Стабильно-позитивное экономическое влияние предполагает сохранение на продолжительный срок действующего позитивного *баланса тенденций* в экономическом развитии страны и в ее экономическом окружении.

Негативное экономическое влияние предполагает скорое ухудшение экономических показателей, конъюнктуры рынков и перспектив.

4. Осторожно-реформаторское поведение властей означает их прагматичную, но осторожную и неторопливую позицию по отношению к экономике и банковской реформе.

² Главы данной работы, в которых рассматриваются методология, предыстория и текущее состояние банковской системы (до 2001 г.) — см. на сайте www.club2015.ru

Активно-реформаторское поведение означает, что власти готовы идти на решительные шаги, тщательно просчитав их отдаленные экономические последствия, составив четкий позитивный план действий, собрав решительную и профессиональную команду экономистов и заручившись консенсусом всех ветвей власти о понимании существа и плана реформ.

Конъюнктурно-краткосрочное поведение властей означало бы частое и энергичное принятие фрагментарных действий, которые имели бы в основном краткосрочный эффект, отражали баланс или “торг” текущих политических интересов, защищали позиции отдельных политических и/или лоббирующих экономических групп.

5. Приведенные ниже три возможных сценария, конечно, не могут “покрыть” весь спектр возможных событий и условий будущего. Как и выбранные два критерия не могут описать весь набор вариантов влияния на банковскую отрасль. Однако они задают пример и “рамку” для построения иных сценариев. Желющие могут попрактиковаться самостоятельно.

6. Все сценарии построены так: сначала идет описание внешних экономических и политических факторов, которые меняют конфигурацию “внешней среды” для банковской системы. Затем рассказывается об изменениях во “внешней клиентской среде” и о том, как меняется ее воздействие на банковскую отрасль. И, наконец, показываются события, происходящие в банковской системе — в разбивке на отрезки времени.

Сценарий 1. “Стабильно-позитивное экономическое влияние при осторожно-реформаторском поведении властей”

1. Сценарий подразумевает, что текущий баланс тенденций, воздействующих на банковскую систему России, долго остается неизменным и Правительство РФ занимает прагматичную, но осторожную и неторопливую позицию по отношению к экономике и банковской реформе.

В этом случае будут происходить следующие события.

2. “Внешние” события и воздействия *на клиентов* банковской системы.

(1) Продолжается медленный процесс выбытия основных производственных фондов предприятий сырьевых отраслей промышленности. “Пик” проблемы растягивается на период 2004–2007 гг.

(2) Продолжается постепенное укрепление рубля (5–10 % в год) на фоне умеренной инфляции (10–15 % в год). Снижается размер положительного сальдо торгового баланса страны. “Нулевая отметка”, при которой положительное сальдо по текущим операциям перестает покрывать платежи по обслуживанию внешнего долга, приходится на 2005 г.

(3) Цены на основные товары российского экспорта в основном неизменны и колеблются на невысоком, но достаточном для обеспечения необходимых бюджетных доходов уровне.

(4) Экономическая рецессия на Западе неглубока и после прохождения самой низкой точки в 2003 г. начинает меняться на умеренный экономический подъем.

(5) Платежеспособный спрос населения России растет умеренными темпами синхронно с экономическим ростом.

(6) Иностранные компании увеличивают экономическую активность в России: пока есть стимулы для импортозамещения, в России создаются или “раскручиваются” предприятия легкой и пищевой промышленности с иностранным капиталом; с затуханием стимулов к импортозамещению процесс прямых инвестиций замедляется, но расширяется торговое присутствие иностранных импортеров.

(7) Реформирование экономики Правительством и Банком России идет умеренно, постепенно принимаются законодательные и нормативные акты, способствующие созданию конкурентной экономической среды, постепенно укрепляется система исполнения экономического законодательства и контрактного права.

(8) Снижается степень “предвзятого” и внеэкономического влияния региональных властей на субъекты экономики.

(9) Продолжается процесс повышения уровня профессиональной грамотности и эффективности менеджеров как в банковской системе, так и во всех отраслях экономики.

3. Вышеуказанные события производят изменения в клиентской среде, которые влияют на состояние банковской отрасли.

(1) Предприятия ФПГ и госпредприятия-монополисты втягиваются в полосу обострения финансовых проблем, связанных с необходимостью замены основных производственных фондов. Большая часть этих предприятий справляется с трудностями, либо находя внутренние ресурсы, либо за счет продажи портфелей

своих акций иностранным инвесторам. Часть предприятий этих отраслей переходит к 2008 г. в полное владение иностранных собственников и начинает развиваться более быстрыми темпами по сравнению с другими российскими предприятиями своих отраслей. С 2009 г. происходит оживление в “базовых” секторах российской экономики, иностранные инвесторы начинают серьезно вкладывать средства в эти сектора, не ограничиваясь предприятиями “ритейловой” части экономики. К 2015 г. вытесняются неэффективные собственники и менеджеры из указанных предприятий, и около 50 % всех этих предприятий оказывается в иностранной собственности. К этому же времени выжившие и окрепшие предприятия “базовых” отраслей российской экономики инвестируют значительные финансовые ресурсы не только в расширение своего или смежного производства, но и в “ритейловую” часть российской экономики.

(2) Укрепление в 2002-2004 гг. рубля при невысокой, но заметной инфляции приводит к постепенному дестимулированию внутренней экономической активности без предоставления преимуществ, обычно связанных с таким укреплением. К 2005 г. напряженное положение с бюджетными доходами и необходимостью обслуживать государственный долг приводит к сокращению государственных золотовалютных резервов и необходимости вновь “отпустить” курс рубля. После принятия такого решения происходит отчасти спонтанная коррекция курса (снижение курса рубля на 30-50%) и длящаяся в течение 4-5 месяцев экономическая рецессия. С 2006 г. экономика получает толчок к саморазвитию (как в 1999-2001 гг.). Переживаемые в 2005-2006 гг. валютно-финансовые “неурядицы” проходят не так болезненно, как в 1998-1999 гг. Девальвация рубля не сопровождается дефолтом по государственному долгу. Наоборот, обращение к МВФ и иностранным кредиторам спасает положение. В ходе экономической рецессии ослабевают “внеэкономические” связи между региональными властями и бизнесом. Становится очевидным, что конкурентная среда и разумная государственная экономическая политика могут дать толчок развитию региональных экономик. Экономическое оживление после девальвации воспринимается предприятиями “ритейловой” экономики гораздо быстрее и эффективнее, чем в 1999-2000 гг. Оживление начинается в “ритейловых” секторах экономики. К 2015 г. российская экономика в значительной мере становится “ритейловой”, за счет которой производится более 50% ВВП. Фактически период 2006-2008 гг. (рецессия-оживление) повторяют период 1999-2001 гг., уроки предыдуще-

го кризиса выучены, и этот период окончательно расчищает дорогу для эффективных методов ведения бизнеса.

(3) Государство осуществляет валютную либерализацию. Постепенно снимаются административные ограничения на трансграничное оказание банковских услуг российским клиентам находящимися за границей банками. Однако этой “открытой дверью” иностранные банки начинают активно пользоваться с 2006 г. С одной стороны, это дает российским предприятиям дополнительные финансовые возможности. С другой — заставляет их более жестко конкурировать за ограниченные (по причине “страновых лимитов”) финансовые ресурсы. Это стимулирует появление “лидеров” среди российских предприятий, работающих по международным стандартам и правилам. Правда, значительное число этих предприятий полностью или частично принадлежит иностранцам. К 2015 г. происходит постепенное накопление “российского” капитала и сокращение доли иностранного капитала в предприятиях “ритейловой экономики”.

(4) Государство избирает “консервативный” подход к реформированию банковской системы. Это означает, что основной фокус “реформ” сосредоточен в укреплении процедур надзора, в “вычищении” банковской системы от неэффективных банков, в принятии мер, укрепляющих доверие к банковской системе.

4. Банковская система ведет себя так

2002-2003 годы

Консервируется текущее состояние банковской системы. Происходит медленное “естественное” выбытие неэффективных банков. Банковская отрасль очищается от последствий финансового кризиса 1998 г.

Некоторые “каптивные” банки, отталкиваясь от своих финансовых возможностей, активно пытаются расширить присутствие в “ритейловой” части экономики. Такое изменение пока не имеет под собой реальных экономических движущих мотивов, кроме осознания владельцами и менеджерами этих банков неизбежности грядущих экономических изменений, желания подготовиться к ним, мыслить стратегически либо подготовить свои банки к продаже новым иностранным владельцам. Большинство же “каптивных” банков продолжают работать в традиционной манере.

Средние и малые банки (в том числе региональные, обслуживающие “ритейловую” часть экономики) постепенно уходят с рынка, будучи не в состоянии найти капитал для развития и выдерживать конкурентную борьбу между собой при общей низкой

доходной “марже”. Они либо закрываются, либо продаются сетевым “каптивным” банкам. К 2004 г. число средних и малых банков сократится на 20-30 %.

Банки с иностранным капиталом осторожно присутствуют на российском рынке, заметно не расширяя операции. Они продолжают обслуживать иностранные компании в России. Вместе с тем они активно ведут подготовку к выходу на новые для них рынки в России: в массовое обслуживание частных лиц и в “ритейловую” экономику. Они постепенно наращивают капиталы в основном за счет капитализации получаемой в России прибыли. Банки, находящиеся за границей, пока еще неактивно пользуются плодами валютной либерализации и неохотно предоставляют банковские услуги российским потребителям (как частным, так и корпоративным).

Сбербанк РФ и Внешторгбанк РФ формируют основной доходный портфель активов за счет кредитования ФПГ и госпредприятий-монополистов (и связанных с ними внешнеторговых предприятий).

Банк России и Правительство РФ придерживаются осторожного подхода к реформированию банковского сектора, не принимая кардинальных решений. Одновременно Правительство РФ продолжает вкладывать средства в капиталы государственных специализированных банков, правда, без особого заметного для экономики результата.

2004-2006 годы

С 2004 г. в российской банковской системе вводятся в обязательном порядке международные стандарты учета и отчетности. Устанавливаются обязательные минимальные требования к банковскому капиталу в размере 5 млн евро.

Начинает работать государственный орган по борьбе с “отмыванием” незаконных доходов.

Создается система гарантирования банковских вкладов. Для вступления в нее устанавливаются жесткие минимальные требования. В систему к 2006 г. вступают около 10% банков, в том числе Внешторгбанк РФ. Сбербанк РФ в нее пока не вступает, однако ответственность государства перед вкладчиками Сбербанка приобретает отчетливые формы: государство заявляет, что несет ответственность только по частным вкладам, и в случае финансовых проблем у Сбербанка РФ его прочие кредиторы никакой государственной поддержки не получают. Это оформляется соответствующими поправками в законодательство и скрепляется

ся соглашением между правительством РФ и Сбербанком. При этом государство декларирует, что собирается более жестко контролировать кредитную политику Сбербанка, но реальных шагов в этом направлении сделать не успевает.

В 2005 г. во время валютно-финансового кризиса, который по времени совпадает с началом заметных проблем у ряда предприятий ФПГ и госпредприятий-монополистов, в банковской отрасли нарастают напряжения. Некоторые “каптивные” банки уйдут с рынка. Причины: сокращение экспортных потоков “дружественных” ФПГ и переход ряда предприятий ФПГ под контроль новых (в основном — иностранных) владельцев. Уход нескольких крупных “каптивных” банков будет достаточно “громким”, но не столь драматичным, как в 1998 г., так как они к этому времени не успеют оказаться глубоко втянутыми в массовое депозитное обслуживание населения.

Большинство банков, которые успеют вступить в обязательную систему гарантирования вкладов, пройдут период 2005–2006 гг. без существенных негативных последствий.

Процесс контроля за внедрением международных стандартов учета и за установлением минимального размера капитала приводит в 2005–2006 гг. к выявлению и закрытию около 60% средних и малых банков. Значительная их часть преобразуется в небанковские кредитные организации или вливается в филиальные сети более крупных банков.

Происходит серия скандалов вокруг небольших банков, нуждаемых к закрытию в связи с новыми правилами в области стандартов учета и установлением повышенной планки минимального капитала. Эти банки оказываются вовлеченными в масштабные аферы по “отмыванию” незаконных доходов организованных преступных группировок, что вскрывается в ходе проверок уполномоченных российских государственных органов, а также расследований западных спецслужб. Россия вновь попадает в “черный список” FATF и вычеркивается из него только в 2008 г.

Крупные банки из “средних”, а также те “бывшие каптивные” банки, которые успели в период 2002–2005 гг. укрепить финансовое состояние и диверсифицировать операции, проходят кризис. Но отдельные банки этой группы, которые не подготовили стратегических планов, плохо управляемы и структурированы, выбывают с рынка. Они доставляют проблемы и беспокойства, так как именно они успели привлечь заметную часть частных сбережений.

Намечается отток вкладов из банковской системы.

Сбербанк РФ и Внешторгбанк РФ испытывают значительные сложности с возвратом их кредитов, выданных в пользу ФПГ и крупных госпредприятий-монополистов. Они несут существенные убытки и испытывают сложности с ликвидностью. Вкладчики изымают до 10 % вкладов в Сбербанке РФ. Государство помогает обоим банкам восстановить ликвидность, частично помогая краткосрочными кредитами Банка России, частично — выкупая активы через АРКО. Однако к концу 2006 г. убытки обоих банков составляют до 50 % их капитала. Капитал Внешторгбанка, принадлежащий Банку России, уменьшается на размер убытков. Убытки Сбербанка пропорционально уменьшают долю каждого из его акционеров. Государство проводит переговоры с коммерческими кредиторами Сбербанка с целью реструктурировать долг, перевести его часть в долгосрочные кредиты, а часть — в акции Сбербанка. Кредиторы соглашаются, и до 70 % капитала Сбербанка после реструктуризации его долгов принадлежит коммерческим организациям. Так проходит фактическая приватизация Сбербанка.

Прочие банки с участием государственного капитала окончательно доказывают свою несостоятельность. Их капитал при аккуратном подсчете оставшихся активов и рисков, практически списывается. Банки ликвидируются.

Иностранные банки тянут с вступлением в систему государственного гарантирования вкладов, но готовятся к послекризисному “рывку”.

Банк России вводит в эксплуатацию две новые параллельно действующие системы расчетов: 1) систему осуществления крупных платежей в реальном времени, 2) улучшенную систему осуществления малых платежей в пакетном режиме с датой валютирования на следующий день. Эти системы улучшают качество обслуживания банковских клиентов и снижают операционные издержки банков.

2007-2012 годы

В послекризисный период базовые отношения и взаимосвязи в банковской системе России неизменны. Меняется только расстановка сил между различными банковскими группами.

“Каптивные ” банки практически перестают играть заметную роль в банковской системе. Их число и размер операций снижаются по сравнению с периодом 2002-2004 гг. За ними закрепляется фактическая роль расчетно-кассовых центров при оставшихся ФПГ. Сами же ФПГ, реорганизовав процедуры стратеги-

ческого, бизнес- и финансового планирования, сменив менеджмент, начинают активно пользоваться услугами “внешних” банков на рациональной и конкурентной основе. На них приходится теперь не более 10 % рынка банковских услуг (в 2002-2004 гг. — до 50 %).

Средние и малые банки, а также некоторые выжившие и диверсифицировавшие операции “каптивные” банки занимают прежнее место в российской банковской системе. Они концентрируются на предоставлении услуг “ритейловым” отраслям российской экономики и добиваются определенных успехов в расширении спектра и повышении качества услуг. Их вступление (почти всех) в систему государственного гарантирования вкладов дало возможность конкурировать с крупными иностранными банками за частных вкладчиков. Общее число малых и средних банков сокращается примерно до 200. Некоторые из них (около 50) становятся сетевыми банками регионального масштаба. Около 10 банков имеют сети более чем в пяти областях России. Остальные банки этой группы прочно занимают определенные клиентские или “продуктовые” ниши в своих регионах. Средние банки активно кредитуют граждан на приобретение недвижимости, автомобилей, товаров длительного пользования, массово выпускают пластиковые карты с открытым кредитным лимитом. Этот сектор банковской системы постепенно накапливает внутренние ресурсы, капитализируется, учится конкурировать с иностранными банками. Банки данной группы занимают до 30 % рынка банковских услуг.

Сбербанк и Внешторгбанк сокращают объем операций по сравнению с 2002-2004 гг. Их влияние теперь менее заметно, доля на рынке банковских услуг — около 10 %.

Внешторгбанк после оптимизации внутренней структуры и системы управления приватизируется и превращается в средний российский банк, однако достаточно заметный на фоне иных средних банков, работающих с корпоративной клиентурой. Он пытается сохранить прежнее реноме “крупного” российского банка для корпоративной клиентуры, однако его позиции ослабевают по причине возрастающей конкуренции со стороны иностранных банков.

Сбербанк сокращает филиальную сеть, продает часть филиалов и отделений иностранным банкам. Его доля в общем объеме частных вкладов населения снижается к 2012 г. до 25 %. Он вступает в государственную систему гарантирования вкладов на общих основаниях. Его преимуществом остается разветвленная сеть электронных межфилиальных расчетов, которая конкуриру-

ет с расчетными системами Банка России и дорогими платежными системами иностранных банков.

Начинается заметное движение кредитной кооперации — кредитных союзов. На протяжении предыдущих 3-4 лет для этого была создана юридическая база. Но период активного роста кредитной кооперации приходится именно на 2007-2009 гг.

Иностранные банки начинают активную экспансию на российском рынке банковских услуг по трем основным направлениям.

Во-первых, захватывают лидирующие позиции по комплексному обслуживанию крупных российских компаний (значительная часть которых к 2009 г. уже принадлежит иностранным владельцам); 50 иностранных банков, созданных к 2001 г. на территории России, начинают активную экспансию в данном клиентском секторе.

Во-вторых, около трех иностранных банков (предположительно один американский и два западноевропейских) взрывным образом начинают экспансию на рынке банковского обслуживания частных лиц. Они в течение 2007-2008 гг. создают сеть отделений не менее чем в 30-40 городах России каждый. Цель — растущий российский “средний класс”.

В-третьих, иностранные банки, находящиеся за пределами России, начинают активно предоставлять услуги российским клиентам “трансгранично”. Это касается кредитования корпоративной клиентуры всех секторов экономики и предоставления депозитных и расчетных услуг российскому “среднему классу”, в том числе с использованием пластиковых карт и интернета.

В результате такой экспансии к 2012 г. доля иностранных банков на рынке банковских услуг в России вырастет до 50 %, причем эти банки будут обслуживать самые “лакомые” сегменты российской клиентуры.

2013-2015 годы

Состояние российской банковской отрасли постепенно улучшается. Рост “ритейловых” отраслей российской экономики дает ощутимый толчок для банковского сектора. В этот период оставшиеся российские средние банки по спектру и качеству услуг не отличаются от иностранных банков. Они предприимчиво вторгаются в сектора, в которых в предыдущие пять лет стали доминировать банки с иностранным капиталом.

К 2015 г. количество российских банков вновь начинает расти. Их доля на рынке банковских услуг увеличивается до 60 % и

продолжает нарастать. Экспансия иностранных банков приостанавливается.

5. Можно сказать, что российская банковская отрасль не будет переживать перемен и потрясений 1991-2000 гг. Ее основы останутся прежними, но улучшенными и модернизированными. Вместе с тем состав банковской отрасли претерпит существенные изменения. Эти изменения будут эволюционными, но в период 2004-2006 гг. — бурными. Российские банки будут значительно потеснены к 2012 г. иностранными конкурентами, однако к 2015 г. эта тенденция медленно повернет вспять вместе с развитием “ритейловой” составляющей российской экономики.

Сценарий 2. “Негативное экономическое влияние при активно-реформаторском поведении властей”

1. Сценарий предполагает скорое ухудшение экономических показателей, конъюнктуры рынков и перспектив легкого экономического процветания. При этом Правительство РФ будет реализовывать энергичную, продуманную и комплексную политику реформ в экономике (и в банковской сфере). Основа политики — осознание бесперспективности прежних фрагментарных подходов к экономическим реформам, а также понимание неизбежности начинающихся “тектонических” сдвигов в российской экономике и их серьезных последствий.

Будут происходить такие события.

2. “Внешние” события и воздействия *на клиентов* банковской системы.

(1) Процесс выбытия основных фондов базовых отраслей российской экономики становится настолько сильным, что владельцы и управляющие ФПГ и госпредприятий-монополистов не могут скрыть его истинные масштабы. В 2002 г. падение производства в Газпроме составляет 15 %, в РАО ЕЭС — 10 %, в горнодобывающих, металлургических и нефтяных компаниях — 6-8 %, объем грузовых перевозок снижается на 10 %. В 2003 г. общее падение производства в сырьевых отраслях и отраслях “первого цикла” переработки в натуральном выражении составляет до 15%.

(2) Мировые цены на энергоносители и другие сырьевые товары в 2002 г. опускаются ниже отметки, необходимой для обес-

печения сбалансированности бюджета. Доходы российских сырьевых экспортеров падают настолько, что они не могут себе позволить проведение масштабных инвестиционных программ для восстановления основных производственных фондов. Цены на энергоносители остаются низкими на протяжении 2003-2005 гг.

(3) Экономическая рецессия на Западе затягивается. ВВП США, Японии и ЕС снижается в 2002-2005 гг. на 4-6 % ежегодно. Нижняя точка рецессии — 2005 год. Всемирный экономический рост заметно возобновляется к 2007 г.

(4) Платежеспособный спрос населения России в 2002-2005 гг. медленно снижается по причине падения объемов производства и соответственно заработной платы, роста безработицы в базовых отраслях экономики.

(5) Всемирная кампания по борьбе с терроризмом, разрастание зоны конфликта за пределы Афганистана налагает дополнительное финансовое бремя на оборонный бюджет России.

(6) Правительство России реформируется в очередной раз. В 2002 г. оно принимает программу коренных одновременных экономических преобразований и нового экономического позиционирования России в международном разделении труда, энергично приступает к проведению реформ в жизнь. Ставка в реформах делается на ускоренное развитие “ритейловой” и “новой” экономики в ближайшие 10 лет, затем — на развитие машиностроения и других отраслей, выпускающих “сложную” продукцию, а также на полное открытие базовых отраслей иностранным инвестициям и на этой основе — на полную перестройку этих отраслей за ближайшие 10 лет.

В частности, производятся такие действия:

- принимается более рациональная редакция закона о банкротстве нефинансовых предприятий и организаций, отдельный закон о банкротстве банков и иных финансовых предприятий (страховых, ипотечных, брокерских и т.п.);
- при федеральных округах создаются суды по банкротству;
- проводится политика быстрой и решительной ликвидации ставших несостоятельными компаний базовых отраслей российской экономики через банкротство; остатки их активов, имущества и права пользования недрами продаются на аукционах;
- открываются широкие возможности для иностранных концессий в базовых сырьевых, металлургических, нефтехимической и нефтеперерабатывающих отраслях российской экономики;

- вводятся льготы по новым прямым инвестициям во вновь создаваемые сырьевые и добывающие предприятия; создание таких предприятий стимулируется на основе тех месторождений, которые эксплуатировались ранее обанкротившимися российскими компаниями;
- упрощается система налогообложения доходов предприятий, постепенно снижаются ставки налогообложения, одновременно ужесточается контроль за начислением и сбором налогов;
- устанавливаются правила работы для “поставочных” и “срочных” рынков биржевых товаров: нефти, газа, металлов, электричества, зерна и т.д., принимается решение о необходимости создания нескольких новых специализированных товарных и срочных бирж, в том числе с прямым участием иностранного капитала;
- Правительство разрабатывает новую масштабную программу по поддержке малого и среднего бизнеса в “ритейловых” отраслях экономики — через поддержку кредитных программ прошедших специальный конкурс российских и иностранных банков;
- Россия в 2003 г. вступает в ВТО на условиях, предполагающих облегченный и льготный доступ иностранного капитала в подавляющее большинство отраслей (включая финансовую); происходит отказ от протекционизма в сырьевых отраслях, но при возможности сохранения серьезных защитных тарифных мер для внутреннего рынка в “ритейловой” части экономики;
- валютный курс рубля перестают укреплять, это ведет к увеличению инфляции в течение нескольких лет, однако стимулирующее воздействие заниженного курса рубля способствует активации национального производства и приводит к последующему ослаблению инфляционных тенденций;
- Россия вступает в FATF, усиливает Комиссию по финансовым расследованиям, агрессивно активизирует механизмы идентификации незаконных доходов и денежных потоков, амнистирует старые “утекшие” капиталы, но вводит жесткие меры наказания за новое “отмывание” преступных доходов.

(7) Предпринимаемые правительством меры и темпы их реализации вызывают недовольство. “Левые” политические движения (по идеологическим соображениям) и “правые” представители имущей элиты (по экономическим мотивам) смыкаются под

лозунгом: “Не дадим продать Родину!” Они возражают против открытости национальной экономики иностранному капиталу и против отказа правительства оказать финансовую поддержку “исконно национальным” “базовым” отраслям российской экономики. В ответ звучат угрозы “вывести на чистую воду” тех, кто “разворовал” экономику. Таким образом, в 2003–2004 гг. назревает серьезное политическое напряжение в обществе — на фоне стагнации “базовых отраслей” и угрозы растущей безработицы в них.

Борьба с отмыванием незаконных доходов вызывает ответные действия преступных кругов. В 2003–2004 гг. совершается ряд покушений на высокопоставленных государственных чиновников — проводников политики реформ и жесткой линии. В ответ спецслужбы проводят ряд крупномасштабных силовых мероприятий.

В СМИ разгорается полемика по насущным политическим и экономическим вопросам. Она форсируется тем, что в действиях правительства действительно не обходится без ошибок и перегибов.

3. Вышеуказанные события производят изменения в клиентской среде и приводят к следующим событиям и решениям правительства в области экономических реформ:

(1) Предприятия ФПГ и госпредприятия-монополисты уже к концу 2002 г. оказываются под угрозой резкого сокращения объемов производства, снижения доходов ниже необходимого для поддержания текущей деятельности уровня, и даже — банкротства. Начиная с конца 2002 г. и до 2005 г. прокатывается волна громких банкротств ранее ключевых предприятий. Даже у тех предприятий ФПГ и госпредприятий-монополистов, которые имели интересные перспективы до 2001 г., наступает период серьезных финансовых трудностей. Их финансовые потоки сокращаются. Некоторые из их владельцев, успев продать другим инвесторам свои доли в капитале по скромным ценам, уезжают за границу. Против некоторых возбуждаются уголовные дела. Одновременно налаживается система судебного производства и судебной защиты по коммерческим отношениям, усиливается система правоприменения в экономической сфере. Иностранные сырьевые, металлургические, нефтехимические, газовые и горнодобывающие компании с 2003 г. активно участвуют в аукционах и тендерах за концессии на право пользования недрами, за приобретение остатков активов обанкротившихся бывших российских “гигантов”. В течение 2003–2005 гг. они вкладывают в сырьевые и смежные отрасли экономики России по 50–80 млрд долларов

ежегодно. К 2006 г. до 80 % продукции указанных отраслей производится на предприятиях с иностранным капиталом. С 2006 г. вновь намечается экономический рост, но уже на новой технологической, экономической и экологической основе. “Пик” безработицы в базовых отраслях экономики – 2004-2005 гг., но к 2007 г. ситуация вновь нормализуется. Размеры и структура собственности компаний в данных отраслях остается примерно неизменной до 2015 г. Объем производства постепенно наращивается, но после 2007 г. этот прирост идет умеренными темпами.

(2) Прекращение укрепления рубля в 2002 г. дает новый толчок для импортозамещения и для развития национального производства в “ритейловой” части экономики. Немедленно вводятся льготы на инвестиции в предприятия легкой и пищевой промышленности, в сферу услуг: половина прибыли, которая направляется на инвестиции, связанные с приобретением основных средств и оборудования, выводится из-под налогообложения на следующие три года. Пока еще профицитный бюджет позволяет компенсировать соответствующую приостановку в росте налоговых поступлений.

В 2003-2005 гг. объем производства в “ритейловой” экономике растет низкими темпами в основном по причине падения платежеспособного спроса людей, занятых в “базовых” отраслях. Однако уже с 2006 г. темпы роста производства резко возрастают. “Ритейловая” экономика дает новые рабочие места, обеспечивает прирост платежеспособного спроса. Инвестиции в данный сектор экономики осуществляются как российскими, так и иностранными инвесторами – примерно в равной пропорции.

С 2006 г. “ритейловая” экономика развивается быстрыми темпами. С 2010 г. она завоевывает заметные позиции на экспортных рынках Европы и Азии.

(3) В 2003 г. Правительство и Банк России внедряют программу поддержки машиностроения, в том числе через переучет векселей. С помощью переучетных операций кредитуются оборотные средства тех российских машиностроительных компаний, которые имеют гарантированный, в том числе экспортный, рынок сбыта. Таким образом, в 2004-2007 гг. Правительство постепенно выводит машиностроение из кризиса, а с 2008 г. начинает специальные программы стимулирования инвестиций в эту отрасль.

(4) Правительство открывает двери для оказания финансовых, в том числе банковских, услуг.

(5) Государство принимает активную программу реформирования банковского сектора, не ограничиваясь укреплением надзора, “расчисткой завалов” и восстановлением доверия к банков-

ской системе. Оно активно стимулирует накопление капитала в банковской отрасли, вовлекает банки в программы структурной перестройки экономики, активно развивает другие сектора финансового рынка, в первую очередь рынков капитала.

4. Банковская отрасль ведет себя так

2002-2003 годы

Правительство, Банк России, с привлечением силовых ведомств, Комиссии по финансовым расследованиям, АРКО и вновь созданной системы специализированных судов по банкротству проводят проверки деятельности банков на предмет установления их реального финансового состояния, а также выявления сомнительных сделок и признаков отмывания преступных доходов. Производится “перелицензирование” банков. По итогам проверок и перелицензирования многие банки (в основном малые) ликвидируются.

Одновременно Банк России вводит новые варианты лицензии для специализированных кредитных организаций: ипотечных, инвестиционных, вексельных переучетных домов и проч. Для них устанавливаются специальные показатели по нормативам и ограничения по кругу выполняемых операций. Специализация кредитной организации — добровольная.

С 2004 г. устанавливается минимальный уровень капитала банка в размере 3 млн евро. Производится перевод банковской системы на международные стандарты учета и отчетности. Вместе с тем, для российских акционеров предоставляется льгота по изъятию из налогооблагаемой прибыли средств, инвестированных в уставный капитал российских банков.

В 2003 г. вводится обязательная единая система государственного гарантирования вкладов — для банков, прошедших перелицензирование. Сбербанк РФ включается в эту систему с начала 2005 г.

Правительство проводит конкурс на размещение кредитных ресурсов, предназначенных для поддержки среднего и малого “ритейлового” бизнеса. Для финансирования этой программы правительство выпускает среднесрочные облигации. Конкурсный отбор проходят около 20 банков (половина — с участием иностранного капитала).

Банк России привлекает более 100 банков к программе рефинансирования векселей машиностроительных предприятий. В регионах России создается сеть кредитных бюро и бюро регист-

рации банковских залогов. Принимается закон о кредитной кооперации и возникает сеть кредитных кооперативов.

Создаются новые товарные и срочные биржи (в том числе с привлечением иностранного капитала). Государство участвует не только в регулировании товарно-биржевой деятельности, но и в биржевых операциях. Цель: “раскрутить” рынки, стабилизировать их конъюнктуру на стартовом периоде. Уже к 2006 г. государство прекращает активное участие в биржевых операциях, за исключением операций, связанных с государственными закупками.

Активно стимулируется рынок государственных ценных бумаг. Правительство осмотрительно, но заметно увеличивает объем внутреннего государственного долга для стабилизации бюджетных показателей в самый трудный “переходный” период 2002-2004 гг.

Разрешается выпуск “Российских депозитарных расписок” — зеркального аналога ADR и GDR для организации инвестиций российских капиталов за границу. Одновременно вводится налог на инвестирование за рубеж (аналогичный налогу на имущество).

“Каптивные” банки в большинстве испытывают финансовые трудности, связанные с ухудшением ситуации в “дружественных” им компаниях “базовых” отраслей экономики и с банкротством многих из них. Уже к концу 2003 г. значительное число этих банков находится на грани банкротства.

Сбербанк и Внешторгбанк несут убытки в связи с невозвратом кредитов, выданных в пользу ФПП и госпредприятий-монополистов. Их финансовое положение резко ухудшается к концу 2003 г.

Бывшие “каптивные” банки, которые в период 1999-2001 гг. начали программы диверсификации операций и развития филиальных сетей, разделяются на две группы. Одна из них состоит из банков, которые кроме освоения новых рынков успели разработать серьезные долгосрочные программы стратегического развития и кардинально перестроили внутренние системы управления и системы контроля рисков. Вторые — те, кто не успел (или не смог) этого сделать. Первая группа банков более-менее успешно “входит” в полосу экономических неурядиц и, несмотря на трудности, продолжает развивать бизнес. Часть этих банков приобретает новых иностранных акционеров. Вторая группа банков не справляется со своими внутренними проблемами в управлении и корпоративной культуре и к концу 2003 г. приходит к развалу и банкротству. Именно крах нескольких таких банков сопровождается скандалами и общественным резонансом. Влас-

ти, реагируя на это, проводят ряд показательных судебных процессов не только над самими банками-банкротами, но и над их высшими менеджерами и совладельцами.

Средние и малые банки вступают в полосу потрясений. В нескольких банках выявляются громкие дела по отмыванию преступных доходов. После волны проверок и перелицензирования треть этих банков закрываются по причинам несоответствия их операций законодательству и уставам и обнаружения злоупотреблений и нарушений. Около четверти банков меняют статус — с универсальных на специализированные. Средние региональные банки начинают принимать участие в государственных программах поддержки “ритейловой” экономики, осваивают новые инструменты и операции. Начинается заметный процесс консолидации средних и малых банков в межрегиональные сетевые банки и банковские группы.

Банки с иностранным капиталом глубоко вовлечены в крупные проекты иностранных инвесторов по созданию в России новых компаний, особенно — в “базовых” отраслях российской экономики. Они пока не расширяют масштаб “традиционных” банковских операций, зато активно участвуют в кредитовании и финансировании крупных иностранных инвестиционных проектов в России.

2004-2005 годы

Самые тяжелые годы как для банковской отрасли, так и для экономики в целом. Пик волны банкротств многих предприятий “базовых” отраслей вызывает практически полный уход с рынка “каптивных” банков. Их место в банковском обслуживании сырьевых, нефтехимических, горнодобывающих, металлургических предприятий почти полностью занимают теперь банки с иностранным капиталом. Они переключают на себя финансовые и платежные потоки “базовых” отраслей экономики, банковское обслуживание сотрудников соответствующих компаний, включая прием вкладов. Банки с иностранным капиталом приобретают малые региональные банки, находящиеся в местах расположения иностранных компаний, и превращают их в свои филиалы. После провала производственных показателей “базовых” отраслей экономики в 2003-2004 гг. вновь начинается рост физического объема производства их продукции, рост экспорта.

Правительство и Банк России продолжают протекционистскую политику в “ритейловой” экономике: программы поддержки среднего и малого бизнеса, вексельного кредитования, пред-

намеренно заниженный курс рубля, высокие импортные пошлины, сниженные налоги. Это начинает приносить ощутимые плоды. Бывшие каптивные банки, средние и малые банки получают резко растущий спрос на банковские услуги. Пока иностранные банки заняты “освоением” сырьевых секторов, российские банки активно внедряются в растущую “ритейловую” экономику.

Банк России, добившись стабилизации курса рубля на сознательно заниженном уровне, увеличивает кредитную эмиссию за счет развития разнообразных механизмов рефинансирования банков и вексельного кредитования. К 2005 г. это позволяет ему окончательно перенести акцент от политики управления валютным курсом на политику управления процентной ставкой. Развившиеся финансовые рынки и активная, работающая политика процентных ставок дает дополнительный стимул для экономического развития.

Банк России внедряет новую универсальную систему межбанковских расчетов в режиме реального времени, сопрягая ее с новыми механизмами краткосрочного рефинансирования и предоставления ликвидности банковской системе. Эта система значительно снижает уровень риска потери ликвидности банков, делает процедуры управления банковской ликвидностью гибкими, удобными и практичными.

Государственная система гарантирования вкладов и усилившийся банковский надзор восстанавливают доверие вкладчиков к банковской системе, особенно после ее “очищения” от нездоровых и недобросовестных банков. Российские банки, пользуясь этим, очень активно продолжают развивать рынок банковских услуг для частных лиц. Вновь намечается заметный рост числа кредитных организаций и организаций кредитной кооперации.

Сбербанк и Внешторгбанк резко сокращают сеть филиалов, стараясь снизить операционные издержки. Их доходы продолжают снижаться в связи с исчезновением “традиционной” прибыльной клиентуры из базовых отраслей экономики. Эти банки отчасти успешно пытаются наладить партнерские отношения с иностранными банками и присоединиться к программам кредитования крупных иностранных инвестиционных проектов в России. Но масштаб деятельности обоих банков сокращается, как и их ресурсная база. Сбербанк вступает в систему государственного гарантирования вкладов. Это останавливает отток вкладов, но не увеличивает доходной базы банка. Сбербанк и Внешторгбанк стараются вместе с другими российскими банками активно работать в “ритейловой” экономике. Но высокие операционные издержки и громоздкая структура управления уменьшают их кон-

курентные преимущества. Банк России в 2005 г. полностью продает свои доли участия в Сбербанке и Внешторгбанке, в значительной мере — иностранным инвесторам.

Расширяется небанковский финансовый сектор, особенно рынки капитала. Они начинают поставлять экономике долгосрочные финансовые ресурсы во все большем объеме, оставляя банковской отрасли в основном краткосрочное и среднесрочное кредитование.

2006-2008 годы

Банковская система России меняет свое лицо по сравнению с 1999-2001 гг. Теперь она состоит из примерно 100 иностранных банков, активно работающих в основном в сырьевых отраслях и отраслях низкой степени переработки (в том числе и Внешторгбанк), 200 средних сетевых банков, в значительной мере обслуживающих “ритейловую” экономику и частных вкладчиков. Сбербанк занимает как бы “промежуточное” положение (банк с иностранным капиталом для “ритейловой” экономики). Существует около 500 малых универсальных и специализированных кредитных организаций, занимающих определенные географические, клиентские или продуктовые ниши на рынке банковских услуг. Действуют более 1000 кредитных кооперативов.

Правительство начинает программу структурной перестройки машиностроения. При этом протекционизм оказывается банкам с российским капиталом — при участии в программах вексельного кредитования и экспортной поддержки машиностроения.

Инфляционные тенденции затухают до темпов, не мешающих экономическому развитию и стимулированию сбережений.

2009-2015 годы

Банковская система вновь в стабильном состоянии. Идет только естественный конкурентный отбор лучших ее элементов.

Различия между банками с иностранным капиталом и российскими банками постепенно утрачиваются. Это касается как спектра и качества предоставляемых банковских услуг, так и смешения капиталов. Число крупных банков медленно сокращается за счет процесса банковской консолидации. Вместе с тем число небольших и специализированных банковских организаций, а также кредитных кооперативов растет.

5. Можно сказать, что в период 2003-2005 гг. банковская отрасль России на непродолжительный срок вновь оказывается в

коротком переходном периоде. Но он протекает не так болезненно и хаотично, как в 1991-2000 гг. Базовые отношения рыночного хозяйствования и конкуренции укрепляются. Однако структурные элементы банковской отрасли почти полностью изменяют состав и позиционирование — в основном по причине резких изменений в клиентской среде и реформаторских мер правительства.

Сценарий 3. “Негативное экономическое влияние при конъюнктурно-краткосрочном поведении властей”

1. Сценарий 3 предполагает вероятность скорого ухудшения экономических показателей, конъюнктуры рынков и перспектив легкого экономического процветания, как и в Сценарии 2.

Предполагается, что Правительство РФ не сможет выработать долгосрочную программу структурного реформирования экономики. Его меры будут продиктованы в основном необходимостью “откликаться” на текущие болезненные проблемы. Не имея четкой стратегии, оно пойдет на поводу у различных лоббирующих групп, будет принимать разнонаправленные, конъюнктурные решения.

В таком сценарии трудно заглянуть более чем на пять-шесть лет вперед. Поэтому он будет ограничен именно этими рамками.

Скорее всего, будут происходить следующие события.

2. “Внешние” события и воздействия *на клиентов* банковской системы.

(1) Весь “букет” неприятностей, описанных в пункте 2 из Сценария 2, подпункты (1) — (5).

(2) Правительство под давлением владельцев и управляющих компаний “базовых” отраслей экономики принимает спонтанные и не скоординированные решения по оказанию государственной финансовой поддержки этим отраслям. “Лозунгом” для таких решений будет “спасение” базовых отраслей от разорения и их оставление “в российских руках”. Правительство будет выделять ресурсы из бюджета для поддержки “ключевых” предприятий, а также склонять Банк России к их льготному кредитованию — через “уполномоченные банки”. Затягивается решение с банкротством несостоятельных “базовых” предприятий. Законодательные решения по бюджету, по таможенной политике, по налогам и т.д. следуют в том же направлении.

(3) Обостряется борьба вокруг золотовалютных резервов Банка России. Принимается решение вновь приостановить обслуживание внешнего долга, а “высвободившиеся” от этого валютные резервы направить на поддержку “базовых” отраслей промышленности.

(4) Тормозится вступление России в FATF, затягивается и фактически срывается исполнение закона о борьбе с легализацией незаконных доходов.

(5) Откладывается введение системы государственного гарантирования вкладов.

(6) Курс рубля по отношению к иностранным валютам колеблется с достаточно широкой амплитудой без видимых попыток Банка России и правительства взять его под контроль, а также при нехватке золотовалютных резервов для его стабилизации.

(7) На переговорах по вступлению в ВТО Россия выдвигает новые условия по ограничению иностранных инвестиций, особенно в “базовые” отрасли экономики. Участники ВТО не соглашались с этими условиями, переговоры затягиваются, отношение к России ухудшается.

(8) “Ритейловые” отрасли экономики, не имея налаженных контактов в правительстве, оказываются не в состоянии “протолкнуть” решения, которые создавали бы условия для их ускоренного развития.

3. Вышеуказанные события производят изменения в клиентской среде, которые непосредственно влияют на состояние банковской отрасли:

(1) Компании “базовых” отраслей экономики получают некоторую финансовую поддержку от правительства (в виде “инвестиционных кредитов”, прямого финансирования инвестиционных программ и налоговых льгот). Основной объем поддержки приходится на те компании, владельцы или менеджеры которых наладили близкие связи с руководителями правительства.

Бюджетных ресурсов, направляемых на поддержку “базовых” отраслей экономики, не хватает на всех. Более того, этот “бюджет развития” постоянно сокращается по причине падения объема бюджетных доходов, исчерпания золотовалютных резервов. Обостряется борьба между компаниями за раздел сокращающегося бюджетного “пирога”. Вновь растет доля “неденежных” форм расчетов между предприятиями, растет объем налоговой задолженности и оттока капитала за рубеж.

Кампания по поддержке “базовых” отраслей экономики длится около двух лет (2002-2003), после чего бюджет и золотовалют-

ные резервы оказываются исчерпанными. Кампания захлебывается. Банк России под существенным давлением расширяет кредитную эмиссию путем предоставления долгосрочных инвестиционных кредитов. Раскрывается инфляция. В 2004 г. ее уровень превышает 50 %, в 2005 г. — 100 %.

К 2005 г. становится очевидным, что государственная бюджетная и кредитная поддержка “базовых” отраслей не может быть продолжена. “Болезнь” (выбытие основных производственных активов) не излечена, а только “загнана вглубь”. Предприятия “базовых отраслей” нарастающими темпами приостанавливают производство. Первыми “выбывают” те компании, которые не получали доступа к бюджетному “пирогу”. Те же, кто успел взять долю “пирога”, остаются на плаву дольше. При этом многие из их владельцев и менеджеров, осознавая неизбежное, активно уводят остатки ресурсов за границу. Растет безработица и социальная напряженность.

В зимние периоды 2004-2005 и 2005-2006 гг. массово отказывает социальная инфраструктура, так как бюджетные ресурсы на ее реконструкцию и содержание за предыдущие три-четыре года перенаправлялись на поддержание предприятий “базовых” отраслей экономики.

2006 г. — год “перелома”, пика промышленного кризиса в России, пика социальной напряженности и политической нестабильности. Год принятия “трудных” решений.

(2) “Ритейловая” экономика не получает законодательных, налоговых и других стимулов к развитию, так как все внимание государственной власти и все ресурсы сосредоточены на поддержании “базовых” отраслей. По мере снижения производства в “базовых” отраслях и роста инфляции снижается платежеспособный спрос основного числа занятых в народном хозяйстве. Это еще больше дестимулирует компании, производящие товары и услуги народного потребления и торгующие ими. Объемы производства и торговли снижаются. Импорт не растет. Малый и средний бизнес вновь уходит в “тень”, растет его зависимость от криминальных структур.

Малые предприниматели и граждане “уходят” в доллар или в евро. Объем их вкладов в банках снижается в абсолютном выражении, не говоря уже о влиянии инфляции.

(3) Иностранные компании перестают наращивать свое торговое “присутствие” в России по причине снижения платежеспособного спроса населения. Приостанавливаются инвестиции в расширение производства, текущее производство постепенно сворачивается.

4. Банковская отрасль ведет себя так

2002-2003 годы

“Каптивные” банки тех ФПГ и госпредприятий-монополистов, которым удалось получить государственную поддержку, функционируют в прежнем режиме. При этом они не расширяют свои операции на другие сектора экономики.

Малые и средние банки активно ищут “союза” с “каптивными” банками, с органами государственной власти, особенно в регионах. Так они стараются получить свою долю от “пирога” государственной поддержки “базовых” отраслей экономики. Но часто эти банки привлекаются для выполнения “серых” и “черных” операций по уходу от налогов и уводу капиталов за границу. Те малые и средние банки, которым не удалось получить долю от бюджетного “пирога”, выбывают из игры. К 2005 г. число малых и средних банков сокращается на 50 %.

Иностранные банки постепенно сворачивают объем операций в России, сосредоточиваясь на “традиционных” клиентах.

Финансовое состояние Сбербанка и Внешторгбанка медленно ухудшается — по мере осложнения ситуации у их крупнейших заемщиков. Намечается абсолютное сокращение объема частных вкладов в Сбербанке.

Правительство создает еще несколько банков с государственным участием для работы по различным “программам поддержки отраслей” и направления через них средств “бюджета развития”. Эти банки “успешно” перенаправляют выделенные для них средства в “реальную экономику” в виде долгосрочных кредитов.

2005-2006 годы

Банки, обслуживающие предприятия “базовых” отраслей, несут убытки по причине закрытий и банкротств основных клиентов. “Каптивные” банки уходят с рынка вместе с “дружественными” компаниями. Это вызывает волну скандалов, так как через эти банки в предыдущие два года осуществлялась основная финансовая поддержка соответствующих предприятий.

Созданные в 2002-2004 гг. банки с государственным участием теряют почти все активы. Население в массовом порядке изымает вклады из банков, что ведет к резкому сокращению их ресурсной базы, кризису ликвидности и банкротству многих из них. Число работающих банков в России к концу 2006 г. сокращается до 100-120.

Сбербанк и Внешторгбанк получают поддержку Банка России путем нового увеличения их уставного капитала, покрывающего нехватку ликвидности. Эти банки становятся “островком относительной стабильности”. Однако их деятельность остается убыточной.

Капитализация банковской системы снижается более чем в 10 раз по сравнению с 2001 г., в том числе по причине инфляционного обесценивания рубля.

5. Можно сказать, что после “тихих” 2002-2004 гг. банковская система России к 2006 г. будет почти разрушена и “обескровлена”. Основная причина — не предотвращенный правительством глубокий промышленный и структурный кризис. Клиентская среда банковской системы не просто поменялась, она практически разрушилась. Будущее банковской системы после 2006 г. в сценарии полностью зависит от того, какие государственные решения будут предприниматься в это время.

Эти сценарии — не очередной вариант “программы реформ” банковской отрасли России, а попытка ответить на вопрос: “Что будет, если?..”. Они сводят в единую систему то, что активно обсуждается в экономических кругах. Это попытка перевести взгляд с ближайших “горящих” проблем на перспективу. Ведь известно, что в такой большой и сложной системе, как экономика, *завтрашние события являются прямым и неизбежным следствием вчерашних решений.*

Можно сказать, что сегодняшние решения уже предопределяют события 2005-2008 гг.

ПОЧЕМУ В РОССИИ ВОЗМОЖЕН БЕЗРИСКОВЫЙ УХОД ОТ НАЛОГОВ*

Андрей Яковлев

Экономика не в состоянии нормально функционировать, если бизнес не может развиваться в легальных формах, а правительство живет в долг и не способно собирать налоги. Данный тезис был наглядно подтвержден российским опытом последнего десятилетия, своеобразной кульминацией которого стал острый валютно-финансовый кризис августа 1998 г. В этой связи вполне закономерен большой интерес исследователей к проблемам теневой активности предприятий, уклонения от уплаты налогов и эффективности налоговой администрации¹. Вместе с тем внимание специалистов в значительной степени

© Яковлев А.А., 2003

* Содержание данной статьи отражает личную точку зрения автора по рассматриваемой проблеме. Вместе с тем автор выражает свою признательность участникам третьей международной конференции “Реформирование общественного сектора”, организованной СПбГУ и Стокгольмским университетом, и постоянно-го научного семинара ГУ-ВШЭ “Институциональные проблемы российской экономики” за высказанные ими комментарии и замечания.

¹ См.: Johnson S., Kaufman D. and Shleifer A. The Unofficial Economy in Transition. — Brookings Papers on Economic Activity, 1997, No 2; Nikolaenko S., Lissovik Ya. and MacFarquhar R. The Shadow Economy in Russia's Regions. — Russian Economic Trends, 1997, No 4, special report; Karpov P. On the Causes of Low Rate of Tax Collection, Origin of the Payment Crisis and Prospects for Restoration of Solvency in the Russian Enterprise Sector. — Russian Economic Barometer, 1998, vol. VII, No 3, p. 15–36, No 4, p. 26–50; Gaddy C., Ickes B. To Restructure or Not to Restructure: Informal Activities and Enterprise Behavior

было сконцентрировано на так называемой “виртуальной экономике”, охватывающей различные неденежные формы расчетов и тесно связанной с неплатежами, в том числе налоговыми.

По нашему мнению, роль неденежных форм расчетов как инструмента уклонения от уплаты налогов в литературе (особенно зарубежной) несколько преувеличена. Бартер, скорее, был реакцией предприятий на неадекватную экономическую политику правительства и позволял предприятиям обеспечивать собственное выживание в условиях стремительного вымывания финансовых ресурсов из реального сектора экономики².

При этом в любом случае схемы уклонения от уплаты налогов, основанные на бартере и других неденежных формах расчетов (включая массовые неплатежи), были и остаются характерными лишь для части российской экономики, а именно для крупных промышленных предприятий, расположенных преимущественно в малых и средних городах и выпускающих промежуточную продукцию либо товары инвестиционного назначения³.

in Transition. William Davidson Institute. Working paper No 134, June 1998; Russia's Virtual Economy. — Foreign Affairs, 1998, vol. 77, No 5; Woodruff D. Money Unmade. Barter and the Fate of Russian Capitalism. Ithaca and London, Cornell University Press, 1999; Shleifer A., Treisman D. Without a Map. Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, Ma., London, England, The MIT Press, 2000; Яковлев А. О причинах бартера, неплатежей и уклонения от уплаты налогов в российской экономике. — Вопросы экономики, 1999, № 4; Всемирный банк. Разрушение системы неплатежей в России: создание условий для устойчивого экономического роста. М., сентябрь 1999 (в сокращенном виде данный доклад опубликован в журнале “Вопросы экономики”, 2000, № 3).

² См.: Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап. — Вопросы экономики, 1999, № 4; Яковлев А. О причинах бартера, неплатежей и уклонения от уплаты налогов в российской экономике. — Вопросы экономики, 1999, № 4. Щербаков А. Бартерная экономика: тупик или выход из кризиса? Дискуссионные материалы. Вып. 1'2000. М.: ГУ-ВШЭ, 2000 и др. Эта точка зрения отчасти разделяется авторами доклада группы Б. Пинто о неплатежах и денежных суррогатах в российской экономике (см. доклад Всемирного банка).

³ Следует отметить, что благодаря девальвации рубля и расширению денежного предложения доля бартера в продажах промышленных предприятий существенно изменилась. По данным регулярных опросов, проводимых бюллетенем “Russian Economic Barometer”, этот показатель снизился с 52–54 % в июне-августе 1998 г. до 26–29 % в апреле-июне 2000 г. Тем самым возможности реализации соответствующих схем уклонения от уплаты налогов относительно сократились.

Наряду с этим сектором, с начала 90-х годов существовал и другой, представленный в основном малыми и средними предприятиями, расположенными в крупных городах и работающими на рынках потребительских товаров. Для этой группы предприятий были характерны иные схемы ухода от налогов, основанные на неучтенном наличном обороте.

Сфера распространения неучтенного наличного оборота (ННО) в российской экономике в 90-е годы

Данные досчетов, осуществляемых Госкомстатом России для розничной и оптовой торговли, сферы услуг, строительства и ряда других отраслей⁴, неоднократные формализованные опросы руководителей предприятий, проводившиеся Центром экономической конъюнктуры при правительстве РФ и Государственным университетом — Высшей школой экономики⁵, а также результаты ряда специальных исследовательских проектов⁶ позволяют утверждать, что выделенные выше два сектора — бартерной экономики и экономики “черного нала” — вполне сопоставимы по своим масштабам. В известном смысле их можно рассматривать как две стороны одной медали. И поэтому, говоря о проблемах ухода от налогов и повышения эффективности налоговой администрации, необходимо принимать во внимание российскую экономику “черного нала”.

Неучтенный наличный оборот и уход от налогов в российской экономике

В ряде предшествующих работ нами были описаны основные механизмы уклонения от уплаты налогов с использовани-

⁴ См.: Госкомстат России. Методические положения по статистике. Выпуск второй. М., 1998, а также текущие публикации Госкомстата России.

⁵ См.: Яковлев А., Глисин Ф. Альтернативные формы расчетов в народном хозяйстве и возможности их анализа методами субъективной статистики. — Вопросы статистики, 1996, № 9; Яковлев А., Воронцова О. Методические подходы к оценке величины неучтенного наличного оборота (по данным обследований московских торговых фирм). — Вопросы экономики, 1997, № 9; Глисин Ф., Лукашина Ж. Оценка состояния и тенденций теневой экономики на основе данных конъюнктурных обследований. — Вопросы статистики, 1999, № 12 и др.

ем неучтенных наличных средств⁷. Поэтому ниже мы лишь кратко выделим принципиальные отличия российских схем от аналогичных, используемых за рубежом. Ключевая особенность схем ухода от налогов, основанных на неучтенном наличном обороте и широко распространенных в российском *легальном* бизнесе, заключается в систематическом использовании *фиктивных операций*.

В одних случаях (“обналичивание”, или обмен официально заработанных безналичных денег, находящихся на расчетном счете в банке, на неучтенные наличные) речь идет о заключении фиктивного договора на выполнение работ или оказание услуг. Этот договор служит основанием для перевода денег со счета фирмы-налогоплательщика на счет подставной фирмы-однодневки Х, которая затем за вычетом своей комиссии возвращает их уже как неучтенные (“черные”). Эти деньги обычно используются для выплат “черной” зарплаты работникам, формирования личных доходов менеджеров и собственников соответствующих предприятий-налогоплательщиков, а также идут на взятки чиновникам, “откаты” представителям крупных клиентов за выгодные заказы и т.д. В целом операции “обналичивания” способствуют искажению реальной структуры издержек за счет замещения зарплаты и прибыли (которые облагаются НДС, подоходным налогом и социальными отчислениями либо налогом на прибыль, а также оборотными налогами) фиктивными материальными затратами (которые на практике облагаются лишь оборотными налогами).

Другой случай — “обезналичивание”, или обмен неофициально заработанных наличных денег на безналичные средства, легально зачисляемые на счет соответствующей фирмы, что идентично понятию “отмывание денег”. Функции фирмы Х в такой схеме заключаются в том, что она за минимальную плату принимает от розничного торговца неучтенные наличные и осуществляет безналичный платеж на банковский счет соответствующего оптовика⁸, для чего заключаются два контрак-

⁶ См., например: Частный бизнес: становление и развитие в регионах России. М.: МАЦ, ИСАРП, 1998; Неформальный сектор в российской экономике: формы существования, роль и масштабы. Под ред. Т. Долгопятовой. М.: ИСАРП, 1998.

⁷ См.: Yakovlev A. Black Cash Tax Evasion in Russia: Its Forms, Incentives and Consequences at Firm Level. — BOFIT Discussion Papers, 1999, No 3 и др.

⁸ В газетных рекламных объявлениях 1995–1996 гг. в период бурной конкуренции между организаторами фирм-однодневок такие операции обозначались словосочетанием “проплачу контракты”.

та: один — на приобретение фирмой X товара у оптовика, другой — на поставку этого же товара розничному торговцу. Оба контракта являются фиктивными, так как товар на самом деле передается оптовиком непосредственно розничному торговцу.

Фиктивные операции используются здесь для разрыва стандартной “цепочки” “оптовик — розничный торговец”. Отметим, что основным ограничением для массового занижения валовой выручки в розничной торговле в Европе или США является высокая вероятность встречной проверки счетов за отгруженные товары, которые оптовик выставил своим клиентам, и счетов за полученные товары, которые оплатили розничные предприятия согласно их официальной финансовой отчетности. В случае, когда у конкретного розничного торговца сумма “входящих” счетов оказывается меньше суммы “исходящих” от его оптового поставщика, налоговые органы имеют веские основания предполагать занижение валовой выручки от реализации в розничном звене либо сокрытие товара в оптовом звене для его последующего выведения в неучтенный оборот. Первая гипотеза в целом более вероятна, так как обычно оптовик — крупная фирма, не склонная рисковать и предпочитающая уходить от налогов легальными способами. Тем не менее обе ситуации для налогоплательщиков чреваты крупными штрафными санкциями, что объективно сдерживает масштабы занижения валовой выручки и уклонения от налогов в розничной и оптовой торговле, а также в сфере услуг.

Появление между реальным оптовиком и реальным розничным торговцем подставной фирмы-однодневки X решает проблему и снимает названное ограничение. Теперь, согласно отчетности оптовика, он поставил товар некой неизвестной ему фирме X, которая своевременно оплатила поставку. На самом деле, как мы уже говорили, оптовик передал его розничному торговцу. По отчетности последнего, однако, данный товар проходит как полученный им от фирмы X *на реализацию*, то есть без какой-либо предварительной оплаты⁹. Эта отчетность сохраняется розничным торговцем до момента продажи всей партии товара (то есть пока товар хранится на его складе), после чего вся документация, касающаяся его, уничтожается. Та-

⁹ В действительности весь товар был заранее оплачен. Но оплата была осуществлена наличными, происхождение которых розничный торговец не сможет объяснить налоговому инспектору. Поэтому в официальной отчетности данный платеж никак не отражается.

кое возможно, поскольку розничный торговец уверен, что налоговые органы никогда не смогут сопоставить его “входящие” счета с “исходящими” счетами его оптового поставщика, ведь фирма-однодневка Х в полном соответствии со своим предназначением *исчезает*, а вместе с ней исчезает и вся информация о ее контрагентах.

Внедрение подобных схем резко расширяет возможности уклонения от уплаты налогов в *легальном* бизнесе. В случае “обналичивания” это происходит за счет того, что широкий доступ к неучтенным наличным получают предприятия, реализующие свои товары и услуги по безналичному расчету, как правило – компании с небольшой численностью работников (в пределах 100 человек), что соответствует понятию малых предприятий в производственном секторе. Однако в финансовой сфере или в области консалтинга это могут быть уже весьма крупные фирмы. В целом на обследованных нами предприятиях подобного типа¹⁰ у наемных работников доля “черных” выплат в заработной плате составляла от 50 до 95 %. “Черная” составляющая в доходах менеджеров и собственников обычно была еще выше.

В случае “обезналичивания” у российских розничных торговых предприятий снимаются все значимые ограничения на занижение выручки от реализации, полученной ими в наличной форме. Например, в нашей выборке была одна фирма, продававшая товары из Юго-Восточной Азии на московских мелкооптовых рынках. В течение четырех лет она регулярно декларировала 1 % своей торговой выручки, при этом ее реальный оборот составлял от 400 до 500 тыс. долларов в месяц. Зарплата работников и доходы собственников в данном и других подобных случаях практически полностью формировались за счет “черного нала”.

Масштабы названного явления косвенно подтверждаются и динамикой макроэкономических индикаторов. Так, отношение денежного агрегата М0 к агрегату М2, характеризующее долю наличных денег в денежной массе¹¹, увеличилось в России с 17 %

¹⁰ Более подробно характеристику выборки см. в: *Yakovlev A. Black Cash Tax Evasion in Russia: Its Forms, Incentives and Consequences at Firm Level.*

¹¹ В западной литературе динамика этого индикатора традиционно используется для характеристики масштабов теневой экономики. Более подробно о методике подобных измерений см. классическую работу: *Tanzi V. The Underground Economy in the United States: Annual Estimates, 1930–80.* — IMF Staff Papers, 1983, vol. 30, No 2. Более поздние конкретные приложения этого метода к таким странам, как Австралия и Канада, см. в: *Herburn*

в начале 1991 г. до 40 % в конце 1993 г. В течение последующих семи лет этот показатель колебался около 35 %, что в четыре—пять раз выше уровня, отмечавшегося в США и крупных европейских странах в 90-е годы.

Подобные масштабы оборота неучтенных наличных предполагают наличие соответствующей инфраструктуры и организационно-технического обеспечения. Данные функции в российской экономике выполняет ряд мелких и средних банков, а также инвестиционных компаний, в совокупности образующих относительно самостоятельную и весьма рентабельную отрасль финансового бизнеса.

Издержки и риски уклонения от уплаты налогов

Отметим, что наши респонденты считали “обналичивание” и “обезналичивание” *практически безрисковыми* операциями. При этом участие в таких схемах для респондентов не было сопряжено с необходимостью давать взятки представителям налоговых органов или иным государственным чиновникам за обеспечение “прикрытия” данных операций. Прямые издержки уклонения от налогов ограничивались для них лишь суммой комиссионных, уплачиваемых фирме-однодневке.

По мнению большинства наших собеседников, раскрытие описанных выше схем было возможно лишь в случае прямой явки в налоговую полицию какого-нибудь достаточно информированного сотрудника бухгалтерии предприятия либо при непроизвольном чрезмерном распространении информации. Последнее было наиболее вероятно на предприятиях, которые вовлекали в схему слишком много людей. И именно поэтому на крупных предприятиях такие схемы встречаются значительно реже.

G. The Estimates of Cash-based Income Tax Evasion in Australia. — Australian Economic Review, 1992, 2nd Quarter и Spiro P. Monetary Estimates of the Underground Economy: a Critical Evaluation. — Canadian Journal of Economics, 1996, vol. 29, April (special issue) соответственно. Применительно к российским данным названный метод в упрощенном виде использовался специалистами Института экономики переходного периода. В частности, ими было показано наличие отрицательной зависимости в 1992–1995 гг. между долей наличных денег в агрегате М2 и налоговыми поступлениями, дефлированными по индексу потребительских цен (см.: Синельников С., Анисимова Л., Баткибеков С., Медоев В., Резников К., Шкребела Е. Проблемы налоговой реформы в России: анализ ситуации и перспективы развития. М., Евразия, 1998, раздел 2.2.2).

Относительная безрисковость данных операций для *легально действующих* предприятий, представленных в нашей выборке, в действительности объясняется тем, что все риски возможных административных и уголовных санкций в описанных схемах принимают на себя подставные фирмы-однодневки. На них замыкаются (и вместе с ними “умирают”) все нестыковки товарных и финансовых потоков, возникающие в официальной отчетности в результате операций “обналичивания” и “обезналичивания”.

Например, при “обналичивании” денежных средств на банковский счет фирмы-однодневки, согласно заключенным договорам, регулярно поступают платежи от клиентов за выполненные для них работы и оказанные услуги. Однако при любой проверке ее директор и бухгалтер не смогли бы показать в своей отчетности затраты, связанные с выполнением этих договоров, а также объяснить, куда делись полученные ими от клиентов деньги. Аналогичным образом, при “обезналичивании” официальные представители фирмы-однодневки, которая регулярно платит оптовым поставщикам за крупные партии товара, не смогли бы объяснить, откуда они берут деньги для осуществления платежей и куда уходит вся полученная ими продукция.

Очевидно, подобные фирмы никому не могут показать свою отчетность и никогда не платят налогов. Поэтому на практике они функционируют лишь два или три месяца, а затем перед датой сдачи своего первого бухгалтерского баланса в налоговую инспекцию закрывают счета в банке, освобождают арендованные ими помещения, уничтожают все документы и исчезают, не проходя процедуры официальной ликвидации. С формальной точки зрения такую исчезнувшую фирму можно попытаться найти на основании данных о ее директоре, главном бухгалтере или учредителях. Однако административные должности в таких фирмах обычно занимают подставные лица (пенсионеры или инвалиды, которые за небольшую плату просто подписывают приносимые им бумаги), а в качестве учредителей фигурируют, как правило, “мертвые души”. В частности, в уставные документы подобных фирм вписываются данные из утерянных (недействительных) паспортов или паспортов умерших людей.

Таким образом, бизнес по организации фирм-однодневок по сути своей является *криминальным*. Парадокс, однако, заключается в том, что, несмотря на нелегальный характер их деятельности, услуги фирм-однодневок были и остаются *чрезвычайно*

дешевыми. В частности, в Москве по операциям “обналичивания” комиссия фирм-однодневок составляла не более 2–3 %, или 2–3 копейки на каждый рубль “черной” заработной платы, полученной на руки работником предприятия-налогоплательщика. В то же время для осуществления официальной (“белой”) выплаты одного рубля зарплаты предприятие должно было уплатить не менее 99 копеек различных налогов (включая подоходный налог, отчисления на социальное страхование, налог на добавленную стоимость и т.д.). Сравнение этих двух цифр наглядно иллюстрирует эффективность “обналичивания” и “обезналичивания”.

Однако низкий уровень комиссии, или цены услуг фирм-однодневок, означает, что очень низка и включаемая в цену премия за риск, неизбежная в силу криминального характера данного бизнеса. Такое возможно только в случае, если он является практически безрисковым и *для организаторов самих фирм-однодневок* (а не только для легально действующих предприятий, прибегающих к их услугам, о чем мы говорили выше). Иными словами, если налоговые органы и прочие силовые структуры по тем или иным причинам *закрывают глаза на такой бизнес*.

Конечно, теоретически можно предположить, что налоговые службы не имеют полного представления о массовом характере уклонения от уплаты налогов в легальном бизнесе на основе фиктивных операций с подставными фирмами-однодневками. Однако эта гипотеза опровергается данными налоговой статистики. Так, согласно информации, содержащейся в Отчете Государственной налоговой службы на 1 января 1997 г., из 2,8 млн зарегистрированных организаций-налогоплательщиков около 0,6 млн, или 21,4 %, не представляли свою отчетность в налоговые органы. Только в Москве на ту же дату из 422 тыс. зарегистрированных организаций-налогоплательщиков отчетность не представляли 152 тыс., или 36 % (см. табл. 1)¹².

Сказанное выше позволяет, на наш взгляд, задать следующий вопрос: *почему налоговые органы и иные структуры исполнительной власти не пресекают бизнес по организации обращения неучетных наличных?*

¹² Аналогичные данные на более позднюю дату, к сожалению, были для нас недоступны. Тем не менее можно отметить, что в своем выступлении перед прессой 9 августа 2000 г. вице-премьер и министр финансов РФ А. Кудрин, критикуя бюджетную политику правительства Москвы, заявил, что из 700 тыс. зарегистрированных в столице юридических лиц 2/3 не представляют отчетность в налоговые органы.

Таблица 1. Информация о количестве налогоплательщиков-организаций, учетные сведения о которых были включены в базы данных в налоговых органах по состоянию на 1 января 1997 г. в целом по Российской Федерации и по некоторым субъектам Российской Федерации

	Количество налогоплательщиков-организаций, сведения о которых содержатся в базе данных ГНС, тыс.	Из них не представляющих отчетность		не стоящих на учете*	
		тыс.	%	тыс.	%
Российская Федерация	2793	522	18,7	75	2,7
В том числе:					
Москва	422,3	152,0	36,0	0,0	0,0
Московская область	115,3	19,5	16,9	6,4	5,5
Санкт-Петербург	145,8	24,1	16,5	2,8	1,9
Всего по трем регионам	683,4	195,6	28,6	9,2	1,3
Всего по остальным регионам РФ	2109,6	326,4	15,5	65,8	3,1

* По результатам сверки с регистрирующими органами, банками и иными кредитными организациями.

Источник: таблица составлена на основании данных, приведенных в Отчете Государственной налоговой службы на 1 января 1997 г.

Хотя вопрос поставлен весьма жестко, следует отметить, что правительство не отрицает наличия проблемы неучтенного наличного оборота, а налоговая служба предпринимает определенные усилия по ее решению. В частности, уже много лет ГНС, а затем МНС борются за повсеместное внедрение в розничной торговле контрольно-кассовых аппаратов, а также с переменным успехом пытаются заставить мелких торговцев пробивать чеки на проданную продукцию и выдавать их покупателям. Летом 1998 г. в период своего недолгого пребывания в правительстве в качестве руководителя Госналогслужбы известный российский экономист и политик Б. Федоров в сопровождении прессы ездил в московских маршрутных такси и лично призывал граждан требовать у водителей билетики за проезд, а не отдавать им деньги просто так. Наконец, утвержденные Государственной думой РФ летом 2000 г. единая ("плоская") ставка подоходного налога, регрессивная шкала отчислений на социальное страхование и возможность значительного сокращения налогооблагаемой базы за счет расходов на образование и медицинское обслу-

живание также теоретически должны способствовать сокращению масштабов ухода от налогов с использованием неучтенных наличных.

Однако проблема заключается в том, что к каждому из сотен тысяч ООО или ИЧП, реализующих свои товары и услуги за наличный расчет, не приставишь налогового полицейского. И если по-прежнему будет возможен безрисковый уход от налогов с издержками порядка 3 % от суммы полученного дохода, то снижение максимальной ставки подоходного налога с 30 до 13 % с точки зрения рационально действующего экономического субъекта ситуацию принципиально не изменит. Несмотря на обилие подставных фирм-однодневок, кругооборот неучтенных наличных, а также регулярную трансформацию “белых” денег в “черные” и наоборот обеспечивают одни и те же вполне конкретные люди, сидящие в офисах одних и тех же банков и финансовых компаний. Число последних измеряется сотнями (а не сотнями тысяч) и они вполне “уловимы” как для налоговой полиции, так и для Центрального банка РФ.

Упомянем, что данный бизнес не является уникальным российским явлением. Он существует и Европе, и в США, но к его услугам прибегают в основном представители криминальной экономики (наркоторговцы, нелегальные торговцы оружием и т.д.), поскольку цены на подобные услуги очень высоки и составляют 40–50 % “отмываемых” сумм — выше, чем обычная ставка налогов, что обусловлено жестким пресечением такого бизнеса со стороны государства. И именно этого, на наш взгляд, не наблюдается сегодня в России. Ниже мы попытаемся показать, почему так происходит.

Выбор стратегии проведения налоговых проверок рационально действующим налоговым чиновником

Если раньше мы опирались на весьма обширный эмпирический материал, то наш дальнейший анализ преимущественно основан на весьма простых *логических* заключениях, касающихся действий чиновников налоговых органов и региональных властей. При этом мы предполагаем, что указанные должностные лица действуют в интересах своего ведомства или своего региона, они не вовлечены в коррупцию и не нарушают законодательство. Последняя гипотеза может показаться не слишком реалис-

тичной для российских условий. Тем не менее ее принятие не нарушает общую логику наших рассуждений и не меняет конечных результатов.

Отправной точкой анализа послужило интервью с одним из экспертов-бухгалтеров, который следующим образом объяснял бездействие налоговых органов (это объяснение лишь немного сокращено и упрощено по стилю изложения):

“Налоговые органы всегда имеют определенный план по сбору налогов. В его рамках каждая местная налоговая инспекция должна собрать определенную сумму налогов и штрафов. Для выполнения этой задачи инспекция обладает неким штатом сотрудников. На подведомственной ей территории расположено какое-то число крупных и средних фирм, а также ряд малых предприятий. Налоговое законодательство является весьма сложным и запутанным. Поэтому при проверке крупного или среднего предприятия налоговый инспектор обычно может найти те или иные ошибки в бухгалтерском учете либо в порядке начисления налогов и соответственно обязать предприятие заплатить большую или меньшую сумму дополнительных налогов и штрафов. Качество бухгалтерского учета в малом бизнесе, как правило, ниже, чем на крупных и средних предприятиях. Поэтому при проверке малого предприятия налоговый инспектор почти всегда может собрать определенную сумму дополнительных налогов и штрафов. В случае малого предприятия скорее всего он затратит на проверку меньше своего рабочего времени, но и потенциальные дополнительные доходы бюджета будут ниже просто в силу иных масштабов бизнеса. Однако в случае неотчитавшегося малого предприятия налоговый инспектор должен был бы потратить массу времени на поиски директора фирмы, ее главного бухгалтера, собственников, на восстановление ее документации и т.д. Объем же дополнительно полученных налогов и штрафов может быть не выше, чем в случае с отчитавшимся МП, особенно, если неотчитавшаяся фирма окажется каким-нибудь малым производственным предприятием, которое прекратило свою деятельность из-за низкой конкурентоспособности его продукции или услуг, но официально не ликвидировалось, так как это весьма дорогостоящая процедура. Таким образом, для типичного налогового инспектора в целом много проще регулярно посещать с проверками “стационарные” предприятия (как крупные, так и малые), чем искать многочисленные “блуждающие” фирмы и фирмочки”.

На первый взгляд это объяснение кажется достаточно правдоподобным. В более формализованном виде мы попытались представить его в табл. 2. Если согласиться с предложенными в таблице предпосылками о целевой установке и ресурсных ограничениях налоговой инспекции, а также с заданными различиями в условиях проверки предприятий разных типов, то становится очевидным, что игнорирование третьей стратегии является *рациональным*. Поиск исчезнувших фирм оказывается сопряженным с высокими издержками при весьма неопределенных результатах. Вместе с тем следует подчеркнуть, что такое объяснение применимо лишь для уровня *местной* налоговой инспекции.

Таблица 2. Выбор стратегии проверки налогоплательщиков руководителем местной налоговой инспекции

Целевая установка:	Успешное продвижение по службе (= максимизация суммы доначисленных налогов и взысканных штрафов)
Ресурсное ограничение:	Суммарное рабочее время налоговых инспекторов, работающих в инспекции

Стратегия	Удельные трудозатраты	Возможный удельный результат	Вероятность получения результата
Проверять крупные предприятия	Высокие или средние	Большая сумма доначисленных налогов и штрафов	Достаточно высокая
Проверять мелкие предприятия	Низкие или средние	Небольшая сумма доначисленных налогов и штрафов	Очень высокая
Разыскивать неотчитавшиеся фирмы	Высокие	?	?

В отличие от своих региональных подразделений, центральные аппараты Министерства по налогам и сборам, Федеральной службы налоговой полиции и других силовых ведомств располагают хорошей ведомственной статистикой, а также обладают доступом к оперативно-розыскным каналам получения информации. В частности, центральный аппарат МНС и ФСНП имеет полную информацию в региональном, отраслевом и временном разрезе о числе зарегистрированных и числе отчитавшихся налогоплательщиков, доле фирм-однодневок среди разысканных неотчитавшихся фирм, а также о средних объемах операций по пойманным фирмам-однодневкам. Располагая всеми этими данными и достаточным административным ресурсом, центральный аппарат на-

логовых служб уже в 1994–1995 гг. был вполне способен сопоставить издержки поиска фирм-однодневок с реальным ущербом от их деятельности¹³ и организовать эффективное пресечение бизнеса по “обналичиванию”/“обезналичиванию” денежных средств. Этого, однако, так и не произошло. Почему?

Чтобы объяснить бездействие налоговых служб на федеральном уровне, на наш взгляд, следует обратить внимание на процедурные моменты расследования таких правонарушений. Как показало наше интервью с экспертом-юристом, действующее законодательство в целом содержит нормы, необходимые для пресечения подобных схем ухода от налогов. Вместе с тем для передачи дела в суд налоговые органы должны располагать подробной информацией не только о фирмах-однодневках и их организаторах, но в первую очередь об их клиентах. Однако данная информация становится доступной лишь в процессе расследования. Предсказать же на предварительной стадии, кто именно окажется среди многочисленных предприятий — клиентов конкретной финансовой компании, организующей “обналичивание”, было практически невозможным¹⁴. В этих условиях для инициаторов расследования всегда существовал риск того, что в числе клиентов обнаружатся *влиятельные политические фигуры*.

Здесь достаточно напомнить про известную историю с коробкой с полумиллионом наличных долларов, которую подчиненные генерала А. Коржакова обнаружили в июне 1996 г. у ближайших сотрудников А. Чубайса по предвыборному штабу Б. Ельцина на выходе из Дома правительства РФ. Мы хотели бы обратить внимание не на сам этот факт, а на весьма неадекватную на первый взгляд реакцию оппонентов г-на Чубайса, особенно в контексте последующих попыток его “свержения” в январе 1997 г. (когда в СМИ попала информация о его доходах за 1996 г.) и в августе 1997 г. (скандал с многотысячными гонорарами за брошюру о приватизации).

¹³ По осторожным оценкам, основанным на материалах ряда интервью, имеющих в нашем распоряжении отрывочных данных налоговой статистики, а также на описаниях в СМИ отдельных расследований налоговой полиции, потери бюджета и социальных фондов от неучтенного наличного оборота в 1992–1996 гг. составили около 40 млрд долл.

¹⁴ Например, в рамках расследования по делу Саратовского филиала “Связь-банка”, о котором сообщалось в новостных программах ТВ в декабре 1998 г., было выявлено около 400 предприятий и организаций, для которых проводились операции “обналичивания”.

В ходе второй и третьей попыток нападки на А. Чубайса в Государственной Думе и в СМИ были многократно острее, чем в первом случае. Однако парадокс заключался в том, что речь при этом шла о *легальных* доходах, с которых либо уже были заплачены все налоги, либо они наверняка были бы заплачены позже. В первом же случае деньги были однозначно “грязными”. И тем не менее именно данная история оказалась “спущенной на тормозах” со стороны не только президентской администрации и правительства, но и парламентской оппозиции.

Весьма сдержанная реакция оппонентов г-на Чубайса на “коробку из-под ксерокса” может объясняться очень просто, если предположить, что они сами активно пользовались “грязными” деньгами. Тогда дальнейшее публичное “разыгрывание” этой темы превращалось в обоюдоострое оружие. Аргументом в пользу подобной трактовки может быть, например, существенное расхождение между официальными избирательными бюджетами и данными мониторинга политической рекламы в СМИ, проводившегося различными фирмами¹⁵.

Принятие такой трактовки логически объясняет равнодушие центрального аппарата налоговых служб и силовых ведомств к организаторам фирм-однодневок. Если в этом бизнесе действительно было слишком много политики, то любое серьезное расследование деятельности банков и финансовых компаний, организующих обращение неучтенных наличных, могло плачевно закончиться для самих его инициаторов, и налоговым органам и силовым структурам проще было *вообще его не замечать*. Что делало *практически безрисковой* деятельность *всех* организаторов фирм-однодневок (а не только тех, кто мог быть связан с большой политикой) и приводило к широчайшему распространению данной схемы ухода от налогов.

В более формальном виде сказанное выше мы попытались отразить в табл. 3. В отличие от ситуации с руководителем местной налоговой инспекции, ответственные чиновники центрального аппарата располагают сводной статистикой и при выборе стратегии проверок налогоплательщиков могут оперировать показателями ожидаемых результатов уже без поправки на вероятность их получения. Однако одновременно изменяются критерии успешного продвижения по службе. Если на региональном уровне в таком качестве выступает сумма налоговых

¹⁵ Пожалуй, единственное исключение здесь представляют последние избирательные компании 1999–2000 гг.

поступлений, то на федеральном появляется дополнительный критерий — лояльность по отношению к политикам, принимающим решения о назначениях высших чиновников. При этом возникает новый фактор неопределенности, поскольку федеральные чиновники не могут объективно оценить риск (или вероятность) того, что расследование деятельности банков и финансовых компаний, обеспечивающих кругооборот неучтенных наличных, заденет интересы политиков. Данная неопределенность удерживает чиновников центрального аппарата налогового ведомства от выбора третьей стратегии проверки налогоплательщиков, ориентированной на пресечение деятельности по “обналичиванию” денежных средств.

Таблица 3. Выбор стратегии проверки налогоплательщиков ответственным чиновником центрального аппарата налоговой службы

Целевая установка:	Успешное продвижение по службе (= максимизация суммы доначисленных налогов и взысканных штрафов + лояльность по отношению к политикам, назначающим высших чиновников)
Ресурсное ограничение:	Суммарное рабочее время налоговых инспекторов, работающих в местных налоговых инспекциях

Стратегия	Экономический результат	Политический результат
Проверять крупные предприятия	Значительная сумма доначисленных налогов и штрафов на основе проведения проверок ограниченного числа предприятий	Позитивный
Проверять мелкие предприятия	Значительная сумма доначисленных налогов и штрафов на основе проведения массовых проверок предприятий	Позитивный
Разыскивать неотчитавшиеся фирмы	Заметное снижение масштабов ухода от налогов (в будущем) на основе проведения длительных проверок значительного числа предприятий	?

“Налоговая конкуренция” и политика региональных администраций

В предыдущем разделе мы попытались логически обосновать наличие в самих налоговых органах определенной нега-

тивной мотивации, которая препятствует эффективному пресечению бизнеса по “обналичиванию”/“обезналичиванию” денежных средств. Однако при более внимательном рассмотрении объяснение предпочтений местной налоговой инспекции в выборе возможных стратегий проведения налоговых проверок, предложенное одним из наших экспертов-бухгалтеров, можно признать справедливым только для начальной стадии развития бизнеса по организации фирм-однодневок. Лишь при условии, что их количество относительно невелико, для налогового инспектора действительно высок риск того, что в процессе расследования он потеряет время и не получит никакого результата. Однако если данная схема ухода от налогов начинает использоваться в массовом порядке (как это было в России начиная с 1994 г.), ситуация меняется и вероятность успешного завершения расследования резко возрастает.

Одно из возможных объяснений пассивности местных налоговиков в новых условиях сводится к следующему. Для эффективного поиска фирм-однодневок, как правило, требуются совместные действия различных региональных подразделений Министерства по налогам и сборам. Для расследования деятельности их организаторов необходимо уже взаимодействие налоговой службы и налоговой полиции, что требует согласования с центральным аппаратом обоих ведомств. Если же чиновники центрального аппарата объективно не заинтересованы в проведении подобных расследований (из простого стремления сохранить свои должности и нежелания ввязываться в политику), все запросы с мест могут “утонуть” в бюрократической переписке.

Тем не менее более реалистичным нам представляется другое объяснение. В условиях многоуровневой бюджетной системы стимулировать местные налоговые органы проводить поиск и расследование деятельности фирм-однодневок (или, наоборот, сдерживать их активность в этом направлении) могут не только чиновники центрального аппарата МНС и ФСНП, но и руководители местных органов власти. Быстрое распространение “дешевых” схем уклонения от уплаты налогов приводит к тому, что в региональные бюджеты поступает все меньше доходов и у местных органов власти оказывается недостаточно средств для выполнения даже минимальных социальных обязательств перед своими избирателями. В долгосрочном плане данная проблема возникает и на федеральном уровне, но первыми с ней сталкиваются имен-

но местные власти. Поэтому логично предположить, что они могли бы воздействовать на местные налоговые органы с целью организации более эффективного пресечения новых схем ухода от налогов.

Своеобразный парадокс, однако, заключается в том, что при определенных условиях местным властям объективно это оказывается *невыгодным*. Поясним данное утверждение, опираясь на стандартные положения теории *налоговой конкуренции*. Ее основная идея сводится к тому, что в рамках федеративного государства региональные власти выступают в качестве продавцов услуг, относимых к категории “общественных благ”. Ценой этих услуг являются ставки налоговых платежей. Потенциальными же покупателями выступают бизнес и население, которые при желании “голосуют ногами”. В соответствии с таким “голосованием” меняются налогооблагаемая база и сумма налоговых поступлений в конкретных регионах. При этом исход борьбы за налогоплательщиков зависит от наличия или отсутствия координации в политике конкурирующих регионов¹⁶.

Однако в российских условиях налоговая конкуренция лишь отчасти проявляется в снижении законодательно установленных *номинальных* ставок налогов и предоставлении иных *официальных* льгот по уплате налогов¹⁷. По нашему мнению, при слабом федеральном правительстве более важным инструментом привлечения капитала для многих регионов выступают изменения *нефор-*

¹⁶ Более подробно базовые положения теории налоговой конкуренции изложены в: *McLure Ch. Tax Competition: Is What's Good for the Private Goose also Good for the Public Gander?* — *National Tax Journal*, 1986, vol. 39, September. Свежим примером конкретного приложения этого методического подхода к анализу налогообложения дивидендов при отсутствии ограничений на переток капитала между странами служит работа: *Janeba E., Peters W. Tax Evasion, Tax Competition and the Gains from Nondiscrimination: the Case of Interest Taxation in Europe.* — *Economic Journal*, 1999, vol. 109, January.

¹⁷ Одним из примеров официальной налоговой конкуренции в России, вполне соответствующим теории, может быть налоговая политика губернатора Новгородской области М. Прусака, ориентированная на привлечение инвестиций (более подробно см.: *Кузнецова О. Новгородская и Псковская области: экономическое положение и факторы развития.* — *Вопросы экономики*, 1998, № 10). Другой пример подобного рода — ситуация с так называемыми закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАО). Как правило, ЗАО представляли собой небольшие города, в которых располагались предприятия оборонной промышленности и практически не было возможностей альтернативной занятости. В связи с тяжелой социальной обстановкой, сложившейся в большинстве ЗАО в начале 90-х годов, им были предоставлены крупные льготы по уплате федеральных налогов. В свою очередь,

мального налогового режима, выражающиеся в том, что налогоплательщикам в неявной форме разрешается не платить определенную часть налогов причем не только региональных, но и федеральных¹⁸.

С учетом этого альтернативные стратегии для региональных властей можно сформулировать не как выбор между высокими или низкими налоговыми ставками, а как пресечение или игнорирование уклонения от уплаты налогов. В этих условиях результаты усилий местных властей в отдельно взятом регионе по организации пресечения ухода от налогов будут зависеть от того, какую стратегию выберут для себя другие региональные администрации. В матричной форме возможные исходы показаны в табл. 4.

Таблица 4. Выбор региональной администрацией стратегии поведения в отношении предприятий, уклоняющихся от уплаты налогов

Варианты стратегии	Другие региональные администрации	
	пресекают уход от налогов	“не замечают” уход от налогов
	А	В
1 Пресекать уход от налогов	Рост доходов регионального бюджета, так как уход от налогов невозможен	Снижение доходов регионального бюджета в силу оттока капитала в другие регионы
2 “Не замечать” уход от налогов	Рост доходов регионального бюджета благодаря низким реальным ставкам налогов (эффект офшорной зоны)	Снижение доходов регионального бюджета вследствие широкого уклонения от уплаты налогов

Из таблицы следует, что масштабы ухода от налогов сократятся, а доходы местных бюджетов возрастут, если уклонение от уплаты налогов с использованием неучтенных наличных будет пресекаться не только в данном, но и в других регионах (квадрат 1А). Если же другие региональные администрации предпочтут

ЗАТО стали предоставлять их предприятиям, зарегистрированным на их территории, что привело к возникновению своеобразных внутренних офшорных зон и серьезных диспропорций в налоговой системе. В результате после продолжительных дискуссий в конце 1999 – начале 2000 гг. большинство льгот, установленных ранее для ЗАТО, были отменены.

¹⁸ В одной из последних работ Даниэла Трейсмана (см. *Treisman, D. Tax evasion and regional “fiscal protection” in federal states: a model with evidence from Russia. University of California. November 1999. Mimeo*) также рассматривается данный феномен, но с несколько иных позиций. В модели Д.Трейсмана предполагается, что региональные власти в обмен на соответствующие платежи в свой адрес “защищают” местный бизнес от попыток собрать налоги, предпринимаемых из федерального центра. При этом региональные власти неизбежно нарушают действующее законодательство – что не является необходимым условием предлагаемой нами модели.

“не замечать” подобные схемы (квадрат 1В), реальная налоговая нагрузка на предприятия в данном регионе станет выше, чем в других. Это приведет к перераспределению деловой активности в пользу других регионов (в форме перетока капитала) и в конечном счете — к дополнительному сокращению налоговых поступлений.

Рассмотрим теперь результаты применения альтернативной стратегии, в рамках которой власти данного региона сами “не замечают” неучтенный наличный оборот. В случае если другие региональные администрации будут пытаться пресекать подобные схемы ухода от налогов (квадрат 2А), данный регион получит статус *неформальной оффшорной зоны*, ведь легальный бизнес, который и использует главным образом технологии “черного на-ла”, начинает функционировать в условиях *льготного налогового режима*. Это, в свою очередь, создает предпосылки для притока в регион дополнительных финансовых ресурсов, что приводит к росту деловой активности и увеличению доходов бюджета в следующем периоде.

Если власти в других регионах начинают применять такую же стратегию (квадрат 2В), реальное налоговое бремя вновь выравнивается, предпосылки для межрегионального перетока капитала исчезают. Однако это происходит уже при существенно более низком уровне налоговых поступлений в местные бюджеты. В новых условиях попытки отдельных региональных администраций изменить ситуацию, вводя санкции за уход от налогов, не дадут желаемых результатов. Стремясь вернуться в квадрат 1А, они на практике попадут в квадрат 1В, где вместо роста налоговых сборов будут систематически сталкиваться с оттоком капитала.

Данная ситуация в целом схожа с широко известной “дилеммой заключенных”. Здесь также возникает два полюса: “хороший” (в квадрате 1А, где достигается оптимум по Парето) и “плохой” (в квадрате 2В). Правда, на первый взгляд, в отличие от заключенных, находящихся в разных камерах, региональные администрации могли бы договориться между собой о том, чтобы совместно придерживаться стратегии, обеспечивающей наилучший результат для каждой из сторон.

Такому развитию событий препятствуют два обстоятельства. Во-первых, поскольку существуют отмеченные выше объективные предпочтения местных налоговых органов проводить проверки регулярно отчитывающихся “стационарных” предприятий, для понуждения налогоплательщиков к розыску фирм-однодневок потребуются определенные дополнительные издержки

со стороны местных властей. Во-вторых, в краткосрочном периоде нарушение соглашения, ведущего к достижению оптимального результата, будет давать нарушителю весьма ощутимые выгоды.

Для обоснования последнего тезиса предположим, что имеется N регионов, в каждом из которых местными властями по отношению к неучтенному наличному обороту с равной вероятностью 0,5 может быть выбрана стратегия 1 (“пресекать”) или стратегия 2 (“не замечать”). Тогда в соответствии с нашими рассуждениями для отдельной региональной администрации вероятность получения позитивного результата от применения стратегии 1 составляет $(0,5)N - 1$. Во всех остальных случаях применение этой стратегии будет вести лишь к оттоку капитала из данного региона. Напротив, стратегия 2 в краткосрочном периоде окажется успешной с вероятностью $1 - (0,5)N - 1$. Легко видеть, что вторая вероятность больше первой при любом $N > 2$.

Таким образом, у каждой региональной администрации будут сохраняться серьезные мотивы к оппортунистическому поведению. Поэтому соблюдение соглашения о совместной реализации стратегии 1 (пресечение неучтенного наличного оборота) возможно лишь при эффективном контроле за этим процессом с применением жестких санкций к потенциальным нарушителям. Такой контроль мог бы осуществлять федеральный центр. Однако, как мы показали выше, у его полномочных представителей также есть весьма серьезные рациональные мотивы для того, чтобы уклониться от исполнения данных функций.

В результате можно констатировать, что если в начальной точке федеральный центр “наказывает” регионы, ориентирующиеся на стратегию 2, устойчивым будет “хорошее” равновесие (квадрат 1А табл. 4). Если же в начальной точке федеральный центр не “наказывает” регионы, ориентирующиеся на стратегию 2, устойчивым будет “плохое” равновесие (квадрат 2В табл. 4).

Вместе с тем, наряду с очевидными отрицательными последствиями для регионального бюджета, “плохое” равновесие дает местным властям новые и весьма эффективные *рычаги неформального воздействия на малый и средний бизнес*. Низкие издержки уклонения от налогов с использованием “черного нала”, обусловленные тем, что налоговые органы и местные власти закрывают глаза на неучтенный наличный оборот, приводят к массовому распространению подобных схем и

изменению общих условий конкуренции в определенных секторах рынка.

Если раньше фирма, входящая на рынок, могла выбирать, быть ли ей законопослушной и платить все налоги или же использовать “черный нал” и платить лишь часть налогов, то теперь альтернативы нет. *Средняя фирма, уплачивающая все налоги, будет неконкурентоспособной по издержкам* в сравнении с ее конкурентами, фактически действующими в условиях льготного налогового режима¹⁹. Соответственно все фирмы, работающие на рынке, в той или иной мере окажутся вынужденными нарушать законодательство (в противном случае они просто будут вытеснены конкурентами). Но это одновременно означает, что к любому участнику рынка в любое время можно *обоснованно* применить санкции за нарушение законодательства. И поэтому ни одна средняя фирма не рискнет ответить отказом на “просьбу” властей перечислить определенную сумму денег на внебюджетный счет какого-нибудь фонда при местной администрации для решения социальных проблем региона, проведения очередного “дня города” или, например, строительства Храма. Очевидно, жесткий контроль за целевым использованием таких “добровольных пожертвований” практически нереален, и здесь возникает масса возможностей для злоупотреблений.

Используя подобный механизм неформального изъятия у предприятий части их экономии на неуплате налогов, местные власти могут полностью *компенсировать потери регионального бюджета* или даже увеличить общую сумму доходов, поступающих в их распоряжение. Естественный верхний предел для такого неформального перераспределения представляет разность между суммой налогов и отчислений на социальное страхование, которую должны были бы заплатить предприятия в соответствии с законодательством, и той суммой платежей, которая уплачивается ими фактически. Пока “добровольные пожертвования” на нужды региона остаются меньше этой разности, частный бизнес будет склонен мириться с неформальным давлением местных властей.

Таким образом, “плохое” равновесие консервируется. Однако при учете ряда дополнительных факторов, приближаю-

¹⁹ Эмпирические наблюдения, подтверждающие этот тезис, приведены в Яковлев А. Развитие конкуренции и проблемы реструктуризации предприятий (размышления по итогам эмпирических обследований предприятий). — Экономический журнал ВШЭ, 1997, № 1; а его формальное доказательство в рамках простой теоретической модели дано в: Yakovlev A. Black Cash Tax Evasion in Russia: Its Forms, Incentives and Consequences at Firm Level.

ших нас к реальной действительности, выясняется, что данное состояние не является вполне равновесным (табл. 5). Ответственные чиновники налоговой службы или руководители местных органов власти не могут официально приказывать своим подчиненным не расследовать деятельность фирм-однодневок, поскольку это нарушало бы законодательство. Максимум, что они могут себе позволить — *бездействие* или игнорирование подобных схем. Однако игнорировать или не замечать неучтенный наличный оборот объективно проще в тех регионах, где более развиты потребительский рынок и финансовый сектор, больше доля малых и средних предприятий, выше удельный вес торговли и сферы услуг, больше численность населения (что затрудняет розыск учредителей и должностных лиц фирм-однодневок).

Таблица 5. Перераспределение деловой активности между регионами в зависимости от стратегии региональной администрации и условий применения ННО

Стратегия	Реакция бизнеса (приток или отток капитала в данном регионе)	Условия применения ННО в других регионах (в сравнении с данным регионом)	
		хуже	лучше
1А	-	-	-
1В	Капитал уходит из региона	Капитал уходит из региона медленнее	Капитал уходит из региона быстрее
2А	Капитал приходит в регион	Капитал приходит в регион быстрее	Капитал приходит в регион медленнее
2В	-	Капитал приходит в регион	Капитал уходит из региона

В краткосрочном и даже в среднесрочном периодах названные факторы практически не зависят от действий региональных властей. Поэтому в регионах, обладающих совокупностью перечисленных признаков, условия для широкого использования неучтенных наличных оказываются лучше, масштабы уклонения от уплаты налогов — больше, а реальные ставки налогов — ниже. Соответственно даже в условиях “плохого” равновесия в такие регионы, выполняющие функции неформальных оффшорных зон, продолжается переток капитала из других областей, краев и республик, где неучтенный наличный оборот был бы более заметен для стороннего независимого наблюдателя.

Нетрудно видеть, что перечисленным выше требованиям в наибольшей степени соответствуют Москва и другие крупнейшие города, которые в советское время относились к выс-

шим “категориям снабжения” в части обеспечения товарными ресурсами. В настоящее время более высокий уровень жизни в них по-прежнему в значительной степени поддерживается за счет перераспределения ресурсов из других регионов. Правда, при этом речь идет уже не о товарных, а о финансовых ресурсах, и осуществляется подобное перераспределение не административным путем, а на основе вполне экономических механизмов.

Таким образом, недееспособность федерального центра, обусловленная слишком тесными неформальными связями политиков с крупным бизнесом, или “политической” коррупцией²⁰, провоцирует оппортунистическое поведение региональных властей и приводит к серьезным потерям прежде всего для федерального бюджета. При этом массовое уклонение от уплаты налогов может происходить даже без коррупции в налоговом ведомстве и в местных органах власти²¹.

В наибольшей степени от недобора налогов страдают федеральный центр, а также дотационные регионы, зависящие от трансфертов из Москвы. Тем самым описанная система взаимоотношений способствует усилению неэффективности федерального правительства и закрепляет сложившиеся структурные диспропорции между регионами.

²⁰ Если традиционная коррупция (которую можно было бы также обозначить термином “экономическая”) предполагает нарушение чиновником действующих правил (законов) в обмен на получение взятки, то устойчивые неформальные взаимоотношения между политиками и крупным бизнесом оказываются ориентированными не столько на нарушение, сколько на сознательное изменение действующих правил, совершаемое в интересах определенных финансовых групп. Поэтому, на наш взгляд, подобные взаимоотношения могут быть более точно охарактеризованы как “политическая” коррупция. Иной вариант, чаще встречающийся в литературе, — “приватизация государства”, или “state capture”. Комплексное влияние данного феномена на развитие стран с переходной экономикой было рассмотрено в недавнем совместном докладе экспертов Всемирного банка и ЕБРР (см. *Hellman, J.S., Jones, G., and Kaufman, D.* ‘Seize the state, seize the day: An empirical analysis of state capture and corruption in transition economies.’ Paper prepared for the ABCDE 2000 Conference, Washington, D.C., 18-20 April 2000.). Об общеэкономических последствиях “политической” коррупции см. также: *Яковлев А.* Добро пожаловать в пост-переходную экономику! — Вопросы экономики, 2000, № 2.

²¹ Сказанное, однако, ни в коей мере не отрицает того, что “политическая” коррупция в высших эшелонах власти объективно стимулирует развитие традиционной коррупции на низших ступенях государственной иерархии.

Данная ситуация в целом является одним из наглядных примеров “институциональной ловушки”²². Характерно, что, несмотря на очевидные потери для общества, ни один из рассмотренных нами экономических агентов — будь то частный бизнес, региональные власти или федеральные чиновники — объективно не заинтересован в изменении ситуации.

Выход из тупика может быть инициирован лишь высшими федеральными политиками в том случае, если они действительно будут готовы к изменению сложившейся в 90-е годы модели взаимоотношений власти и крупного бизнеса. При этом позитивные сдвиги, на наш взгляд, возможны только в случае консенсуса между основными игроками в отношении новых правил игры. К сожалению, пока такого консенсуса не наблюдается, что чревато повторением печального опыта начала 90-х годов, когда радикальные реформы привели страну совсем не туда, куда обещали либеральные реформаторы.

²² См.: Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы. Препринт № 98/004. М.: РЭШ, 1998.

МЕНТАЛЬНОСТЬ

НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ В НЕНОРМАЛЬНОЙ СТРАНЕ

Татьяна Кутковец, Игорь Клямкин

Партии и политические лидеры начинают готовиться к выборам. Успех на них, как принято считать, обеспечивают деньги, избирательные технологии и административный ресурс. А что думает и чего хочет избиратель, вроде бы и не очень важно. Он воспринимается не как субъект и партнер, а как объект воздействия и манипулирования.

Опыт показывает, что выборы можно выигрывать и таким способом. Но он же свидетельствует и о том, что никакой связи между властью и обществом при этом не возникает, а их взаимное отчуждение не только не преодолевается, но и нарастает. К чему оно приводит, тоже хорошо известно. В том числе — и из отечественной истории.

Медленность и неуверенность нынешней российской демократизации многие политики склонны объяснять ментальными особенностями российского общества, его глубоко укорененными традиционалистскими установками, отторгающими модернизацию. Поэтому не только идеологи традиционализма, но и многие реформаторы, говоря о необходимости создания в России “сильного государства”, подразумевают под этим полное или частичное возвращение к типу государственности, в разных формах существовавшей в России на протяжении пяти последних столетий.

“Русская система”, ее сторонники и противники

Этот тип государственности часто называют “русской системой”. Ее основные характеристики — самодержавная власть, патернализм, закрытость страны от внешнего мира, доминирование интересов государства над интересами личности, великодержавные внешнеполитические амбиции. Предполагается, что именно такая государственность соответствует особенностям россиян как народа (их врожденной приверженности коллективизму и православным ценностям, предрасположенности к патерналистской опеке и т. д.). Но так ли это на самом деле?

Специально проведенное широкомасштабное социологическое исследование “Самоидентификация россиян в начале XXI века”¹ показало: такие особенности действительно свойственны определенной части российского общества, но эта часть составляет незначительное меньшинство населения.

Убедленные сторонники “русской системы” в таких ее проявлениях, как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны, составляют менее 7 % респондентов. Невелик и их резерв (22 %), в котором сохраняется ориентация на два из трех названных признаков “русской системы”. В том и другом случае речь идет о группах населения с очень высоким процентом пожилых людей и низким уровнем образования. Между тем сторонники модернистской альтернативы “русской системе” (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют 33 % населения при несколько большем по численности резерве (37 %).

Вектор развития российского общества вопреки распространенному мнению явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество это в большинстве своем отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. “Русскую систему” оно переросло еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего. Дальнейшая модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми. Стре-

¹ Опрос был проведен по всероссийской выборке 1600 человек на базе ВЦИОМ по заказу Клуба “2015” исследовательской группой в составе Т. И. Кутковец (автор исследования), А. И. Гражданкина, И. М. Клямкина и И. Г. Яковенко.

мясь компенсировать эту свою неспособность, она реанимирует два старых мифа о русском народе.

Не “богоносец” и не “овощ”

Миф первый — о православном народе-богоносце, обладающем уникальными духовными качествами, которые позволяют ему претендовать на мессианскую роль в мировой истории. Но эту роль, согласно данному мифу, он может исполнить только благодаря безоговорочной преданности и беспрекословному подчинению православному самодержавному государству, в пользу которого готов добровольно отказаться от своих политических и других прав.

Миф второй — о народе-“овоще”, состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, не способных на самостоятельную и ответственную инициативу, и нуждающемся в поливке и окуливании посредством технологий пропагандистского обмана и политических механизмов “управляемой демократии”. Предполагается, что только при такой опеке со стороны власти можно ввести его в рыночную экономику, к которой он исторически не готов и которую отторгает.

Первый миф — о народе как опоре традиционализма. Второй — о народе как помехе на пути модернизации. Но в основе обоих — одно и то же представление о народе-подростке, нуждающемся в родительском присмотре. В основе обоих — одно и то же представление о нем как о народе глубоко консервативном, соборно-коллективистском, православно-созерцательном, с неразвитым личностно-субъектным началом.

Оба они призваны обосновать необходимость и неизбежность реанимации “русской системы”, хотя и ради прямо противоположных целей. В первом случае речь идет о реставрации традиционализма, а во втором — о его преодолении, о попытках легитимировать модернизацию, апеллируя к традиционным ценностям. И оба эти элитных мифа о народе очень слабо соотносятся с современными жизненными установками и представлениями о себе самого народа, его подавляющего большинства.

Это подтверждается не только данными об отторжении населением традиционалистского типа культуры и высокой восприимчивости к культуре модернистской. Аналогичные тенденции выявляются и при рассмотрении других ориентаций и установок.

Протестанты в православной среде

Ничего общего с реальностью не имеет сегодня миф о россиянах как о православном народе. Люди могут идентифицировать себя с православием, но это вовсе не значит, что они руководствуются в повседневной жизни православными установками и православной моралью. Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, в которые были заложены православная, протестантская и атеистическая позиции по отношению к различным сферам и проявлениям человеческой жизни (свобода, труд, бедность и богатство, восприятие прошлого, настоящего и будущего и др.). При этом люди не знали, что они выбирают между православием, протестантизмом и атеизмом. Они делали выбор между экзистенциальными смыслами, а не между конфессиональными номинациями. И они сделали его не в пользу православия.

Бесспорным лидером оказалась протестантская позиция: совокупная численность тех, кто выбрал ее как минимум в четырех вопросах (из восьми предложенных), составляет 66 %. Значительно меньше людей (15 %) идентифицируют себя с атеистическими установками, а с православными — всего 4,5 %.

Эти данные свидетельствуют, по крайней мере, о двух вещах. Во-первых, пассивно-созерцательная православная мироотреченность была разрушена материалистическим атеизмом, его ориентацией на ценности земной жизни. Во-вторых, атеизм этот не сумел разрушить моральные установки как таковые: аморализм в современном российском обществе отнюдь не доминирует. В стихийном массовом “протестантизме” россиян проявляются их самоидентификация с ценностями земного существования, причем здесь и теперь, а не в “светлом будущем”, их потребность в индивидуальной свободе при готовности считаться с ее моральными и юридическими ограничениями, необходимыми для поддержания общественного порядка.

Коллективисты и индивидуалисты, консерваторы и реформаторы

Не столь явно, но тем не менее тоже достаточно отчетливо отмеченные тенденции выявляются в предпочтениях, отдаваемых россиянами коллективистскому и индивидуалистическому способам развития. После столетий доминирования досоветско-

го (общинного) и советского государственного коллективизма намечился сдвиг в сторону индивидуализма с его приоритетом личных интересов над коллективными. Совокупная численность людей, выбравших индивидуалистическую позицию как минимум в трех вопросах (из пяти предложенных), составляет 53 % при 44 % “коллективистов”.

Однако и у последних, как показывает анализ, коллективизм чаще всего ассоциируется не с бесправием и уравнительной справедливостью, не с подавлением и ущемлением частных интересов во имя государства, а с некой мерой, позволяющей сочетать частные интересы с групповыми. Так что сторонники реанимации “русской системы” не найдут сегодня отклика и у многих “коллективистов”.

В коллективистских ориентациях значительных слоев российского общества проявляется не только историческая инерция, но и реакция населения на неспособность российских элит обеспечить сочетание индивидуальной свободы с универсализмом закона. Это — реакция не на индивидуализм как таковой, а на слабость традиции социального, не анархического индивидуализма в России и богатый опыт (прежде всего современный) асоциального индивидуализма элит. Показательно, что 30 % “коллективистов” назвали в числе наиболее важных для них ценностей индивидуальную свободу личности.

Доминирование в российском обществе модернистских установок обнаруживает себя и в социально-экономических и политико-идеологических ориентациях населения. Речь идет о его восприятии актуальных проблем, непосредственно связанных с происходящими в стране реформами и их перспективами (отношение к частной и государственной собственности, к контролю государства за доходами граждан, свободному доступу к информации и др.). Совокупная численность респондентов, выбравших реформаторскую позицию в ответах на семь и больше из четырнадцати предложенных вопросов, составляет 66 %; процент консерваторов — в два раза ниже.

При этом почти половина “реформаторов” (28 %) одновременно являются и “модернистами” (по типу культуры), “протестантами” (по религиозно-мировоззренческим установкам) и “индивидуалистами” (по ориентации на способ развития страны). Что касается людей, которые были бы одновременно “консерваторами”, “традиционалистами”, “православными” и “коллективистами”, то их в сегодняшней России 1,8%.

Таким образом, при самых разных подходах к анализу российского общества обнаруживается одна и та же закономер-

ность: оба элитных мифа о народе в большинстве этого народа не находят никакой почвы. Вопреки мнению консервативных элит население в массе своей отнюдь не отторгает индивидуальную свободу и не предпочитает им православную общность, коллективизм и контроль государства за частной и деловой жизнью граждан. Вместе с тем вопреки мнению части реформаторской элиты большинство это не считает себя и неготовым к свободе, а потому нуждающимся в реанимации традиционного типа российского государства ради проведения реформ.

“Вертикаль власти” в атомизированном обществе

За всю ее историю в России не было столь благоприятных условий для модернизации и вестернизации. Раньше реформы блокировались консерватизмом населения, что предопределяло неудачи прежних модернизаций либо их откровенно насильственный характер. В начале XXI века картина принципиально иная: в современной России реформаторский потенциал общества значительно превышает потенциал элит. Общество изжило “русскую систему”. Элита не научилась таким обществом без “русской системы” управлять. Поэтому она держится за старые мифы.

Ее традиционалистское крыло не скрывает своей приверженности “русской системе” и хочет восстановить ее, окоротив уже обретенные обществом свободы. Логика традиционалистов понятна: “русская система” и свободные, независимые от государства люди несовместимы. Другое дело — модернистская часть российской элиты. Соглашаясь играть по правилам архаичной системы, она тем самым продлевает ее жизнь ради заведомо недостижимых с ее помощью целей. Это значит, что в стране по-прежнему все, и в первую очередь — бизнес, будут оставаться “на крючках” у неподконтрольного обществу государства, а споры “хозяйствующих объектов” по-прежнему будут выдаваться за споры “хозяйствующих субъектов”. Такой проект программирует консервирование нынешнего атомизированного состояния общества и блокирование его самоорганизации снизу, которая и без того чрезвычайно слаба. Естественный результат — тотальное недоверие россиян к власти и друг к другу.

Почти все наши респонденты (96 %) считают, что в стране царит произвол властей. Свыше половины из них убеждены, что

найти защиту от этого произвола в сегодняшней России невозможно. На суд как на защитника рассчитывают 9 %, на “братков” и взятку — 11 %. Почти 75 % опрошенных считают, что в современной России, вступая в деловые и прочие отношения, нельзя быть уверенным, что тебя не “кинут”, не “облапошат”. Но при этом подавляющее большинство хотело бы жить в стране, где доверие не было бы столь дефицитным. Неудивительно поэтому, что свыше трех четвертей россиян не склонны считать Россию “нормальной страной”.

Элитный миф о народе-“овоще” не только не способствует модернизации, но является едва ли не самым мощным ее тормозом. Именно он ведет к катастрофическому отчуждению государства, выстраиваемого в виде “вертикали власти”, от населения, а населения — от государства. Большинство людей (80%) не представляют себе даже, какое именно государство создается сегодня в России, к какой цели страна движется. Но они хотят это знать.

Неведение людей частично компенсируется тем, что многие полагают, будто подобное знание есть у Путина и его команды. Не исключено, что именно это является одной из причин стабильно высокого президентского рейтинга. Но долговременная реформаторская стратегия не может быть выстроена и реализована без осведомленности и сознательного участия населения. Осведомленности нет; естественно, нет и сознательного участия. Именно поэтому нет и самой реформаторской стратегии.

На протяжении XX столетия в России формировался и сформировался качественно иной, чем прежде, народ. Это — не результат воспитания и пропаганды. Это — результат смены ценностей. Но в России нет соответствующей новому качеству народа элиты.

Истории известны лишь два выхода из таких тупиков. Первый — стихийное развитие через голову элиты со всеми сопутствующими потрясениями. Второй — ее самоизменение и самообновление, приведение себя в соответствие с установками и запросами большинства и желание на них опираться. Чтобы добиться успеха на очередных выборах, достаточно, как и на предыдущих, иметь деньги, административную поддержку и квалифицированных советчиков-политтехнологов. Но чтобы проводить целенаправленную реформаторскую политику после выборов, надо иметь от избирателей мандат именно на такую политику. Они не знают, как и какими способами ее осуществлять, резонно полагая, что в этом и заключается функция и миссия элиты. Но они хорошо представляют себе, что хотят и чего не хотят.

Таблица
Какая Россия Вам нужна?

Варианты ответов	Количество ответивших (в % от общей численности опрошенных)
Могучая военная держава, где во главе стоят интересы государства, его престиж и место в мире	24
Комфортная, удобная для жизни страна, в которой на первом месте стоят интересы человека, его благосостояние и возможности развития	76
Затрудняюсь ответить	1

“Московские новости”, № 25, 3 июля 2002

НОВЫЕ ЛЮДИ В СТАРОЙ СИСТЕМЕ

Татьяна Кутковец, Игорь Клямкин

В статье “Нормальные люди в ненормальной стране” (“Московские новости”, № 25) мы рассказали о некоторых результатах проведенного нами социологического исследования “Самоидентификация россиян в начале XXI века”¹. Из полученных данных следует, что большинство наших сограждан ориентируется сегодня на нормы и принципы современной (модернистской) культуры, между тем как политическая и административная элита пытается управлять ими в духе и стиле многовековых традиций “русской системы”. Но попытка совмещать одно с другим — это бессмысленная трата времени; нельзя совместить несовместимое. Поэтому, прежде чем продолжить представление результатов исследования, есть смысл хотя бы в общих чертах обрисовать различия между двумя моделями жизнеустройства.

Две модели жизнеустройства

Модернистская культура — это главенство интересов личности, ее прав и свобод над интересами любых общностей, включая государство. В “русской системе”, наоборот, личность подчине-

© Клямкин И. М., Кутковец Т. И., 2003

¹ Опрос был проведен по всероссийской выборке 1600 человек на базе ВЦИОМ по заказу Клуба “2015” исследовательской группой в составе Т. И. Кутковец (автор исследования), А. И. Гражданкина, И. М. Клямкина и И. Г. Яковенко.

на некоему стоящему над ней целому (общине, трудовому коллективу, а в конечном счете — государству). Здесь на первом месте не права и свободы человека-субъекта, а обязанности человека-объекта.

Модернистская культура — это установка на постоянное развитие потребностей и их удовлетворение в свободной конкуренции умений, способностей и талантов. В “русской системе” культивируется заниженность притязаний (“нестязательность”), выживанию отдается предпочтение перед развитием, а свободная конкуренция допускается в локальных сферах или не допускается вообще.

Модернистская культура — это признание за человеком права самостоятельно и независимо от государства выстраивать свою жизнь, самостоятельно принимать решения, неся за них всю полноту ответственности, при делегировании государству общих функций и при контроле общества за их выполнением. В “русской системе” государство, берущее на себя роль “справедливого отца”, в лице первого должностного лица обожествляется (сакрализуется), государственные чиновники несут ответственность не перед населением, а только перед вышестоящим начальством и контролируются не обществом, а лишь репрессивными органами.

Модернистская культура — это верховенство закона, гарантирующего права граждан, и равенство перед ним; последнее обеспечивается в том числе юридической и материальной ответственностью государства за нанесение ущерба гражданам. В “русской системе” закон защищает прежде всего интересы государства, что уже само по себе выводит государственную бюрократию за пределы реальной ответственности перед населением и неизбежно сопровождается ее самоизоляцией от общества, круговой бюрократической порукой и функционированием всей системы не столько по закону, сколько “по понятиям”.

Модернистская культура — это культура рационального проживания, легализирующая принципы личного интереса и компромисса на взаимовыгодной основе. “Русская система” выгоду этически принижает и профанирует, противопоставляя ей идеал бескорыстия, а вместо компромисса культивирует и возвышает бескомпромиссность, переносящую в мирную жизнь моральный пафос военного времени.

Если модернистская культура не сложилась, если люди в массе своей до нее не доросли, то общество может управляться только “русской системой” или чем-то на нее похожим. А если до-

росли, то “русская система” становится анахронизмом и тормозом дальнейшего развития.

В своей статье мы пытались показать, что в современной России имеет место второй случай, а не первый. Мы отмечали, в частности, что “модернисты” составляют сегодня в стране 70 % населения, между тем как “традиционалистов” (сторонников “русской системы”) не набирается и трети. Однако реальная политика и идеологическая риторика властей и политических партий чаще всего выглядят так, будто все обстоит с точностью до наоборот. В этом и надо искать глубинный источник нарастающих в обществе апатии и отчужденности. Не в том дело, что народ “не тот”, а в том, что народ этот чувствует и все больше понимает: опять что-то “не то” осуществляется помимо его воли и желания, а знания и опыта, позволяющих противостоять такому ходу вещей, у него нет.

Советские и постсоветские “вопрекисты”

Ключевые слова в официальной риторике последних трех лет — “сильное государство”, “вертикаль власти”, “диктатура закона”. В стране нет политических сил, эту риторику отторгающих. В данном отношении деление на “государственников” и “антигосударственников” лишено какого-либо смысла: “государственники” в стране все и вопрос лишь в том, какое именно государство утвердить в России — традиционное неправовое или правовое демократическое.

Поэтому по мере того, как лозунги воплощаются в жизнь, у людей появляются вопросы. Они как раз и пытаются понять, какое “сильное государство” создается сегодня в России, зачем и кому нужны выстроенная “вертикаль власти” и насколько продвинулась страна в направлении “диктатуры закона”. При этом у наших сограждан есть сложившееся представление о должном и правильном, есть четкие критерии, которыми они руководствуются (табл. 1).

Как видим, подавляющее большинство опрошенных в коренном вопросе о взаимоотношениях государства и личности отторгает установку “русской системы”, предпочитая ей установку модернистской культуры.

Если представить себе, что подобный вопрос задавался бы россиянам лет двадцать назад, то ответы, скорее всего, были бы другими. Но не потому, что за короткое время люди столь значительно изменились. Такого не бывает. Просто при советской вла-

Таблица 1

Какой из следующих двух принципов устройства общества в большей степени соответствует Вашему представлению о должном и правильном?

Варианты ответов	Количество ответивших (в % от общей численности опрошенных)
Превыше всего – индивидуальная свобода и интересы личности, а обязанность государства – гарантировать их соблюдение	70
Превыше всего – интересы государства, а обязанность человека – всемерно способствовать реализации государственных интересов	26
Затрудняюсь ответить	4

сти было положено отвечать иначе. Но это не значит, что идеологически предписанные официальные ценности разделялись населением. Модернистские установки стихийно формировались вопреки усилиям воспитателей и пропагандистов, явившись на свет, если воспользоваться языком той эпохи, в результате “жизного творчества масс”.

Почти сразу после смерти Сталина, когда советская власть начала отпускать государственные обручи и допускать дозированные свободы, предписанные режимом и казавшиеся неизблемыми ценности стали подвергаться сомнению, а затем и критике. Советские люди медленно и поначалу осторожно начали обустривать свою частную жизнь. “Светлое будущее” для всех, которому следовало самоотверженно и бескорыстно служить, таяло в повседневных заботах о настоящем и постепенно претворилось в “построение коммунизма” в отдельно взятых квартирах. Приоритет семьи и ее благосостояния, который из года в год фиксируется всеми социологическими службами, в том числе и нашим опросом, – это оттуда, из той эпохи. Помня о тогдашнем массовом “вопрекизме”, легче понять и исторические истоки сегодняшних предпочтений, отдаваемых подавляющим большинством россиян индивидуальной свободе и интересам личности перед интересами государства.

Однако гораздо важнее все же другое. Дело в том, что психология “вопрекизма” воспроизводится и сегодня, причем особенно заметно не в “традиционалистском”, а в “модернистском” сегменте общества. Мы предложили респондентам высказать мнение о самобытных особенностях россиян как народа, а также о том, насколько эти особенности свойственны самим респондентам. Выяснилось, что во всех социально-демографических группах (кроме пожилых людей и респон-

дентов с неполным средним образованием) их представители из 14 предложенных качеств в числе своих главных личных особенностей называют способность к саморазвитию *вопреки притеснениям и запретам власти*. Более того, во всех этих группах данное качество вышло в первую тройку наиболее высоко ценимых.

Думаем, эту информацию полезно знать не только нашим патриотам-почвенникам, но и тем патриотам-реформаторам, которые заимствуют у них представления о самобытности России и ее народа. Ведь представители самого народа — по крайней мере, их наиболее энергичная и образованная часть — чаще всего усматривает свою самобытность не в особой духовности и сопутствующей ей нестяжательности, не в коллективизме, не в преданности государству и готовности жертвовать ради него всем, что оно потребует (перечисленные качества тоже были представлены в списке), а в этом вот самом “вопрекизме”.

Но если так, то это значит, что власть и сегодня выглядит в глазах людей не партнером и союзником личности, а ее антагонистом, не проводником модернистских принципов жизнеустройства, а их противником.

“Не тот” народ или “не та” власть?

Мы понимаем, что этот низовой “вопрекизм” вполне может быть истолкован как лишний довод в пользу тезиса о народе, который “не тот”. Разве не он, народ, дает чиновникам взятки и получает зарплату в конвертах, разве не он уклоняется от налогов? Он, мол, действует не вопреки власти, а вопреки закону — часто вместе с властью, но нередко и независимо от нее. О какой же модернистской культуре может идти речь, если она лишена такой важнейшей составляющей, как законопослушание?

Народ наш, как и любой другой, конечно же, не богоносец, не святой. От этих мифов о себе, не им придуманных, он сам успел отказаться. Правда и то, что именно его “модернистская” часть открыто демонстрирует наибольшую снисходительность к коррупционно-теневому поведению, выражающуюся, в частности, в повышенной готовности дать взятку чиновнику, если легально решить какой-либо вопрос не представляется возможным. Но это вовсе не значит, что люди считают такое положение вещей нормальным.

Отвечая на вопрос о желательных принципах деятельности власти в стране, в которой они хотели бы жить, наши респонденты поставили на первые два места (в списке из 18 позиций) соблюдение конституции (70 % опрошенных) и подконтрольность обществу и строгое соблюдение законов (48 %). При этом среди “модернистов” процент таких людей еще выше. Однако реальная жизнь и реальная власть видятся им существенно иными. Чаще всего они склоняются к мысли, что последняя держится на круговой поруке чиновников, их коррумпированности (58 %) и на неподконтрольности обществу и пренебрежении законами (38 %). И опять-таки именно в составе “модернистов” доля тех, кто так думает, самая большая.

Благодаря СМИ и собственному опыту россияне хорошо осведомлены о нынешнем правовом беспределе, а значит и о том, что “сильное государство”, “вертикаль власти” и “диктатура закона” оказываются с этим беспределом вполне совместимыми. Но главную его причину они видят не в том, что “народ не тот”, и даже не в плохих законах, а в том, что законы нарушаются самой властью — теми людьми, которые по долгу службы должны гарантировать их соблюдение. Так считают 78 % наших респондентов, и попробуйте убедить их в том, что они заблуждаются. Думаем, не получится.

Да, народ не выше своей правящей элиты. Но он и не должен быть выше. Если человек соглашается получать часть зарплаты в конверте и не платит с нее налог по причине ее документальной нефиксируемости, то он поступает совершенно адекватно заданным условиям, которые не им установлены. И это — вполне рациональное поведение человека с неревOLUTIONной психологией, не мешающее ему, впрочем, понимать и осуждать само явление, с модернистской культурой и в самом деле несовместимое. Ведь если заданные условия не позволяют следовать ей более последовательно, то это проблема не человека, а заданных условий, созданных не им, а теми, кто взялся им управлять.

Ссылки на дефицит народного идеализма — последнее прибежище российской “системной” элиты, стремящейся оправдать свое якобы рациональное поведение в неправовой среде и свое к ней конформистское приспособление.

Режим сменился. Изменится ли система?

На исходе советской эпохи широкое хождение получила фраза-диагноз: “Во всем виновата система”. Похоже, фраза эта вот-

вот снова войдет в повседневный речевой обиход. Во всяком случае, данные нашего исследования дают основание для такого прогноза.

В широких слоях населения постепенно осознается происшедшее в стране в 1990-е годы. Политический режим в России радикально изменился, но его изменение не сопровождалось преобразованием “русской системы”. Легализация частной собственности, конституционные гарантии прав и свобод, выборное формирование власти в центре и на местах — все это, разумеется, ослабило и расшатало ее. Однако системные устои — нерасчлененность власти и бизнеса, доминирование политики над правом (то есть политической и административной власти над судебной), монополия бюрократии на принятие решений, не неся за них экономической и юридической ответственности перед населением, — остались непоколебленными.

Из этой исторической точки можно двигаться, реализуя один из двух альтернативных политических проектов.

Первый из них воплощается на наших глазах. Это — проект капитального ремонта полурасложившейся “русской системы”, приведения ее в работоспособное состояние при одновременном проведении либеральных экономических реформ. Но “русская система” и либеральная экономика не совместимы по определению.

Свободное предпринимательство — основа такой экономики — предполагает защищенность гарантиями правового государства и потому свободного человека. Между тем “русская система” в принципе не способна сосуществовать с независимым, неподконтрольным ей человеком-субъектом. Именно поэтому любые законы, сокращающие ее контрольные функции, при сохранении устоев “русской системы” не могут работать. Ведь их исполнение посягает на саму ее сущность — контролировать в стране все и вся. Система эта может либо поддерживать законность в условиях несвободы, либо имитировать правовой порядок, прикрывающий бюрократический произвол по отношению к человеку в условиях формально дарованных свобод.

Во втором случае неизбежно происходит тотальное отчуждение между гражданами, стремящимися укрыться от корыстного государственного бюрократического контроля, и государством, стремящимся этот контроль любой ценой удержать. Люди, говоря иначе, попросту выталкиваются из легальной государственной жизни, что мы сегодня повсеместно и на-

блюдаем. Лишь один из каждых пяти наших респондентов ощущает, что государство приносит ему какую-то пользу; остальные же воспринимают его либо как помеху (33 % опрошенных), либо констатируют, что оно вообще не играет в их жизни никакой роли (45 %).

Получается, что “сильное государство” выстраивается либо вопреки гражданам (отсюда и их массовый встречный “вопрекизм”), либо параллельно их жизни, независимо от них. Надо ли доказывать, что никакой либеральной конкурентной экономики при этом возникнуть не может?

Что-то подобное страна уже переживала во времена Столыпина, впервые попытавшегося осуществить либеральные реформы в экономике с помощью институтов и механизмов расшатанной “русской системы”. Но тогда из государственной жизни выталкивались самые архаичные слои населения с догосударственной общинной психологией, энергия которых и была после неудачи той первой попытки использована большевиками, строившими новое государство под лозунгами его грядущего отмирания. Эти слои оказывали сопротивление реформам Столыпина, которое он надеялся преодолеть, ограничивая их права, в том числе и избирательные, ради получения лояльного большинства в Государственной думе. То была трагедия реформатора, не находящего в обществе необходимого для назревших преобразований культурного ресурса.

Теперь эксперимент вековой давности пытаются повторять (разумеется, с поправками на время, то есть без формально-юридического ущемления чьих-либо прав), ссылаясь опять-таки на незрелость общества. Но ведь за столетие оно стало принципиально иным, и разговоры о его “незрелости” сегодня в лучшем случае лишь камуфлируют историческую изжитость “русской системы”, ее неадекватность нынешнему состоянию общества, ее неготовность и неспособность к самореформированию.

Сегодня вне государства или в скрытом конфликте с ним оказался, прежде всего, не архаичный, а “модернистский” человек, культура которого впервые в отечественной истории стала доминирующей, охватывающей большинство населения. Он — не “антигосударственник”. Он — сторонник *другого* государства, основанного на иных, чем “русская система”, принципах. Можно сказать, что он — сторонник *модернистского проекта*, предполагающего выстраивание, несомненно, сильного государства, но — по лекалам современной правовой, а не традиционалистской культуры. Ему нужно сильное государство, подобное тем, что

имеют место в развитых странах, и он отторгает и будет отторгать модель сильного государства типа современного Китая или Чили недавнего прошлого. Полученные нами данные позволяют говорить обо всем этом вполне определенно.

Русские “модернисты” между надеждой и апатией

Когда-то русское правительство называли единственным европейцем в стране. Сегодня правительству-европейцу одиночество в России не грозит. Скажем, среди наших “модернистов” (а именно они, напомним, концентрируют в себе наиболее динамичные слои российского общества) 68 % респондентов считают наиболее предпочтительным для России партнерство со странами Западной Европы. Это — абсолютный внешнеполитический приоритет.

Он проявляется, хотя и не столь отчетливо, и в повышенной заинтересованности “модернистов” в интеграции России в европейское сообщество. На вопрос, какие качества обязательно должны быть присущи президенту России, они в числе трех главных (из 12 предложенных) назвали установку на вступление страны в Европейский союз. Существенно также, что значительная часть “модернистов” хотела бы видеть главу государства демократом, — данное качество тоже вошло в лидирующую тройку по числу поданных за него голосов. Это заставляет усомниться в правоте тех, кто пытается убедить себя и других, что слово “демократ” себя дискредитировало окончательно и бесповоротно. Кстати, и среди населения в целом демократом хотели бы видеть президента почти 40 % опрошенных (большее число голосов собрала лишь такая позиция, как “русский по национальности”).

Если демократия у кого и вызывает отторжение, то разве что у наших “традиционалистов”, которые хотели бы в первую очередь видеть президента русским, православным и сторонником коллективистского способа развития страны. Понятно, что правительство-европеец на них опереться вряд ли сможет. Но ведь и опора-то не ахти какая широкая и прочная. Без риска для страны ее можно оставить Геннадию Зюганову и его идейным соратникам. На “модернистов” же правительство, претендующее быть “европейцем”, опереться могло бы, но лишь в том случае, если не будет вместо европейской демократии предлагать им ее самобитную имитацию.

В развитых странах находит большинство “модернистов” (59 %) и стандарты достойной жизни, что тоже рязительно отличает их от

“традиционалистов”, живущих воспоминаниями о жизненных стандартах в брежневском СССР. В полном соответствии со своими культурными предпочтениями они четко обозначают и причины, позволившие этим странам достигнуть их нынешнего уровня развития: чаще всего “модернисты” называют равенство граждан перед законом, законопослушность самой власти и ее способность обеспечивать законопослушность населения, а также стимулирующую роль свободной конкуренции и поощрение государством и обществом инициативности и предприимчивости. Надо полагать, что и в своей стране они хотели бы видеть то же самое.

Понятно, что у “традиционалистов” в числе главных причин фигурируют совсем другие. Они ищут и находят их в том, что развитые страны не пережили в своей истории тяжелых потрясений и испытаний. Или в том, что эти страны эксплуатируют природные и трудовые ресурсы стран слаборазвитых. Но если учесть, что “традиционалисты” составляют меньшинство населения, то доминирующий вектор развития российского общества в направлении модернистской культуры и его готовность согласиться на реализацию модернистского проекта вряд ли могут быть поставлены под сомнение.

Что же касается государственного устройства, то из четырех предложенных моделей (современной западной, советской, современной китайской и чилийской времен Пиночета) почти каждый второй “модернист” отдал предпочтение демократически-правовой государственности западного типа. Это не значит, что другая половина мечтает о реанимации “русской системы” или заимствовании ее современных подобий — люди с такими ориентациями сконцентрированы, в основном, в рядах “традиционалистов”. Но в составе “модернистов” обнаруживается самая значительная (свыше четверти) доля аполитичных людей, ушедших в частную жизнь и безразличных ко всему происходящему за ее пределами. Такая социальная апатия наиболее активной части населения может быть вызвана и тем, что модернистский проект российскому обществу до сих пор не предложен, и наши наиболее деятельные сограждане перестают верить, что он может быть предложен вообще.

Шанс есть. Будет ли он использован?

Центральной идеей такого проекта в современной России не может быть какая-либо другая, кроме идеи реформы власти. То, что называют “административной реформой”, — это не “одна

из” реформ, а такая, без проведения которой все самые замечательные законодательные инициативы и преобразования останутся безрезультатными. Но и саму административную реформу постигнет та же участь, если она сведется к еще одному ремонту “русской системы” (косметическому или капитальному), не затрагивая ее основу — монопольное право бюрократии не отвечать за свои решения перед гражданами.

Мы не знаем, кто из политиков перед предстоящими выборами выдвинет модернистский проект и выдвинет ли вообще. Но мы понимаем, что вне такого проекта, опирающегося на широкую общественную поддержку, “русская система” не может быть преобразована в принципе. Изнутри она не реформируема; сколько и каких реформаторов в нее не засылай, она их перемелет. Мы также полагаем, что если модернистский проект не будет обществу предложен, то отчуждение от власти и политических партий наиболее активных и образованных слоев населения будет нарастать.

Ведь они не знают, что их — много, что они — большинство. Ведь и их повышенный “вопрекизм” проявляется, прежде всего, в их самооценках, а не в оценках народа в целом, которого они склонны в первую очередь наделять такими качествами, как покорность перед властью и патерналистское упование на нее, готовность довольствоваться малым, коллективизм. В себе-то самих они обнаруживают эти качества куда как реже!

При таком восприятии мира и себя в нем публичная риторика политиков, апеллирующая к чуждым им ценностям, побуждает людей уходить во внутреннюю (и не только) эмиграцию и, тихо проклиная “систему”, ждать, когда она в очередной раз обвалится. Нечто подобное мы могли уже наблюдать во времена Брежнева: ведь как стабильно все было, а чем кончилось? Среди “модернистов” мы обнаруживаем и самую большую долю (около 50 %) новых эскапистов, людей, которые в будущих парламентских и президентских выборах не собираются участвовать, не знают, за кого им отдать свой голос, или собираются голосовать против всех. Такой вот беспризорный электорат.

Мы привели лишь некоторые данные об установках и настроениях “модернистов”. Могли бы привести и другие, свидетельствующие об отторжении ими базовых принципов “русской системы” и сформировавшемся запросе на модернистский проект. Со своей стороны можем добавить, что без реализации такого проекта Россия в стремительно меняющемся и развивающемся мире информационной эпохи обречена на отставание, прозябание и медленный распад.

У страны нет времени всерьез рассматривать утопические проекты вроде “Святой городской Руси” и предаваться мечтаниям о лидерстве в антиглобалистском, антимодернистском движении, сакрализирующем бедность. Даже профессиональные патриоты, имеющие ныне широкий доступ к экранам и пугающие народ Западом, демократией и политкорректностью, — даже они, виртуозно играя на манихейских струнах человеческих душ, не в силах изменить вековой архетип. Лидером всегда становился умный, сильный и богатый, а не тот, кто громче всех кричал о своей особости и сильнее надувал щеки.

Мы не исключаем, что апологетам “русской системы” удастся реализовать свой проект. Но мы уверены, что ничего, кроме очередной большой беды, это России не принесет. Вот почему той части российской политической элиты, которая заинтересована в превращении России в правовое демократическое государство, столь важно осознать, что у нее есть уникальный шанс сойти с наезженной исторической колеи и пойти другим, не “особым” путем. Ей, этой элите, есть на кого опереться. В союзниках у нее — огромная часть общества с ее требовательным запросом на реформу “русской системы” и присущего ей устройства власти.

В заключение — еще несколько цифр.

Таблица 2

Что, прежде всего, необходимо России для того, чтобы выйти из кризиса и добиться успеха?

Варианты ответов	Количество ответивших (в % от общей численности опрошенных)
Укреплять нашу государственность, руководствуясь многовековым опытом и традициями российской власти	45
Укреплять нашу государственность, меняя само устройство российской власти	54
Затрудняюсь ответить	2

Кто-то скажет, ознакомившись с этими цифрами, что общество находится в состоянии, близком к расколу. А кто-то, сопоставив их со всем вышесказанным, увидит набирающую обороты тенденцию отторжения “русской системы”, которая блокирует развитие страны и самореализацию живущих в ней людей.

Мы придерживаемся второй точки зрения. В том числе и потому, что в социально-демографических группах, представляющих собой основные движущие силы развития страны

(жители крупных городов, люди с высшим образованием, молодежь, предприниматели) сторонники реформы власти уже сегодня составляют не простое арифметическое большинство, а большинство квалифицированное — от двух третей до четырех пятых.

“Новые известия”, № 170-171, сентябрь 2002

ПОСЛЕ ПИРА

Яков Кротов

Центром христианской жизни (во всяком случае, в российском православной традиции) является литургия — то есть имитация Тайной вечери. При всей величественности этого таинства, оно основано на такой грубо материальной вещи, как еда. С религиозной точки зрения возможные пути развития России (не только религиозного, но и социального, экономического, политического) проще всего обозначить, как разные способы есть: пир, застолье, вечеринка, шведский стол.

Пир

Пир — это трапеза с жесткой иерархией, где идет соревнование за милость власти — быть “допущенным к столу”. Социальная модель, порождающая подобные отношения, нацелена на изобилие, но изобилие распределено неравномерно. Иерархизму нужны нищие и калеки, взирающие на пир издалека. Интеллектуал в обществе пира — всего лишь скоморох, призванный развлекать. В обществе пира в России человек готов рискнуть жизнью, лишь бы сесть поближе к Главному. А Князь, организующий пир, раздает свои сокровища (по логике “если раздам дружинникам золотые ложки, они мне новое золото завоюют, а если пожалею им золота, они от меня уйдут”).

Российская история до сих пор была историей пира. Революции и реформы лишь оспаривали порядок возглавления трапезы

и раздачи еды. Религиозные традиции России подкрепляют логику пира. Православная Церковь есть жесткий иерархический организм, в котором один человек возглавляет всю процедуру раздачи, и демократические тонкости при этом неуместны. Даже пост — разновидность пира, потому что проведение поста жестко регламентируется сверху, и каждому участнику предписывается рацион. Литургия есть пир, в котором центр — на алтаре, священник — приближенный к алтарю, и далее — до нищих на паперти.

Сходство с Тайной вечерей здесь обманчиво: да и Христос был во время трапезы не простым участником, а лидером, но за свое лидерство Он собирался заплатить. Ни церковные, ни светские лидеры России не собираются идти на Голгофу, напротив, ради своего главенства распнут столько людей, сколько понадобится, предадут столько “званных на вечерю Агнца”, сколько им покажется необходимым. Званные, разумеется, отвечают тем же.

Застолье

Даже в “обществе пира” люди устраивают застолье “без чинов”. Элита пирует чаще, но основная часть социальной пирамиды предпочитает трапезу, где все равны. Это равенство соседей по крестьянской общине, по сословию, по классу, причем застолье может сосуществовать с неравенством гендерным, или возрастным, смягчая его.

Шведский стол

Застолье — смягченный (с точки зрения похоти власти — “кастрированный”) вариант пира, а шведский стол есть половинчатый вариант вечеринки или party. С вечеринкой шведский стол роднит свобода выбора еды, а отличает отсутствие свободы в выборе партнера. Может показаться, что и в застолье человек сам выбирает еду. В добрый час: отказаться выпивать синхронно со всеми, отведать “демянковой ухи” — значит оскорбить хозяина и всех собравшихся.

Вечеринка

Дух выше материи: американец, с трудом выстаивающий двухчасовую православную литургию, с легкостью проведет

пять часов на ногах во время вечеринки, party. Но разве может считаться серьезным с точки зрения иерархического общества уничтожение еды, в процессе которого нет иерархии, как на пиру, нет демонстрации единства сословия, семьи, профессии, пола, возраста, как на застолье? Зачем стоять, если это не священная трапеза? Русский православный человек, спокойно выстаивающий всенощное бдение, мучается уже через полчаса пребывания на party. Слишком свободно. Он может выбирать не только еду, но и собеседника. Более того: должен выбирать.

Пир духа в России

Представления мира о России близки к внутренним ощущениям: страна, склонная к деспотизму (пиру), но дрейфующая в противоположном направлении. Сценарии еды соответствуют и культурно-политическим сценариям.

За столом российской жизни заметнее всех начальники и кликуши: государственнические и националистические амбиции православной номенклатуры и деструктивные амбиции исламского экстремизма. Религия-прихлебатель и религия-взрыватель. Трудно заметить, что в зале также присутствуют православные либералы и православные же экстремисты. Что мусульмане — далеко не все, кого записывают в ислам татарские националисты, как и православные не все, у кого прадедушка просфоры грыз. Что среди мусульман деление на шиитов и суннитов куда более глубоко, чем среди православных — на старообрядцев и никониан.

Пренебрежение к тому, сколько за столом “рядовых” верующих, отчасти оправданно. Россия — страна с низким уровнем поведенческой религиозности. Даже после десятилетия относительной религиозной свободы еженедельное посещение церквей не поднимается выше 2-3 %. На Западе эта цифра не опускается ниже 15 %, (а в Германии и США — 50 %). Не только мало веруют, но и низко ставят веру. На первом, втором и последующих местах — деньги. “Власть”, “собственность”, “политика” воспринимаются как псевдонимы денег. Налицо вытеснение религии из сознания. Это нормально: Россия есть постреволюционное общество, а не постмодерное общество. Более того, это общество не осмыслило своего прошлого и старается его вытеснить из сознания. Это привело к тому, что коммунистические стереотипы продолжают функционировать.

Большевизм виден в отношении интеллектуалов к религии. Российский интеллектуал в политике предпочитает идти на мировую с Церковью, а в теории остается марксистом, убежденным, что религия есть опиум народа, а все решает соотношение производительных сил и производственных отношений. Повышенная антирелигиозность российской элиты отражает скрытый страх перед религией. Мир сводится к материальным факторам. Человек воспринимается все еще лишь как “винтик”, неспособный не то что к творчеству, но даже к точному выполнению распоряжений сверху. Мысль, что распоряжениями сверху можно загубить всякое развитие, посткоммунистической душе пока непонятна.

Может ли застолье кончиться хорошо?

Современная российская “духовность” унаследовала от коммунизма оптимизм, но унаследовала и разочарование в коммунизме. Парадоксальное, тупиковое состояние, точно соответствующее идеалу праздника: выпивка — горячие признания в любви — пьяный мордобой. И после мордобоя все-таки надежда на то, что это — не последняя выпивка. Цикл, начинающийся с самообмана, веры в очередного царя и заканчивающийся битьем посуды и истощными воплями, может повторяться до бесконечности. Это — нереалистичный сценарий.

Присутствие за столом жизни религиозных людей придает трапезе отрезвляющий оттенок. Именно потому, что религиозное сознание имеет опыт личного прозрения и личной святости, оно не поддается искушению поверить в возможность распространения этого опыта на множество людей. Благодать возможна, но не обязательна, а потому нравственность покоится не на благодати, не на общественном договоре, даже не на религии, а на законе. Здесь религиозное сознание очерчивает пределы своих полномочий и обнаруживает готовность сосуществовать как с другими религиями, так и с секулярным сознанием.

Вечеринка веры

Единственный вариант развития религиозной ситуации, который исключен для России, как ни странно, именно тот, которого больше всего боятся — американский. Кратковременное при-

нятие американской модели свободы совести (свободы почти неограниченной) в 1990 г. было одной из причуд исторического процесса. Для американской религиозности вера существует в напряженной динамике личности и общины. Личность может принять общину, может выбрать “внеконфессиональное” христианство. В рамках этой модели могут существовать и все прочие — американская модель довольно быстро переустраивает их, лишая “яда” коллективизма.

В России путей к этому сценарию не просматривается: слишком низок уровень религиозности, к тому же религиозность основана на родовом принципе. Тем не менее в определенной дозе “вечеринка веры” происходит. В России сперва воспринимали все, пришедшее из США, как нечто целое и лишь потом увидели, что мормоны — более коллективистичны, чем комсомол. В этом смысле питать надежды на то, что религиозность, импортированная с Запада, повлияет на российскую политическую действительность или культуру, не приходится.

Кухонные посиделки как опора несвободы

Символом скрытой и кастрированной оппозиции режиму в России стали посиделки — трапезы на кухне, островки внутренней свободы. Посиделки — своеобразный вариант шведского стола, при котором выбор блюд свободен, участники демонстративно не обращают внимания на то, кто что принес, потребляя кильку и “три семерки” или ограничиваясь курением. Принципиальна возможность выбрать, с кем сидеть, и долгосрочная верность этому выбору.

Если Россия Ельцина была ближе к ситуации пира, что ассоциировалось с пиром во время чумы, то Россия после Ельцина стала тяготеть к психологии посиделок. Демонстрация богатства, раздача даров не афишируются. Подчеркивается равенство, скромность, даже аскетичность. Закусываем, чем Бог послал: мы сюда не жрать пришли, а продемонстрировать единство.

Проблема идеологии посиделок в том, что они исключают работу. Любой другой вид трапезы — в интервале между трудом, а для посиделок труд — это интервал. Момент, когда выясняется, что жрать уже нечего, наступает далеко не всегда, поскольку вдруг дверь распаивается и появляется заезжий американец (немец) с кучей пакетов. Ему срочно понадобилась брошюра Круче-

ных (или нефть, или помощь в борьбе с международным терроризмом), и он, стараясь не принимать, осторожно подсаживается к столу. Он привез достаточно, чтобы покрыть стол чистым золотом, и угол стола могут позолотить, хотя потом будут тушить об него окурки.

Трапеза как поле боя

Примером того, как пространство трапезы определяет политический ландшафт, служит борьба неправительственных организаций с правительством за то, на какой территории будет происходить общение. Кремль заманивает правозащитников на свою территорию, некоторые сдались и в Кремль вошли. Формально не важно, где происходит встреча, даже неприлично отказываться идти к радушному хозяину. Кремль стилизует отношения с подданными под кухонную посиделку, где все равны, где президент — свой, просто вот досталась человеку такая скучная работа. Поэтика “скучности”, “сероватости” педалируется сторонниками сильной власти. Предпочитают предстать слишком простыми, чем отвечать за происходящее в качестве главы дома. Но реально все понимают, что там, где власть и иерархия, любая вечеринка или посиделка превратится в пиршество, где “разговор с властью” совершенно неуместен, а возможны лишь тосты и здравицы.

Гражданское общество адекватно выражается именно в вечеринке с максимальной свободой выбора партнера и потребляемых продуктов, с заведомым неприятием задержки в общении с кем-либо в ущерб другим. Тоталитарное общество воспроизводит ситуацию пира, где на одном конце — изобилие и возгласы, а на другом — нищие, Даниилы Заточники и зэки. Гражданское общество рождает бесплатные передвижные кухни, российское общество подобные инициативы пресекает, решаясь даже на скандалы (выдворение из Москвы Армии Спасения и “Врачей без границ”). Голодных может кормить только власть (власть все получает от подданных, но произносить это вслух неприлично).

Как же строить в России гражданское общество? Посещая любые трапезы, участвуя в любых (кроме криминальных) социальных ситуациях, следует поощрять те из них, в которых иерархическому началу и предопределенному репертуару возможностей противостоит равенство возможностей и максимальная свобода выбора партнера.

В определенном смысле именно религиозный взгляд на российскую ситуацию наиболее пессимистичен, ибо не разделяет оптимистической надежды на то, что люди поймут выгодность этики. Эта выгодность — миф, хоть и сыгравший конструктивную роль в эпоху Просвещения. Не само по себе нравственное поведение выгодно. Выгодна ситуация, в которой и мерзавец, и святой, и богач, и бедняк имеют возможность максимального выбора, а не максимального заработка. Когда из-за стола государства российского выкидывают чеченцев за то, что нерусские, иконоборцев — за то, что попирают православную святыню, то-реадоров, гомосексуалов, мунистов, — это все ограничивает выбор блюд и партнеров. Поощрять нужно не “доброе и вечное”, а разнообразное. На свою тарелку надо класть, что любо, а на витрину шведского стола — все, что можно придумать.

В религиозной сфере это означает, что поощрять нужно не господствующую церковь и не “новые религиозные движения”. Поощрять нужно возможности встречи этих сторон. Запад не потому Запад, что он экспортирует гамбургеры и макдональдсы, а потому что он импортирует кухни всех культур, с которыми знакомится.

Каким будет наш пир?

В России возможно сохранение “общества пира”. В лучшем случае это будет похоже на Грецию. Коллективизм внутри христианства всегда будет отличаться от коллективизма ислама, иудаизма или тем более родовых религий — Евангелие слишком громко и часто ругает семью. Хотелось бы, конечно, не греческого банкета, а итальянского. Итальянская модель включает в себя независимую от государства церковь, обладающую огромным влиянием на общество и на государство. Это церковь, с которой отождествляет себя большинство населения, отождествление это происходит через семью, через род. Церковь способна в критические мгновения противостоять власти, а Власть — удержаться от соблазна стереть ее с лица земли. Лозунги итальянской демократии: “Свободная Церковь в свободном государстве” и (позже) “Свободная Церковь рядом со свободным государством”. О свободе личности не упоминается ни в одном лозунге, и это не случайно. Интеграция в Европу ослабляет родовое христианство.

Эта модель так же, как и американская, в России вряд ли возможна: коллективистская традиция слишком капитально разрушена революцией. Казенный коллективизм убил коллективизм родовой.

Секуляризация: каждый платит за себя

Иногда встает вопрос: кто, собственно, оплатил продукты и их приготовление? В религиозной сфере тенденция, при которой каждый платит за себя, обозначается как секуляризация — превращение религии в частное дело. Причем, частным делом может быть и религия коллективистского типа. Можно устроить в складчину и пир. *Психологически* секуляризация легко опознается по религиофобии. В секулярном мире верующие и неверующие одинаково опасаются организованных форм религии, даже если сами их используют. Всегда и всюду проповедь, миссия, сотрудничество с государством были естественными для религии действиями. Секуляризм подозревает в них попытку манипуляции человеком и обществом. *Экономически* секуляризация означает сокращение государственных расходов на религию. Атеистическое сознание утверждает, что чем выше уровень финансирования религии государством, тем ниже реальная религиозность, выражаемая в посещении церквей. Действительность, однако, сложнее. Высокая посещаемость в США и Франции действительно соседствует с нулевым финансированием из казны, но в Англии и в России активное финансирование соседствует с низкой посещаемостью, а в Италии — с высокой. *Юридически* секуляризация означает стремление к свободе совести. В России с 1992 г. стало модно свободу совести именовать “американской моделью свободы совести” (подразумевая, что она не подходит для России). Но “американская модель свободы совести” — просто нормальная модель свободы совести, свободная от примеси средневековых представлений. Не существует “национальных” противопоказаний для американской модели свободы совести, как не существует “национальных кулинарных традиций”, которые бы предусматривали нежелательность использования чистой питьевой воды.

Ссылки на “европейскую модель” есть лукавство: во всей постхристианской Европе идет движение именно к “американской” модели свободы совести, и по мере европейской интеграции это движение будет нарастать. В одной стране за другой прекращается государственное финансирование религии по признаку “традиционности”.

Символическая православизация

Специфика российского сценария религиозной реставрации заключается в поверхностном характере этого процесса. Умерен-

но реакционный православный публицист М. Шевченко в 1998 г. назвал такую реставрацию “православизацией”.

Московская патриархия имеет существенные преимущества по сравнению с другими конфессиями, но они не содержат властных полномочий. Государственное финансирование совершается в основном в обход закона, через включение представителей Патриархии в состав нефтедобывающих компаний или через разовые дотации Патриархии от предприятий, поставленных перед необходимостью выглядеть “правильными гражданами”. Классический пример — финансирование строительства храма Христа Спасителя.

Светские лидеры определяют, на что пойдут деньги. Патриарх был против восстановления храма Христа Спасителя, но воля московского мэра оказалась сильнее. Патриарх оказывается в роли догоняющего, освящающего церкви в пансионатах Газпрома, в Генштабе и т.п. Патриарх официально входит в кремлевскую номенклатуру, входит (с приходом Путина) в первую пятерку “влиятельных политиков”. Но в выработке конкретных политических решений Церковь не участвует. Власть может вторгнуться в сферу полномочий Патриарха (яркий случай — похороны Романовых), игнорируя его протесты.

Светская власть все чаще манипулирует церковной. Например, в ходе полемики по вопросу о смертной казни верхушка Московской Патриархии выступила с одобрением оной, после чего президент озвучил гуманистическую позицию, вынудив иерархов срочно и резко менять курс. Ситуация повторилась после террористических актов в США, когда заявления лидеров Патриархии оказались более антиамериканскими, чем реакция Кремля.

Символический характер реставрации православия в качестве государственной религии проявляется в отказе властной элиты законодательно закрепить преимущества Патриархии. Соглашения Патриархии с различными министерствами открывают ей доступ к тем секторам общества, где сохраняется высокая степень зависимости человека от государственной власти или где способность человека к самостоятельному принятию решений ослаблена: в тюрьмы, в военные части, больницы, школы. Но даже в этих стратах Патриархия не имеет абсолютной монополии на деятельность.

Православизация, в отличие от настоящей реставрации, имеет четко ограниченные пределы: властная элита готова отдать Церкви на откуп низшие слои, готова приодеть церков-

ников для придания блеска государственным актам, но сама подчиняться ей не желает и допускать к своим детям не будет категорически.

Алармистский антиклерикализм

Как и на Западе, антиклерикализм в России выполняет алармистскую функцию, преувеличивает влияние Церкви и степень религиозной реставрации, чтобы не допустить реального, а не символического возвращения религии в политику. Налицо символическая реставрация религии, вызывающая символические же протесты.

Если интеллектual оказывается в конфликте с Церковью — например, в качестве директора музея, хранящего конфискованные большевиками церковные ценности, — он ограничивается традиционным обращением к руководству через газеты (под видом апелляции к общественному мнению).

Завышение угрозы зомбирования

В начале 90-х годов газеты стали публиковать, а политики пересказывать материалы, изображающие отдельные религии в черном свете: социально деструктивные, склонные к терроризму, каннибализму и человекоубийству. Апогея такие кампании достигали в травле “АУМ Синрике”, Белого братства, Церкви Объединения (мунистов) и, наконец, в антиваххабитской истерике.

Но в США случаи массовых самоубийств на религиозной почве не повлекли к ужесточению законодательства; в Японии “АУМ Синрике” не была запрещена, а ваххабизм остается respectable направлением ислама. В России эти движения стали подвергаться запрету. МВД и другие ведомства организовали работу по “антисектантской” пропаганде. Возник термин “религиозная безопасность России”, нацеленный не на радикальные движения, действительно угрожающие здоровью личности, а на “американский” баптизм. Страх перед “зомбированием” распространен и на Западе, но там он не влияет на судебную и законодательную практику. И уж вовсе отсутствует за пределами России страх перед тем, что “иностранные миссионеры” могут скупить души граждан. В России же этот страх востребован как новая форма для тех чувств и практик, которые ранее выражались в рамках “научного атеизма”.

Завышение религиозного фактора в электоральной борьбе

Симметричным по отношению к сектофобии явлением стали надежды на то, что использование православной риторики привлечет избирателей. Но на практике быстро выяснилось, что не только сектанты, но и “традиционные религии” не способны увлечь людей. Социологические опросы показывали, что даже те, кто ставит православие в центр жизни, не считают духовенство советником в политических вопросах. Антиклерикализм действительно оказался не только антицерковным, но и внутрицерковным явлением. Сказалась и уникальная черта постсоветского избирателя: текучесть сознания. Бытовой антиклерикализм отступает на второй план перед националистическим уважением к Церкви, но уважение к Церкви исчезает, как только Церковь пытается выступить участником не только политической, но и общественной жизни.

Отсечение фундаментализма

Модель христианства — умеренно коллективистская модель, и поэтому не приходится рассчитывать на торжество крайнего индивидуализма, но и не стоит бояться торжества фундаментализма. Христианство — это все-таки не ислам и не конфуцианство, в рамках которых возможны кошмарные сценарии. Не случайно действительно агрессивный национализм в России очень быстро проскакивает “православную” стадию и начинает позиционировать себя как “языческий” конструкт. Это не означает, что в России невозможен “крайне плохой” сценарий. Но самый скверный сценарий в России будет иметь черты, характерные для христианского ареала.

“Частная религиозность”

В России, как и в других странах постхристианского мира, наибольший динамизм показало не православие, а так называемые харизматические движения, где возможность выражения религиозных эмоций повышена, а ориентация на социальное действие — понижена. На Западе эти движения в последние двадцать лет переживают настоящий взрыв. В США он ослабил епископальную церковь (церковь политической элиты) и бапти-

стов. С 1970-х годов харизматы проникают во все страны пост-христианского ареала. В постсоветской России это Богородичный центр, последователи Виссариона, Белое братство и др. Будучи в полной изоляции, эти движения выжили и продолжают развиваться. Их члены на поведенческом уровне реализуют те ценностные установки, которые другие члены общества лишь декларируют: ответственность, трудолюбие, взаимовыручка, упорядоченная соревновательность.

Встает вопрос: на какой стадии число приверженцев новых религий становится фактором, необратимо влияющим на будущее. Пока ни в одной модернизированной стране, этот фактор не стал критическим. Речь идет все-таки о меньшинстве.

Распространение новых религий — единственный настоящий симптом либерализации российского пространства. Сторонники демократических реформ на эти движения внимания не обратили. Между тем, существование этих движений показывает, что психологически люди готовы к интеграции в западную цивилизацию.

НАКАНУНЕ

Разговор под коломенским дубом

Яков Кротов

В один из тех душливых летних дней, когда жизнь на улицах Москвы испаряется, в небольшом кафе “Вокруг дуба” в Коломенском был занят всего один столик.

Четверо собеседников пенсионного возраста явно не были пенсионерами. Один из них, по-видимому, бизнесмен то и дело деликатно отстранялся от стола, говорил по телефону, непринужденно переходя с русского то на английский, то на какой-то восточный язык. Небольшой компьютер он достал из бумажника и развернул его перед собой на столе сразу, как только уселся. Он взволнованно поглядывал на экран, даже пролил кофе на компьютерный лист, и официантка долго промывала мерцающее полотно под краном, а потом быстро высушила перед кондиционером. У остальных, собравшихся в кафе, тоже наверняка было что положить на стол (один из них одет в рясу, но и у ряса есть карманы). Они, однако, попивали кто кофе, кто чай, а один из собеседников, судя по выхоленности и манерам, дипломат, заказал чай зеленый. Священник и дипломат сидели друг против друга не случайно: бизнесмен и учитель (а у четвертого собеседника на пиджаке блестел значок с надписью “Отличник народного просвещения”) явно помогали первым двум найти общий язык.

Священник. Дорогие мои, меня ждут в больнице, в другой больнице и в крематории, а после этого в третьей больнице, но уже в качестве пациента...

Дипломат. Что-то серьезное?

Священник. Не надейтесь! Поэтому я, наверное, все-таки вас покину. Общество приятное, а идея совершенно безумная. “Встретим столетие Великого Октября объединением всех религий!”

Дипломат. Я разве что-то сказал про величие Октября? Приношу свои извинения.

Священник. Во всяком случае, так это поймут.

Дипломат. В этой ситуации, прежде всего, вы будете определять, как вас поймут. Во Франции праздновали же и сто, и двести лет революции, причем при любых режимах. Праздновали в том числе и те, кого французские революционеры не пощадили бы. Про Англию вы знаете не хуже моего.

Священник. Я уже сто лет слышу разговоры про то, что все черненькие, все прыгают и что “комиссар” — слово французское. Вот и передайте государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят. Лучше уж откровенное, всемирносорное антизападничество, чем такое западничество, как у вас, когда наклеят на просфору ярлычок “эклер” и предлагают угощаться.

Учитель. С каких пор, батюшка, ты просфоры разлюбил...

Священник. Я и эклеры приемлю, и просфоры целую, только мне не нравится, когда вывески перевешивают. И мы здесь собрались, чтобы сообщить мне пренеприятнейшее известие: что мои друзья просят меня помочь перевесить очередную вывеску.

Дипломат. Что вы имеете в виду?

Священник. Столетний юбилей революции отмечать можно и нужно, но не всеобщим братанием (с этого как раз революция начиналась). Коли уж на то пошло, можно было бы очистить Красную площадь от большевистских могил. Можно было бы вернуть нобелям и шнобелям собственность, которую у них отобрали...

Бизнесмен. Много отобрали?

Священник. Во-первых, много, во-вторых, мал золотник, да дорог, а в-третьих, все это не имеет значения. Важно не делать вид, что все хорошо, когда все плохо. Церковное ханжество скверно, но секулярное в тысячу раз хуже.

Учитель. Дорогой, все это мы слышали тысячу раз.

Дипломат. Не “мы”, а вы. Я слушаю если не впервые, то все же с интересом.

Священник. Да вы, сударь, не чиновник МИДа, а дипломат!

Дипломат. Только не говорите об этом моему начальству. (Общий смехок). Мне просто повезло: я занимаюсь любимым делом, микшируя и связывая то, что в принципе смикшировать и связать невозможно.

Священник. Видите ли, такое понимание дипломатии мне кажется выросшим именно из Евангелия, где Иисус дает своим последователям власть вязать и решить — то есть не вязать веники, как можно было бы подумать, а связывать и развязывать. Достойно и праведно. Но, с другой стороны, как говорил гражданин, выноса, которого я требую, чтобы объединиться, надо сперва размежеваться.

Дипломат. Это вы про общественный комитет по межцерковному единству?

Священник. Забавно: в этом году еще юбилейчик, на месяц раньше революционного: двадцать лет действует закон против свободы совести. Один из тех законов, которыми реставрировался совок.

Бизнесмен. И сейчас совок?

Священник. Можете говорить “государственный капитализм”. Тут оксюморонность не так очевидна, как в “жареном льду”. Что жареный лед — это бред, всем понятно, а что государственный капитализм — не капитализм, как и государственная церковь — не церковь, это, естественно, понять труднее. Неважно. В любом случае, я не могу пойти на встречу, куда кто-то не сможет пойти лишь потому, что он уверовал не так, как я, и не пятьдесят лет назад, а пять лет назад.

Учитель. Заметь, что ты единственный, кто откажется.

Священник. И единственный, с кем вы будете вести переговоры до отупения, потому что не прежние нынче времена. Купила кончились, делить нечего, сосать из казны нечего, а что есть, то не дадут.

Учитель. Чем хуже, тем лучше. Чисто большевистская логика.

Священник. Этой шутке в обед двадцать лет. Еще в первую чеченскую войну умные люди объясняли, почему те, кто защищают чеченцев, большевики. Вообще, почему все, кто против Ельцина, большевики — от французских интеллектуалов до американских президентов. И где теперь те защитники? Париж, Лондон, далее везде, куда пустят. Сколько они говорили про то, что Россия нормальная страна, что вот дайте срок и изобретем что-нибудь такое, отчего вырвемся в лидеры прогресса и счастливы будем — кстати, счастье обещали почти акkurat к этой самой годовщине. Жили накануне — накануне счастья, накануне порядка, накануне локтя, который вот-вот укусишь. И дождались: изобрели, только американцы. И остались мы со своей нефтью, которая теперь никому не нужна. Теперь вот другой канун придумали: юбилей революции.

Дипломат. Так ли уж важен повод, если власть хочет помочь объединению церквей?

Священник. Если бы не эта самая власть, в России сейчас не было тридцати православных церквей.

Бизнесмен. Как тридцати?

Священник (мрачно). Вчера Свободная Старостильная Непоминающая церковь Великих Россиян — это бывшая наша екатеринбургская епархия — провела собор, который прошел в такой теплой обстановке, что теперь у нас есть еще и Свободная Старостильная непоминающая и не состоящая на учете церковь. Это ни много ни мало, три сотни приходов, которые не желают состоять на учете в министерстве защиты собственников, и их очень можно понять. А началось все, между прочим, с того, что очередному кесарю очень захотелось вот так же, в порядке очередной потемкинской деревни, поприветствовать в Кремле римского папу. Доприветствовались.

Учитель. Только вот не надо этих разговоров про то, что все хорошее от Церкви, беречь ее надо, что без закона Божия мы бы друг друга перерезали и вообще честный бизнес возможен только при православном понимании ипостаси. Если я помогаю с этой чертовой конференцией, то лишь потому, что без альтернативщиков вроде тебя в юбилейном компоте будет не хватать остроты.

Священник. Думаю, что причина в другом. Что до того, что православные слишком много о себе думают, то прошу прощения: это как раз атеисты или, во всяком случае, деисты вроде Юма и примкнувшей к этому антиквариату двести лет спустя российской интеллигенции полагали, что они смогут всех облагородить и на пальцах доказать: честным быть выгодно, конкурента давить невыгодно и т.п. Церковь всегда знала, что человеку наплевать на свою выгоду, что человек — существо глубоко изуверченное грехопадением, способное выколоть себе глаз, чтобы ближний лишился двух. Именно поэтому я подчеркиваю: решение Путина пригласить Папу в Россию вопреки воле Патриарха было результатом не лучших, а худших сторон его натуры. Так сказать, приглашай и властвуй.

Учитель. Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав.

Священник. Я тут единственный христианин, хоть и православный, поэтому я и даю выход гневу. А вы все атеисты, не ведающие смирения, поэтому вы не можете позволить себе и от души высказаться.

Дипломат. Если от души, то вы же понимаете, почему мы к вам обратились.

Священник. Я могу только осторожно предположить. Проблема единства православия и католичества в России есть для большинства людей всего лишь частный случай проблемы западной ориентации страны — раз, и плюрализма внутри страны — два. Парадокс в том, что западничество заключается как в том, чтобы искать единства с теми, кто вне России, так и в том, чтобы терпеть отсутствие единства внутри. А если за дело берется государство, то выходит западничество восточного образца: пряник — на экспорт, кнут — для внутреннего потребления.

Учитель. Что ты брюзжишь! Тебе-то чем плохо? Репутация, деньги, сан, в конце концов.

Священник. Сан, который получен за десять лет до пенсии... Недаром Церковь называют невестой... Если бы не очередной сумасшедший виток внутрицерковной борьбы, не видать бы мне этого сана. И репутацию, и деньги я нажил без него.

Дипломат. Это заметно, и поэтому-то мы обращаемся именно к вам как фигуре авторитетной. Ведь то же самое можно сказать и о нынешнем президенте.

Священник. Ходить бывает склизко... Последние тридцать лет мне последовательно о каждом очередном наследнике Ленина сообщают, что у него “харизма”. Учítывая, что это слово из церковной лексики и означает “благодать Духа Святого”, можете представить себе мои чувства. Благодать Горбачева, благодать Ельцина, благодать Путина... А потом раз — и куда-то благодать эта исчезает как утренний туман, и остается “кабан Борька” и “пидор Путин”. Я не видел в этих персонажах особой благодати, не вижу в этих несчастных и особой греховности. Наши интеллектуалы куда средневековее нашей Церкви, потому что все веруют в доброго царя.

Учитель. Но разве вы не попользовались от того же Ельцина или Путина?

Священник. Не “вы”, а “они”. Иерархи попользовались, а что было делать? Может, католики или иудеи отказывались от каких-то кремлевских пряников? Давали — брали, как и все. Я не получал ничего и предупреждал, что это все на песке. А мне объясняли, что Путин до две тысячи восемнадцатого года. А потом мне таким же самоуверенным тоном объясняли, почему ему было суждено уйти с середины второго срока и почему сие не имеет ни малейшего значения для судеб России. В последнем, кстати, наши объясняльщики совершенно правы. Церковный фактор можно спокойно не учитывать. Было три процента верующих, стало пятнадцать, и большинство из них куда большие антиклерикалы, чем неверующие. Потому что только тот,

кто целует руку священнику, знает, что священник — всего лишь вода в мешке.

Дипломат. То есть вас совершенно не интересует возможность что-то выторговать у власти за вхождение в юбилейный комитет?

Священник. А что может власть дать? Денег я бы не попросил, как вы понимаете, да их уже и нет давно. А все остальное, что я мог бы попросить, власть не даст, потому что она от безденежья, соединенного с вседозволенностью, совершенно одурела. Аборты разрешены на любом сроке, с одной стороны, печатать не разрешено ничего, с другой стороны. Феерический компот.

Учитель. Но ты же можешь сказать все, что хочешь, с амвона или в Интернете?

Священник. Фи.

Учитель. Да, это был не самый сильный ход. Хорошо, что ты предлагаешь взамен? Допустим, никто тебя никуда не тянет, просто — ты стал президентом?

Священник. Это называется сильный ход? Мечты онаниста? Да еще связанного по рукам и ногам. Меня это еще подростком спрашивал дедушка, член партии с одна тысяча девятьсот двадцатого года, между прочим: что ты предлагаешь конструктивно? И вот уже скоро помирать, а я предлагаю все то же самое: не мешайте. Это не я, а власть должна быть связана по рукам и ногам, а она вместо этого только и причитает о том, что у нее мало полномочий. Все хочется самодержавия, а что при самодержавии тоже оказалось мало власти, в голову не приходит. Оставьте людей в покое. Сидите себе в Кремле, гребите какие угодно оклады, но только не мешайте жить. Раньше развращали страну нефтяными деньгами, теперь это кончилось, а разврат продолжается — на аргентинский манер, не в смысле экономики, тут нам еще до Аргентины скакать и скакать, а в старом смысле: три четверти страны работают на оборонку, сто процентов земли у государства, частная собственность — словно конституция при Сталине. Ну как вам сказать: вот в духовной жизни есть тумбочка — Бог, от Него все исходит. У нас такая тумбочка — Запад, и все, что есть в стране мало-мальски настоящего, — на западные деньги. И как в духовной жизни самое безрадостное — это отрицание того, что все настоящее от Бога, так в политической — постоянное поливание грязью всего, что связано с Западом. И свобода совести у нас своя, и частная собственность у нас своя, и демократия у нас своя. Только вот нужда припрет, так не на двор — до очка, а — на финский унитаз.

Бизнесмен. Отче, вы знаете, я ваш большой поклонник, но именно поэтому я позволю себе заметить, что западничество вас

не украшает. Неужели нельзя все то же самое без ссылок на то, как это где-то там у них? Запад ведь стал Западом не потому, что равнялся на кого-то еще, а потому, что старался быть самим собою. Почему бы не судить по конкретным пунктам: свобода прессы, частная собственность, правосудие, а не огулом, вселенской смазью: запад, восток, менталитет. Иначе получается какое-то незападническое западничество.

Учитель. Все смешалось в доме Облонских! И ведь покоен веку в России те, кто проповедуют индивидуализм, ведут себя самым коллективистским образом, а проповедники соборности — отчаянные индивидуалисты.

Священник. Френч не делал Мао Цзедунa французом! Именно потому, что я западник до мозга костей, я могу позволить себе ходить в рясе, тогда как абсолютное большинство духовенства нашего сегодня щеголяет на совершенно католический манер, в костюмчиках с этими коловратками, словно в бабочках. И большевистский деспотизм с самого начала и даже до сего дня подражает Западу — сперва французской революции, потом нацистам, потом американцам, потом опять американцам. И беда не в том, что на бутылке с квасом пишут “кока”, а в том, что это и не квас вовсе, а бурда. В наших антизападниках нет ни русского, ни славянского, а только совершенно безнациональная жажда все под себя загрести.

Учитель. Это все публицистика, а не история. Вы, религиозники, сами ханжески повторяете, что проблема внутри человека, — пока речь идет о чужих проблемах. А как до своей шкуры доходит, так оказывается, большевизм виноват. Но ведь это твой темперамент. Ты бы и при царе все ругал и готовил бы революцию.

Священник. Если бы я жил при царе, не зная о результатах революции, — наверное. Но я-то о них знаю, я посмотрел свет, и этот свет тоже здорово изменился, чтобы в нем не было революций. И я знаю то, чего мой прадедушка не знал: революцией ничего вышибить невозможно. Больше всех — больше тебя, во всяком случае — про недопустимость революционных действий говорят те, кто продолжает поддерживать революционную систему. В конце концов, это для меня вопрос из той же серии, что вопрос о Боге. Может быть так, что Бога нет?

Учитель. Не может, потому что его и так нет.

Священник. Хорошо, а может быть так, что Он есть?

Учитель. Увы!

Священник. Вот точно так же с историей: либо в ней бывают крупные проигрыши, либо нет. Может быть так, что Россия ис-

чезнет? Или что она уже исчезла когда-то? Если Россия не может исчезнуть, то такая Россия никому неинтересна, и прежде всего себе, потому что у беспроигрышной лотереи выигрыш всегда равняется стоимости билета. Это к любой стране относится, но мы-то — не в любой. Может быть так, что Сталин, Путин, Мальцев что-то сделали неправильно и обрушили или такого быть не может? Всякое действие российской власти беспроигрышное? Вот я чувствую — и могу на цифрах показать — что Россия проиграла в свое время и крупно — кончилась, как сказал Волошин. И пока этого не поймут обитатели территории, где она некогда была, проигрыш продолжается, так что седьмое ноября день не всеобщего примирения, а день всеобщего проигрыша. А вам все хочется и рыбку съесть, и ввести ее в состав правительства — посмертно.

Дипломат. Хорошо, что было проиграно в семнадцатом и до сих пор не вернулось?

Священник. Была проиграна реальность. До революции что-то было хуже, что-то лучше, что-то было совсем омерзительно, но все было в реальности. А после революции началась жизнь во сне. Во сне я могу летать, могу разговаривать, целоваться, умирать, но это все не жизнь. Потому что другого рядом нет. Если во сне я погибаю, я сам себя убиваю. Сон может быть кошмарным, может быть блаженным, но это все мои личные кошмары и блаженства. А в жизни блаженство — это другое, и кошмар — тоже другой. Революция уничтожила “другого” как юридическое понятие, осталось только коллективное бессознательное, а нашему — коллективное бессовестное, а все остальное уже потянулось само, так и тянется.

Дипломат. Но ведь бывает, что человек просыпается? Как вы узнаете, проснулась Россия или нет?

Священник. А зачем это знать? Тут ведь как с верой, только наоборот. Паскаль, кажется, а может, Декарт, не помню, предлагал жить так, как если бы Бог был, потому что, если Он есть, то жизнь по-Божьи дает крупный выигрыш, а если Его нет, то все равно ничего не проигрываешь. Если бы вдруг большевизна, как говаривали в первые годы после революции, каким-то чудом действительно благорастворилась, а я бы этого не заметил и продолжал бы жить, сопротивляясь большевизне, то ничего дурного из этого не получилось. Как в том анекдоте про джентльмена, отпугивающего крокодилов. Если крокодилов нет, джентльмен ничего не теряет, если они есть, он выигрывает многое.

Бизнесмен. Так можно всю жизнь угробить...

Священник. Можно. А можно и спасти.

Учитель. Был один джентльмен, только в Испании, с мельницами все сражался.

Священник. Ага! И опять: тут совсем как с Богом, даже не наоборот. Много было бы верующих, если бы Бог не выходил ежедневно, в крайнем случае, еженедельно...

Учитель. Бывшего журналиста сразу видно.

Священник. ...а к учителям в конце четверти. Да, каждый день так или иначе оказывается, что Бог есть. Поэтому и вера. Поэтому и неверие в то, что я дурак и просто не заметил, что Россия стала нормальной страной. Ведь каждый день мне показывают противоположное. Я говорю не об отсутствии частной собственности на землю, не о том, что суды там или Лубянка... Нас это, к счастью, никого не коснулось.

Бизнесмен. Как же!

Священник. Ах ты, Господи, старый я дурак... Прошу прощения. Конечно. Но я действительно имею в виду какое-то ежедневное, мелкое подтверждение. Ну вот, как Розанов сказал, что хам пришел, так ведь каждый день этот хам проходит взад и вперед: когда у входа в метро мы видим танки, когда рядом с нами задерживают лицо некоренной национальности... Да что говорить! Это мы так за много лет притерпелись: сперва научились не замечать людей с автоматами, теперь не замечаем танки. Сперва не замечали, как останавливают армян, теперь не замечаем, как останавливают татар. А самое хамское, что все это нороят выдать за норму: мол, и на Западе так же, а что на Западе говорят, что у них все не так, так это они врут. У нас сталинские репрессии, а у них негров травят. У нас Ленин, у них Вильсон, оба новые системы социальные создавали. То есть берутся Кашей Бессмертный и Эндрю Макфайр, одного чуть припудрить, другому синяк под глаз, глядишь, можно сказать — двойники. У нас вчера пятерых башкир убили в милиции, а из Англии пятерых незаконных иммигрантов выслали — и то, и то этническая чистка, оказывается. На Западе в метро турникеты, и у нас в метро турникеты. А что после турникета каждый обязан предъявить паспорт и справку из жэка об уплате квартплаты и подушного налога, так это не качественное различие, а чисто количественное. Конечно, такие кафе и на Западе есть, и до революции тоже люди в кафе встречались, а на улице был городской, и компьютеры у нас, как у американцев, а ряса у меня, как у греков. Только вот почему-то ни в Греции, ни в Америке не обносят уличные кафе колючей проволокой и не ставят у входа двух автоматчиков. А оправдания меняются: то — чтобы не было мировой контрреволюции,

то — для борьбы с терроризмом, теперь вот — для предотвращения социальных диспропорций... Оправдания меняются, а факты нет: по-прежнему советского человека можно узнать за версту, потому что одет он, может быть, прилично, а на лице все равно написано, что он не уверен, вдруг его сейчас не возьмут за одно место и не сотрут в порошок. Это выражение лица может быть прикрыто величайшей надменностью и самоуверенностью, но все равно не выйдет того, что было до семнадцатого, и сейчас есть всюду, кроме нас да Китая — сознания того, что есть норма, которую нельзя безнаказанно нарушать даже властям, и прежде всего властям. Найдут завтра любого из нас на улице с черепом, в котором будет торчать милицейская дубинка, и рядом удостоверение милицейское, и ничего никому за это не будет, и все мы это прекрасно знаем. Потому что страна накануне кризиса. И вечное накануне... Если деньги есть, то мы накануне нищеты, если денег нет, то мы накануне еще худшей нищеты.

Дипломат. Поэтому вы отказываетесь от сотрудничества даже тогда, когда власть поступает нормально? Вы хотите всего сразу?

Священник. Почему вы так решили?

Дипломат. Потому что идея межконфессиональной конференции совершенно нормальная, а вы отказываетесь.

Священник. Я отказываюсь? Вы меня с кем-то путаете. Если бы я отказался, мы бы здесь не сидели.

Дипломат. Тогда я не очень понимаю, о чем мы говорим.

Священник. Мы говорим о том, о чем говорят все нормальные люди: об условиях. Большевиканство начинается, когда условия выдвигает лишь одна сторона, когда компромисс означает, что я должен поднять лапки и согласиться вступить в третий, четвертый или пятый интернационал, потому что иначе будет хуже, и еще хорошо, если хуже будет мне.

Дипломат. Заметьте, что об условиях речи не было, прежде всего, потому что никаких условий правительство не выдвигает. Оно только предоставляет место для встречи.

Священник. И вот в это место я категорически не пойду. Я не пойду ни в одно место, которое принадлежит правительству, потому что есть люди, которых в такое место не позовут, и даже если бы их не было, остается простой психологический факт: в доме у князя не бывает нехолопов. Пусть даже из вежливости, все будут ходить с искривленным позвоночником.

Дипломат. Помилуйте, а где же вы предлагаете собрать полторы тысячи человек и в течение трех недель их кормить и поить? Не в Патриархии же.

Священник. А зачем три дня? Это и слишком много, и слишком мало, а платить за ночевку иногородних слишком накладно. Арендуются Выставочный центр на Пресне на день, вот и все.

Дипломат. А деньги?

Священник. А откуда бы взяли деньги на трехдневную конференцию?

Дипломат. Действительно, откуда...

Священник. А так деньги дадут участники из тех, кого раньше звали традиционными, да и нетрадиционные тоже дадут, да еще и побольше, немного даст Всемирный Совет Церквей, а еще жертвует многоуважаемый Владимир Иванович.

Бизнесмен. А вы мне, батюшка, потом индульгенцию выхлопочете у папского нунция.

Дипломат. Индульгенцию я вам скорее выхлопочу. Батюшка, чуть помедленнее: откуда возьмутся нетрадиционные конфессии на этой конференции?

Священник. А как же им не взяться, если участвовать будут все, кто захочет? Вы же сами говорите “регистрационный порядок...”

Учитель. Ты с ума сошел? Тогда авторитеты не придут. Ни один из наших четырех патриархов с мормоном рядом не сядет.

Священник. Конечно, сядет, если тут же будет сидеть Вадикин. Ведь у наших патриархов все та же холопская психология, и вся политика для них сводится к тому, кому дать, чтобы получить, кому поклониться, чтобы тебе кланялись.

Дипломат. То есть, если я правильно понял, вы согласны с участием в конференции представителей правительства и президентской администрации?

Священник. Как можно, им единственным из всех наблюдателей будет выделена почетная ложа.

Дипломат. То есть вы предлагаете лишить Вадикина права голоса, любых полномочий и предложить ему просто просидеть все заседание, словно журналисту? Как вы полагаете, он не расценит это как совершенно излишнее унижение?

Священник. Если у него эмоции возьмут верх, то возможно. Я же с ним не имею чести быть знакомым. Но, уверен, что вы сможете ему объяснить, что шоу начнется и без него, а если с ним, пусть даже в качестве наблюдателя, то он получит бесценную возможность наладить связи с теми, кто не хочет с ним связываться. Видите ли, еще лет десять назад чиновник мог что-то дать, а сегодня — нет. Кто не зарегистрирован, тот не зарегистрирован. Умерла так умерла. Вы сами приучили людей обходиться без закона, без домов культуры, собираться прямо как боль-

шевики на маевку, то на квартире, то в морге, то в лесу. И теперь, даже если вы предложите что-нибудь существенное, люди еще подумают, соглашаться ли.

Дипломат. Но вы понимаете, что правительство может не согласиться на такую схему и все-таки организовать конференцию на своей территории и с собой в качестве равноправного участника, а не наблюдателя?

Священник. Конечно. Любые переговоры могут кончиться как удачей, так и неудачей. Утверждать, что выход лишь один, было бы как раз большевизмом. Только учтите, что в результате правительство получит две конференции. Конечно, вторая будет не в Кремле, и даже не на Пресне, потому что деньги Владимира Ивановича не смогут решить проблему, ставшую политической. Вы опять выставите себя посмешищем на весь мир. Конечно, это дело привычное, только вот на дворе не семнадцатый век и даже не две тысячи десятый год. Если бы мы превратились в какой-нибудь Москвостан, конечно, никто бы и не поморщился. Но в том-то и счастье наше (не ваше, а наше), что духу всех сгноить-запороть уже нет. Впрочем, нынче и туркменбаши разные не очень-то... Демократия, зараза, не такая субтильная, как им бы хотелось. Неважно. Важно, что альтернативная конференция практически готова, но мы в любой момент готовы слиться в экстазе с безальтернативщиками, простите за каламбур. Слиться в экстазе. В экстазе, но на нейтральной территории.

Учитель. То есть мы расходимся, так ничего и не решив? Были накануне договоренности, теперь накануне скандала, потому что во вмняемость наших шишек мне верится с трудом.

Дипломат. Наверное, не случайно урок в нашей школе длится столько же, сколько католическая месса. Дипломатам и священникам в сорок пять минут не уложиться...

Учитель. Да уж, почти два часа просидели.

Дипломат. Но зато мы теперь знаем, чего друг от друга ждать, а чего ждать совершенно не приходится. Что может быть лучше!

Священник. Аминь!

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ. СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Денис Драгунский

Предварительные замечания

Социокультурный аспект мы рассматриваем в плане взаимодействия “текст — человек — социальное поведение”. Иначе говоря, в плане производства и потребления текстов (словесных, визуальных, пластических и т.п.), которые так или иначе воздействуют на поведение человека.

Вся масса текстов, произведенных/потребленных в данном обществе, составляет социальную мифологию — то есть зафиксированные и транслируемые в текстах способы переживания, понимания и действия.

Из чего состоит социальная мифология

“Социальная мифология” — чрезвычайно широкое понятие.

Любая текстовая репрезентация социальной реальности, любое ее “объяснение” — даже самое рациональное, в виде цифр социологического исследования или экономической сводки — в некотором смысле является мифичной. Она мифична потому, что воспринимается и понимается прежде всего эмоционально, исходя из уже существующих в нашем сознании мифов. Поэтому же, кстати, она и создается (презентуется) с учетом этих мифов. Это происходит как сознательно (в ходе спланированных PR-кампаний), так и бессоз-

нательно — в ходе повседневного “говорения слов” и написания текстов.

Существует некая “общая социальная мифология” как сводка в единое целое всех текстовых репрезентаций социальной жизни, существующих здесь и сейчас. Нечто похожее на “греческую мифологию” — то есть собрание мифов и картинок. С комментарием, призванным сложить все это в единую систему. Это достаточно громоздкая и внутренне противоречивая вещь. Каждый, кто читал сколько-нибудь серьезный справочник по мифологии, помнит, что там постоянно возникают проблемы и разночтения — кто чей муж и ребенок, кто и от чего погиб и т.д. У одних и тех же героев в разных мифах — разная функция и даже разная судьба. Это очень важное наблюдение, и оно нам еще пригодится.

Реально мы имеем дело с “частными социальными мифологиями” (например, либеральной, националистической и т.п.). Там эти противоречия между функциями персонажей и смыслами событий сглаживаются. Персонажи и события обретают необходимую однозначность. Поэтому в дальнейшем, говоря о социальной мифологии, мы будем иметь в виду именно частную мифологию.

Миф

Слово “миф” мы употребляем в безоценочном смысле. Как нечто, задающее, подтверждающее и транслирующее способ понимания, переживания и действия, а не как нечто “ложное”, противопоставленное “истинному”.

Миф — это социально-смысловой message текста. Потребляется (воспринимается и транслируется по каналам социального опыта) не весь текст, а некая его смысловая часть (аспект, слой, пласт, ядро). Это воспринимаемое и транслируемое — и есть собственно миф. Все остальные особенности текста — упаковка для мифа. Иными словами — текст формируется мифом, и это вполне спонтанный процесс. Бывает, разумеется, что текст сознательно формируется под миф.

Хороший пример мифичности самых вроде бы рациональных репрезентаций — это идущий в мире, и особенно в России, спор о Пиночете. Каждая сторона приводит свои цифры и факты. В конечном итоге все зависит от эмоциональных склонностей автора и читателя.

Мифологема

Следующий уровень — “мифологемы”. Это **устойчивые сюжетно-ценностные сочетания**, формирующие тот или иной миф. Например, “любовь сильнее разлуки”, “успех зависит от усердия”, “жди удачу”, “жизнь — череда несчастий”, “победа только в одиночку”, “Россия гибнет”, “Россия возрождается” и так далее. Мифологемы могут существовать независимо, как пословицы, афоризмы, краткие нравоучения.

Стандартная комбинация мифологем и дает основу, сюжетно-ценностный костяк того или иного социального мифа. Подчеркнем, что мифологемы элементарны, то есть не раскладываются на меньшие части. Например, “преступник, ускользящий от наказания” и “наказание, настигающее преступника” — это две совершенно разные мифологемы, а не два варианта одной. В них преступление и наказание трактуются совершенно по-разному. Поэтому не существуют отдельные мифологемы “преступник”, “наказание”, “ускользать”, “настигать”.

От мифологемы к мифу и обратно

Таким образом, **качественное своеобразие частей, из которых состоит мифологема, полностью обусловлено смыслом мифологемы в рамках данного мифа.** Оговорка “в рамках данного мифа” — не случайна.

Отдельные мифологемы могут принадлежать разным мифам. Например, мифологема “Россия возрождается” может быть частью как либерального, так и националистического мифа. Но это совершенно разные России. Столь же различны представления о возрождении. Все это определяется мифом.

Совокупность мифологем составляет миф. А миф, в свою очередь, обуславливает конкретное содержание мифологем.

Таким образом, одной мифологемы бывает недостаточно, чтобы судить о содержании и смысле данного социального мифа.

В мифе должны быть как минимум две мифологемы. По своей функции (по роли в формировании мифа и далее — текста) мифологемы разделяются на две категории: “каков контекст (ситуация)” и “что надо делать”. Это своего рода “большие мифологемы”, так сказать, **сущее и должное**. Можно также сказать — **подлежащее и сказуемое**. Или, если кому-нибудь больше понравится, это “тема” и “рема” (о чем говорим и что говорим).

Например: “жизнь в целом устроена справедливо” и “все зависит от нашего усердия”. Кстати, именно таков либеральный миф в наиболее общем виде.

Разумеется, это достаточно абстрактное представление либерального мифа. В нем есть место и для мифологем менее значительных, но наполняющих его конкретно-действенным содержанием. Есть место для женской верности и мужской отваги, для полицейского и вора, для бизнесмена и адвоката и т.д., и т.п. Но — в рамках данного мифа, который определен двумя моментами: ПОДЛЕЖАЩЕЕ — мир устроен справедливо, добро и зло незыблемы; СКАЗУЕМОЕ — в этом мире ты добьешься успеха, если будешь уважать эти ценности и при этом working hard.

Предмет, зона и цели наших поисков

Мы ищем мифы, которые позволяют нам говорить о специфике национальной ментальности (умонастроения народа) и соответственно о специфике национальной идентичности в данном (ментальном) аспекте. Иных аспектов идентичности мы здесь не касаемся.

Эти мифы мы ищем в так называемой “массовой” литературно-художественной продукции. Дело в том, что тексты массовой культуры составляют около 97 % текстов, относящихся к “литературе и искусству” (включая кино, ТВ, музыку, эстраду).

Фундаментальной (так называемой “настоящей”, “серьезной”) литературы и искусства мы здесь не касаемся, разумеется, не только из-за количественной мизерности по сравнению с искусством массовым. Дело в том, что **фундаментальная литература подвергает сомнению все ценности и смыслы, которые только попадают в ее поле зрения. А массовая литература эти ценности (чаще всего позитивные) транслирует, преподносит во всей их красоте, бесспорности и житейской эффективности.** В массовой литературе нет места спорам о смысле жизни и оправданию зла. Фундаментальная литература бедна социальностью и богата художественностью. Массовая — наоборот. Это бесконечная игра социальными ситуациями, изложенными простым и ясным языком. Здесь, как в шахматах, неважно искусство, с каким сделана фигурка коня или ладьи. Важно, как она ходит. Таким образом, массовая культура не позволяет себе формальных экспериментов, а фундаментальная — только этим и занимается. Поэтому социальные мифы в фундаментальной литературе плохо просматриваются и ею плохо

транслируются (хотя они там, безусловно, есть). Сказанное никак не обесценивает фундаментальную культуру — просто у нее другие задачи.

Зачем мы ищем мифы? Распознавание и анализ этих смысловых конструкций необходимы для того, чтобы работать в поле ментальности. Согласно известной теории Сепира и Уорфа мы полагаем — каковы тексты, такова и ментальность, а не наоборот. Таким образом, **создание и распространение текстов, несущих определенные сюжетно-ценностные структуры, позволяют (точнее, в принципе могут позволить) модифицировать ментальность и далее — социальное поведение.**

Насколько это похоже на политическую рекламу? В самой малой степени. Политическая реклама работает на уровне конкретных содержательных моментов, на уровне информации. Работа в поле ментальности подразумевает работу на уровне ценностных структур, которые воплощены в текстовых стереотипах. Здесь речь идет не о формировании отношения к лицу или событию, а о формировании отношения к себе и к жизни, о формировании способа восприятия и способа переживания.

Носители и мифы

Специфика мифа достаточно прочно связана с его жанровым носителем и отчасти с физическим носителем, в той мере, в какой эти две вещи связаны (например, мыльная опера как ТВ-сериал, любовные романы как книжная продукция).

Посмотрим на эти соответствия в современной российской социальной мифологии. Мы рассматриваем как оригинальные, так и переводные тексты.

1. Либеральный миф, или Миф достижений

Носители:

- Телевизионная реклама.
- Детективные романы и фильмы, включая “не-мыльные” сериалы.
- Любовные романы (кроме Барбары Картленд и такого типа).
- MTV (отчасти).

Подлежащее — незыблемость добра и зла.

Сказуемое — личные достижения.

Комментарий. Незыблемость добра и зла реализуется в виде таких мифологем, как:

- **Личность.** Герой в основном действует и побеждает самостоятельно, иногда просто в одиночку. Даже действуя в команде, он не растворяется в ней.
- **Свобода.** Во-первых, герой действует по собственному разумению и побуждению, как свободный человек. Во-вторых, он осознает и декларирует ценности свободы в более обобщенном плане (если речь идет о политических детективах).
- **Любовь.** Герой — человек, способный на сильные чувства.
- **Верность** сексуальному партнеру (мужу, жене, любовнику и далекому возлюбленному), семье, группе, команде, корпорации, родине и даже силам добра в мировом масштабе.

Примечание. Выстроенная “иерархия верности” — от сексуального партнера до Мирового Добра — имеет особое значение. Часто бывает, что донжуанистый персонаж (вроде Бонда) демонстрирует твердокаменную верность всему остальному — от своей корпорации до Демократии с большой буквы. Таким образом (как ни странно это звучит в контексте “либерального индивидуализма”), герой может, а иногда должен поступиться личным во имя общественного. (Здесь выстраивается некая параллель с “советским ностальгическим мифом” — см. далее). Однако инверсия запрещена. Если неверность на нижнем уровне может компенсироваться верностью на более высоком уровне, то обратное невозможно. Бросить дело (команду, корпорацию и т.п.) ради женщины — это предательство. Оно обсуждается и оправдывается в фундаментальной литературе, а в массовой — безоговорочно осуждается.

- **Законопослушание** (есть рамки закона, которые не переходит даже самый лихой герой).
- **Моральный императив** (не бей лежачего, помоги несчастному, откликнись на мольбу).
- **Наказание зла** (беззакония, неверности, отрицательного героя) и торжество добра (закона, верности, положительного героя).
- **Политкорректность** — равенство полов и национальностей (чем ближе к нашим дням, тем больше).
- **Телесный канон.** Положительные герои, как правило, красивы и физически развиты, отрицательные — омерзительны. Работает известное соотношение “хорошая блондинка — плохая брюнетка”. Еще раз отметим, что в фундаментальной литературе телесный канон совершенно другой, более

свободный, а часто инвертированный (“пустой красавец” vs “некрасивый, но с добрым сердцем” — см. Советский ностальгический миф).

В ЦЕЛОМ либеральный миф представлен следующей сюжетной конструкцией. В упорядоченном мире возникает некая ситуация, грозящая перевернуть незыблемую иерархию ценностей. Это, прежде всего, преступления разного масштаба и качества (от кражи до глобальных затей доктора Но) — в детективах. Это может быть также злая разлучница или некий внешний катаклизм, разлучающий влюбленных, — в любовных романах. В рекламе угрозой является кариес, бактерии, авитаминоз, грязь, невкусный обед. В рекламе угроза чаще подразумевается задним числом — то есть создается путем презентации “заново упорядоченного мира” (“Ах, как бы ужасно мы жили без прокладок, без холодильников, микроволновых печей и пива”). В MTV происходит нечто похожее — угрозой является оставшееся за кадром “непризнание этой музыки” (хотя иногда достижение успеха данного музыкального коллектива представлено как отдельный сюжет).

2. Квазилиберальный миф, или Миф Удачи

Носители:

- “Мыльные оперы”.
- Любовные романы Картленд и ее типа.
- Развлекательные телепередачи с премиями.
- Эстрадные шоу.

Подлежащее — Незыблемость добра и зла (почти как в предыдущем).

Сказуемое — Удача.

Комментарий. В этой разновидности либерального мифа присутствуют практически все мифологемы “подлежащего”, перечисленные в предыдущем разделе — индивидуальность, любовь, верность, закон, мораль, торжество добродетели. Разве что в телесном каноне некоторые вариации. Блондинка перестает быть безусловной ценностью на всем пространстве данного мифа, поскольку на этом поле много латиноамериканских сериалов.

Но главное — в другом. Совершенно иное “сказуемое” (удача вместо личных достижений) сильно видоизменяет качество мифологем. Личность выступает не как активно действующий субъект, а как объект воздействия злых и добрых сил. Так, в любов-

ных романах Мифа Удачи женщина делает только одно — ждет возлюбленного и блюдет себя (иногда долгими годами). Точнее говоря, она не делает ничего. Действуют для достижения любовной цели только злодейки и интриганки. А в Мифе Достижений женщина активно “борется за свое счастье”, причем в рамках либеральных норм и ценностей.

В этих мифах по-разному представлено время. В Мифе Достижений время течет постоянно, поскольку герой все время совершает поступки, изменяющие ситуацию. В Мифе Удачи время стоит на месте, до тех пор, пока что-то не случится — пока золотая рыбка не махнет хвостом. После этого время снова останавливается, и герои ждут перемен извне. Характерно, что женщина может ждать своего принца чуть ли не десятками лет, не теряя привлекательности (в этом, возможно, залог успеха подобных текстов среди определенных категорий потребителей).

Верность, таким образом, становится пассивной добродетелью. Мифологема верности работает на нижних уровнях иерархии — сексуальные партнеры, семья, реже — команда, еще реже — корпорация. О родине и Мировом Добре речь не идет.

Столь же пассивна любовь. Она стимулирует героиню только к “верному ожиданию”, а не к активным действиям.

Поэтому здесь возникает сильное отличие квазилиберального Мифа Удачи от полностью либерального Мифа Достижений. Отличие в том, что в Мифе Удачи наказанное зло представлено активными людьми (пусть это гнусные интриганы), а победившее добро — людьми, пассивно ожидающими награды за свою “бездейственную верность”.

В ЦЕЛОМ квазилиберальный миф представлен следующей сюжетной конструкцией. В упорядоченном статичном мире происходит нечто неожиданное. В результате герой, а чаще героиня, либо лишается существенных ресурсов (наследства, ребенка, мужа) либо же получает некие авансы на получение таких ресурсов в будущем (встреча с богатым красавцем, весть о завещании и т.п.). Герой (героиня) предается судьбе, избегая грязных интриг, но практически не действует, удовлетворяясь моральной победой над врагами. В финале внешняя сила расставляет все по своим местам.

В телепередачах с премиями часто бывает так, что ведущие (а иногда и зал) пытаются устранить или минимизировать достижительность (усложнение вопросов при успехе, неправильные подсказки, явная антипатия к целеустремленным умникам и симпатия к удачливым простакам).

В эстрадных шоу достижительность также устраняется или сводится к минимуму — постоянство иерархии имен, неподвижность звездной ауры. Популярный, активно тиражируемый околоэстрадный миф о том, что дело не в таланте, а в деньгах, брошенных на “раскрутку”, также не имеет ничего общего с идеей личных достижений. В этом смысле MTV с его калейдоскопом участников значительно либеральнее.

Однако, несмотря на отрицание достижительности, перед нами все-таки, пусть урезанный и ослабленный, пусть “квази”, но все же либеральный миф. Об этом говорит вся его ценностная рамка — уважение к личности, свободе, закону, весьма часто — современное отношение к женщине. Существуют постоянные попытки пробиться из Мифа Удачи в Миф Достижений (сериал “Просто Мария”).

3. Деструктивный миф, или Миф Судьбы

Носители:

- Fantasy (историческая и мистическая фантастика).
- Action (по-русски “убивалки”).
- Thriller (по-русски “ужастики”).

(Все эти жанры широко производятся и потребляются в России).

Подлежащее — Перевернутые понятия о добре и зле.

Сказуемое — Злая судьба, рок, фатум.

Комментарий. Этот миф кажется зеркальным отражением либерального мифа. Здесь все поставлено с ног на голову, если, разумеется, брать за точку отсчета либеральный миф.

А именно — Закон и мораль попираются насилием.

- **Любовь** примитивна, тесно связана с насилием. Можно сказать, что удовлетворение достигается посредством изнасилования.
- **Верность** — только в отношении команды, реже — в отношении корпорации или “воображаемого сообщества” (нации, расы и т.п.).
- **Зло** постоянно побеждает, поскольку на его стороне сила.
- **Добро** выглядит в лучшем случае смешным и чудаковатым.
- **Политкорректность** вывернута наизнанку (женщина — только сексуальный объект, меньшинства — зловредны и т.п.)
- **Личность** способна выстоять в этом мире, только действуя вне морали, применяя насилие и обман.

В ЦЕЛОМ деструктивный миф представлен следующей сюжетной конструкцией. В иррациональном и злом мире появляется некое сверхзло, направленное непосредственно против героя (реже — против команды, корпорации или нации). Герой борется с этим злом в основном путем прямого насилия в сочетании с обманом. Герой побеждает, теряя друзей и соратников, что дает ему повод мстить в следующих сериях (романах). Но в любом случае это лишь частная победа “здесь и теперь”. Вообще же зло непобедимо, судьба неисповедима, жизнь иррациональна, и над всеми — в особенности же над нацией — тяготеет рок. Герой призван не то чтобы спасти нацию (родину) — это в принципе невозможно — а выручить ее “на минутку”, дать ей передышку до следующей битвы.

Интересно, что родина в Мифе Достижений и Мифе Судьбы — это две разные вещи. В первом случае — это вполне рациональное либеральное государство, спасение которого (например, для Бонда и подобных ему героев) является залогом собственного свободного существования. Во втором случае — это иррациональное, в принципе неопишемое пространство, к которому герой испытывает (или заявляет, что испытывает) столь же иррациональную привязанность.

Мы видим, что Миф Судьбы на удивление симметричен Мифу Достижений. Собственно, это националистически-тоталитарный миф, противопоставленный глобалистско-либеральному.

4. Советский ностальгический миф, или Миф Доброты

Носители:

- “Старое кино”, которое охотно крутят и смотрят по ТВ.
- “Ностальгические” телепередачи (“Старый телевизор”, “Старая квартира”, “Старые песни”, “В поисках утраченного”, “Чтобы помнили” и т.п.)
- С некоторой натяжкой — “семейные романы” и “сибирякы” эпохи соцреализма, ныне составляющие небольшую долю массового чтения (П. Проскурин, А. Иванов).

Подлежащее — Сложный, но очень человеческий, добрый мир.

Сказуемое — Отказ от личных достижений во имя идеалов.

Комментарий. В этом мифе присутствуют мифологемы всех предыдущих мифов, но с одной важной спецификой. Многие утверждения опровергаются, но противоречие тут же сглаживается. Например:

- **Личность** в принципе **свободна**,
но должна подчиняться обстоятельствам,
зато как хорошо жить ради великой цели.
- **Любовь** — величайшее счастье,
но от нее приходится отказываться,
зато как хорошо уметь владеть своими чувствами.
- **Верность** слову, дружбе, любви — дело чести,
но иногда приходится выбирать между другом и бригадой
(между родителями и родиной и т.п.),
зато в будущем тебя поймут и простят.

Ценности законности, политкорректности и окончательной победы добра над злом — в общем те же самые, что в Мифе Достижений и Мифе Удачи.

Телесный канон практически отсутствует, поскольку “главное не внешность, а внутреннее содержание человека”. Иногда он присутствует в специфическом виде — “некрасивые симпатии”.

Все сложности, жестокости и даже трагедии в этом мифологическом мире смягчаются “умной добротой”. Можно сказать, что в советском ностальгическом мифе реализовался завет русского философа Константина Леонтьева, который считал, что законы должны быть суровы к людям, а люди должны быть добры друг к другу. Собственно, если заменить слово “законы” на слово “жизнь”, то мы и получим нравственный смысл советского ностальгического мифа. Отсюда следует главный посыл этого мифа — отказ от достижительности. А также своего рода “мистический коллективизм”, то есть перекладывание личной ответственности на виртуальное сообщество — ясно, что это не имеет ничего общего с командным духом из Мифа Достижений.

В поздней советской мифологии, рассчитанной на достаточно утонченного потребителя (читателя “Литературки”), возникла идея духовной высоты на фоне социального смирения. Глашатаем этой идеи стал популярный в 70-е годы публицист Евг. Богат. Одна из его статей называлась “Опыт несвершения”. Человек, по Евг. Богату, не должен стремиться ни к каким успехам и достижениям. Они не принесут ничего, кроме пустоты, одиночества и смерти, духовной и физической. Надо жить правильно — то есть не стремиться ни к чему, кроме внутреннего совершенства. Этот позднесоветский буддизм, а лучше сказать, социальный мазохизм, сейчас находит своего потребителя, что и отражается в высоком рейтинге “старого кино”.

Ошибкой было бы говорить о “ностальгии вообще” — такого явления просто нет. Речь идет о мифологии, которая удовлетворила бы тех, кто:

- не способен на значимые социальные достижения;
- не может просто ждать, пока повысятся зарплаты и пенсии;
- не хочет присоединяться к националистам;
- и при этом озабочен преодолением исторического разрыва 1990-х.

Речь идет в основном о массовой советской бюрократии (врачах, учителях, инженерах, управленцах нижнего звена) предпенсионного возраста.

Таковы вкратце социальные мифологии нынешней России.

Перспектива спонтанного развития

В нынешней ситуации достаточно небольших пропагандистских усилий, чтобы советский ностальгический миф приобрел больше сторонников. При этом он будет теснить именно либеральный Миф Достижений, а также квазилиберальный Миф Удачи.

Именно эти мифы могут пасть жертвой в ходе экспансии советской ностальгии. Потому что советский Миф Доброты — это принципиальная противоположность Мифу Достижений. Тут борьба не на жизнь, а на смерть. А Миф Удачи — это своего рода “мелкобуржуазный вариант” советского мифа о счастье, которое падает с неба. И наоборот, Миф Судьбы очень хорошо совмещается с Мифом Доброты — как, собственно, и обстояло дело в самые мрачные советские времена.

В настоящее время наблюдается тенденция к созданию нового национального мифа. Его наиболее заметными носителями на сегодняшний день стали:

- “Ворошиловский стрелок”.
- “Брат-2”.
- “Сибирский цирюльник”.
- “Менты”.
- “Волкодав” (книжная серия Fantasy).
- “Почему Россия — не Америка” (публицистика Бушкова).
- Публицистика Проханова, Лимонова, Невзорова.

Менее популярными, но заметными текстами были “Телохранитель” и “Золото партии”.

Подлежащее — Трагическая судьба России.

Сказуемое — Призыв к сильной личности (или (реже) команде — “Менты”).

Основные мифологемы этого становящегося на наших глазах мифа:

- **Боец-одиночка** — из Мифа Достижений (остальное либеральное содержание отторгается).
- **Команда** — из Мифа Доброты; через Команду осуществляется стыковка с советским золотым веком.
- **Золотой век** старой России и СССР — из Мифа Доброты.
- **Злая судьба России** — из Мифа Судьбы.
- **Злокозненные чужаки** — из Мифа Судьбы.

Видно, что этот миф создаст, точнее говоря, уже создает благоприятную среду для национализма во внутренней политике, изоляционизма — во внешней политике и для государственного регулирования — в экономике. При этом будет снижаться интеллектуальный и моральный уровень народа. Потребление подобных текстов ведет к “обыдлению” граждан.

Перспектива управляемого развития

Необходимо приложить максимум усилий для укрепления либерального Мифа Достижений.

Подлежащее и сказуемое этого обновленного мифа должны быть прежними — **незыблемость добра и зла и ценность личных достижений.**

При этом необходимо актуализировать следующие специфические ценности:

- Ценность собственного “я”, своих мыслей, мнений, переживаний, умение “заглядывать в себя”.
- Достижения на основе интеллекта.
- Высокий статус образованного человека, ценность карьеры, в основе которой лежат знания.
- Ценность профессионализма.
- Здоровье.
- Преодоление.
- Развитие.
- Уважение к себе и другим.
- Сотрудничество.
- Доверие.
- Командный дух.

- Преодоление исторического разрыва, континуальность русской истории на всех, особенно недавних, этапах.

Перечисленные ценности должны предстать в виде определенных мифологем, включенных в структуру мифа и определяющих содержание текстов.

Социальная мифология как индустрия

Основным актором, ответственным за распространение тех или иных мифов, является бизнес — издательский, телевизионный, шоу-бизнес. Коммерческая мотивация сильнее идеологической.

Стремление расширить рынок ведет к упрощению текстов и далее — к “обыдлению” потребителя. К этому прибавляется характерная для нашей мифологии слабость моральных фильтров.

Однако надо заметить, что русский философский рок (который всегда был сферой поиска смыслов и идей) стал успешной индустрией. Об этом жанре мы не упоминали, поскольку он относится, скорее, к фундаментальной, чем к массовой, культуре — именно в силу направленности на поиск новых смыслов.

Все это позволяет надеяться, что игра на поле социальной мифологии в принципе возможна. Помимо стимулирования создания текстов (оплаты, заказов, конкурсов), необходимо работать в области социальной рекламы, моды и стимулировать активность *opinion makers* в нужном направлении.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*

БУТОРИНА Ольга Витальевна

Доктор экономических наук, заведующая отделом европейской интеграции в Институте Европы РАН. Занимается вопросами валютной политики. Специалист по единой европейской валюте (евро). Имеет более семидесяти научных публикаций. Автор двух монографий (по экономике Испании и международному использованию евро). Считает, что интеграция — это неизбежный процесс, который имеет объективные законы и противоречия, и что интеграция, в том числе и для России, — не самоцель, а средство решения национальных задач.

ВЕТРОВ Герман Юрьевич

Кандидат географических наук, директор направления “Муниципальное экономическое развитие” в Фонде “Институт экономики города”¹. Специалист в области муниципального экономического развития, в том числе в области совершенствования

* Предоставлены авторами

¹ Фонд “Институт экономики города” — негосударственная некоммерческая организация, созданная в 1995 г. в Москве. Экономический аналитический центр, главная цель которого — анализ социальных и экономических проблем развития городов и регионов. Основные задачи Института — разработка и внедрение новых подходов к решению проблем городского хозяйства, финансирования жилья и городской инфраструктуры, муниципального управления, городского землепользования, социальной защиты населения и других вопросов социально-экономической жизни городов.

системы управления местной экономикой, реформирования бюджетно-финансовой сферы, создания привлекательного инвестиционного климата. Принимал участие в реализации проектов Агентства США по международному развитию, ТАСИС, Института “Открытое общество”/Фонд Сороса, Фонда “Евразия”. Избранные публикации: “Планирование экономического развития на уровне города”, “Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований”.

ГЕЛБРАС Виля Гдаливич

Доктор исторических наук, ведущий отечественный китайвед, член Европейской ассоциации синологов, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова. В качестве главного научного сотрудника совмещает преподавательскую деятельность с работой в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Работал в КНР, в институтах АН СССР, России, стажировался в Народном университете Китая, Пекинском университете, выступал с лекциями в университетах и институтах КНР. Автор более 200 опубликованных работ по экономическим, социальным и политическим проблемам Китая и России. Самые последние книги: “Реформы в Китае. Уроки для России”, “Китайская реальность России”.

ГОРБАНЬ Мария Игоревна

Имеет степень М.А. в области экономики (РЭШ), окончила экономический факультет МГУ. Работает в ЦЭФИР. Академические интересы: экономический рост, институциональные реформы, бюджетная политика, внешняя торговля. Участвовала в ряде проектов, связанных с проблемами экономической политики, в частности, в проекте по изучению последствий либерализации внешней торговли (Российско-Европейский Центр экономической политики). Была автором обзоров для журнала “Russian Economic Trends”. Последний завершённый проект в ЦЭФИР — работа об экономическом росте в России (в рамках программы Global Development Network).

ГУРИЕВ Сергей Маратович

Доктор экономических наук, профессор, директор РЭШ² по внешним проектам, соучредитель и член Правления ЦЭФИР³,

² РЭШ — Российская Экономическая Школа.

³ ЦЭФИР — Центр экономических и финансовых исследований и разработок.

научный сотрудник Центра исследований в области экономической политики (CEPR, London). Основные направления работы — экономическая теория, корпоративное управление, реструктуризация предприятий, мобильность рабочей силы. Обладатель Золотой медали Глобальной сети развития за лучшую работу по институциональной экономике, премии “Лучший менеджер РАН”. Преподавал в МФТИ, МГУ, РЭШ, Университете Колорадо, работал в ВЦ РАН, Массачусетском технологическом институте. Имеет ряд публикаций (самостоятельных и в соавторстве) в России, Англии и США, в частности: “Математические модели демонетизированной экономики”, “Microeconomics of Growth Around the World”, “Debt Overhang and Barter in Russia”.

ДРАГУНСКИЙ Денис Викторович

Журналист, политический аналитик. Основатель и научный руководитель Института национального проекта “Общественный договор”. В своих работах анализирует национальную (этническую, культурную, социальную) идентичность, изменения в структуре популяции, в общественном сознании, в жизненном стиле отдельного человека. Убежден, что в ближайшие годы и десятилетия в России и мире будет происходить драматическая диверсификация социальных и этнокультурных групп. Задача ответственных интеллектуалов — осмыслить этот процесс и предложить приемлемую для общества модель координации разнонаправленных групповых интересов.

КЛЯМКИН Игорь Моисеевич

Доктор философских наук, профессор. С 1992 по 1996 гг. был руководителем аналитического центра Фонда “Общественное мнение” (ФОМ). В настоящее время — директор Института социологического анализа, вице-президент Фонда “Либеральная миссия”. Является автором более 300 научных и научно-публицистических работ, свыше 50 из которых изданы за рубежом. Основные публикации: “Теневой образ жизни. Социологический портрет постсоветского общества” (в соавторстве с Л. Тимофеевым); “Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование” (в соавторстве с Л. Тимофеевым). В 1993–1997 гг. в журнале “Полис” (“Политические исследования”) опубликован цикл работ, посвященных своеобразию сознания и ценностных установок постсоветского человека.

КНЯГИНИН Владимир Николаевич

Кандидат юридических наук, генеральный директор агентства “Ресурс-Консалт” (г. Красноярск), соучредитель “Красноярской Краевой ассоциации по связям с общественностью” (“PR-Ассоциации”), эксперт Центра стратегических разработок “Северо-Запад”. Соавтор Доктрины развития Северо-Запада России. Автор ряда опубликованных работ, основные из которых: “Что значит “развивать регионы”, “Государственная политика регионального развития в России” (тезисы), “Стратегия для Сибири” (совместно с П. Щедровицким и А. Тупицыным), “Доклад ЦСИ ПФО 2000 года: На пороге новой регионализации России” (совместно с П. Щедровицким), “Реперция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы”.

КОБРИНСКАЯ Ирина Яковлевна

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, исполнительный директор Фонда Перспективных исследований и инициатив. Политолог, аналитик, координатор десятков проектов. Политически не ангажирована. Одно из основных препятствий развития России видит в традиционном мышлении элит, как российских, так и западных, не соответствующем динамике изменений в мире. Автор ряда книг и статей, опубликованных в России и за рубежом.

КОЗЛОВ Андрей Андреевич

Первый заместитель председателя Банка России. В 1989–1999 гг. работал в системе Госбанка СССР/Центрального банка РФ на должностях от стажера до первого заместителя председателя. Занимался вопросами рынка ценных бумаг, банковского надзора, валютного контроля. В 1999–2002 гг. был председателем Правления “Банка Русский Стандарт”, частным консультантом по вопросам реинжиниринга банковских бизнес-процессов, генеральным директором компании “Мир Аэрофлота”, управляющим директором американской компании Financial Services Volunteer Corps, оказывающей техническое содействие становлению финансовых рынков в странах с переходными экономиками.

КОСАРЕВА Надежда Борисовна

Кандидат экономических наук, президент Фонда “Институт экономики города”. Либеральный экономист. Член Правительственной комиссии по жилищной политике, член Коллегии Госстроя России,

член Экспертного совета при Комиссии по развитию ипотечного кредитования Государственной Думы РФ. Специалист в области жилищной политики, жилищного финансирования и развития рынка недвижимости. Участвует в разработке социально-экономической политики реформирования сферы жилья и недвижимости и формирования законодательной базы ее реализации. Считает, что вопросы экономического развития России нужно решать через систему реформирования городов и развитие местного самоуправления. Убеждена, что сегодняшний и тем более будущий мир — это мир городов. Избранные публикации: “Реформа жилищного сектора России” (в соавторстве), “Реформа системы управления городской экономики в России в 1998-2000 годах”, “Развитие системы долгосрочного ипотечного кредитования населения в России” (в соавторстве).

КРАСНОВ Михаил Александрович

Доктор юридических наук, вице-президент исследовательского центра “Фонд ИНДЕМ”⁴. Специализируется в области государственного и конституционного права. Занимается проблематикой политического экстремизма, судебной реформы, развития федерализма, а также антикоррупционной проблематикой. Один из идеологов и пропагандистов системной реформы власти в России. Противник мировоззренческой и политической неопределенности российского государства. Сторонник конституционной монархии в России, которая, по его мнению, способна защитить демократию и гуманистические ценности. Считает, что России нужно определить общенациональные цели для последующей консолидации общества. В 1995-98 гг. был помощником Б. Н. Ельцина по юридическим вопросам. Автор около 170 статей и книг.

КРОТОВ Яков Гаврилович

Историк Церкви и журналист, ведущий передачи “С христианской точки зрения” на радио “Свобода”. Поддерживает самую крупную в русском Интернете интернет-библиотеку по истории христианства (www.krotov.org). Полагает, что в ближайшее время Московская Патриархия будет превращаться в подобие англиканской церкви: нарастание внешней пышности и почета от государственных деятелей будет сопровождаться утерей духовного авторитета. Попытки правительственной и церковной номенклатуры блокировать развитие независимых от них религиозных движений приведут к обратному результату.

⁴ “Информатика для демократии”.

КУЗНЕЦОВА Валентина Вильевна

Кандидат исторических наук, окончила экономический факультет МГУ. Работает в Государственной академии управления. Ранее работала в ИНИОН АН СССР, преподавала в ряде высших учебных заведений России. Стажировалась в Народном университете Китая. Участница многих отечественных и международных научных конференций. Наибольшую известность получили ее публикации по экономике Тайваня и аналитические обзоры по экономике КНР, с которыми регулярно выступает коллектив ИМЭМО РАН.

КУТКОВЕЦ Татьяна Ивановна

Ведущий аналитик агентства “IQ-маркетинг”. Социолог, работала в Академии наук УССР, с 1988 г. работала во ВЦИОМе и ФОМе, была директором по исследованиям Института социологического анализа. Автор социологических исследований: “Народ и 100 умов” (1990 г.), “Украинцы в России” (1992 г.), “Особый путь России” (1995 г.), “Русская Религия” (1997 г.).

ЛИБОРАКИНА Марина Ивановна

Кандидат экономических наук, исполнительный директор Фонда “Институт экономики города”. Специалист в области социальной политики и развития некоммерческого сектора. Принимала участие в реализации проектов Агентства США по международному развитию, Всемирного Банка, благотворительного фонда Charities Aid Foundation, координировала проведение исследования “Социальные последствия приватизации и их влияние на женщин” в рамках международной программы. Автор более 50 научных и публицистических работ на русском и английском языках, в том числе: “Женщины и приватизация”, “Социальное партнерство: взаимодействие между государственными, коммерческими и общественными структурами. Опыт проведения учебной программы” (в соавторстве).

МАЛАШЕНКО Алексей Всеволодович

Доктор исторических наук, профессор кафедры политической теории факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ.

Член научного совета Московского центра Карнеги. Один из ведущих специалистов в области развития проблем ислама. Занимается исследованием мусульманского мира и мусульманских регионов, проблемами влияния ислама на социально-политические процессы в России и СНГ. Считает, что мусульманский фактор будет возрастать во всем мире, и России придется с этим счи-

таться. Автор 10 монографий, свыше 100 научных статей, а также автор статей в СМИ. Из последних работ: “Исламские ориентиры Северного Кавказа”, “Исламское возрождение в современной России”, “Мусульманский мир СНГ”. Кроме того, выходили книги в США, Великобритании, Индии, Сирии.

НОВИКОВ Алексей Викторович

Кандидат географических наук, член Совета Фонда “Институт экономики города”. Генеральный директор рейтингового агентства Standard & Poor’s EA Ratings. Специалист в области муниципальных финансов, фискального федерализма, регионального и городского экономического развития. Принимал участие в реализации ряда международных проектов в России, в том числе проектов Агентства США по международному развитию, Всемирного Банка, Фонда Форда. Избранные публикации: “Индикаторы структурной реформы субъектов Федерации и муниципальных образований” (в соавторстве), “Что надежнее — регион или его столица? Роль столичных городов в системе бюджетного федерализма. Сборник “Проблемы городов переходных экономик”.

ПИВОВАРОВ Юрий Сергеевич

Доктор политических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Директор Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Президент Российской ассоциации политической науки. Ведет преподавательскую работу в Московском государственном университете, Московском государственном университете международных отношений, Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). Сфера интересов: политическая наука, история, правоведение. Автор следующих монографий: “Политическая культура пореформенной России”, “Политическая культура: методологический очерк”, “Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX веков”, “Русская Система” (в соавторстве с А. Фурсовым).

ПУЗАНОВ Александр Сергеевич

Кандидат географических наук, генеральный директор Фонда “Институт экономики города”. Эксперт в области социальной и жилищной политики, регионального, городского и общественного развития. Эксперт в области социальной и жилищной политики, регионального, городского и общественного развития. При-

нимал участие в реализации проектов Агентства США по международному развитию, Всемирного Банка, ТАСИС в России и странах СНГ. Избранные публикации: “Переход на новую систему оплаты жилья и введение жилищных компенсаций (субсидий) в Российской Федерации в 1994-1995 гг.”, “Российская программа жилищных субсидий в зеркале опросов населения”.

САТАРОВ Георгий Александрович

Кандидат технических наук. Математик, системный аналитик. Президент межрегионального общественного Фонда ИНДЕМ. Преподает в МГУ им. Ломоносова. Член СВОП, член общественного экспертного совета Мирового банка по проблемам государственного управления и коррупции. В 1994-1997 гг. — помощник Президента РФ Б. Ельцина. Автор более 200 научных работ в сфере прикладной математики, политологии, социологии; автор многих газетных и журнальных публикаций. Последние основные публикации: “Россия и коррупция: кто кого”, 1998 г. (в соавторстве), “Эпоха Ельцина: очерки политической истории”, 2001 г. (в соавторстве), “Диагностика российской коррупции: социологический анализ”, 2002 г. (в соавторстве).

СИВАЕВ Сергей Борисович

Кандидат технических наук, директор направления “Городское хозяйство” в Фонде “Институт экономики города”. Один из ведущих российских специалистов в области реформы жилищного сектора. Основные направления деятельности — политика жилищных реформ, передача ведомственного жилищного фонда, муниципальная инфраструктура, товарищества собственников жилья, обслуживание и управление жилищным фондом, муниципальное финансирование. Имеет большой опыт проведения реформ в различных городах страны. Участник проектов Агентства США по международному развитию, Агентства США по защите окружающей среды, Всемирного Банка, ТАСИС и др. Избранные публикации: “Принципы эффективного тарифного регулирования коммунальных предприятий”, “Как эффективно управлять жилищным фондом: теория и практика”.

ТВИГГ Джудит (TWIGG Judyth)

Имеет диплом по физике и докторскую степень по политическим наукам (Массачусетский технологический институт). Адъюнкт-профессор политологии Государственного университета Вирджинии (Ричмонд, штат Вирджиния, США). Изучает систему здравоохранения в России, а также состояние здоровья рос-

сиян и социальные условия жизни в России. Ее исследования (в том числе и частые поездки в Россию) финансировали многие ведущие научные организации Соединенных Штатов. По итогам работы опубликовала ряд научных статей в ведущих западных журналах, а также выпустила несколько книг. Была советником по американо-российским отношениям при Конгрессе и Госдепартаменте США.

ТРУТНЕВ Эдуард Константинович

Кандидат архитектуры, директор направления реформ в сфере недвижимости Фонда “Институт экономики города”. Специалист в области вопросов развития рынка недвижимости в России и правового зонирования.

Имеет опыт участия в подготовке проектов нормативных актов федерального и местного уровней (Земельный Кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и др.). Принимал участие в реализации проектов Агентства США по международному развитию, Всемирного Банка, Института “Открытое общество”/Фонд Сороса и др. международных организаций. Избранные публикации: “Концепция правового зонирования города. Методы разработки на примере Хабаровска” (в соавторстве), “Правовое зонирование города Хабаровска. Установление прав использования недвижимости посредством местного нормативного правового акта”.

ФЕДОТОВ Михаил Александрович

Доктор юридических наук, профессор. Руководитель кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности, секретарь Союза журналистов России. Вице-президент Фонда ИНДЕМ. Член Международного консультативного совета ЮНЕСКО по Культуре мира. Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Эксперт Программы ТАСИС по интеллектуальной собственности. Один из создателей жанра юридической научной литературы — инициативные авторские законопроекты, один из авторов проектов законов “О печати и других средствах массовой информации”, “Об общественных объединениях”, “О средствах массовой информации”, “Об архивном деле и архивах”, “Об издательском деле”. Возглавлял рабочую группу по подготовке проекта закона “Об авторском праве и смежных правах”. Автор около 100 книг и статей по проблемам прав человека и конституционализма, интеллектуальной собственности и международного гуманитарного сотрудничества, один из создателей Кодекса профессиональной этики журналис-

та. В политических партиях не состоял. Лауреат Премии Союза журналистов СССР (1990). Награжден Медалью ЮНЕСКО в честь 50-летия Всеобщей Декларации прав человека (1999) и медалью РПЦ Св. благов. кн. Даниила Московского (1997).

ФУРСОВ Андрей Ильич

Кандидат исторических наук, доцент. Заведующий Отделом стран Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Читает курс лекций в Московском государственном университете. Автор многочисленных публикаций, в том числе, монографии “Русская Система” (в соавторстве с Ю. Пивоваровым).

ЩЕДРОВИЦКИЙ Петр Георгиевич

Кандидат философских наук, руководитель Школы культурной политики, руководитель Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, член Правления Центра стратегических разработок “Северо-Запад”. Советник полномочного представителя Президента РФ в Приволжском Федеральном округе С. Кириенко. Имеет ряд опубликованных работ и интервью, некоторые из них: “Гуманитарные технологии в эпоху кризиса” (интервью М. Шевченко), “Море молодых Мир прогнется под ними?” (интервью А. Никонова), “Русский мир: восстановление контекста” (интервью Б. Межуева и С. Градиловского), “Психоанализ для регионов: у нас есть дефицит времени, но торопиться не нужно” (интервью Ф. Гаврилова), “Государство в эпоху гуманитарных технологий”, “Русский мир и транснациональное русское”.

ЮДАЕВА Ксения Валентиновна

Имеет степень Ph. D. по экономике (Массачусетский Технологический Институт). Директор по прикладным исследованиям ЦЭФИР. Преподает в РЭШ. Интересуется вопросами международной торговли и торговой политики, прямых иностранных инвестиций, вступления России в ВТО, макроэкономической политики в открытой экономике. Имеет опыт работы по системе социальных пособий и их влияния на бедность. Работала в Стокгольмском Институте Экономики Переходного Периода и Российско-Европейском Центре Экономической Политики. Имеет опубликованные научные работы. Ожидается публикация ее книги “Is there new Russia” (в соавторстве с другими работниками ЦЭФИР).

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович

Кандидат экономических наук, проректор ГУ-ВШЭ, директор Института анализа предприятий и рынков. Принимал участие в разработке Стратегии развития России на период до 2010 г. Один из разработчиков федеральной целевой программы “Электронная Россия”. Автор ряда работ по проблемам неформального сектора, бартера, корпоративного управления. Избранные публикации: “О причинах бартера, неплатежей и уклонения от уплаты налогов в российской экономике” (Вопросы экономики, 1999, № 4), “Российская экономика: условия выживания, предпосылки развития” (Вопросы экономики, 1999, №7), “Модернизация экономики: глобальные тенденции, базовые ограничения и варианты стратегии” (М., ГУ-ВШЭ, 2000), “Black cash tax evasion in Russia: its forms, incentives and consequences at firm level” (Europe-Asia Studies, 2001, No.1).

ЯНОВ Александр Львович

Доктор исторических наук, профессор. С 1975 г. преподавал в университетах Беркли, Энн-Арбора и Нью-Йорка. Автор 17 книг, опубликованных в Америке, Англии, Италии, Японии. Три из них вышли в России. Книга “Россия: У истоков трагедии. 1462-1584” — четвертая. Первая ее версия была опубликована 20 лет назад в одном из лучших академических издательств США. Рецензии на нее писали крупнейшие ученые Европы и Америки. Их мнения разошлись. Это не удивительно, поскольку в книге сделана попытка решающего интеллектуального прорыва в ответе на вопрос о природе и происхождении русской государственности. Только ответив на этот вопрос, можно компетентно прогнозировать ее будущее. При всем том книга написана в остроумной и парадоксальной манере и читается скорее как исторический детектив, чем тяжеловесная академическая проза.

Содержание

Предисловие

Д. Драгунский.

Ожидания-2002. Пределы осуществимости 3

Страна 9

М. Краснов, Г. Сатаров, М. Федотов.

Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства 10

Д. Драгунский. Большая перемена 29

Г. Ветров, Н. Косарева, М. Либоракина,

А. Новиков, А. Пузанов, С. Сиваев, Э. Трутнев.

Российская урбанизация на перепутье:
к “городу-саду” или в “город-огород”? 59

В. Княгинин, П. Шедровицкий.

На пороге новой регионализации России 84

И. Кобринская. Сценарии военной реформы в России 108

Д. Л. Твигг. Здравоохранение в России-2015 131

М. Краснов, Г. Сатаров, М. Федотов.

Россия-2015: судьба коррупции и судьба страны 154

Мир 179

О. Буторина. Россия и Европа 180

В. Гельбрас, В. Кузнецова.

Китайский сценарий для России 213

А. Малашенко. Судьба Центральной Азии

и интересы России 234

История 249

Ю. Пивоваров, А. Фурсов. Русская Система:

тезисы и рабочие гипотезы 250

А. Янов. Европа внутри России 272

Экономика 293

С. Гуриев, М. Горбань, К. Юдаева.

Россия в ВТО: мифы и реальность 294

А. Козлов. Сценарии развития

российской банковской системы-2015 316

А. Яковлев. Почему в России возможен

безрисковый уход от налогов 348

Ментальность	373
<i>Т. Кутковец, И. Клямкин.</i>	
Нормальные люди в ненормальной стране	374
<i>Т. Кутковец, И. Клямкин.</i>	
Новые люди в старой системе	382
<i>Я. Кротов. После пира.</i>	395
<i>Я. Кротов. Накануне</i>	407
<i>Д. Драгунский. Социокультурный аспект.</i>	
Социальная мифология	419
Краткие сведения об авторах	434
Содержание	446

Под общей редакцией
В. В. Преображенского и Д. В. Драгунского

Россия между вчера и завтра

КНИГА ПЕРВАЯ ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ

Редактор: С. Петросова
Художник: К. Дорно
Корректор: Е. Миклашевская
Компьютерная верстка: А. Романов
Цветоделение: СПЦ “Принт”

Подписано в печать 21.02.2003 г. Формат 60х88 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1,
Объем 28 п.л. Тираж 1500 Зак.
ИИФ “СПРОС” КонфОП
109012, г. Москва, ул. Варварка, д. 14
Отпечатано в ФГУП “Производственно-издательский комбинат ВИНТИ”,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403
Тел. 554-21-86

